

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

Адольф Гитлер

Б.В. Соколов

Жизнь
под
свастикой



АСТ
ПРЕСС



ИСТОРИЧЕСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

Гитлер. Жизнь под свастикой

Б. В. Соколов

Гитлер

Жизнь под свастикой

АСТ
ПРЕСС

Москва
«АСТ-ПРЕСС»



УДК 929.19
ББК 63.3(4Гем)-8
С59

Соколов Борис Вадимович –
доктор филологических наук,
профессор кафедры социальной антропологии
Московского государственного
социального университета.
Автор более 20 книг и 500 научных статей.

Редактор
Г. Голубкова

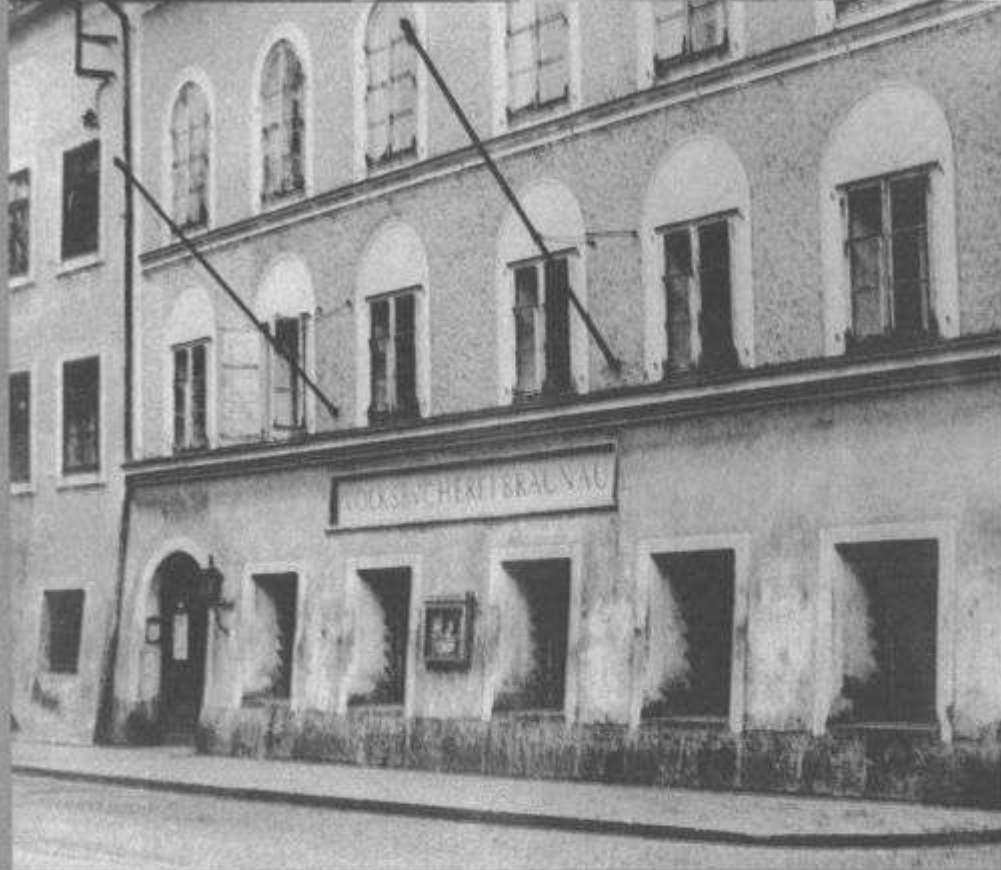
Дизайн серии, макет вкладки, обложка
Т. Кудрявцевой

Художественный редактор
М. Егизарова

На титуле:
Гитлер на трибуне.
Мюнхен, 1925

ISBN 5-462-00100-2

© ООО «АСТ-ПРЕСС КНИГА»



Клара Гитлер,
мать Адольфа

Алоис Гитлер,
отец Адольфа

Гостиница «Поммер»,
где родился
Адольф Гитлер



Адольфу Гитлеру 1 год



Адольф — певчий
в церковном хоре.
Ламбах, 1897



Адольф Гитлер
сражается за Германию.
1914

Ефрейтор Адольф Гитлер.
Западный фронт, 1915



Фронтвая зарисовна
Гитлера.
1916



Адольф Гитлер.
Мюнхен, 1920.



Свастика —
древний символ
Солнца и символ
нацистской партии



Чаша из Суз,
возраст — 5 тысяч лет

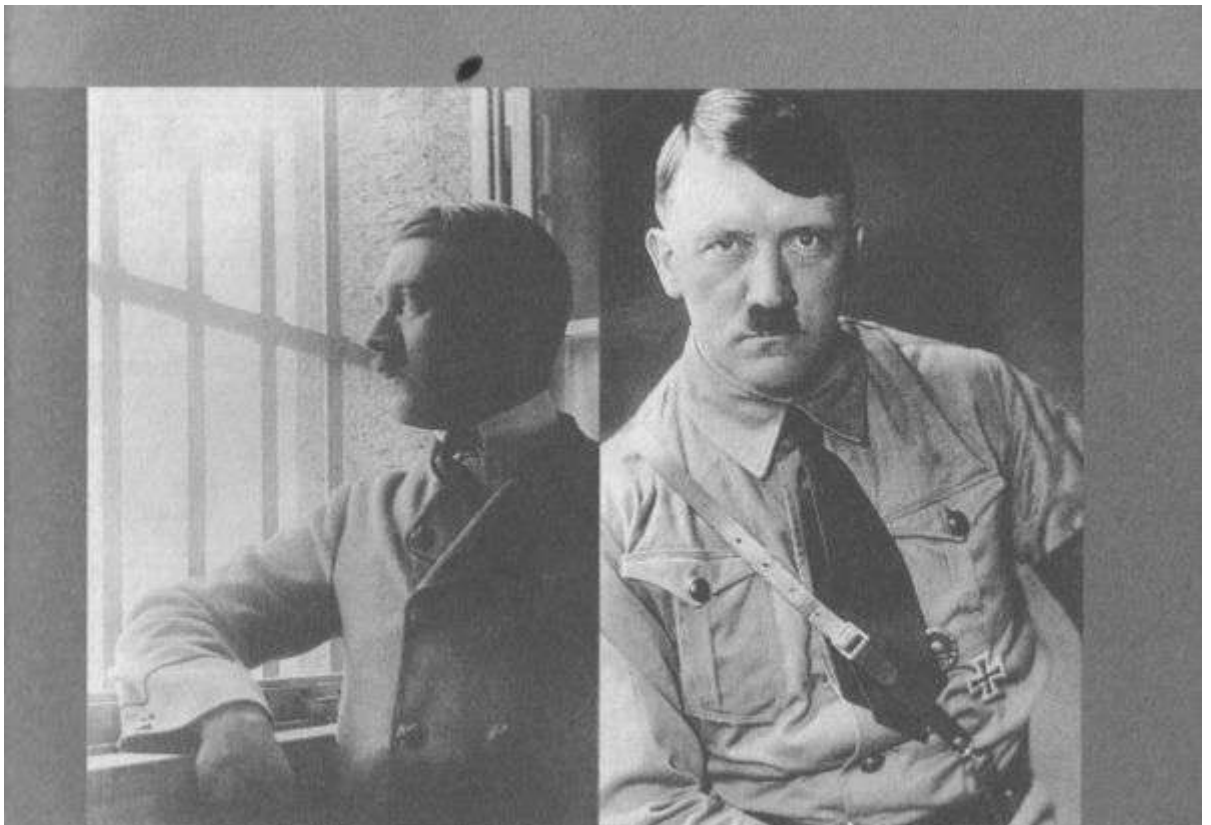


Свастика
над молитвенной
скамеечкой
в монастыре
города Ламбаха



Камера Гитлера
в крепости Ландсберг

Побежденные организаторы
нацистского путча.
Мюнхен, 1923

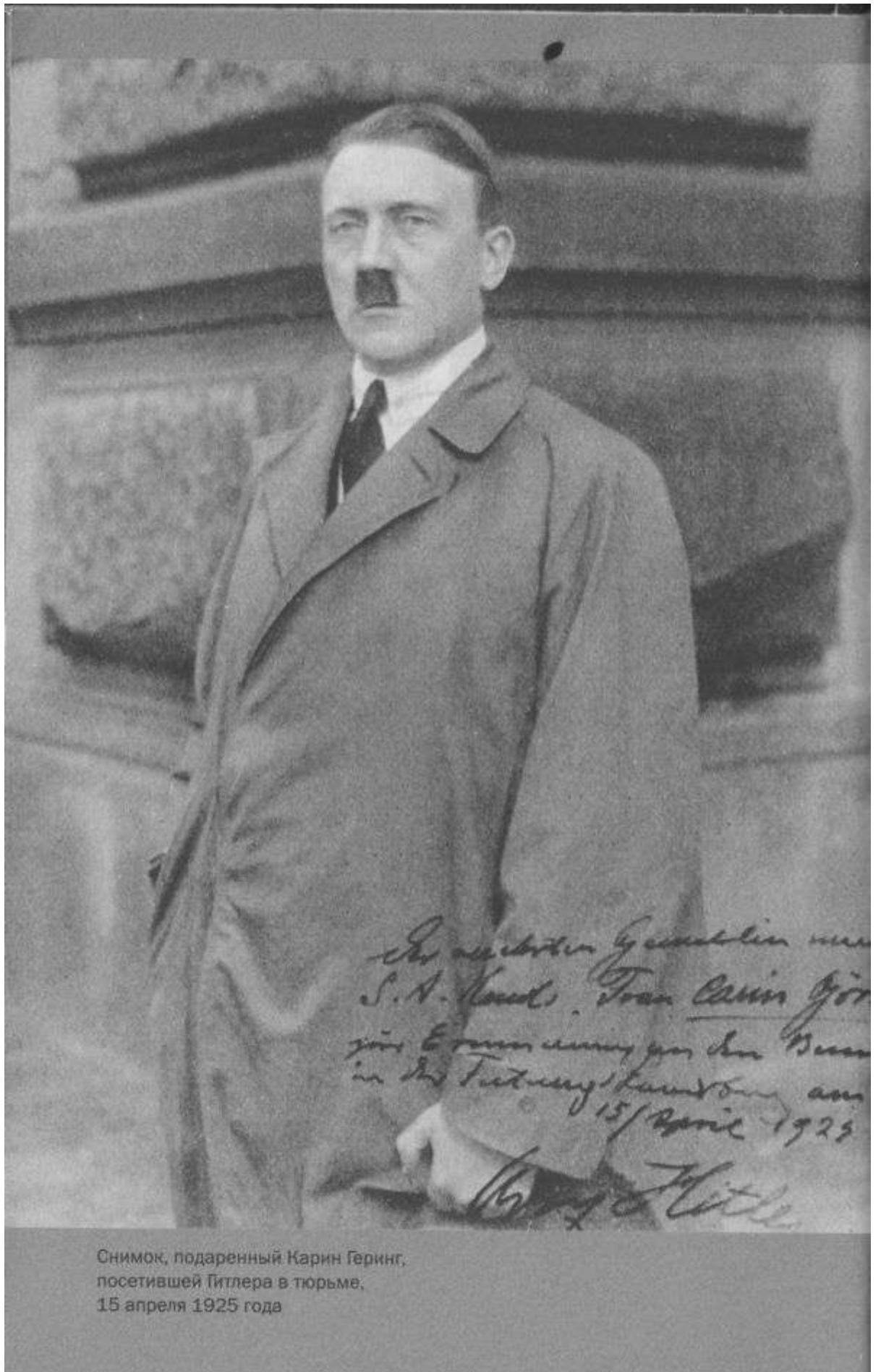


Адольф Гитлер
в одиночной камере.
Мюнхен, 1924

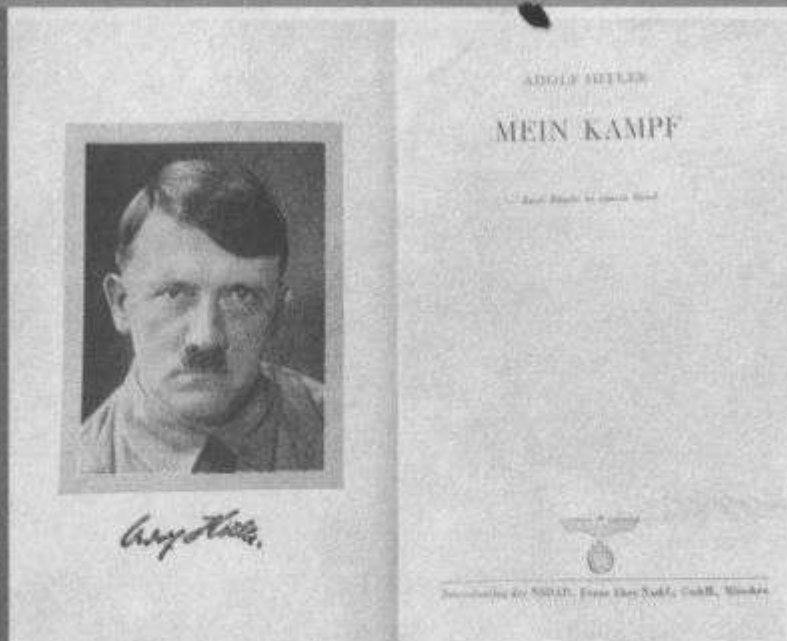
Адольф Гитлер.
Мюнхен, 1922

Гитлер
покидает крепость.
Декабрь 1924





Снимок, подаренный Карин Геринг, посетившей Гитлера в тюрьме, 15 апреля 1925 года



Книга «Моя борьба». Первый том Гитлер написал в тюрьме.

Девочка преподносит Гитлеру цветы.
1928



Гитлер приветствует
своих приверженцев



Смотр СА на площади
Нюрнберга.
1927

Нюрнберг расцвечен
нацистскими
знаменами со свастикой.
1927





Мисс Браун.



Ева Браун.
1930

Ева Браун —
возлюбленная Гитлера.
Мюнхен, 1932

Ева Браун
и Адольф Гитлер.
Мюнхен, 1935



Ева Браун.
Берхтесгаден, 1944

Гели Раубаль.
1925

Гели Раубаль
со своей матерью.
Мюнхен, 1931



Адольф Гитлер —
гражданин Германии.
Брауншвейг, 1932

Адольф Гитлер
на пляже
Балтийского моря.
1932



Знамя, поднятое
во время путча
1923 года, служит
для освящения
новых штандартов.



Выборы в парламент
завершились
победой нацистов.
Берлин, 1932

Факельное шествие частей СА
от Бранденбургских ворот до Государственной канцелярии.
Берлин, 1933



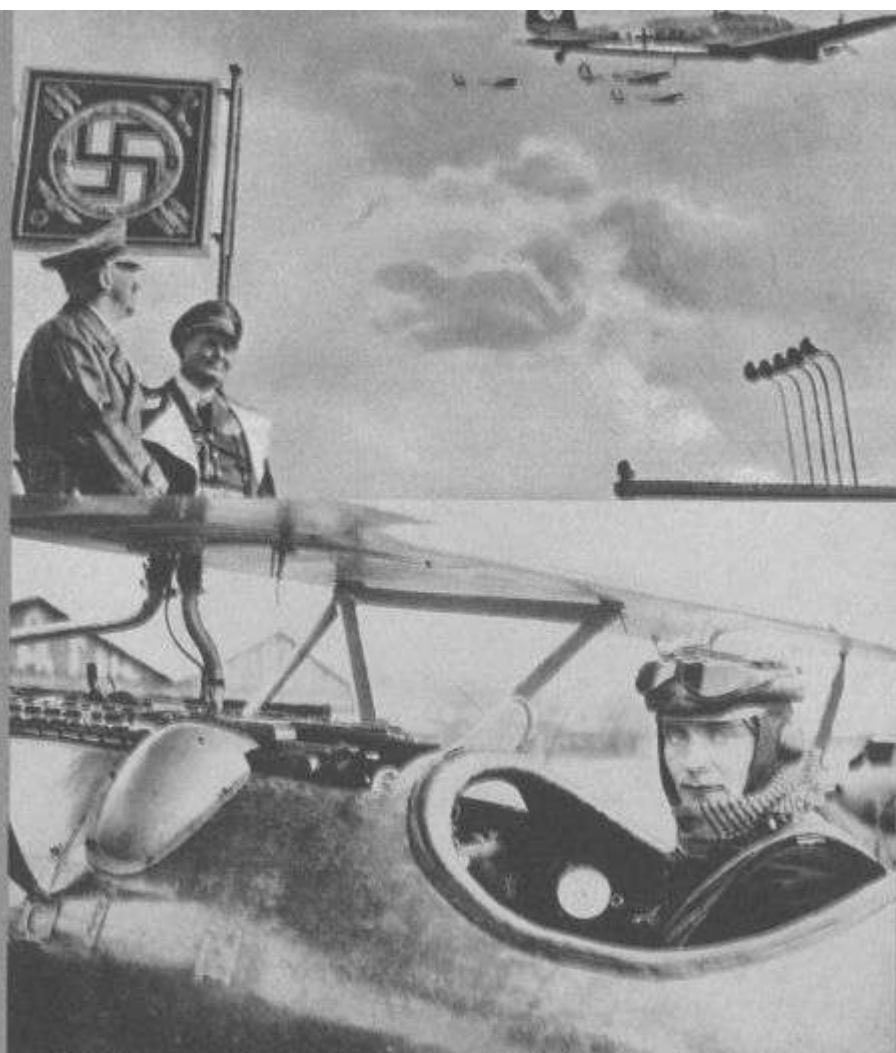
Эрнст Рём.
Берлин, 1934

«Человек, который получил
от Неба дар действовать,
способен управлять».

Берлин, 1933

А. Гитлер.

Адольф Гитлер —
единодушно избранный
вождь партии.
1934

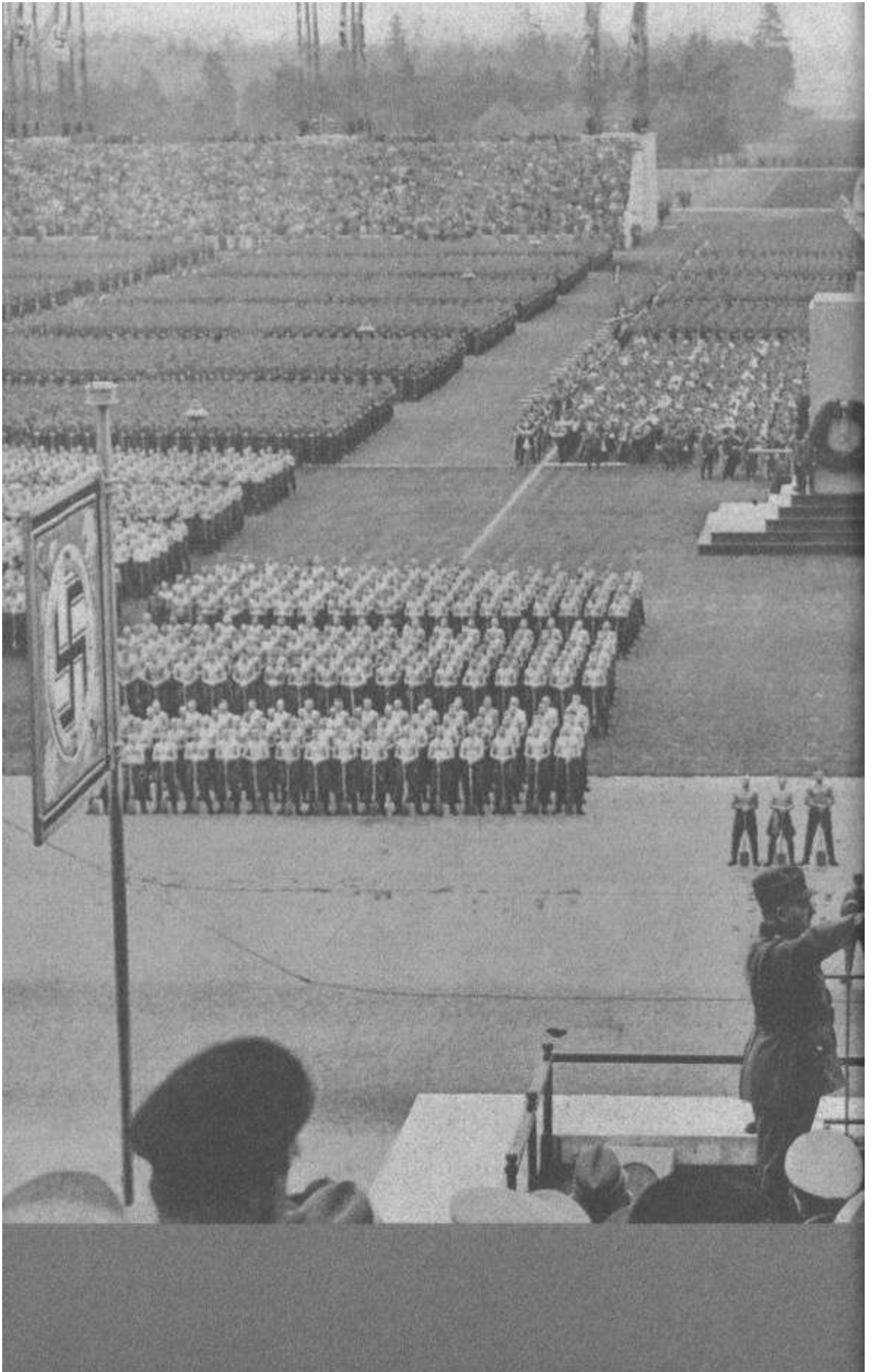


Гитлер и Геринг
наблюдают за полетом
бомбардировщиков
«He-111».
Берлин, 1937



Капитан
Герман Геринг
в кабине своего
истребителя.
1918

Рейх
оккупирует Прагу.
1939





Смотр 40 тысяч членов
НСДАП на ежегодном
съезде партии.
Нюрнберг, 1938



Молотов и Сталин
присутствуют
на подписании пакта
о ненападении.
Москва, 1939.



Гитлер и Гиммлер.
Варшава, 1939



Вторжение в Польшу.
1939



Гитлер изучает
карту Польши.
Варшава, 1939

Адольф Гитлер
со своей
любимой овчаркой
Блонди



Гитлер в Брюли-де-Пеш
в Арденнах,
1940.

Толпа на Вильгельмплац
приветствует фюрера.
Берлин, 1940.





Природа корректирует
планы немцев (два верхних фото).
1941

Фюрер.
Растенбург, 1943



Шпеер демонстрирует
Гитлеру новые виды
вооружений.
Растенбург, 1943

Капитуляция
6-й армии Паулюса
под Сталинградом.
1943



Лагерь смерти.
1942

«Волчье логово»
после взрыва.
Растежбург, 1944



Адольф Гитлер
беседует с раненым
Альфредом Йодлем.
Растенбург, 1944

Шпеер и Гитлер.
Берлин, 1945



Знамя Победы
над развалинами
Рейхстага.
31 апреля 1945

Нюрнбергский
процесс.
1946

Пролог

Прошло почти шесть десятилетий после смерти героя этой книги, но до сих пор его образ никого не оставляет равнодушным. Большая часть человечества его ненавидит, меньшая — боготворит. Да, тот след, который оставил в истории Адольф Гитлер, не исчезнет никогда. И тем удивительнее, что и сегодня фюрер находит немалое число поклонников, будь то неонацисты в Германии или скинхеды в России — стране, больше других пострадавшей от гитлеровской агрессии (если брать абсолютное число жертв). В частности, в 1998 году московские скинхеды отметили день рождения Гитлера серией нападений на африканцев, вьетнамцев, индийцев и других лиц «неславянской национальности», которые подверглись жестоким избиениям. И это только один пример из многих, ибо нападения на негров, кавказцев, представителей монголоидной расы стали обыденностью для жителей Москвы, Петербурга и других российских городов.

Кстати, самая многочисленная и законспирированная группа российских скинхедов носит название «бригада 88», а цифры здесь — зашифрованное «Heil Hitler» (H — восьмая буква латинского алфавита). Как мы убедились, здравицы Гитлеру провозглашают и в нашей стране, и еще выражают сожаление, что он не доистребил евреев, а заодно и всех цветных, к которым нынче относят и негров, и азиатов-монголоидов, и кавказцев (хотя последних фюрер считал чистокровными арийцами). Другие поклонники — в более цивилизованной Западной Европе. Они из числа правых радикалов и лепят по образу Гитлера фигуру эдакого добродушного правителя. Фюрер, мол, ничего не знал ни о массовых репрессиях, ни об «окончательном решении еврейского вопроса» (да и самих евреев уничтожили всего ничего, каких-нибудь тысяч 30, а насчет шести миллионов — сионистский миф, благо 6 — в иудаизме одно из священных чисел). И войну будто бы Гитлер начал исключительно превентивную, поскольку Германия со всех сторон была окружена агрессорами и со времен Версальского мира французские экспансионисты, британские колонизаторы, американские плутократы, польские шовинисты, большевистские варвары только и думали, как бы ее уничтожить. Что ж, ничего оригинального тут нет. Еще до начала Второй мировой войны русский писатель-эмигрант (и один из первых политологов, весьма проницательный в этом качестве) Марк Алданов очень точно и остроумно сказал: «Наступательных войн в истории никогда не было и не будет: все войны делятся на оборонительные и «превентивные».

Однако и оппоненты Гитлера, а таковых, повторю, большинство, порой и сегодня готовы только к карикатурному изображению этого рокового порождения человечества. Многие историки и публицисты до сих пор показывают нам «бесноватого фюрера», человека вздорного, как минимум, психически неуравновешенного, а как максимум — умственно неполноценного, малообразованного, страдающего манией величия, неспособного к принятию разумных решений, посредственного полководца, скверного администратора, и вообще — человека, неспособного к критической оценке действительности. Остается только удивляться, как Гитлер руководил партией, которая в момент его прихода насчитывала с полдюжины активных членов, а через каких-нибудь 14 лет смогла получить большинство голосов на вполне свободных и демократических выборах и законным путем прийти к власти в Германии. А возглавляемый фюрером вермахт на пике своих успехов завоевал почти всю Европу и контролировал территорию от мыса Нордкап до Эль-Аламейна и от Пиренеев до Волги. Вряд ли такое было бы под силу психопату и бездарии!

Замечу также, что из чисто спекулятивных соображений до сих пор продолжают дебатов на тему, застрелился Гитлер или отравился. Смерть от яда кажется оппонентам Гитлера более позорной для предмета их ненависти, чем офицерская смерть от пистолетной пули, поэтому они предпочитают рисовать ласкающую их воображение картину: фюрер в своем бункере, трусливо раздавливающий ампулу то ли с крысиным ядом (что уж совсем невероятно — от него смерть не мгновенная и мучительная), то ли с цианистым калием. Этот сюжет отражен, например, в картине Кукрыниксов «Конец». А уж некоторые чрезмерно охочие до сенсаций журналисты и историки до сих пор выдвигают версии, что Гитлеру все-таки удалось улизнуть из осажденного Берлина. Фюрер будто бы уплыл на подводной лодке в Латинскую Америку. Или какими-то неведомыми путями смог пробраться в Тибет или Гималаи, в легендарную Шамбалу, которую искали нацистские теософы, где он мирно скончался много лет спустя после Второй мировой войны. Найденные же в саду рейхсканцелярии останки якобы принадлежат не Гитлеру, а совсем другому человеку. При этом сторонники версии о «спасенном Гитлере» спекулируют на недостаточно точно составленном советскими специалистами протоколе идентификации, действительно не дающем стопроцентной гарантии, что найденные в саду рейхсканцелярии сильно обгоревшие останки — это тела Гитлера и Евы Браун, и игнорируют показания многочисленных свидетелей самоубийства фюрера, не оставляющие никаких сомнений в том, что Гитлер на самом деле покончил с собой.

Стремясь всячески унизить Гитлера и после смерти, его критики охотно повторяют байки из пропаганды военного времени об импотенции или разного рода половых извращениях, которыми будто бы страдал фюрер. Даже весьма серьезные ученые нередко сводят все поступки Гитлера к различным комплексам сексуальной неполноценности, а причину его действий объясняют теми или иными недугами. А уж количество болезней, венерических и иных (вроде сифилиса и болезни Паркинсона), которыми будто бы одновременно страдал Гитлер, приближается к полусотне. Если поверить во все это, невольно засомневаешься, что Гитлер дожил до 56 лет и до последнего дня мог исполнять обязанности главы государства и главнокомандующего армией. Жил бы ведь и дольше, если бы экстренные обстоятельства, а именно приближающиеся к зданию рейхсканцелярии советские танки, не вынудили фюрера застрелиться. Поэтому представляется, что слухи как о психическом, так и о физическом нездоровье Гитлера значительно преувеличены.

Все эти и подобные им мифы я постараюсь развеять в своей книге.

Мне бы хотелось дать максимально объективный портрет Адольфа Гитлера, не оправдывая и не скрывая его злодеяний, но и не приписывая фюреру тех пороков и преступлений, которых он не совершал. Теперь, почти через шесть десятилетий после его гибели, настало время беспристрастно изобразить как политическую, так и частную жизнь фюрера, ибо одна была неотделима от другой. Как мне кажется, несчастье заключалось именно в том, что Гитлер, с одной стороны, был нормальным, простым человеком, а с другой — выдающейся личностью. Своими манерами и привычками он достаточно походил на рядового германского обывателя и хорошо знал его нужды и чаяния. Эти обстоятельства и помогли фюреру завоевать симпатии германского народа. И в то же время Гитлер обладал незаурядными волевыми качествами и даром убеждения, чтобы увлечь миллионы людей в авантюру, с самого начала казавшуюся безнадежной, и подчинить своей воле как политиков, так и военных, заставив их продолжать до конца уже проигранную войну. Аналитические способности, талант стратега и готовность использовать любые средства, не считаясь ни с какими моральными ограничениями, помогли Гитлеру в первые годы развязанной им Второй мировой войны достичь

небывалых успехов, уничтожив при этом десятки миллионов людей. Его фанатичная вера в великую миссию германского народа привела к тому, что он воодушевил этот народ на подвиги во имя неправого дела, которое обернулось крупнейшей катастрофой в истории.

Одна из посвященных Гитлеру книг, принадлежащая перу голландского историка В. Де Бора, пронизательно озаглавлена «Гитлер. Человек, сверхчеловек, недочеловек». Фюреру было не чуждо ничто человеческое, и в то же время во многих сферах он мнил себя сверхчеловеком и действительно выказывал выдающиеся способности, тогда как в иных сферах испытывал комплекс неполноценности.

Нередко Гитлеру приписывают экстрасенсорные способности, способности оказывать гипнотическое воздействие как на собеседников, так и на толпу, обладание своеобразной биологической энергией, довлеющей над энергией окружающих. А иной раз Гитлера рассматривают как энергетического вампира, способного питаться духовной энергией других людей. Все это — вопросы, которые нельзя исследовать, в них можно только верить. Я лично не склонен объяснять что-либо на биоэнергетическом уровне, но допускаю, что Гитлер обладал какими-то гипнотическими способностями. Не случайно же на многих женщин, слушавших речи фюрера и видевших его воочию, он действовал как мощнейший генератор эротических ощущений.

Очень часто Гитлера представляют человеком глубоко иррациональным, мистически настроенным и осуществлявшим свои планы под влиянием потусторонних сил. Я же постараюсь показать, что почти все действия фюрера были вполне осознанны, рациональны и направлены на достижение конкретных целей. Сначала его целью был приход к власти в Германии и превращение этой власти в диктатуру, затем — война для достижения мирового господства. Последняя цель, мировое господство, сама по себе была в принципе недостижима и потому иррациональна. Ведь установление на планете власти одной державы, а в пределе — одного человека, диктатора государства-победителя, неизбежно приводит к остановке развития человечества и смерти цивилизации. Иррациональная цель, для достижения которой использовались рациональные средства, породила представления о Гитлере как о человеке непредсказуемом, чьи действия необъяснимы с точки зрения здравомыслящего человека.

Сказанное не утверждает, что мистика была вовсе чужда натуре Гитлера. Известен его интерес к астрологии и та роль, которую на ранних стадиях национал-социалистического движения сыграло общество Туле, официально ставившее своей целью изучение древнегерманской литературы и культуры, а фактически возрождающее древне-германские языческие культы. Общество Туле отстаивало концепцию превосходства германской расы, которая стала основой расовой доктрины Гитлера и национал-социализма в целом, и насытило это движение многими символами типа свастики. Чего стоит один только девиз Туле: «Помни, что ты немец. Держи свою кровь в чистоте!» Однако было бы ошибкой придавать мистическим настроениям Гитлера основное значение, объясняя его действия как политика и стратега. Цель — создание Тысячелетнего Рейха германской расы — была утопией, но средства для ее достижения применялись вполне реальные и бесчеловечные.

Как справедливо заметил американский историк Уильям Ширер, «Адольф Гитлер, вероятно, последний из великих авантюристов-завоевателей, действовавших в духе Александра Македонского, Юлия Цезаря и Наполеона, а Третий Рейх — последняя из империй, решившая вступить на путь, ранее пройденный Францией, Древним Римом и Македонией». Эта империя возникла благодаря гению Гитлера и вместе с ним рухнула, поверженная во Второй мировой войне.

Детство волка

Дата рождения Адольфа Гитлера хорошо известна в обществе: по соответствующим метрическим документам, он родился вечером 20 апреля 1889 года, незадолго до Пасхи, в австрийском городке Браунау-на-Инне. Этот городок часто путают с городком Браунау (ныне Броумов) в Богемии (Чехия). Президент Гинденбург именно из-за такой путаницы всю жизнь называл Гитлера «богемским ефрейтором».

Отцом Адольфа был таможенный чиновник Алоиз Гитлер. За 13 лет до рождения сына он изменил свою фамилию Шикльгрубер на Гитлер. Это было связано с тем, что его фактический отец, Иоганн Непомук Хюттлер, бедный малоземельный крестьянин, впоследствии разбогатевший, не мог дать свою фамилию незаконнорожденному сыну, на матери которого, Марии Анне Шикльгрубер, с 1842 года был женат его брат Иоганн Георг Хидлер, скончавшийся в 1857 году. Он и стал числиться официально отцом Алоиза. Иоганн Непомук не мог признать своего отцовства при жизни своей жены Евы Марии, скончавшейся только в 1873 году. А тогда удобнее было представить Алоиза сыном Иоганна Георга Хидлера, который был законным мужем Марии Анны и братом Иоганна Непомука, в доме которого и воспитывался юный Алоиз. Но то ли под диктовку священник записал фамилию не совсем точно, то ли по каким-то иным, нам неизвестным причинам она была изменена на Hitler. Так Алоиз Шикльгрубер стал Гитлером. Замечу также, что Иоганн Непомук был также дедом матери Адольфа Гитлера, Клары Пёльцль. Так что будущий фюрер родился от брака между достаточно близкими родственниками, что делало его более восприимчивым ко многим болезням.

То, что Алоиз Гитлер (по матери Шикльгрубер) родился вне брака (а произошло это в 1837 году), не представляло ничего необычного. В Нижней Австрии, откуда был родом Алоиз, в ту пору около 40 процентов детей рождалось вне брака. По данному показателю эта крестьянская провинция Австрии превосходила даже столицу Вену с ее космополитичным населением и свободой нравов, где доля внебрачных детей не превышала 25 процентов. Вероятно, отчасти все объяснялось тем, что крестьяне по своей бедности не спешили тратиться на обряд венчания и годами воспитывали детей в фактических браках. К тому же все они были католиками, а развод для представителей этой конфессии в XIX веке был крайне затруднен, и для этого требовалось разрешение самого папы римского. Поэтому многие австрийские крестьяне жили уже в новых семьях, формально оставаясь связанными с прежними супругами узами нерасторгнутого брака.

Был и еще один, весьма специфический для Нижней Австрии фактор, причины которого не до конца понятны. Жители этой местности значительно чаще, чем, например, живущие в сходных природных и климатических условиях их соседи швейцарцы, страдали от недостатка йода в организме. В результате развивалась базедова болезнь, которая повышала риск бесплодия как у мужчин, так и у женщин. Поэтому австрийские крестьяне торопились опробовать свою репродуктивную функцию, не слишком задумываясь о законности брака.

Кроме того, сексуальные связи нередко осуществлялись между близкими родственниками, браки между которыми были запрещены или порицались церковью. Не случайно Нижнюю Австрию называли «заповедником кретинов и карликов» для европейских цирков. Сказывались генетические последствия близкородственных браков. Фактически и Адольф Гитлер, повторю, был плодом

подобного союза, что, однако, вовсе не дает оснований подозревать его в слабоумии.

Но у Иоганна Непомука Хюттлера был другой случай, заставивший его в течение длительного времени скрывать свое отцовство. Мария Анна Шикльгрубер служила в его доме прислугой, а он был женат и всячески таил свою связь с ней от законной жены. Всю генеалогию Гитлера подробно исследовал Вернер Мазер, первым написавший «человечную» и объективную биографию Гитлера. К тексту этой замечательной книги я отсылаю читателей за подробностями. Здесь же замечу только, что мать Адольфа Гитлера, Клара Гитлер, урожденная Пёльцль, находилась в слишком тесном родстве со своим мужем, так что на их брак потребовалось специальное церковное разрешение.

Некоторые историки впоследствии стали именовать Адольфа Гитлера Адольфом Шикльгрубером. Некоторые продолжают делать это до сих пор. Мотив здесь очевиден: фюрера пытались обвинить в еще одном неблагоприятном поступке — присвоении не принадлежавшей ему по закону фамилии. На самом деле, как мы убедились, фамилии Шикльгрубер Адольф Гитлер никогда не носил.

Незаконное рождение отца Гитлера породило легенды о разного рода экзотических предках фюрера. Памятуя его звериный антисемитизм, особый упор делался на версии о еврейских предках, в число которых записывали даже представителей семейства банкиров Ротшильдов. Здесь использовался и тот факт, что немецкая фамилия «Гитлер» была широко распространена и среди евреев. Однако детальные исследования, предпринятые В. Мазером по церковным архивам, доказали, что никакого «еврейского следа», столь выгодного с пропагандистской точки зрения, в родословной фюрера нет и в помине.

Перемена фамилии, произведенная его отцом, в одном отношении существенно помогла будущему германскому фюреру. Как остроумно заметил американский историк Уильям Ширер, «удалось бы Гитлеру стать властелином Германии, если бы он остался Шикльгрубером? Есть что-то смешное в том, как эту фамилию произносят немцы на юге страны. Разве можно представить себе толпу, неистово выкрикивающую: «Хайль, хайль Шикльгрубер!»? (Скороговоркой этакое, пожалуй, труднее выговорить, чем знаменитое: «Карл у Клары украл кораллы...» — Б. С.) «Хайль Гитлер!» не только напоминало вагнеровскую музыку, воспевающую языческий дух древнегерманских саг и соответствующую мистическому настрою массовых нацистских сборищ, но и использовалось во времена Третьего Рейха как обязательная форма приветствия... «Хайль Шикльгрубер!» представить в этом качестве гораздо труднее». Кстати сказать, Гитлеру в его ораторской деятельности сильно помогло то, что он мог мастерски имитировать любой из германских диалектов и, следовательно, в каждой земле, будь то Бавария или Саксония, Рейнская область или Пруссия, воспринимался как свой.

Алоиз Гитлер сделал блестящую по тем временам карьеру, выбившись из среды отнюдь не зажиточных крестьян в чиновники. За сорок с лишним лет беспорочной службы он получил довольно приличную пенсию. Между Алоизом и Klarой разница в возрасте составляла 23 года, и она была его третьей женой (первые две жены умерли). От второй жены, Франциски Матцельсбергер, у Алоиза был внебрачный сын, тоже Алоиз, впоследствии усыновленный отцом, и законная дочь Ангела, дочь которой, тоже Ангела (Геля) Раубаль стала впоследствии любовницей Гитлера.

В 1895 году Алоиз Гитлер, дослужившийся до довольно высокого чина старшего официала, вышел в отставку по болезни и вскоре поселился в приобретенном доме с участком земли в Леондинге близ Линца. Умер он в 1903 году. Жена пережила его только на четыре года и скончалась в 1907 году. В

1888 году Алоиз успел получить значительное наследство от Иоганна Непомука Хюттлера. Оно позволило Адольфу Гитлеру даже после смерти родителей вести относительно безбедное существование. Сестра его матери Иоганна Пёльцль, выступавшая свидетельницей при крещении Адольфа Гитлера 22 апреля 1889 года, умерла в 1911 году и также оставила Адольфу наследство, так что он, не нуждаясь в деньгах, отказался от полагавшейся ему пенсии за потерю кормильца в пользу своей младшей сестры Паулы.

Отец Адольфа Гитлера был человеком властным и целеустремленным, сумевшим благодаря этим качествам своими силами выбиться в люди. Эту целеустремленность отца фюрер особо подчеркивал в книге «Моя борьба». У самого Адольфа отцовский характер проявился в еще большей степени. В книге «Моя борьба» он так говорит о родителях: «В небольшом городишке, озаренном золотыми лучами мученичества задело немецкого народа (Гитлер имеет в виду расстрел в Браунау французскими оккупантами во времена наполеоновского владычества нюрнбергского книготорговца Иоганна Пальма, великогерманского националиста. — Б. С.), в этом городишке, баварском по крови, австрийском по государственной принадлежности, в конце 80-х годов прошлого столетия жили мои родители. Отец был добросовестным государственным чиновником, мать занималась домашним хозяйством, равномерно деля свою любовь между всеми нами, ее детьми. Только очень немногое осталось в моей памяти из этих времен...

Учитывая мои наклонности и темперамент, отец пришел к выводу, что отдать меня в гимназию, где преобладают гуманитарные науки, было бы неправильно. Ему казалось, что лучше определить меня в реальное училище. Еще больше в этом намерении его укрепляли мои очевидные способности к рисованию. А этот предмет, по его убеждению, в австрийской гимназии находился в совершеннейшем загоне... Он думал, что его сын, как и он сам, со временем должен стать чиновником, и очень гордился, что всего достиг сам, своим трудом. Властная натура отца, закалившаяся в тяжелой борьбе за существование, не допускала и мысли о том, что неопытный мальчик будет сам выбирать себе дорогу в жизни. Тогда он счел бы себя плохим отцом...» Но Адольф хотел быть свободным художником и уже в детстве проявлял волю и упрямство.

В 1895 году, в год, когда прекратилась служебная деятельность его отца, Адольф пошел в начальную школу в Фишльхаме. Учился он на «отлично». Алоиз надеялся, что его сын тоже будет чиновником. В 1896—1898 годах Гитлер учился в школе бенедиктинского монастыря в Ламбахе, где брал уроки пения и пел в хоре мальчиков. В 1939 году Гитлер посетил ламбахскую школу и опять посидел за своей школьной партой. Фюрер распорядился построить в Ламбахе новую школу, а старую купил под здание музея.

В 1896 году из-за конфликта с отцом ушел из дома сводный брат Адольфа Алоиз, которого отец постоянно попрекал за безделье. После этого Адольф стал главной надеждой отца и его наследником. Но чиновничья карьера не прельщала будущего фюрера, и не только потому, что он хотел быть свободным художником. Еще в школьные годы, по воспоминаниям одноклассников, проявлял повышенный интерес ко всему, что было связано с войной и воинской службой. Один из одноклассников, Балдуин Висмайр, утверждал: «Больше всего на свете он любил играть в войну».

В 1899 году семейство Гитлер переехало в Леондинг. Соученик Адольфа по леондингской школе, Иоганн Вайнбергер, вспоминал, как во время игры в Англо-бурскую войну «мы под командованием Гитлера были бурами, а ребята из Унтергаумберга англичанами». Тогда же Гитлер, по его собственному признанию, «начал оттачивать свой ораторский талант в более или менее ожесточенных спорах с одноклассниками. Я стал маленьким заводилой».

В июне 1900 года умер от кори брат Адольфа Эдмунд, и он остается единственным сыном в семье. В сентябре Адольф поступил в государственное реальное училище в Линце. Он считал, что Леондинг — лучшее место в Австрии, и там он продолжал жить все время учебы в доме отца на Михаэльсбергштрассе, 16. После смерти отца дом был продан, и Гитлер переселился в школьное общежитие в Линце.

В реальном училище Адольф не мог похвастать такими же успехами, как в начальной школе. Здесь он имел отличные отметки только по истории, географии и рисованию. По этим предметам, как вспоминал его преподаватель Сикстль, Гитлер знал больше, чем его учителя. Зато из-за неуспеваемости по другим дисциплинам будущий фюрер Великой Германии остался в первом классе реального училища на второй год. Причина, как объяснил Гитлер в книге «Моя борьба», заключалась в следующем: «Мои оценки в то время отражали две крайности в зависимости от предмета и моего отношения к нему. Наряду с похвальными и отличными оценками в таблице были удовлетворительные и даже неудовлетворительные. Лучше всего были мои успехи в географии и особенно во всемирной истории. Это были два любимых предмета, в которых я был на голову выше всего класса... То, что мне нравилось, я учил... То, что казалось не имеющим значения и не привлекало меня, я полностью саботировал».

Все попытки отца убедить Адольфа, что надо хорошо учиться, чтобы стать чиновником и достичь большего, чем достиг он сам, ни к чему не привели. Фюрер вспоминал: «Чем жестче и решительнее пытался отец провести в жизнь свои планы и намерения, тем все более упрямо и дерзко сын восставал против этого. Я не хотел быть чиновником. Ни уговоры, ни внушения не могли сломить моего отпора. Я не хотел быть чиновником... Все попытки отца на собственном примере породить во мне любовь к этой профессии достигали прямо противоположного результата. Меня раздражала зевота при мысли о том, что я буду сидеть в конторе, не имея возможности распоряжаться собой и своим временем».

Как бы протестуя против намерения отца, Гитлер стал манкировать занятиями в реальном училище. По-настоящему будущий фюрер увлекался рисованием и надеялся стать художником. Ему претили те предметы, которые требовали усидчивости и усердных занятий.

В 1903 году Алоиз Гитлер скоропостижно скончался от инсульта. Адольф любил отца и искренне горевал, рыдая над гробом близкого человека. И хотя теперь как будто не было уже против кого протестовать, стал учиться еще хуже, откровенно прогуливая занятия и еще более укрепившись в намерении стать художником, а не чиновником.

Хуже всего давался Гитлеру французский язык, хотя в годы Первой мировой войны, во время длительного пребывания во Франции, он освоил этот язык весьма прилично. Но при переводе в четвертый класс реального училища ему пришлось даже пересдавать этот предмет. Его преподаватель Эдуард Хюмер свидетельствовал на судебном процессе над участниками «пивного путча» в 1924 году: «Гитлер был определенно одаренным учеником, хотя и несколько односторонним, однако он не умел владеть собой и считался строптивым, самовольным, несговорчивым и вспыльчивым юношей. Ему было сложно подчиняться школьным порядкам. Не отличался он и прилежанием, потому что при его бесспорных задатках он мог бы добиться значительно больших успехов».

В 1904 году Гитлер поступает в четвертый класс уже другого реального училища — в Штайре. Здесь он учился совсем плохо, что называется из рук вон. А по случаю получения аттестата Гитлер единственный раз в своей жизни напился пьяным. И было с чего! Он вспоминал: «Мы получили свидетельства и решили отпраздновать это дело. «Мамочка» (квартирная хозяйка из обедневших дворян. — Б. С.), узнав, что все уже позади, была слегка растроганна. Мы

потихоньку поехали в один крестьянский трактир и там пили и говорили ужасные вещи. Как все это было в точности, я не помню... мне пришлось потом восстанавливать события. Свидетельство было у меня в кармане. На следующий день меня разбудила молочница, которая... нашла меня на дороге. В таком ужасном состоянии я явился к своей «мамочке». «Боже мой, Адольф, как вы выглядите!» Я вымылся, она подала мне черный кофе и спросила: «И какое же свидетельство вы получили?» Я полез в карман — свидетельства нет. «Господи! Мне же нужно что-то показать матери!» Я решил: скажу, что показывал его кому-то в поезде, а тут налетел ветер и вырвал из рук. Но «мамочка» настаивала: «Куда же оно могло пропасть?» — «Наверное, кто-то взял!» — «Ну тогда выход только один: вы немедленно пойдете и попросите выдать дубликат. У вас вообще-то деньги есть?» — «Не осталось». Она дала мне пять гульденов, и я пошел. Тем временем четыре обрывка моего свидетельства уже доставили в школу. Будучи без памяти, я перепутал его с туалетной бумагой. Это был кошмар. Все, что мне наговорил ректор, я просто не могу передать. Это было ужасно. Я поклялся всеми святыми, что никогда в жизни больше не буду пить. Я получил дубликат... Мне было так стыдно! Когда я вернулся к «мамочке», она спросила: «Ну и что он сказал?» — «Этого я вам не могу сказать, но скажу одно: я никогда в жизни больше не буду пить». Это был такой урок, что я никогда больше не брал в рот спиртного. Потом я с радостным сердцем отправился домой. Правда, особой радости-то и не было, потому что свидетельство было не из лучших».

Аттестат, который Гитлер получил в Линце 11 февраля 1905 года, действительно был такой, что его не жалко было употребить вместо туалетной бумаги. Будущий фюрер германского народа получил «неуды» по немецкому, французскому, математике и стенографии. «Отлично» и «превосходно» он получил лишь по рисованию и физкультуре, по остальным предметам его знания были оценены на «удовлетворительно».

Судя по всему, в тот день Гитлер по-настоящему напился в первый и в последний раз в своей жизни. Что ж, повод был весомый. Во многих странах, а не только в Австрии и Германии, школьники и студенты отмечали и отмечают окончание старших классов и сессий шумными пирушками, обильными по части выпивки, но не закуски.

Довольно часто возникает вопрос, что было бы, если бы Гитлер смог реализовать себя как художник. По мнению многих, за исключением совсем уж нетерпимых противников Гитлера, определенные художественные способности к живописи и архитектуре у фюрера действительно были. И как думают некоторые исследователи и публицисты, стал бы Гитлер профессиональным живописцем или архитектором, и не было бы национал-социализма в Германии, «окончательного решения еврейского вопроса» и Второй мировой войны. Но мне кажется, что и в случае, если бы Гитлера приняли в Академию художеств, долго в роли профессионального живописца он бы существовать не смог. Адольф мыслил себя не иначе как великим человеком, способным потрясти мир. Чтобы достичь такого положения в мире прекрасного, Гитлеру потребовалось бы, как минимум, достичь уровня Сальвадора Дали. А столь неординарных способностей к живописи, по единодушному мнению экспертов, у фюрера не было. Да и сам он признавался, что хотел быть не художником, а архитектором. Но и в этом, как мы убедимся, не преуспел. Так что единственным поприщем, где он имел возможность достичь величия, оставалась политика и война как ее самое крайнее проявление. Но до этого было еще далеко. Пока же перед Гитлером стояла насущная задача окончить школу и получить аттестат о среднем образовании.

В Штайре Гитлер учился успешнее, чем в Линце, но отличные оценки по-прежнему были у него только по рисованию и физкультуре. За первое полугодие

1905 года он прогулял 30 дней. 3 марта 1942 года он вспоминал в «Вольфшанце»: «В общем, я учил не более 10 процентов от того, что учили другие. Я всегда очень быстро справлялся с домашними заданиями. Однако в истории я разбирался хорошо. Часто мне было жаль своих одноклассников. «Пойдем играть!» — предлагал я. «Нет, мне еще заниматься надо!» Они готовятся к экзаменам. Они сдают их! И как же они потом разочаровываются, когда приходит человек без подготовки и тоже справляется с экзаменационными заданиями. «Как же так! Ведь мы же готовились!» Господи, одному это дано, а другому нет». Гитлер с ранней юности верил в свою избранность Провидением, а потому смело пропускал занятия и не считал нужным особенно усердно готовиться к экзаменам. Бог или судьба все равно не допустят провала.

Все же кое-что Гитлер в последний год учебы смог поправить. Так, по французскому у него вместо «неуда» стояло «удовлетворительно». Точно такие же оценки он получил и по всем остальным предметам, кроме рисования и физкультуры, за которые в заключительном свидетельстве стояли отличные оценки. На «удовлетворительно» были оценены поведение и прилежание Гитлера. Он стал готовиться к экзаменам на аттестат зрелости, но тяжело заболел и вынужден был оставить училище, так и не получив аттестата. Позднее фюрер вспоминал об этом как о счастливом подарке судьбы: «И тут мне на помощь пришла болезнь и всего за несколько недель определила мое будущее, ликвидировала постоянный источник домашних споров. Ввиду тяжелой легочной болезни врач настоятельно посоветовал матери... ни при каких обстоятельствах не отдавать меня на службу в контору. Посещение училища требовалось приостановить по крайней мере на год. То, на что я втайне так долго надеялся... вдруг стало явью... Под впечатлением моей болезни мать наконец согласилась забрать меня из реального училища и разрешила поступать в Академию художеств».

Гитлера отправили к родственникам в Шпиталь. Там парное молоко, сытная и обильная деревенская пища и чистый горный воздух способствовали тому, что больной быстро пошел на поправку. Досуг Гитлер посвящал игре на цитре, рисованию и прогулкам. Он с интересом наблюдал за полевыми работами родственников, но не пытался им помочь. С родственниками 16-летний Адольф держался довольно отчужденно, не пытаясь сблизиться ни со своей теткой — сестрой матери, ни с ее детьми, своими ровесниками.

В мае 1906 года Гитлер приехал в Вену для сдачи вступительных экзаменов в Академию художеств и впервые всерьез посетил музеи австрийской столицы и всемирно знаменитую Венскую оперу. Однако в 1906 году поступать не стал, предпочтя вернуться в Линц и предаваться блаженному безделью. Вернее, нельзя сказать, что Гитлер бездельничал. Он просто занимался только тем, чем хотел: много читал, записавшись в библиотеку Общества народного образования, брал уроки игры на фортепиано.

Тем временем здоровье Клары Гитлер значительно ухудшилось, и, возможно, именно это обстоятельство побудило Гитлера отказаться от поступления в Академию осенью 1906 года и вернуться домой, чтобы ухаживать за матерью. В январе 1907 года ей сделали операцию саркомы груди, но это лишь ненадолго отсрочило печальный конец. Клара очень огорчалась, что горячо любимый сын Адольф «пойдет своей дорогой, как будто он живет один в этом мире». И понимала, что сын действительно вскоре останется в одиночестве. Тем не менее Клара сделала вид, что после операции чувствует себя лучше, и успокоенный Адольф в сентябре 1907 года уехал в Вену сдавать экзамены в Академию изобразительных искусств, оставив мать на попечение своей сестры Паулы. Клара в последние месяцы жизни надеялась, что сын посвятит свое будущее любимому делу.

Перед вами, дорогие читатели, первая биография Гитлера, написанная русским автором не в карикатурно-саркастической, а в максимально объективной манере. Обличать Гитлера, смешивать его с грязью, выставять типом, внушающим отвращение и ужас на всех этапах своего жизненного пути, сегодня, полвека спустя после его гибели, дело просто смешное и бесперспективное. Людей уже закармливали обличительно-пропагандистскими биографиями фюрера. С другой стороны, никакое признание достоинств Гитлера в какой бы то ни было сфере ни в малейшей степени не умалит его преступлений и то го зла, которое он принес всему человечеству, не исключая германского народа. Сейчас уже пришла пора попытаться спокойно, без гнева и пристрастия, взглянуть на личность и судьбу Адольфа Гитлера и при этом попытаться понять причины и следствия его поступков, когда произошел перелом и как из симпатичного в общем-то молодого человека, любящего сына и брата и любимого родителями, подававшего определенные надежды художника и архитектора, храброго солдата Первой мировой войны, возник фюрер германского народа.

Венские годы

Первый экзамен, заключающийся в написании двух этюдов (тема каждого из них выбиралась из четырех предложенных), Гитлер выдержал успешно. На этом этапе из 112 претендентов отсеялись 33. Вторым этапом экзамена заключался в том, что абитуриенты демонстрировали приемной комиссии привезенные с собой рисунки. И здесь Гитлеру не повезло. Основанием, по которому ему отказали в приеме, послужило то, что среди его рисунков было очень мало портретов. Вместе с ним неудачу потерпел еще 51 кандидат. Только 28 счастливцев поступили в Академию. Интересно, что, по иронии судьбы, вместе с Гитлером отсеяли и Робина Христиана Андерсена, который после 1945 года руководил мастерской живописи в Венской академии изобразительных искусств, а в 1946—1948 годах был даже ее ректором. Еще раз подтвердилась истина, что любой экзамен — лотерея и его исход в большей мере зависит не от талантов и способностей студентов, а от субъективных мнений экзаменаторов и даже от их настроения. Гитлера неудача не заставила разочароваться в своем таланте живописца. Он был до конца жизни убежден, что «гения только гений может оценить по достоинству».

К тому же в тот момент еще не все казалось потерянным. Ректор академии Зигмунд д'Альман, которому Гитлер был представлен сразу после экзамена, сказал, что «привезенные им рисунки однозначно свидетельствуют о том, что его способности, несомненно, лучше всего проявятся в области архитектуры». Действительно, на его картинах люди встречаются сравнительно редко, зато архитектурные детали прорисованы весьма тщательно.

После провала при поступлении на отделение живописи Гитлер решил попытаться счастья на отделении архитектуры. Но тут непреодолимым препятствием стало отсутствие у него аттестата о среднем образовании. В данном случае это было необходимо, поскольку от будущих архитекторов требовали хотя бы элементарных знаний по математике и геометрии. Сдавать экзамены для получения аттестата Гитлер так и не захотел. Да и домашние проблемы не оставляли времени для такой подготовки.

В ноябре 1907 года он вернулся в Урфар под Линцем, чтобы ухаживать за безнадежно больной матерью. Ее лечащий врач еврей Эдуард Блох в 1938 году (тогда было совершенно невозможно заподозрить его хоть в каком-то сочувствии Адольфу Гитлеру) вспоминал: «Он относился к матери с самой трогательной любовью, ловя каждое ее движение, чтобы сразу же прийти на помощь. Его обычно устремленный вдаль печальный взгляд прояснялся, когда боль у матери отступала... За всю свою почти сорокалетнюю врачебную практику я никогда не видел молодого человека, который бы так страдал, как Адольф Гитлер». 21 декабря 1907 года Клара Гитлер отошла в мир иной. Два дня спустя Адольф похоронил мать рядом с отцом на кладбище в Леондинге. В извещении о ее смерти говорилось: «Адольф и Паула Гитлер от своего имени и от имени родственников сообщают о смерти нашей горячо любимой и незабвенной матери, тещи, бабушки и сестры Клары Гитлер, вдовы императорского королевского старшего официала, которая отошла в мир иной 21 декабря 1907 г. в 2 часа ночи...» Это, как мы убедились из свидетельства доктора Блоха, не было формальным выражением любви и скорби. С этикой любви к ближнему у Гитлера было все в порядке. Вот с этикой любви к дальнему, как свидетельствует история, у германского фюрера дело обстояло совсем скверно.

Гитлер и его сестра теперь были круглыми сиротами. Главу о своей жизни в Вене он назвал «Годы учебы и страданий в Вене», где утверждал: «Нужда и суровая действительность заставили меня быстро принять решения. Скучные отцовские средства были в значительной мере израсходованы во время тяжелой болезни матери, а причитающейся мне пенсии по случаю потери кормильца не хватало на жизнь. Значит, нужно было самому зарабатывать себе на жизнь... Я благодарен тому времени за то, что я возмужал и сохраняю эту твердость характера до сих пор, а еще больше за то, что оно вырвало меня из пустоты безмятежного существования».

Здесь Гитлер, создавая образ борца с буржуазным мешанством, человека, который с молодых лет познал суровую нужду, умышленно передергивал. В. Мазер скрупулезно выяснил доходы Гитлера в венский период и доказал, что у него было вполне достаточно средств как раз для безмятежной жизни.

Еще в 1905 году Клара продала дом в Леондинге, получив за него 7480 крон. С 1903 года она получала ежегодную пенсию в 1200 крон как вдова, а с 1905 года — еще 220 крон в год в виде процентов на деньги, вырученные за продажу дома. Алоиз Гитлер имел годовой оклад в 2600 крон, пенсия от которого составила 2196 крон. Кроме того, Клара имела право на наследство своей тетки крестьянки Вальбурги Гитлер, которая умерла позже Клары, так что наследство перешло непосредственно Адольфу и Пауле. Оно составило около 3800 крон. По расчетам В. Мазера, Клара, Адольф и Паула Гитлер имели ежемесячный доход около 120 крон. После смерти матери Паула и Гитлер ежемесячно получали 58 и 25 крон «сиротской» пенсии. Кроме того, им досталась еще и та часть наследства Вальбурги Гитлер, которая приходилась сестре Кларе Иоганне и была завещана последней детям Клары.

Таким образом, ежемесячные доходы Гитлера в бытность его в Вене значительно превышали 80 крон, из которых 10 он платил за наем комнаты. В то время в австрийской столице юрист с годичным стажем работы в суде зарабатывал 70 крон в месяц, школьный учитель в первые пять лет преподавания получал 66 крон, почтовый служащий — 60 крон, а ассессор Венского реального училища — 82 кроны. Будущий друг и союзник фюрера Бенито Муссолини, который в тогда еще австрийском Триесте трудился главным редактором газеты «Авенире дель Лавораторе», а по совместительству — секретарем местного отделения социалистической рабочей палаты, получал на обеих службах 120 крон.

В начале 1908 года хозяйка дома, который незадолго до смерти снимала в Урфаре Клара Гитлер, решила хлопотать за Адольфа перед известным театральным художником Альфредом Роллером, профессором Венской школы художественных промыслов, с которым была хорошо знакома ее мать. Хозяйка просила свою мать о рекомендательном письме для Гитлера: «Сын одной моей знакомой хочет стать художником, с осени учится в Вене. Он хотел поступить в Академию изобразительных искусств, но прием уже закончился, и он пошел в частное учебное заведение... Это серьезный и усердный молодой человек, зрелый не по годам, хотя ему всего 19 лет, очень обаятельный и солидный, из высшей степени порядочной семьи. Его мать умерла перед Рождеством... Молодого человека, за которого я прошу, зовут Адольф Гитлер.

Мы недавно разговорились случайно об искусстве и художниках, и он упомянул между прочим, что профессор Роллер — знаменитость среди художников и известен не только в Вене, но и обладает мировой славой... Он обожает его произведения.

Гитлер даже не подозревал, что мне знакомо имя Роллера, а когда я ему сказала, что была знакома с братом знаменитого Роллера, и спросила, не могу ли я помочь, раздобыв рекомендательное письмо к директору сценической части придворной оперы, у молодого человека засветились глаза и

он густо покраснел... Мне бы очень хотелось помочь молодому человеку. У него никого нет, кто бы мог замолвить за него слово или дать хороший совет. Он приехал в Вену совсем один, ему пришлось самому, без всяких рекомендаций, устроить свои дела по поводу приема. У него твердое намерение получить хорошее образование. Насколько я его знаю, он не собьется с пути, потому что у него перед глазами серьезная цель. Я надеюсь, что он достоин твоих хлопот. Возможно,

ты сделаешь доброе дело.

Дорогая мамочка, я прошу тебя, если возможно, напиши несколько рекомендательных строк директору Альфреду Роллеру... Я передам их молодому Гитлеру в Вену... Я думаю, тебе не составит труда написать несколько слов... Он ожидает сейчас решения опекунского совета по поводу пенсии для себя и своей сестры».

Рекомендательное письмо удалось добыть без особого труда. И уже 8 февраля 1908 года квартирная хозяйка Гитлера благодарила свою мать за успешные хлопоты и сообщала: «Лучшей наградой за твои труды было счастливое лицо молодого человека, когда я... сказала ему, что ты рекомендуешь его директору Роллеру и тот дает ему аудиенцию!.. Я разрешила ему прочесть письмо директора Роллера. Видела бы ты этого мальчика! Медленно, слово за словом, он с благоговением и со счастливой улыбкой на лице читал письмо, будто хотел выучить его наизусть. Затем он с глубокой благодарностью выложил его передо мной. Он спросил меня, можно ли написать тебе, чтобы выразить свою благодарность. Я ответила: «Да!»

Да вознаградит тебя Господь за твои хлопоты... Хотя из опекунского совета до сих пор нет ответа, Гитлер больше не хочет ждать и через неделю уезжает в Вену...»

Два дня спустя Гитлер написал матери своей хозяйки благодарственное письмо за то, что она помогла ему «получить доступ к великому мастеру сценической декорации профессору Роллеру».

Несколько дней спустя, подписав у своего опекуна протокол о наследстве, Гитлер уехал в Вену. Вместе со своим другом еще по Линцу Августом Кубичеком, собиравшимся учиться на альтиста, он поселился у некоей Закрейс, которая была родом из Галиции. Как писал Гитлер впоследствии, «во мне вновь проснулось бывшее упрямство, и у меня теперь была конечная цель. Я решил стать архитектором».

Кубичек свидетельствовал: «Таким был мой друг: книги, одни только книги! Я не могу себе представить Адольфа без книг. Дома они лежали вокруг него грудками. Ему хотелось, чтобы заинтересовавшая его книга всегда была под рукой. Даже если он не читал ее в данный момент, она должна была находиться рядом. Иногда у него не было возможности захватить книгу с собой. Тогда он скорее жертвовал прогулкой на свежем воздухе и лицезрением природы, чем книгой. Книги были его миром. В Линце он, чтобы иметь возможность достать любую нужную книгу, записался сразу в три библиотеки. В Вене он посещал придворную библиотеку, и притом настолько часто, что я однажды поинтересовался у него, не собирается ли он перечитать всю библиотеку, за что он грубо отчитал меня. Однажды он привел меня в читальный зал библиотеки. Я был потрясен количеством книг, которыми были уставлены все стены, и спросил, как он выбирает нужную книгу из всего этого многообразия. Он попробовал объяснить мне, как пользоваться каталогом, но я только еще больше запутался. Когда он читал, его ничто не могло оторвать от книги. Но иногда он отвлекался сам. Если книга захватывала его, он начинал говорить о ней. Мне приходилось терпеливо слушать независимо от того, интересовала меня тема или нет».

Добавлю, что Гитлер уже тогда достаточно владел французским и английским языками, чтобы читать на них книги и периодику и смотреть фильмы в кинотеатрах. Вообще же человек, стремящийся целиком замкнуться в мире книг, вполне может стать опасным для окружающих, что блестяще подтвердил Гитлер своим примером. Книгочеи, живущие в мире литературных фантазий и желающие перестроить реальный мир по книжному образцу и подобию — для придания миру совершенных, по их мнению, форм, способны на самые жуткие преступления. Особенно если образцами служат антисемитские памфлеты и сочинения о превосходстве какой-либо расы или народа.

Как мы убедились, Гитлер мог быть усердным и упорным в достижении цели, которая по-настоящему его увлекала. Он нравился окружающим, в том числе женщинам самого разного возраста. Молодой Адольф был вежливым и предупредительным, что называется, вполне вменяемым человеком. Никто бы тогда не заподозрил в нем будущего губителя миллионов людей. И жаль, что все хлопоты добрых женщин так и не увенчались успехом. Как знать, будь он великим художником или великим архитектором масштаба Ле Корбюзье или Антонио Гауди, возможно, его честолюбие было бы удовлетворено и он не ударился бы в политику... Правда, шансы на такое развитие событий были ничтожны, а уж стать святым Гитлеру точно не грозило ни при каких обстоятельствах.

Тем временем по рекомендации Роллера, которого он впоследствии назвал одним из своих учителей, Гитлер начал брать уроки искусства у венского скульптора Панхольцера, не оставляя мысли поступить в академию. Однако на экзаменах осенью 1908 года все на то же отделение живописи он провалился уже в первом туре, получив «неуд» по композиции. До демонстрации картин, созданных по наставлениям Панхольцера, дело даже не дошло.

После неудачи с экзаменами Гитлер съехал с прежней квартиры на Штумпералее, 29 и не оставил своего нового адреса никому, в том числе Августу Кубичеку, удачно поступившему в консерваторию. Как вспоминал Кубичек, «Гитлер был отвергнут миром и оттого стал неуравновешенным». В этом уходе от всех родных и знакомых был и свой плюс. Австрийское военное ведомство так и не сыскало кочующего по Вене Гитлера, чтобы призвать его в императорско-королевскую армию. Но наивно было бы объяснять подобный образ жизни Гитлера тем, что он хотел всеми способами избежать военной службы. Нет, как мы скоро убедимся, Гитлер в дальнейшем пошел добровольцем — правда, не в австрийскую, а в германскую армию — и показал себя умелым и храбрым солдатом. Скорее причина заключалась в состоянии его души, которая переживала потрясение из-за крушения надежд на карьеру профессионального художника или архитектора и требовала уединения.

Какое-то время Адольф зарабатывал на жизнь трудом художника-самоучки. Он рисовал венские пейзажи и продавал их туристам и горожанам, иногда писал портреты по заказу прохожих. Он вполне освоил к тому времени технику портретной живописи. Но портреты продавались гораздо хуже пейзажей, поэтому Гитлер чаще писал пейзажи. Рисовал он и рекламные плакаты и буклеты, а порой даже давал консультации по архитектуре. Писал как маслом, так и акварелью. Рисовал чаще с фотографии, чем с натуры, так как не хотел тратить время на то, чтобы рисовать, стоя на улице за мольбертом. Это было дольше и труднее.

В 1910 году у Гитлера произошел конфликт с его партнером по артистическому бизнесу Райнхольдом Ханишем. Гитлер заявил в полицейский комиссариат, что Ханиш украл у него акварель стоимостью в 9 крон и присвоил выручку от продажи другой акварели — в 19 крон. Незадачливый партнер в результате был осужден на семь дней тюрьмы. Впоследствии Ханиш

распространял о Гитлере разного рода порочащие небылицы, которыми позднее охотно пользовались политические противники и биографы фюрера. После 1933 года Ханиш выдавал свои рисунки за гитлеровские и бойко продавал их коллекционерам. Эти сплетни не прошли бедняге даром. Сразу после аншлюса Австрии Ханиш был арестован гестапо и, по одним данным, умер во время следствия от воспаления легких, а согласно другим — повесился.

После того как Гитлер расстался с Ханишем, он стал продавать свои картины самостоятельно, и довольно удачно. Он работал по строго определенному расписанию: ежедневно в первой половине дня писал по одной небольшой акварели (реже — картины маслом), а во второй половине дня ходил по потенциальным покупателям и заказчикам. В это время он зарабатывал достаточно денег, чтобы уже в мае 1911 года отказаться от ежемесячной пенсии в 25 крон по случаю потери кормильца (причитавшейся ему еще на протяжении двух лет) в пользу своей сестры Паулы.

По иронии судьбы среди покупателей гитлеровских акварелей было немало евреев из числа венских коммерсантов и интеллигенции. В их числе были и те, кто покупал картины главным образом для того, чтобы поддержать молодого талантливого художника. Четверть века спустя Гитлер с лихвой отблагодарил их за это участие.

В целом коммерческой живописью в Вене Гитлер занимался не слишком усердно, зарабатывая ровно столько, сколько хватало на более или менее сносное существование, но никак не больше. Он предпочитал иметь досуг для чтения. В Вене будущий фюрер впервые начал интересоваться политикой и проникся лютой ненавистью к евреям и стойкой нелюбовью — к дунайской монархии. Эти чувства подогревались тем, что живописная халтура ради денег в глубине души претила Гитлеру. Он считал себя непризнанным великим художником, чьи картины достойны украшать лучшие галереи мира. Позднее, уже в годы Второй мировой войны, фюрер уверял своих собеседников в ставке «Вольфшанце» (она располагалась в Растенбурге, в Восточной Пруссии), что, если бы не началась Первая мировая война, то он бы стал одним из первых архитекторов Германии, если вообще не самым первым.

Вену, в отличие от Линца, Гитлер так и не полюбил по-настоящему. Она была для него слишком космополитичным городом, давно утратившим подлинный «германский дух». Вот к Линцу он на всю жизнь сохранил самые теплые чувства и после победы во Второй мировой войне мечтал сделать его самым красивым немецким городом на Дунае и рассчитывал возвести там ряд монументальных зданий по собственным проектам. Фюрер мечтал после победы поселиться там навсегда, отойти от государственных дел и жить в уединении, предаваясь размышлениям об историческом предназначении германской расы и благотворной силе искусства. Впрочем, эти мечты представляли собой несбыточные фантазии, и фюрер понимал это. В то же время за многими зданиями Вены начала XX века Гитлер признавал несомненные эстетические достоинства. Например, здание Венской оперы он называл «самым изумительным оперным зданием мира».

Все-таки Гитлер не считал Вену подлинной столицей германского народа, несмотря на ее неоспоримые культурные богатства и многовековую традицию, не считал и Мюнхен, куда он переехал в 1913 году, — только Берлин! С самого начала он мыслил себя политиком Великой Германии, включающей в свой состав Австрию, Судеты и все иные германские земли, не удовлетворяясь Малой Германией, какую объединил Бисмарк в 1871 году в составе Германской империи. В «застольном разговоре» в «Вольфшанце» (ставка вблизи Растенбурга в Восточной Пруссии) 11 марта 1942 года Гитлер утверждал: «Берлин станет мировой столицей, сравнимой лишь с Древним Египтом, Вавилоном или Римом». И готовился осуществить в столице Тысячелетнего Рейха собственные

грандиозные архитектурные замыслы. А когда три года спустя эти планы потерпели полный крах, фюрер именно в Берлине предпочел свести счеты с жизнью. Но до этого было еще далеко.

Кстати, архитектурные пристрастия Гитлера в дальнейшем тесно сплелись с представлениями о превосходстве германской нации над всеми другими и даже вылились в бесчеловечные планы разрушить другие столицы, чтобы ни один архитектурный ансамбль не мог превзойти архитектуру Нового Берлина, здания и памятники которой предполагалось возвести после окончательной победы германского оружия. Эти варварские планы были реализованы только по отношению к Варшаве после подавления Варшавского восстания 1944 года. Польская столица была буквально стерта с лица земли. Но по отношению к столицам других государств — противников Германии Гитлер вынашивал столь же чудовищные замыслы. В той или иной степени обсуждались планы уничтожения Москвы, Ленинграда, Парижа... Альберт Шпеер, бывший личный архитектор Гитлера и министр вооружений, вспоминал, как вскоре после капитуляции Франции Гитлер осматривал Париж и под впечатлением увиденного разразился следующей сентенцией: «Приготовьте указ о возобновлении строительных работ в Берлине... Разве Париж не прекрасный город? Но Берлин должен стать еще лучше! Прежде я часто задумывался над тем, что, может быть, Париж следует разрушить». Гитлер произносил эти слова с таким спокойствием, как будто речь шла о чем-то обычном и вполне приемлемом. «Когда мы закончим свои строительные дела в Берлине, Париж станет только тенью. Так зачем же разрушать его!»

Только в отношении Вены и Праги, которые Гитлер считал исконно германскими городами и неотъемлемой частью Великогерманского Рейха, подобных планов всеобщего разрушения у фюрера никогда не существовало.

Как заметил Шпеер, у Гитлера были нераздельны «вера в свое политическое призвание и страсть к архитектуре». Свидетельством этого архитектор фюрера считал два эскиза, которые Гитлер сделал в 1925 году, когда, как казалось многим, он вроде бы потерял всякие надежды на успешную политическую карьеру. Данные эскизы доказывали, что будущий фюрер сохранил веру в то, что когда-нибудь сможет увенчать свои государственные свершения Триумфальной аркой и Народным домом с гигантским куполом. На гранитной Триумфальной арке он собирался выбить имена всех 1 800 000 немцев, павших в Первой мировой войне.

Что же касается таланта Гитлера как художника, то на этот счет сохранились несколько достаточно высоких и беспристрастных оценок. Так, британский режиссер и художник Эдвард Гордон Крэг, по своим политическим убеждениям решительный противник Гитлера, после знакомства с его акварелями периода Первой мировой войны записал в дневнике, что считает эти работы заметным достижением в искусстве. А один из идеологов национал-социализма Альфред Розенберг в предсмертных записках в Нюрнберге, где вряд ли был смысл лукавить и уж во всяком случае специально хвалить Гитлера, утверждал, что гитлеровские акварели, сделанные во Франции, свидетельствуют о «природном таланте, умении подмечать самое существенное и ярко выраженном художественном чутье». Косвенным свидетельством того, что Гитлер был очень неплохим художником, служит тот факт, что многие его акварели их владельцы бережно сохраняли на протяжении десятилетий задолго до того, как их автор стал известным политическим деятелем. Но ни одной не то что великой, но сколько-нибудь запоминающейся картины Гитлер так и не создал. Может быть, потому, что никогда не сосредоточивался исключительно на живописи, и тем более — на попытке написать хотя бы одну картину по гамбургскому счету.

Зато в истории Гитлер создал свою великую и страшную картину, воплотившую в себе вселенские бедствия Второй мировой войны.

Что же касается занятий Гитлера архитектурой, то и в венский период, и позднее они, естественно, ограничивались эскизами. Для создания полноценного проекта у фюрера не хватало специальных технических и математических знаний. Он рисовал монументальные сооружения в стиле неоклассицизма, популярного во второй половине XIX и начале XX века. Не случайно в 1938 году на открытии выставки архитектуры и художественных ремесел в Мюнхене Гитлер с пафосом заявил: «Каждое великое время находит выражение в своих строениях. Народы переживают великие времена внутри себя, но эти времена проявляют себя и вовне. И все эти проявления более убедительны, чем произнесенное слово: это слово в камне... Эта выставка знаменует собой начало нового времени. В ней мы видим документы начала новой эпохи... Со времен создания наших соборов мы впервые наблюдаем здесь действительно великую архитектуру — не ту, которая потребляет сама себя, служа повседневным нуждам, а ту архитектуру, которая выходит далеко за рамки повседневности и ее запросов. Она может выдержать критическую проверку тысячелетий и на многие тысячи лет стать гордостью нашего народа, создавшего эти произведения... Есть вещи недискуссионные. К ним относятся вечные ценности. Кто может измерить их, приложив к делу жизни великих и одухотворенных Богом натур свой мелкий повседневный рассудок? Великие художники и зодчие имеют право на то, чтобы быть избавленными от критического созерцания со стороны ничтожных современников. Окончательную оценку этим произведениям дадут века, а не мелкие повседневные явления... Здесь собраны архитектурные достижения, которые имеют вечную ценность и которые по человеческим измерениям будут стоять вечно, нерушимо в своей непреходящей красоте и гармонии форм!»

Архитектуру, живопись, искусство и культурные ценности вообще Гитлер ставил не только выше повседневной реальности, но и гораздо выше пафоса политической борьбы и военного героизма. И первые годы своей сознательной жизни он собирался стать свободным художником, а вовсе не политиком, чтобы иметь возможность созидать действительно вечные ценности. Но Первая мировая война круто изменила его жизненные планы, равно как и судьбы сотен миллионов людей во всем мире. После 1918 года Гитлер стал мечтать об основании великого государства германской расы, которое будет господствовать в мире и создаст условия для творения выдающихся памятников культуры германским народом. Памятники же других народов надо было либо уничтожить, либо, в лучшем случае, превратить в оправу для настоящих германских бриллиантов.

Вспоминая Вену, Гитлер говорил своим собеседникам в «Вольфшанце» в январе 1942 года: «Я стал политиком против своей воли. Политика для меня лишь средство достижения поставленной цели. Есть люди, которые считают, что мне будет трудно отказаться от этого рода деятельности. Нет! Это будет самый счастливый день моей жизни, когда я уйду из политики и оставлю за спиной все заботы, мучения и огорчения. Я сделаю это, как только после окончания войны решу свои политические задачи. 5-10 лет после этого я буду приводить в порядок и записывать свои мысли. Войны приходят и уходят. Единственное, что остается, это культурные ценности. Отсюда и моя любовь к искусству. Музыка, архитектура — разве это не те силы, которые указывают путь грядущему человечеству?»

Гитлер мечтал, что после военной победы над своими противниками Германия сможет одержать над ними не менее важную культурную победу, возведя здания, мосты и арки, создав симфонии и оперы, способные потрясти мир.

А свое архитектурное кредо Гитлер сформулировал в книге «Моя борьба»: «То, что в античности находило свое выражение в Акрополе или Пантеоне, в Средневековье облачилось в формы готического собора. Эти монументальные сооружения возвышались подобно гигантам над мешаниной фахверковых (одно- и двухэтажных домов, сделанных из деревянных брусчатых каркасов, заполненных камнем, кирпичом или глиной. — Б. С.), деревянных и кирпичных домов средневекового города и становились символами, которые и сегодня, когда с ними вровень встанут многоэтажные дома, определяют характер и облик городов. Соборы, ратуши и крытые рынки, равно как и оборонительные крепостные башни, — это видимые признаки концепции, которая по своей сути является античной. Насколько же жалким стало сегодня соотношение между государственными и частными постройками. Если Берлину выпадет судьба Рима, то потомки с удивлением узнают, что самыми грандиозными творениями нашего времени и самым характерным выражением культуры наших дней были магазины нескольких евреев и отели нескольких компаний».

Гитлер мечтал об огромных общественных зданиях — зримом воплощении мощи Германского государства. В юности его раздражали высокие здания в Вене — это были особняки или частные магазины, нередко принадлежащие евреям и своим великолепием конкурирующие с государственными учреждениями. Уже тогда будущий фюрер воспринимал евреев как народ антигосударственный, начисто лишенный германского духа, размывающий национальную идентичность немцев, а потому служащий препятствием к реализации идеи Великогерманского Рейха. В состав Рейха должны были войти все немцы, все германские народы, тогда как прочие — превратиться в зависимые от Рейха нации. Монументальный Народный дом в виде гигантского купола на украшенном гигантскими колоннами бетонном параллелепипеде, призванный украсить Берлин после победы, почти десятикратно превосходил по своим размерам рейхстаг. Гигантомания, свойственная архитектурным замыслам Гитлера, соответствовала его гипертрофированным представлениям о собственном величии и величии германского народа, грандиозные свершения которого могли быть достойно увековечены только в гигантских зданиях и сооружениях, превосходящих все прежде существовавшее на земле, в том числе и пирамиду Хеопса, которую прежде всего и должен был затмить Народный дом. На его возведение должны были пойти богатства и рабочие руки побежденных народов. Это здание, вмещавшее по проекту от 150 до 180 тысяч человек, должно быть выше, шире и объемнее любой другой постройки в мире. Победители могли бы проследить, чтобы никто в мире не попытался бы даже повторить это восьмое чудо света. Диаметр Народного дома должен был составить 250 метров, высота — 220 метров (из них 122 метра приходилось на купол). В куполе было предусмотрено отверстие для света диаметром 46 метров. Фюрер мыслил начать строить это здание после победы, как он думал в начале войны — не позднее 1943 года, а завершить к 1950 году. Гитлеру и в страшном сне не снилось, что уже в 1945 году в Берлине благодаря англо-американским бомбардировкам и работе советской артиллерии расчистится гигантская строительная площадка для доброго десятка Народных домов, а целых зданий почти не останется.

Кстати, построивший модель Народного дома главный архитектор Рейха, а потом министр вооружений Альберт Шпеер утверждал, уже выйдя из тюрьмы Шпандау в 1966 году: «Я не могу исключить, что Гитлер... был бы заметной фигурой в ряду других архитекторов. У него ведь был талант». Интересно, что идея Гитлера по перекрытию купольных сооружений с помощью стальных и железобетонных конструкций оказалась плодотворной и была позднее освоена конструкторами мостов.

Свое пристрастие к гигантским архитектурным формам Гитлер объяснял Шпееру уже после прихода к власти следующим образом: «Почему всегда самое большое? Я делаю это затем, чтобы вернуть каждому отдельному немцу чувство собственного достоинства. Чтобы в сотне различных областей сказать каждому: мы ни в чем не уступаем другим народам, напротив, мы равны любому из них». 9 сентября 1937 года фюрер заложил первый камень Нюрнбергского стадиона на 400 тысяч мест, предназначенного для партийных форумов. Этому проекту, стоимость которого оценивалась в четверть миллиарда марок, как и другим великим стройкам Третьего Рейха, положила конец Вторая мировая война.

Гитлер в Первой мировой войне

24 мая 1913 года Гитлер покинул Вену и переехал в Мюнхен, где поселился в квартире портного и торговца Йозефа Поппа на Шляйсхаймерштрассе. На жизнь он зарабатывал по-прежнему коммерческой живописью. В столице Баварии его в конце концов по наводке мюнхенской полиции разыскали австрийские военные власти. До этого же он жил в баварской столице вполне безбедно, даже лучше, чем в Вене. Да и контакт с австрийским военным ведомством, как оказалось, никаких неприятностей Гитлеру не принес. Вообще жизнь в Мюнхене накануне Первой мировой войны он впоследствии называл счастливым временем.

19 января 1914 года полицейские доставили Гитлера в австрийское консульство. В связи с этим он направил письмо с налоговой декларацией в магистрат Линца, который требовал его явки для отбытия воинской повинности. Гитлер писал: «Я зарабатываю как свободный художник только для того, чтобы обеспечить себе дальнейшее образование, так как совершенно лишен средств (мой отец был государственным служащим). Добыванию средств к существованию я могу посвятить только часть времени, так как все еще продолжаю свое архитектурное образование. Поэтому мои доходы очень скромны, их хватает только на то, чтобы прожить. В качестве доказательства прилагаю свою налоговую декларацию и прошу вновь возвратить ее мне. Сумма моего дохода указана здесь в размере 1200 марок, причем она скорее завышена, чем занижена (интересно было бы поглядеть на человека, который завышает свои доходы в налоговой декларации. — Б. С.), и не надо полагать, что на каждый месяц приходится ровно по 100 марок».

Гитлер явно прибеднялся, стремясь разжалобить чиновников родного города: авось посочувствуют и решат, что бедного художника можно и не забирать в армию. И своей цели Адольф добился. В сообщении консульства о визите Гитлера, посланном в Вену и Линц, говорилось: «По наблюдениям полиции и по личным впечатлениям, изложенные в прилагаемом оправдательном заявлении данные полностью соответствуют истине. Он также якобы страдает заболеванием, которое делает его непригодным к военной службе... Поскольку Гитлер произвел благоприятное впечатление, мы пока отказались от его принудительной доставки и порекомендовали ему непременно явиться 5 февраля в Линц на призывную комиссию... Таким образом, Гитлер выедет в Линц, если магистрат не сочтет нужным учесть изложенные обстоятельства дела и его бедность и не даст согласие на проведение призывной комиссии в Зальцбурге».

На самом деле 100 марок, с учетом реального масштаба цен, было больше, чем месячный заработок Гитлера в Вене, составлявший 60—65 крон. Ведь цены в Мюнхене были существенно ниже венских. Кстати, начинающий банковский служащий в Мюнхене в то время зарабатывал всего 70 марок в месяц.

В Вене, для того чтобы каждый день обедать в ресторане, требовалось 25 крон в месяц, а в Мюнхене — 18—25 марок. Самая плохонькая комната в Вене стоила 10—15 крон, а за хорошую меблированную комнату с отдельным входом в Мюнхене Гитлер платил всего 20 марок. За вычетом расходов на завтраки и ужины у него оставалось в месяц не менее 30 марок на другие нужды, тогда как в Вене свободных денег у него практически не оставалось. А поскольку Гитлер был неприветлив, у него даже, судя по всему, накопились кое-какие сбережения. В 1944 году он признался своему личному фотографу Генриху

Хоффману, что в 1913—1914 годах в Мюнхене ему было нужно не более 80 марок в месяц.

Как и в Вене, в Мюнхене Гитлер был очень одинок. Можно допустить, что и там, и там у него были мимолетные связи с женщинами, но ничего конкретного на этот счет до сих пор неизвестно. Окружающие смотрели на Гитлера как на чудака, что его ничуть не задевало. Он по-прежнему много читал, причем не только книги по искусству и философии, но и труды по военному делу, словно предчувствуя, что вот-вот грянет мировая война.

При этом Гитлер хорошо, со вкусом одевался и часто вечерами общался в кафе и пивных с людьми искусства— такими же, как он, художниками, поэтами и музыкантами второго-третьего ряда, не получившими общественного признания. Он охотно обсуждал не только культурные, но и политические темы и обнаружил необыкновенный дар убеждения собеседников — впоследствии многие из них вступили в национал-социалистическую партию. Но близко он ни с кем не сходилась и никому не открывал душу, в том числе, как мы увидим дальше, и любимым женщинам.

5 февраля 1914 года Гитлер отправился на призывную комиссию в Зальцбург. Власти Линца приняли во внимание его мнимую бедность и разрешили проходить призывную комиссию в Зальцбурге, который находился гораздо ближе к Мюнхену. Комиссия признала его «негодным к строевой и вспомогательной службе ввиду слабого телосложения» и освободила от отбывания воинской повинности. Гитлер отнюдь не собирался манкировать исполнением своего воинского долга, но предпочел сделать это в рядах баварской, а не австрийской армии. Как раз в дни его приезда в Мюнхен разразился скандал, связанный с делом Альфреда Редля. В ночь на 25 мая 1913 года в Вене покончил с собой полковник австро-венгерского Генштаба Редль, разоблаченный как русский шпион. Зная о его гомосексуальных наклонностях, российская разведка путем шантажа заставила его выдать план стратегического развертывания императорско-королевской армии. Случай с Редлем был расценен Гитлером как свидетельство разложения австро-венгерской армии и подкрепил его убеждение не служить в ней. В книге «Моя борьба» он признавался: «Я покинул Австрию в первую очередь по политическим причинам. Я не хотел воевать за габсбургское государство». Немецкий историк Вернер Мазер так характеризовал позицию Гитлера: «Он не хочет служить в одной армии с чехами и евреями, воевать за габсбургское государство, но всегда готов умереть за Германский Рейх». Гитлер был горячо убежден, что Австро-Венгрия давно уже «перестала быть германским государственным образованием», что в дунайской монархии единственными носителями идеи тесного союза с Германией «остались только Габсбурги и немцы. Габсбурги из расчета и по необходимости, а немцы вследствие доверчивости и политической глупости». Он не сомневался, что внутренняя нестабильность приведет к скорому распаду габсбургской империи. И уже тогда, в Мюнхене, Гитлер не раз говорил, что «будущее немецкой нации зависит от уничтожения марксизма».

1 августа 1914 года Германия объявила войну Франции и России, а уже 16 августа Гитлер в Мюнхене вступил добровольцем в баварский 16-й резервный пехотный полк. Свои чувства в момент получения известия о начале войны в книге «Моя борьба» он передавал следующим образом: «Те часы стали для меня как бы избавлением от неприятных воспоминаний юности. Я не стыжусь... признаться, что от охватившего меня восторга упал на колени и от всего сердца возблагодарил небеса за то, что мне даровано счастье жить в такое время».

8 октября 1914 года рядовой 6-го рекрутского запасного батальона 16-го Баварского пехотного полка Адольф Гитлер принес присягу сначала королю Баварии Людвигу III, а затем, как австрийский подданный, своему императору Францу-Иосифу I. А уже в середине октября он в составе 1-й пехотной роты 16-

го полка оказался на Западном фронте. Свои первые боевые впечатления во Фландрии во время сражения под Ипром Гитлер описал наиболее подробно в феврале 1915 года в письме своему мюнхенскому товарищу ассессору Эрнсту Хеппу. Это наиболее подробная зарисовка «окопной правды», вышедшая из-под пера фюрера: «Уже 2 декабря я получил Железный крест. Возможностей для его получения, слава богу, было более чем достаточно. Наш полк попал не в резерв, как мы думали, а уже 29 октября с утра был направлен в бой, и вот уже три месяца мы не даем им покоя ни на минуту — если не в наступлении, так в обороне. После очень красивого путешествия по Рейну мы 31 октября прибыли в Лилль. Уже в Бельгии были заметны признаки войны. Лёвен был весь в развалинах и пожарищах... Где-то около полуночи мы вошли наконец в Лилль... Днем мы немного занимались боевой подготовкой, осматривали город и главным образом восхищались колоссальной военной машиной, которая во всей красе разворачивалась на наших глазах и наложила отпечаток на весь Лилль. Ночью мы пели песни, некоторые из нас в последний раз. На третью ночь в 2 часа вдруг объявили тревогу, и в 3 часа мы двинулись на сборный пункт. Никто из нас толком ничего не знал, однако мы решили, что это учебная тревога... Где-то в 9 часов мы остановились в каком-то дворцовом парке. Два часа привала, а потом опять в путь до 8 часов вечера... После долгих мытарств добрались до разбитого крестьянского подворья и устроили привал. Той ночью мне пришлось стоять на часах. В час ночи снова объявили тревогу, и в 3 часа мы двинулись маршем. Перед этим пополнили боеприпасы. Пока мы ожидали приказа двигаться вперед, мимо нас проехал на коне майор Цех: завтра мы идем в атаку на англичан. Все радуются: наконец-то. Сделав это объявление, майор занял свое место во главе колонны и пошел пешком. В 6 часов утра мы около какой-то гостиницы встречаемся с другими ротами, а в 7 часов все и начинается. Мы повзводно проходим через расположенный справа от нас лес и в полном порядке выходим на луг. Перед нами вкопаны четыре орудия. Мы занимаем за ними позиции в больших окопах и ждем. Над нами уже свистит первая шрапнель и срезает деревья на опушке, как соломины. Мы с любопытством глядим на все это. У нас еще нет настоящего чувства опасности. Никто не боится, все ждут команды «В атаку!». А дела становятся все хуже. Говорят, что уже есть раненые. Слева появляются 5 или 6 молодых людей в мундирах цвета глины, и мы вопим от радости. 6 англичан с пулеметом. Мы смотрим на конвоиров. Они гордо шагают вслед за своей добычей, а мы все еще ждем и почти ничего не можем рассмотреть в адском дыму перед нами. Наконец команда «Вперед!». Мы рассыпаемся цепью и мчимся по полю в направлении небольшого хутора. Слева и справа разрывается шрапнель, свистят английские пули, но мы не обращаем на них внимания. Залегает на десять минут, а потом опять вперед, бегу впереди всех и отрываюсь от взвода. Тут сообщают, что подстрелили взводного Штевера. «Вот так дела», — успеваю я подумать, и тут начинается. Поскольку мы находимся посреди открытого поля, нужно как можно быстрее бежать вперед. Капитан бежит впереди. Теперь уже падают и первые среди нас. Англичане направили на нас огонь пулеметов. Мы бросаемся на землю и медленно ползем по канаве.

Иногда мы останавливаемся, это означает, что кого-то опять подстрелили, и он не дает двигаться вперед. Мы выволакиваем его из канавы. Так мы ползем до тех пор, пока канава не кончается и опять надо выбираться на поле. Через 15—20 метров мы добираемся до большой лужи. Один за другим мы вскакиваем туда и занимаем позицию, чтобы отдышаться. Но залеживаться некогда. Быстро выбираемся и марш-марш к лесу, до которого примерно 100 метров. Там мы постепенно опять собираемся вместе. Лес уже сильно поредел. Теперь нами командует вице-фельдфебель Шмидт, отличный здоровенный парень. Мы ползем по опушке. Над нами свистят пули и осколки, и вокруг

падают сбитые сучья и куски деревьев. Потом на опушке рвутся снаряды, поднимая облака камней, земли и песка и вырывая огромные деревья с корнями, а мы задыхаемся в желто-зеленом ужасном, вонючем дыму. Вечно здесь лежать не имеет смысла, если уж погибать, так лучше в поле. Тут подходит наш майор. Мы снова бежим вперед. Я прыгаю и бегу изо всех сил по лугу, через свекольные грядки, перепрыгиваю через окопы, перелезаю через проволоку и кустарниковые загороди и вдруг слышу впереди крики: «Сюда, все сюда». Передо мной длинная траншея, и через мгновение я спрыгиваю в нее. Передо мной, за мной, слева и справа туда же прыгают и другие. Рядом со мной вюртембержцы, а подо мной мертвые и раненые англичане. Вюртембержцы заняли траншею уже раньше нас. Теперь становится ясно, почему мне было так мягко спрыгивать. В 240—280 метрах слева от нас видны еще английские окопы, а справа дорога... которая находится в их руках. Над нашей траншеей непрерывный железный град. Наконец в 10 часов начинает работу наша артиллерия. Пушки бьют одна за другой, 1, 2, 3, 4-я и т. д. То и дело перед нами снаряд попадает в английские окопы. Англичане выскакивают как из муравейника, и мы снова бежим в атаку.

Моментально проскакиваем поле и после рукопашной, которая местами была довольно кровавой, выбиваем их из окопов. Многие поднимают руки. Всех, кто не сдается, мы приканчиваем. Так мы освобождаем траншею за траншеей. Наконец выбираемся на большую дорогу. Слева и справа от нас молодой лес. Входим в него. Выгоняем оттуда целые своры англичан. Наконец доходим до места, где лес кончается и дорога идет дальше по чистому полю. Слева стоят какие-то хутора, которые еще заняты противником, и по нас открывают оттуда ужасный огонь. Люди падают один за другим. И тут появляется наш майор, храбрый как черт. Он спокойно курит. Вместе с ним его адъютант лейтенант Пилоти. Майор быстро оценивает обстановку и приказывает сосредоточиться слева и справа от дороги и приготовиться к атаке. Офицеров у нас уже нет, да и унтер-офицеров почти не осталось. Поэтому все, кто еще в состоянии, вскакивают и бегут за подкреплением. Когда я во второй раз возвращаюсь с группой отколовшихся вюртембержцев, майор с простреленной грудью лежит на земле. Вокруг него куча трупов. Теперь остается только один офицер, его адъютант. В нас клокочет ярость. «Господин лейтенант, ведите нас в атаку», — кричат все. Мы движемся через лес слева от дороги, по дороге не пройти. Четыре раза мы поднимаемся в атаку — и четыре раза вынуждены отойти. Из всей моей команды кроме меня остается всего один человек. Наконец и он падает. Мне отрывает выстрелом рукав кителя, но каким-то чудом я остаюсь живым и здоровым. В 2 часа мы идем наконец в пятую атаку и на этот раз занимаем опушку леса и хутор. Вечером в пять часов мы собираемся вместе и окапываемся в 100 метрах от дороги. 3 дня идут бои, пока наконец на третий день мы не опрокидываем англичан. На четвертый день маршируем назад... Только там мы оценили, насколько тяжелы наши потери. За 4 дня наш полк сократился с трех с половиной тысяч человек до 600 человек (своему мюнхенскому квартирному хозяину Й. Поппу Гитлер еще в декабре 1914 года писал, что в полку из 3600 человек осталось 611. — Б. С.). Во всем полку осталось только 3 офицера, 4 роты пришлось переформировать. Но мы были горды тем, что опрокинули англичан. С тех пор мы постоянно на передовой. В Мессине меня в первый раз представили к Железному кресту, а в Витшете — во второй, на этот раз представление на меня... подписал господин подполковник Энгельхардт, наш полковой командир. 2 декабря я его наконец получил. Я теперь служу посыльным при штабе. Служба здесь немного почище, но зато и опаснее. В одном только Витшете в день первого наступления из нас восьмерых троих человек убило, а одного тяжело ранило. Нас, четверых оставшихся в живых, и раненого наградили. В тот раз эта награда спасла нам жизнь. Когда

обсуждался список представленных к кресту, в палатку зашли 4 командира роты. Из-за тесноты нам четверым пришлось ненадолго выйти. Мы не простояли снаружи и пяти минут, как вдруг снаряд попал прямо в палатку, тяжело ранил подполковника Энгельхардта, а все остальные в штабе либо ранены, либо убиты. Это был самый ужасный момент в моей жизни. Мы все просто обожали подполковника Энгельхардта.

К сожалению, надо заканчивать, и я прошу Вас, уважаемый господин ассессор, простить меня за плохой почерк. Я сейчас слишком нервничаю. День за днем мы с 8 часов утра до 5 часов вечера находимся под сильнейшим артиллерийским огнем. Со временем это может испортить даже самые крепкие нервы. За обе посылки, которые Вы, господин ассессор, были так добры послать мне, выражаю Вам и Вашей дражайшей супруге самую сердечную благодарность. Я часто вспоминаю Мюнхен, и у каждого из нас только одно желание: чтобы как можно быстрее рассчитаться с этими бандитами, чего бы это ни стоило, и чтобы те из нас, кому повезет снова вернуться на родину, увидели ее очищенной от всякой иноземщины, чтобы благодаря тем жертвам и страданиям, которые сотни тысяч из нас испытывают каждый день, и тем рекам крови, которые проливаются в борьбе с международным заговором врагов, мы не только разбили внешних врагов Германии, но чтобы рухнул и внутренний интернационализм. Это важнее, чем любые завоевания территории. Все начнется с Австрии, как я всегда говорил».

Здесь звучит не только гордость военными успехами, но и искреннее сострадание к погибшим и раненым товарищам. У Гитлера была вполне понятная ненависть к своим противникам, свойственная только что вышедшим из боя солдатам. Но у него уже тогда отчетливо проявлялась ксенофобия, вылившаяся в стремление очистить Германию от «иноземцев» (в Германию он уже в ту пору включал Австрию).

Насчет потерь 16-го Баварского пехотного полка существуют данные официальных донесений. Согласно официальному списку потерь, 29 октября 1914 года, в день «крещения огнем», в полку погибло 349 человек, а в период с 30 октября по 24 ноября 1914 года — еще 373 человека (основная часть — в начале октября и в начале ноября, в период наиболее интенсивных боев). С учетом того, что раненых было, вероятно, примерно втрое больше, в строю к концу ноября действительно могло остаться около 600 человек. Так что приводимые Гитлером данные надо признать весьма точными. Всего же за войну 16-й полк потерял погибшими 3754 солдата, унтер-офицера и офицера.

Характерно, что в письме Гитлера Эрнсту Хеппу тезис кайзеровской пропаганды о международном заговоре против Германии переживается вполне искренне, и сам собой напрашивается вывод о необходимости параллельно расправиться с «врагом внутренним» — интернационализмом. Тем самым как бы предвосхищается родившаяся в 1918 году легенда «об ударе кинжалом в спину» — о том, что именно «подрывная деятельность» социал-демократов привела к краху фронта и поражению Германии. Самое же интересное то, что в этом письме уже в сжатом виде содержится программа будущей германской экспансии, на случай поражения, которую надо будет начать с Австрии. Как хорошо известно, именно аншлюс Австрии стал первой аннексией Гитлера — прелюдией ко Второй мировой войне. И что еще весьма любопытно: англичан, «расово близкий» германскому народ, будущий фюрер по-простому именовал бандитами. Подобное чувство заставляет усомниться в реальности комбинаций англо-германского союза, которые рейхсканцлеру Гитлеру потом приписывали как основополагающую идею нацистской внешней политики. Скорее это были чисто пропагандистски-дипломатические маневры.

Письмо Хеппу опровергает также широко распространенное мнение, что только в 1919 году Гитлер ощутил политическую деятельность как свое

призвание. Уже в этом письме мы совсем не видим художника, зато видим политика-экстремиста с определенной программой действий.

И еще. Судя по описанию своего первого боя, Гитлер в нем непременно должен был убить кого-то из неприятельских солдат, и, скорее всего, не одного. Вероятно, кого-то он убил и в последующих боях — всего таких боев на счету Гитлера было более 30. Зато после Первой мировой войны глава Национал-социалистической рабочей партии Германии и фюрер германского народа своими руками больше не убил ни единого человека, предпочитая уничтожать миллионы людей одним росчерком пера.

О своих первых боях Гитлер 3 декабря 1914 года писал также Й. Поппу: «Мне присвоили ефрейтора, и я словно чудом остался жив, а после трехдневного отдыха все началось сначала. Мы воевали в Мессине, а потом в Витшете. Там мы еще дважды ходили в атаку, но на этот раз было тяжелее. В моей роте осталось 42 человека, а во 2-й — 17. Сейчас пришел транспорт с пополнением всего 1200 человек. Меня уже после второго боя представили к Железному кресту. Но командира роты в тот же день тяжело ранило, и все спустились на тормозах. Зато я попал ординарцем в штаб. С тех пор я, можно сказать, каждый день рискую жизнью и смотрю смерти в глаза. Подполковник Энгельхардт затем уже сам представил меня к Железному кресту. Но в тот же день и он был тяжело ранен. Это был уже наш второй командир полка, так как первый (Лист, имя которого получил полк. — Б. С.) погиб уже на третий день. На этот раз меня опять представил адъютант Айхельсдёрфер, и вчера, 2 декабря, я все-таки получил Железный крест. Это был самый счастливый день в моей жизни. Почти все мои товарищи, которые тоже заслужили его, погибли. Прошу Вас, дорогой господин Попп, сохранить газету, где написано о награждении. Мне хотелось бы, если Господь Бог оставит меня в живых, сохранить ее на память... Я часто вспоминаю о Мюнхене и особенно о Вас, дорогой господин Попп... Иногда я так тоскую по дому».

В тот момент Гитлер, несомненно, верил в Бога, как и большинство солдат, которые на фронте ежедневно подвергаются смертельной опасности. И то, что, пробыв четыре года на фронте, уцелел, он приписал собственной богоизбранности. Провидение, думал Гитлер, сохранило его для великих дел. А два своих военных отпуска он проводил в Шпитале — «родовом гнезде» Гитлеров. Веру в Бога Гитлер сохранил и в дальнейшем. Только это был не христианский всепрощающий и жертвенный Бог, а языческое Провидение, отмечающее своей печатью сильных и равнодушное и даже враждебное к слабым.

Военное прошлое навсегда осталось для фюрера символом героического в его жизни. В книге «Моя борьба» Гитлер писал: «Добровольцы из полка имени Листа, может быть, и не умели воевать, но умирать они умели как старые солдаты. Это было только началом. Потом год шел за годом. Романтику первых боев сменили суровые военные будни. Энтузиазм постепенно охладел, и безудержный восторг сменился страхом смерти. Настало время, когда в каждом боролись инстинкт самосохранения и чувство долга. Такая борьба происходила и во мне... Зимой 1915/16 года эта борьба закончилась. Безоговорочную победу в ней одержала воля. Если в первые дни я мог ходить в атаки со смехом и восторгом, то теперь я был полон спокойствия и решимости. И это осталось навсегда... Юный доброволец превратился в опытного солдата».

Гитлер был хорошим солдатом. Уже 1 ноября 1914 года ему присвоили звание ефрейтора. В этом же месяце он был переведен в штаб полка связным. Здесь Гитлер служил до октября 1915 года, когда его перевели связным командира 3-й роты 16-го полка. 5 октября 1916 года во время битвы на Сомме Гитлер под Ле-Баргюром был ранен в бедро и почти три месяца провел в лазарете в Белитце, под Берлином. 17 сентября 1917 года за героизм, прояв-

ленный в боях во Фландрии, ефрейтор Гитлер был награжден крестом за военные заслуги с мечами 3-й степени. 9 мая 1918 года последовала новая награда — полковой диплом за выдающуюся храбрость в сражении при Фонтене. 4 августа 1918 года за участие во втором сражении на Марне — последнем германском наступлении в Первой мировой войне — Гитлер удостоился своей высшей награды — Железного креста 1-й степени. Этот орден солдатам и унтер-офицерам жаловался весьма редко, так что ефрейтор должен был совершить нечто весьма выдающееся, чтобы заслужить его. 25 августа 1918 года Гитлер получил свою последнюю награду — знак служебного отличия. А 15 октября 1918 года перенес тяжелое отравление газами под Ла-Монтенем, и его участие в войне закончилось. Вплоть до 19 ноября он провалялся в прусском тыловом лазарете в Пазевальке, где на время даже потерял зрение. В дальнейшем был определен в 7-ю роту 1-го запасного батальона 2-го Баварского пехотного полка.

Все отзывы о военной службе Гитлера, данные до 1923 года — времени его появления на политической арене, — исключительно положительные. Это позднее, и особенно после 1933 года, противники Гитлера тиражировали версии, будто свои Железные кресты он получил по благу. Но, например, тот же адъютант полка Айхельсдёрфер в написанной в 1932 году истории 16-го Баварского резервного пехотного полка имени Листа отмечал, что Гитлер был весьма осмотрительным солдатом и настойчиво уговаривал подполковника Энгельхардта побережь себя, чтобы не попасть под огонь неприятеля.

Бывший командир 16-го полка подполковник фон Люнешлос весной 1922 года свидетельствовал, что «Гитлер никогда не подводил и особенно хорошо подходил для поручений, непосильных для других ординарцев». А другой командир того же полка, генерал-майор Фридрих Петц, утверждал: «Гитлер... демонстрировал большую живость ума, физическую ловкость, силу и выносливость. Его отличали энергия и безоглядная смелость, с которой он в сложных ситуациях в бою шел навстречу опасности». Еще один полковой командир, риттер Макс Йозеф фон Спатни, вспоминал 20 марта 1922 года: «Очень беспокойный и тяжелый фронт (Северная Франция, Бельгия), где постоянно действовал полк, предъявлял к каждому солдату самые высокие требования с точки зрения самопожертвования и личной храбрости. В этом отношении Гитлер представлял для всех окружающих образец. Его личная энергия, образцовое поведение в любых ситуациях боя оказывали сильное воздействие на товарищей. Поскольку это сочеталось у него со скромностью и удивительной неприхотливостью, он пользовался глубочайшим уважением как солдат, так и командиров». А последний полковой командир Гитлера полковник граф Антон фон Тубёф, вручивший ему Железный крест 1-й степени, писал в мемуарах, что Гитлер «был неутомим в службе и всегда был готов прийти на помощь. Не было такого случая, чтобы он не вызвался добровольцем на самое трудное и опасное дело, демонстрируя постоянную готовность пожертвовать своей жизнью ради других и ради блага родины. Чисто по-человечески он был мне ближе всех среди солдат, и в личных беседах я восхищался его беспримерной любовью к родине, порядочностью и честностью во взглядах». Тубёф стал единственным офицером 16-го Баварского пехотного полка, которого Гитлер после прихода к власти произвел в генералы.

В представлении к Железному кресту 1-й степени, подписанном подполковником фон Гоудином 31 июля 1918 года, отмечалось: «Будучи посыльным (Гитлер был самокатчиком, т. е. посыльным на велосипеде. — Б. С.), он являл собой в условиях и позиционной, и маневренной войны пример хладнокровия и мужества и всегда вызывался добровольцем, чтобы в самых тяжелых ситуациях с величайшей опасностью для жизни доставить необходимые распоряжения. Когда в тяжелых боях обрывались все линии связи,

важнейшие сообщения, несмотря на все препятствия, доставлялись по назначению благодаря неутомимому и мужественному поведению Гитлера. Гитлер награжден Железным крестом 2-й степени за бой при Витшете 2.12.1914 г. Я считаю, что он абсолютно достоин награждения Железным крестом 1-й степени».

Фриц Видеман, адъютант батальона, в котором служил Гитлер, на допросе у союзников 7 сентября 1948 года, когда надо было иметь определенное мужество, чтобы сказать хоть какое-то доброе слово о Гитлере, на вопрос о получении Гитлером Железного креста 1-й степени ответил: «Он получил его по праву. Я сам составил первое представление». В полку же первое представление составил адъютант (начальник штаба) полка Гуго Гутман, еврей по национальности, что впоследствии придало делу дополнительную пикантность. Кстати, в дальнейшем Гитлер не забыл Видемана. После прихода нацистов к власти, в 1934—1939 годах, тот руководил в личной канцелярии фюрера отделом, который занимался «письмами трудящихся», прошениями о помиловании и т. п. Потом Видеман стал дипломатом, готовил Мюнхенское соглашение, был германским консулом в Сан-Франциско и Шанхае, а на одном из Нюрнбергских процессов получил 28 месяцев тюрьмы как «второстепенный нацистский преступник».

Одним из подвигов, за которые Гитлер удостоился Железного креста 1-й степени, было спасение жизни командиру 9-й роты 17 июля 1918 года. Во время боя к югу от Куртьези Гитлер увидел офицера, тяжело раненого американским осколком, и дотащил его до своих окопов. Еще один подвиг, в совокупности с другими потянувший на эту высокую награду, заключался в том, что Гитлер под обстрелом пробрался на позиции артиллерии и предотвратил открытие огня по своей пехоте.

Все перечисленные качества Гитлера-солдата, героя Первой мировой войны, по всей видимости, соответствуют действительности. Не могли же все его начальники сговориться и петь дифирамбы никому не известному в тот момент ефрейтору!

Но, замечу, как раз эти качества, хладнокровие, энергия, бесстрашие, весьма полезны командиру. Почему же начальники, охотно и щедро награждавшие Гитлера крестами, так и не произвели его в офицерский чин и даже в унтер-офицерский? Тут таится какая-то загадка, которую, возможно, никогда не удастся разгадать. На допросе в Нюрнберге тот же Ф. Видеман утверждал: «Мы не могли обнаружить в нем командирских качеств. Говорят, что и сам Гитлер не хотел, чтобы его повышали».

Первая часть утверждения выглядит сомнительной. Как мы убедились, начальники назвали ряд качеств Гитлера, которые могли пригодиться командиру на поле боя. А вот вторая часть вызывает доверие и хорошо объясняет, почему Гитлер не поднялся в чинах выше ефрейтора. По всей видимости, в тот момент он предпочитал, отдавая дань своему характеру, занимать такую должность, где он мог самостоятельно, ни от кого не завися, ни от начальников, ни от подчиненных, проявить свою волю, энергию и смекалку. Должность посыльного его стопроцентно устраивала.

Но возможно, тут был еще один, сугубо интимный момент. На фронте Гитлера посетила первая настоящая любовь. А должность посыльного позволяла длительное время пребывать в одном и том же населенном пункте, где размещался штаб полка и где он имел возможность регулярно встречаться со своей любовницей.

Ее звали Шарлотта Лобжуа. Она родилась 14 мая 1898 года во французской деревне Секлен недалеко от бельгийской границы, в семействе мясника. Любовная связь между ней и Гитлером происходила в 1916—1917 годах. Шарлотта отличалась довольно легким поведением, мужчин и до Гитлера, и

после Гитлера у нее было немало. Гитлер нарисовал ее портрет маслом, с которого на нас смотрит довольно милостивая, пухленькая девушка. В марте 1918 года Шарлотта родила от Гитлера сына Жана Мари, которому впоследствии дала фамилию Клемана Феликса Лоре, за которого в 1922 году, уже в Париже, вышла замуж. Только перед смертью, 13 сентября 1951 года, она сообщила сыну, что его отец — Адольф Гитлер. Ф. Видеман вспоминал в 1964 году: «Полк находился на позициях южнее Лилля, а штаб полка в Фурне, в доме нотариуса. В те периоды, когда в сводках сообщалось: «На Западе без перемен», у наших посыльных, да и у всего штаба полка, жизнь была относительно спокойной. Гитлер жил в доме мясника Гомбера, где встречался с Шарлоттой Лобжуа. 26 июня 1940 года он вновь навестил свою прежнюю квартиру, владельцем которой к этому времени стал мясник Кустенобль». Шарлотта следовала за Адольфом в различные пункты дислокации 16-го полка — в Премону, где они познакомились, затем в Фурн, Ваврен, родной Секлен, а затем в бельгийское местечко Ардойе. Квартирный хозяин Гитлера в Ардойе Йозеф Гутхальс вспоминал, как Гитлер рисовал по памяти «голых женщин». Однако мы до сих пор не можем сказать, была ли Шарлотта первой девушкой Гитлера, или он уже успел к тому времени приобрести сексуальный опыт в Вене и Мюнхене, а также в первые годы фронтовой жизни. Гораздо позднее, в ночь на 26 января 1942 года, фюрер заявил: «Счастье некоторых государственных деятелей, что они не были женаты: иначе произошла бы катастрофа. В одном жена никогда не поймет мужа: когда в браке он не сможет уделять ей столько времени, сколько она требует... Когда моряк возвращается домой, то для него это не что иное, как заново праздновать свадьбу. После стольких месяцев отсутствия он может теперь несколько недель наслаждаться полной свободой! Со мной такого бы никогда не было. Меня бы жена встречала упреком: «А я?!» К тому же очень мучительно безропотно подчиняться воле жены. У меня было бы угрюмое, помятое лицо, или я бы перестал выполнять супружеские обязанности.

Поэтому лучше не жениться. Самое худшее — это то, что в браке стороны вступают между собой в юридические отношения, отсюда и претензии. Гораздо разумнее иметь любовницу. Никаких тягот, и все воспринимается как подарок. Разумеется, это относится только к великим людям.

Не думаю, что такой человек, как я, когда-нибудь женится. Он придумал себе идеал, в котором фигура одной женщины сочетается с волосами другой, умом третьей и глазами четвертой, и всякий раз сверяет новую знакомую с ним (Гитлер словно цитирует гоголевскую «Женитьбу». — Б. С.). И выясняется, что идеала просто не существует. Нужно радоваться, если девушка в чем-то одном очаровательна. Нет ничего прекраснее, чем воспитывать юное существо: девушка 18—20 лет податлива как воск. Мужчина должен уметь наложить на любую девушку печать своей личности. Женщина только этого и хочет.

Дочь, невеста моего шофера Кемпки, очень милая девушка. Но я не думаю, что они будут счастливы. Кемпку, кроме техники, ничего не интересует, а она умна и интеллигентна.

Ах, какие есть красавицы!.. В Вене мне тоже довелось встречать много красивых женщин».

Следует признать, что местные жители не слишком жаловали гитлеровскую любовницу, которая к тому же впоследствии пристрастилась к «зеленому змию». Одна из жительниц Ваврена, Луиза Дюбан, еще в 1977 году в беседе с В. Мазером с презрением отзывалась об «этой крестьянке», которая «вступила в связь с Гитлером и родила от него сына», да еще в доме ее, Дюбан, родственников. Она утверждала: «Здесь все Гитлера знали. Он повсюду бегал со своим мольбертом и писал свои картины. В июне 1940 года он еще раз приезжал сюда».

Кстати сказать, военные акварели Гитлера специалистами оценивались довольно высоко. В 1919 году в Мюнхене он передал свои работы, главным образом периода войны, на отзыв известному художнику Максу Цеперу, который был настолько поражен их высоким уровнем, что попросил ознакомиться с картинами еще одного эксперта — профессора Фердинанда Штегера, чтобы убедиться, что не ошибся в своей оценке. И профессор Штегер подтвердил, посмотрев пейзажные акварели и писанные маслом портреты: «Совершенно уникальный талант».

В Первую да и во Вторую мировую войну связи немецких солдат и французских и бельгийских девушек были делом вполне обычным — и после них осталось довольно многочисленное потомство. Другое дело, что после освобождения соотечественники не жаловали как женщин, которые таким образом обеспечивали себе сравнительно безбедное существование в условиях оккупации, так и детей, рожденных от немецких военных. Поэтому матери старались записать им в отцы кого-нибудь из французов или бельгийцев и по возможности скрыть обстоятельства их рождения. Так и Шарлотта пыталась, когда уговорила некоего Фризона усыновить Жана Мари, утаить настоящее место рождения сына. В официальных документах значилось, что он родился 25 марта 1918 года в Себонкуре. Однако туда Шарлотта с родителями приехала только в конце 1918 года, когда немцы уже оставили это местечко. В действительности сын Гитлера родился в Секлене.

В конце сентября 1917 года Гитлер навсегда расстался с Шарлоттой. Хотя поначалу ее беременность, похоже, не предвещала беды. На одной из своих картин Гитлер поставил точную дату — 27 июня 1917 года, что вообще-то делал очень редко. Не исключено, что он отметил таким образом день зачатия своего будущего ребенка. Возможно, сначала он хотел сына. Но уже в конце сентября 1917 года он резко порвал с Шарлоттой все отношения и, кстати, возобновил переписку со своими мюнхенскими корреспондентами, прервавшуюся на время романа с француженкой. Неизвестно, какая кошка пробежала между Адольфом и Шарлоттой. Быть может, Гитлеру, верившему в собственное величие, казалось, что Шарлотта слишком уж примитивна для него, необразованна и не способна оценить всю глубину и неповторимость его мыслей. Хотя, с другой стороны, Гитлер не раз высказывался насчет того, что женщина не должна быть чересчур образованна. Так что, скорее всего, возможно, Гитлер просто решил пока что не обременять себя семейной жизнью, тем более с иностранкой, полагая, что это помешает его карьере, все равно — художественной или политической. Не случайно 23 апреля 1942 года он говорил, ссылаясь на Фридриха Великого: «Если от немецкого солдата требуют готовности умереть без всяких условий, то он должен иметь возможность и любить без всяких условий». Вероятно, в тот момент, как и впоследствии, он не хотел связывать себя узами брака, равно как и вообще принимать на себя какие-либо обязательства, сковывающие его свободу воли.

Гитлер, безусловно, был волевым человеком и превыше всего ценил возможность управлять ситуацией. В этом плане даже его самоубийство стало актом подчинения себе обстоятельств в сугубо безвыходном положении. Гитлер погиб так, что его дело стало символом вечности, и не позволил союзникам устроить над собой громкий судебный процесс.

Во всяком случае, уже в мае 1918 года от одного из сослуживцев он узнал, что его любовница родила от него сына в Секлене. И в дальнейшем он помнил о нем. Так, 8 ноября 1923 года он говорил соратнику по партии Мартину Мучману, что где-то во Франции или Бельгии находится портрет его работы, на котором запечатлена мать его сына (портрет отыскивали уже после Второй мировой войны).

Осенью 1940 года иностранный отдел СД по приказу Гитлера разыскал в оккупированном Париже Шарлотту Лобжуа-Лоре и ее сына Жана Мари Лоре-Фризона (он был усыновлен неким предпринимателем Фризоном и одно время носил его фамилию). В октябре 1940 года Жан Мари, по его собственным воспоминаниям, был очень вежливо допрошен в штаб-квартире абвера в парижском отеле «Лютеция». Здесь также провели его антропологическое обследование — на предмет соответствия критериям германской расы. Фюрер так и не решился вновь встретиться с бывшей любовницей и с сыном, которого так никогда и не видел. Однако, по свидетельству лиц из его окружения, в частности Ф. Видемана, в 1940—1944 годах Гитлер неоднократно говорил, что очень хотел бы взять к себе своего сына. Но фюрер так и не решился на этот шаг. Возможно, не хотел признавать свою связь с представительницей пусть арийского, но не германского народа. Да и по отношению к Еве Браун он оказался бы тогда в весьма двусмысленном положении. Ведь Гитлер не раз повторял, что фюрер не может посвятить себя семейной жизни до достижения полной победы. А тут выясняется, что у него уже есть взрослый сын. Так или иначе, Гитлер решил остаться отцом всех немцев, а не одного полуфранцуза-полунемца Жан Мари Лоре, мать которого к тому же спившаяся певичка третьеразрядного кабаре в Париже (так Шарлотта зарабатывала на жизнь). Во всяком случае, во время оккупации Шарлотта и ее сын находились под наблюдением немецкой военной администрации, которая следила, чтобы семью никак не притесняли. Наверное, играло роль и то, что Гитлер все же в определенной степени чувствовал вину перед бывшей любовницей, которую бросил в тот момент, когда убедился, что она ждет от него ребенка (чтобы не быть связанным), и не хотел, чтобы она напоминала ему о таком неблагородном поступке. Кстати, сестра Евы Браун Ильза утверждала, что Гитлер ничего не сказал Еве о прежней любовнице и внебрачном сыне: «Если бы Ева знала об этом, она наверняка прожужжала бы все уши Гитлеру, что он должен соответствующим образом позаботиться о сыне и его матери».

В то время любовная связь с Шарлоттой Лобжуа, безусловно, не была главным делом будущего фюрера. Поэтому вернемся к боевым будням ефрейтора Адольфа Гитлера. В качестве посыльного ему часто приходилось общаться с офицерами штаба полка, командирами рот и батальонов, и в его глазах они порой выглядели не с лучшей стороны. В конце 1944 года Гитлер вспоминал о нередких случаях: «...Командир на передовой получил открытку из дома, и кто-то должен был бежать среди бела дня, чтобы доставить ему эту открытку, о которой тот узнал по телефону. Порой это стоило человеку жизни, да и для штабов возникала опасность, потому что днем сверху хорошо видно, кто куда идет. Просто идиотизм! Но только когда надавили сверху, это безобразие постепенно прекратилось. Точно так же было и с лошадьми. Тогда, например, чтобы привезти фунт масла, посылали подводу из Мессина в Фурн». В подобных рассуждениях нельзя не заметить здравого смысла, да и в солдатской смекалке Гитлеру не откажешь.

Конец участию Гитлера в боях Первой мировой наступил под Ла-Монтенем в середине октября 1918 года, за четыре недели до заключения перемирия. 19 ноября 1921 года в письме одному из знакомых он описал, как это было: «В ночь с 13 на 14 октября 1918 г. я получил сильное отравление горчичным газом, вследствие чего поначалу совершенно ослеп». Находясь в лазарете, сначала в баварском городе Оденаарде, а затем в Пазевальке в Померании, Гитлер боялся, что навсегда останется слепым и не сможет ни рисовать, ни заниматься политикой. А политическая ситуация тогда все больше занимала его. В том же письме от 19 ноября 1921 года Гитлер признавался: «С флота постоянно поступали тревожные слухи, что там все бурлит... Мне казалось, что это скорее порождение фантазии отдельных людей, чем действительное настроение

широких масс. В лазарете все говорили только о надеждах на скорое окончание войны, но никто не думал, что она прекратится немедленно. Газеты я читать не мог... В ноябре общая напряженность начала нарастать. А потом вдруг как гром среди ясного неба пришла беда. Приехали матросы на грузовиках и начали призывать к революции. Вожаками в этой борьбе за «свободу, красоту и достоинство» жизни нашего народа оказались несколько евреев. Никто из них не был на фронте. Трое из этих «восточных» личностей (солдат Восточного фронта, подвергшихся сильной большевистской агитации. — Б. С.) по пути на родину прошли через так называемый «трипперный лазарет», а теперь пытались навязать стране красную тряпку... Ужасные дни и еще более кошмарные ночи! Я знал, что все потеряно. Надеяться на милость врага могли в лучшем случае дураки или лжецы и предатели. В эти дни и ночи во мне росла ненависть. Ненависть к зачинщикам этих событий. Затем я осознал свою будущую судьбу. И рассмеялся при мысли о будущем, которое еще недавно доставляло мне такие заботы. Разве не смешно строить дома на такой почве? В конце концов мне стало ясно, что наступило то, чего я давно боялся и во что отказывался верить».

После того как Гитлер узнал о революции и об окончании войны, он попросился, чтобы его поскорее перевели в Мюнхен. Тем более что зрение у него уже восстановилось. 21 ноября его выписали из лазарета. В декабре 1918 года Гитлер оказался в запасном батальоне 2-го Баварского пехотного полка. Первая мировая война для него закончилась, а военная служба — еще нет.

На заре политической карьеры

Первая мировая война породила феномен «потерянного поколения». Сотни тысяч, миллионы молодых людей по всей Европе не могли оправиться от потрясений, вызванных войной, оттого что четыре года пришлось убивать себе подобных. Они не могли постичь смысла только что завершившейся мировой бойни, прежде наполнявшей все их существование, а после пережитых ужасов бессмысленной казалась им и мирная жизнь, где они никак не могли найти себе места. Ефрейтор 7-й роты 1-го запасного батальона 2-го Баварского пехотного полка Адольф Гитлер к «потерянному поколению» не принадлежал. Он твердо знал, что германская армия была лучшей армией в мире, что сражалась она за святое, правое дело величия германского народа и пала жертвой от «удара кинжала в спину». Борьба с «предателями» стала для него смыслом жизни и помогла определиться с выбором послевоенной профессии. Гитлер окончательно решил стать политиком, а не архитектором. Его полк с самого начала революции находился под контролем солдатского совета, что, в свою очередь, тоже помогло ему определиться. Гитлер возненавидел революцию: она сокрушила кайзера — олицетворение величия Германского рейха. Вильгельм II бежал в Голландию, баварский король Людвиг III также покинул страну — для Гитлера они оба стали трусами, недостойными уважения. Революция в Баварии, кроме того, укрепила его в антисемитизме. Баварскую революционную власть возглавил еврей Курт Эйсер, редактор социал-демократической газеты «Форвертс», а в новом правительстве в Мюнхене преобладали евреи. Уже тогда Гитлер обвинял марксистов в том, что они «одной рукой пожимали руку кайзеру, а другой уже тянулись к кинжалу, чтобы выполнить свою еврейскую миссию». Поражение Германии Гитлер приписывал «присущей евреям алчности и жажде власти».

В казарме солдаты практически ничего не делали, вместо учений проходили митинги. Досуг Гитлер посвящал чтению, все еще не определившись до конца, надо ли ему лезть в политику. В событиях, связанных с ликвидацией Баварской советской республики, Гитлер участия не принимал. Кстати, местные коммунисты в короткий период своего господства в Мюнхене в середине апреля — начале мая 1919 года успели восстановить против себя значительную часть населения нелепыми распоряжениями вроде запрета печь пироги и приказом выдавать молоко только по заключению врачей и лишь больным, жизни которых угрожает опасность.

Но тем не менее местным контрреволюционерам собственных сил для подавления революции не хватило. Для подавления республики баварские «белые» вынуждены были призвать на помощь прусские и вюртембергские войска. Когда руководство коммунистических Советов призвало войска, находящиеся в Мюнхене, оборонять город от «белых», полк Гитлера сохранил нейтралитет. Сам Гитлер на митинге заявил: «Товарищи, мы ведь не революционная гвардия, состоящая из сбежавшихся отовсюду евреев. Фельдфебель Шюсслер совершенно прав, предлагая сохранять нейтралитет». Когда Мюнхен заняли «белые», они учинили террор (замечу в скобках, что точно так же вели себя баварские «красные», широко практикуя расстрелы заложников и пленных). Более 180 человек было расстреляно по приговорам ускоренных военно-полевых судов, еще больше — просто без суда и следствия. Среди последних было и несколько десятков русских военнопленных, примкнувших к восстанию. В горячке первых победных часов Гитлер был арестован солдатами добровольческого корпуса

Франца фон Эппа, но почти сразу же освобожден по просьбе офицеров 2-го Баварского пехотного полка. Его откомандировали в распоряжение комиссии по расследованию революционных событий. Гитлер свидетельствовал о тех действиях революционеров, которые ему довелось наблюдать. В июне 1919 года он был направлен на курсы повышения квалификации, где демобилизованные и освобожденные из плена немецкие солдаты должны были познакомиться с основами «государственного и гражданского мышления».

Здесь Гитлер прослушал курсы: «Германская история со времен Реформации», «Политическая история войн», «Теория и практика социализма», «Наша экономическая ситуация и условия мира» и «Взаимосвязь внутренней и внешней политики». Курсантов также познакомили с внешней политикой после мировой войны, большевистской диктатурой в России, экономикой сельского хозяйства, устройством новой германской армии — рейхсвера, ценовой политикой, а также с общественно-политической ситуацией в Баварии и ее значением для сохранения германского единства. Преподавателей курсов Гитлер впоследствии называл своими единомышленниками. Они проповедовали нехитрые тезисы о важной роли рейхсвера в создании «разумного внутривнутриполитического устройства», а для улучшения внешнеполитического положения Германии признавалось необходимым, чтобы «государство вновь стало хозяином в собственном доме». Особенно близким оказался Гитлеру доцент Готфрид Федер, читавший курс по экономике финансов и развивавший теорию «отмены процентного ига» (в установлении «ига» он обвинял евреев). Гитлер и Федер, равно как и некоторые другие участники курсов, размышляли о необходимости создания «социал-революционной партии», которая смогла бы перехватить влияние на массы у социал-демократов и коммунистов. Католическая Партия центра, равно как и национально-буржуазные партии, считал Гитлер, на эту роль не годились, поскольку «запятнали себя участием в ноябрьском предательстве». Однако тогда до создания новой партии дело еще не дошло. Профессор Александр фон Мюллер, читавший на курсах историю войн и историю Германии после Реформации, так описал свою встречу с Гитлером: «После лекции я наткнулся на небольшую группу людей, собравшуюся вокруг человека, что-то страстно объяснявшего каким-то странным гортанным голосом. У меня возникло ощущение, что, возбуждая людей, он сам заражается этим возбуждением. Я видел его бледное лицо со свисавшей на лоб совершенно невоенной челкой волос, с коротко подстриженными усами и удивительно большими голубыми, глазами, горевшими холодным фанатизмом». Уже тогда Гитлер ощутил себя незаурядным оратором и трибуном, способным повести за собой массы.

Гитлер так убедительно изничтожал в своих выступлениях евреев и марксистов, что руководитель агитационного отдела 4-й Баварской группировки рейхсвера предложил ему стать политработником. После окончания курсов, в июле 1919 года, его назначили офицером по пропаганде (это должность в роте, причем внештатная, а не чин, и занимать ее могли как солдаты, так и офицеры) в 41-й пехотный полк в Мюнхене. Гитлер вспоминал в 1921 году: «В этом полку, а также и в других частях я часто читал доклады о безумии красной кровавой диктатуры и с радостью отмечал, что из этих солдат... создается первый отряд моих единомышленников». Командование отметило Гитлера как «отличного и темпераментного оратора, умеющего завладеть вниманием аудитории». Один из сослуживцев, Лоренц Франк, свидетельствовал: «Гитлер — прирожденный народный трибун, который своим фанатизмом и близостью к народу... может побудить аудиторию внимательно слушать и размышлять». По воспоминаниям других, Гитлер уже тогда умел доводить слушателей «до состояния восторга».

В 1942 году, обращаясь к выпускникам военных училищ, Гитлер добрым словом помянул свой опыт 1919 года и связал его с идеями социал-дарвинизма: «Когда в 1918 году поникли знамена, возросла моя вера. И не только вера, но и протест против капитуляции перед, казалось бы, неминуемой судьбой. В отличие от многих других я был убежден, что на этом не может закончиться история германского народа, если только сам народ не захочет полностью отказаться от своего будущего. И тогда я вновь начал по мере моих сил и возможностей бороться, поскольку верил, что только борьба может побудить в немецком народе победоносное движение, которое когда-нибудь вновь возвысит его... Чрезвычайно глубокая мысль одного из величайших военных философов заключается в том, что борьба, а следовательно, и война является матерью всех вещей... Во всей вселенной царит один только вечный отбор, в ходе которого сильнейший в конечном счете приобретает право на жизнь, а слабейший гибнет. Одни утверждают, что природа жестока и немилосердна, но другие понимают, что природа всего лишь повинует железному закону логики... Тот, кто, исходя из своих ощущений или мировоззрения, пытается восстать против этого закона, устраняет этим не закон, а самого себя. История доказывает, что целые народы становятся слабыми. Они не устранили закон, а сами бесследно исчезли... Необходимо, чтобы этой мыслью овладели в первую очередь те, кто перед лицом всемогущего творца мира выходит на суд, где решается вопрос о силе и слабости людей... Эта борьба... приведет в конце концов к непрекращающемуся отбору... лучших и более стойких. Поэтому мы видим в этой борьбе элемент построения основ жизни человечества и всего живого».

В дальнейшей политической карьере Гитлера определенную роль сыграло общество Туле, бывшее ширмой для Германского ордена, созданного в 1912 году. Его члены поклонялись древнегерманскому богу Вотану, богу войны и смерти. В Баварии их насчитывалось 220 человек. Баварское отделение ордена создал летом 1918 года барон Рудольф Зеботтендорф. В годы Второй мировой войны он был резидентом германской разведки в Стамбуле, а 9 мая 1945 года, сразу после капитуляции Рейха, покончил с собой, бросившись в Босфор. По одной из версий, этот прыжок он совершил не без посторонней помощи. Баварский филиал общества Туле активно проповедовал учение о высших и низших расах человечества, а сам Зеботтендорф грозил шефу мюнхенской полиции: «Мои люди схватят первого попавшегося еврея и протащат по улицам, утверждая, что он украл просвиру. Тогда, господин полицей-президент, вы получите погром, который сметет и вас самого». Для достижения грядущего мирового торжества германской расы общество Туле основывало политические партии-однодневки, большинство из которых очень быстро кануло в небытие. В историю было суждено войти только Германской рабочей партии (ДАП). В сентябре 1919 года по заданию армейского начальства к ней примкнул Гитлер для выяснения ее политического лица. Тогда партия насчитывала не более 40 человек, но 12 сентября 1919 года судьба ДАП круто переменялась. Вот как описал этот исторический день Гитлер в книге «Моя борьба»: «Однажды я получил от командования приказ проверить, что собой представляет политическая организация, которая намеревалась под именем Германской рабочей партии провести в ближайшее время собрание, на котором должен был выступить Готфрид Федер. Я должен был сходить туда, ознакомиться с этой организацией и представить доклад...

Вечером отправился я в мюнхенскую пивную «Штернэккеброй»... В комнате, которую мы впоследствии в шутку называли «мертвецкой», я нашел 20—25 человек. Все они принадлежали к низшим слоям общества...

Мы как раз переживали то время, когда почти каждый чувствовал в себе призвание образовать какую-нибудь новую партию. Людей, недовольных

старыми партиями и потерявших доверие к ним, было больше чем достаточно. Новые союзы плодились как грибы и столь же быстро исчезали с лица земли, почти никем не замеченные. Основатели этих обществ по большей части не имели никакого представления о том, что это, собственно говоря, значит — вырастить новую партию или, тем более, создать новое движение. Большей частью эти мыльные пузыри... лопались самым смешным образом, обнаруживая только полное политическое ничтожество их творцов.

Просидев часа два на описываемом заседании, я начинал приходить к выводу, что и так называемая Германская рабочая партия принадлежит к этому же разряду партий. Я был очень рад, когда Федер закончил. С меня было довольно, и я уже собирался уходить, как вдруг было объявлено, что теперь начнется свободная дискуссия. Я решил послушать. Но и дискуссия показалась мне совершенно пустой. Внезапно слово взял некий профессор, который в своей речи стал критиковать аргументы Федера. После возражений со стороны Федера (надо сказать, очень убедительных) профессор неожиданно заявил, что он готов стать «на почву фактов», но тем не менее советует молодой партии самым настоятельным образом добавить в программу один важный пункт, а именно отделение «Баварии» от «Пруссии». Ничтоже сумняшеся, сей профессор утверждал, что в этом случае австрийские немцы немедленно присоединятся к Баварии, что тогда условия мира будут куда более благоприятными для нас и тому подобный вздор. Тут я не выдержал и тоже записался в число желающих выступить. Я резко отчитал ученого профессора, и, прежде чем я успел закончить свою речь, мой ученый удрал — как собака, которую окатили ушатом холодной воды. Пока я говорил, меня слушали с удивленными лицами. Когда я кончил и стал прощаться с присутствующими, ко мне подбежал один из слушателей, назвал свою фамилию (которой я, кстати, не смог расслышать) и сунул мне в руку какую-то книжечку, по-видимому политическую брошюру, прося меня самым настоятельным образом, чтобы я на досуге прочитал эту вещь».

Этим не запомнившимся Гитлеру с первого раза человеком был основатель и первый председатель ДАП мюнхенский слесарь Антон Дрекслер. Историки позднее уточнили, что на историческом собрании присутствовало не 25, а 45 человек, в том числе 1 врач, 1 химик, 2 владельца фирм, 2 торговца, 2 банковских служащих, 1 художник, 2 инженера, 1 писатель, 1 дочка судьи, 16 ремесленников, 6 солдат (в том числе и Гитлер, который, хотя и был в штатском, в списке обозначил себя ефрейтором и в качестве домашнего адреса указал адрес своей части — 41-го полка), 5 студентов и еще 5 человек, не указавших свою профессию. Как видим, состав свежее испеченной партии был довольно пестрым, и что любопытно — среди первых членов «рабочей партии» собственно фабричных рабочих не было. Относительно преобладали ремесленники (к ним принадлежал и Дрекслер). Но в то же время нельзя было сказать, что ДАП составили совсем уж низы общества. Хотя надо полагать, что владельцы фирм были отнюдь не Крупными, а банковские служащие — совсем не президентами банков.

В то время Гитлер жил в маленьком домике на территории своей части. В книге «Моя борьба» он вспоминал: «У меня была привычка просыпаться очень рано, еще до пяти часов утра. В домике у меня было много мышей. И вот я частенько оставлял им корки хлеба или косточки, вокруг которых мышки поднимали с самого раннего утра отчаянную возню. Просыпаясь, я обыкновенно лежал с открытыми глазами в постели и наблюдал игру этих зверьков. В жизни моей мне пришлось порядочно поголодать (здесь, как мы уже убедились, поэтическое преувеличение. — Б. С.), и я очень хорошо понимал, какое большое удовольствие доставляют эти корки хлеба голодным мышатам (животных Гитлер любил и о них заботился, а вот людей — не очень. — Б. С.).

На следующий день после описанного собрания я проснулся около пяти утра. Так как уснуть уже больше не мог, я стал думать о вчерашнем собрании. И внезапно вспомнил о брошюрке, которую мне сунули в руки. Я нашел ее и решил тут же прочесть, благо она была небольшой. Ее автором был тот рабочий, что дал мне ее. Он описывал, как из хаоса марксистских и профсоюзных фраз ему удалось вернуться к национальным идеям. Отсюда и заглавие брошюры — «Мое политическое пробуждение». Начав читать, я одолел ее сразу до самого конца. Ведь там описывалось нечто совершенно аналогичное тому, что мне самому пришлось пережить 12 лет назад. Непроизвольно передо мной опять прошло в очень живой форме мое собственное прошлое. В течение дня я еще несколько раз вспоминал прочитанное. Затем я уже стал забывать о брошюре, как вдруг мне прислали открытку, в которой сообщали, что я принят в члены Германской рабочей партии, просили сообщить, как я отношусь к этому, и приглашали на собрание комитета партии, которое должно было состояться в ближайшую среду.

Я был немало удивлен подобным способом вербовки и сначала не знал, досадовать или смеяться по этому поводу. Я думал о создании собственной партии и не собирался вступать в уже готовую партию... Поэтому совсем уже приготовился было писать письменный отказ этим господам, но тут победило любопытство, и я решил все-таки в назначенный день пойти на собрание, чтобы устно изложить свои мотивы.

Наступила среда. Собрание было назначено в пивной «Розенбадброй» на Хернштрассе, очень бедном трактирчике, куда редко кто забредал. Впрочем, в 1919 году и в более богатых ресторанах было очень голодно и неудобно. «Розенбадброй» я прежде не знал вовсе.

Пройдя через плохо освещенную столовую, в которой не было ни единой живой души, я через боковую дверь вошел в комнатку, где должно было происходить «заседание». За столом, освещенным тусклым светом испорченной газовой лампы, сидели четверо молодых людей, в том числе и знакомый мне автор брошюры, который тотчас же радостно приветствовал меня, произнес несколько теплых слов в адрес нового члена Германской рабочей партии.

Это показалось мне уж слишком. Но тут мне сообщили, что «главный председатель» партии придет только некоторое время спустя, и я решил подождать со своим заявлением. Наконец пришел этот «главный председатель»... Во мне возобладало любопытство, и я решил обождать и послушать, что будет дальше. Теперь я, по крайней мере, узнал фамилии присутствовавших. Председателем партии «в общегосударственном масштабе» был г-н Харер, а мюнхенским председателем был Антон Дрекслер.

После того как присутствовавшие зачитали несколько приветственных писем из Берлина, Дюссельдорфа и Килья и порадовались, как быстро растут связи ДАП, а также одобрили отчет партийного кассира о том, что в кассе полноценных 7 марок 50 пфеннигов, Гитлер совсем затосковал. Он признался: «Ужасно, ужасно! Это была кружковщина самого худшего вида. И вот в этакый клуб меня приглашали вступить. Далее перешли к вопросу о приеме новых членов, иными словами, к уловлению моей высокой персоны.

Я поставил несколько вопросов. Выяснилось, что у партии нет программы, вообще нет ни единого печатного документа, нет членских билетов, нет даже печати. Была только добрая воля и горячая вера в свое дело и несколько уже принятых куцых тезисов.

Мне было не до смеха. Передо мной были явные симптомы полной беспомощности и острого недовольства всеми прежними политическими партиями, их программами и всей их деятельностью. Этих молодых людей пригнало на это такое с виду смешное собрание чувство, что все старые партии обанкротились. Они поняли, что эти партии совершенно не способны служить

делу возрождения германской нации и равным образом не могут дать ничего им самим лично. Я наскоро прочитал напечатанные на машинке тезисы и убедился, что эти люди еще только ищут пути и не знают своей дороги... Их чувства были знакомы мне. Это было страстное стремление найти новые формы для движения, которое было бы гораздо шире, чем партия в старом смысле слова».

После нескольких дней размышлений, когда чувства боролись с доводами рассудка, Гитлер решил присоединиться к ДАП. Он счел, что приглашение туда — знак судьбы. Еще только зарождающаяся крохотная партия не успела закознить в своих организационных формах, и ее можно было легко подчинить своему влиянию, а затем использовать в целях «национального подъема». Надо было только должным образом поставить дело организации и пропаганды, а в этих вопросах Гитлер считал себя вполне сведущим человеком.

Можно сказать, что 16 сентября 1919 года стало днем, когда началось восхождение к власти Гитлера и будущей Национал-социалистической германской рабочей партии (НСДАП) и движение Германии и всего человечества ко Второй мировой войне, в которой суждено было погибнуть 60 миллионам человек. До этого момента антисемитские и националистические взгляды Гитлера сами по себе не представляли общественной опасности. Подобные взгляды разделяли миллионы немцев. Да и сейчас в Германии и других странах много подобных людей, брызжащих за выпивкой по поводу евреев (цветных, кавказцев...), об ущемлении прав «коренной национальности» (немцев, русских, французов, американцев...), но дальше этого они никуда не пойдут. Гитлер же, к несчастью, обладал недюжинным талантом, ораторским и организаторским, чтобы создать политический аппарат для достижения своих целей, а затем захватить власть в одной из наиболее развитых промышленных держав мира. Появись он в какой-нибудь Уганде или Бурунди, мы бы имели лишь очередного кровавого африканского диктатора, способного причинить много бед собственному народу и в худшем случае, если хватит военных сил, — своим ближайшим соседям, но никак не вызвать глобальный вооруженный конфликт. И разумеется, Гитлер никогда бы не пришел к власти, если бы Германия не была унижена Версальским миром, если бы не сгибалась под непосильным гнетом репараций, если бы миллионы немцев не страдали от инфляции и безработицы и от неуверенности, будет ли у них завтра кусок хлеба. И если бы вместе с тем миллионы немцев не грезили о восстановлении Германии как великой державы, о воссоединении с миллионами соотечественников, в результате Версальского мира в одночасье оказавшихся за границей. Но и роль личности в истории не стоит сбрасывать со счетов. Если бы в политической жизни Германии в 1919 году не возник человек, обладавший талантами и убеждениями Гитлера, Германская рабочая партия никогда бы не вышла из состояния зародыша, лопнула бы как очередной мыльный пузырь. И можно даже, наверное, утверждать, что в этом случае ни одна из новых национал-радикальных партий не смогла бы развиться в серьезную политическую силу, по крайней мере, в такую, которая была бы способна прийти к власти и установить однопартийную диктатуру. А Гитлер смог.

А если бы Гитлер так и не вступил ни в Германскую рабочую партию, ни в какую-либо другую партию, бросил бы вообще политику и занялся искусством? Что ж, тогда он остался бы скромным героем Первой мировой (не из тех, о которых шумели газеты), а если бы всерьез занялся архитектурой, возможно, создал бы несколько выдающихся проектов или построил здания и мосты, но в лучшем случае был бы известен только специалистам. Всемирной славы он бы никогда не стяжал.

Надо подчеркнуть, что Гитлер не случайно был противником всех сепаратистских поползновений, особенно сильных после Первой мировой войны в Баварии и в определенной степени поощрявшихся Антантой. Среди баварцев

традиционно сильны были антипруссские настроения, а после Версаля появилась надежда, что в случае отделения от Германского Рейха Баварии не придется платить тяжелые репарации и подвергаться другим ограничительным статьям. Гитлеру же необходима была Великая Германия с включением всех населенных немцами земель — как зримое воплощение торжества германской расы. И он опирался на ту весьма значительную часть населения Баварии, которая не поддерживала сепаратистов, а видела свое будущее в возрождении Германского Рейха.

В тот же день, 16 сентября, когда Гитлер впервые посетил заседание исполнительного комитета ДАП, он закончил свое первое исследование по «еврейскому вопросу», в котором требовал полного изгнания евреев с территории Рейха. Начальникам Гитлера этот доклад понравился. Капитан Генерального штаба Майр, передавая это сочинение по инстанции, заметил от себя: «Я полностью разделяю мнение г-на Гитлера, что правящая социал-демократия идет на поводу у еврейства... Все вредные элементы, в том числе и евреи, должны быть выявлены и изолированы, подобно возбудителям болезней». Да, позднейшая идея «окончательного решения» упала в германском обществе, и особенно в армии, на благодатную почву.

В первом своем антисемитскомopusе Гитлер писал: «Еврейство представляет собой, безусловно, расу, а не религиозную общину. Сам еврей никогда не называет себя еврейским немцем, еврейским поляком, еврейским американцем, а только немецким, польским или американским евреем. Никогда еще еврей не перенимал от других народов ничего, кроме языка (опровергнуть этот тезис не составляет труда — тот же Айзек Азимов законно считается выдающимся американским фантастом, Борис Пастернак и Осип Мандельштам — великими русскими поэтами, а Исаак Бабель — не менее великим русским прозаиком. — Б. С.)... Даже иудейская вера не может быть определяющей в вопросе, является ли человек евреем или нет... Благодаря тысячелетнему кровосмешению, часто осуществлявшемуся в самом узком кругу, евреи в целом лучше сохранили свою расу и свои особенности, чем многие народы, среди которых они жили. Таким образом, налицо факт, что среди нас живет не немецкая, а чужая раса, которая не хочет и не может пожертвовать своими расовыми особенностями, отказаться от своих чувств, мыслей и стремлений и которая тем не менее имеет в политическом плане те же права, что и мы. Если уж даже чувства евреев сосредоточены на чисто материальных вещах, то тем более это касается их мыслей и стремлений. Танец вокруг золотого тельца становится ожесточенной борьбой за все те вещи, которые, по нашим понятиям, не могут быть высшей целью. Ценность каждого человека определяется уже не его характером, не значением его достижений для общества, а исключительно величиной его состояния (здесь нацисты смыкались с коммунистами, равно как и с радикальными патриотами всех народов, только у Гитлера критерий поборников золотого тельца был расовый, а у Ленина со Сталиным — классовый. У патриотов же критерий может быть также религиозным, этническим или вообще очень широким — все «не наши». — Б. С.)... Величие нации измеряется уже не по сумме ее моральных и духовных сил, а только по богатству ее материальных ресурсов. Из этих чувств вырастают те мысли и стремления к деньгам и к защищающей эти деньги власти, которые заставляют еврея выбирать любые средства для достижения этих целей и безжалостно пользоваться ими. В государствах, управляемых аристократией, он ищет покровительства королей и князей и использует их в качестве сосущих кровь пиявок для собственного народа. В демократических странах он ищет благоволения масс, пресмыкается перед кумирами народа, но признает лишь одного кумира — деньги. Он разлагает характер правителя византийской лестью, разлагает национальную гордость и силу народа издевкой и бессовестным насаждением пороков. Его

средством в этой борьбе является общественное мнение, которое извращается прессой. Его власть — это власть денег, которая с помощью процентов бесконечно умножается в его руках... Все, что заставляет человека стремиться к высшим идеалам — будь то религия, социализм или демократия, — превращается для него в средство удовлетворения алчности к деньгам и власти. Его деятельность превращается в расовый туберкулез для народов... Анти-семитизм, возникший по чисто чувственным причинам, найдет свое последнее выражение в форме погромов. Разумный же антисемитизм должен привести к планомерной законной борьбе и устранению привилегий для евреев. Его конечной целью неизбежно должно стать полное удаление всех евреев». К чему привела «планомерная законная борьба» Гитлера, известно — к истреблению 6 миллионов евреев по всей Европе не в рамках стихийных погромов, а вследствие организованных Германским Рейхом мероприятий. На судебном процессе после мюнхенского «пивного путча» Гитлер признался, что покинул Вену в 1913 году «абсолютным антисемитом, заклятым врагом марксистского мировоззрения и убежденным пангерманистом».

Будущий фюрер стал седьмым по счету членом рабочего комитета ДАП и 55-м членом партии. Но его партийный билет имел номер 555, поскольку для солидности нумерация партбилетов в ДАП начиналась с 501-го номера. Первоначально в рабочем комитете ДАП Гитлер отвечал только за пропаганду, но очень быстро стал фактическим, а затем и официальным лидером партии.

Гитлер превратил партию в серьезную силу сначала в масштабе Баварии, а затем и всей Германии. 1 января 1920 года по его инициативе в пивной «Штернэккеброй» открылось первое партийное бюро. А 24 февраля 1920 года в мюнхенском ресторане «Хофбройхаус» была наконец оглашена партийная программа. Вскоре после этого ДАП была переименована в Национал-социалистическую рабочую партию Германии (НСДАП). Гитлер решил целиком отдаться партийной работе и 31 марта 1920 года уволился из рейхсвера. 29 июля 1921 года на чрезвычайном съезде Гитлер был избран первым председателем НСДАП. Тогда же Антон Дрекслер, отец-основатель партии, стал почетным председателем. Этому предшествовал ультиматум, предъявленный Гитлером своим партийным товарищам 21 июля. Отставной ефрейтор потребовал для себя поста председателя партии с неограниченными полномочиями. В противном случае фюрер (Гитлера начали так называть с рубежа 1920-1921 годов) угрожал выйти из членов партии. Его стараниями ряды НСДАП росли ударными темпами. В конце 1920 года партия имела 3 тысячи членов. А два года спустя в НСДАП состояло уже 30 тысяч человек, и ее влияние распространилось на всю Германию. Это было похоже на чудо. Ведь в те годы нацисты еще не имели крупных финансовых спонсоров и серьезными политиками, промышленниками и банкирами рассматривались как политические маргиналы. Партия существовала на довольно скромные взносы рабочих и низших слоев среднего класса. Помог экономический кризис и гиперинфляция начала 20-х годов, вызвавшая разочарование масс в существующей политической системе парламентской Веймарской республики и традиционных политических партиях. Но немаловажную роль сыграл ораторский талант Гитлера, его способность убеждать. А также заимствованные им у социал-демократов и коммунистов методы работы с массами. Нацисты широко организовывали митинги и демонстрации, распространяли партийную газету «Фелькишер беобахтер» (ее владельцем с 1921 года стал бывший ротный фельдфебель Гитлера и его друг Макс Аман) и листовки с программными тезисами, простыми, понятными и запоминающимися. Кстати, именно в статье «Фелькишер беобахтер» в номере от 7 ноября 1921 года титул председателя НСДАП был официально изменен: Гитлер стал фюрером. Нацистская пропаганда отличалась тем, что называла массам конкретных виновников их бед и предлагала несложные способы борьбы с

ними — полное устранение из политической и экономической жизни Германии. Особенно же впечатляли народ псевдодревнегерманские ночные факельные шествия, которые устраивали нацисты.

Гитлер реорганизовал НСДАП и превратил ее в массовую партию со строгой дисциплиной и безусловным выполнением рядовыми партийцами всех приказов руководства. В сентябре 1921 года он распорядился, чтобы все члены партии непременно носили партийные значки и повязки со свастикой как символы принадлежности к НСДАП. Партия строилась по принципу «фюрер всегда прав».

12 января 1922 года Гитлер впервые был приговорен к трем месяцам тюрьмы за нарушение общественного порядка — слишком резкое выступление на собрании сепаратистского Баварского союза. Его даже собирались выслать из Баварии, но передумали. Гитлер отсидел месяц в мюнхенской тюрьме Штадельхайм и был досрочно освобожден.

А 27—29 января 1923 года в Мюнхене состоялся первый съезд НСДАП. На нем Гитлер освятил знамя партии. Затем состоялся парад 6 тысяч штурмовиков. Штурмовые отряды (СА) стали создаваться еще в августе 1921 года. Их первым командиром был капитан Пфедфер фон За-ломон, но с самого начала ведущую роль в руководстве СА играл другой ветеран Первой мировой войны — капитан Эрнст Рем. Очень скоро, привлеченный речами Гитлера, он примкнул к НСДАП, и на съезде 1923 года они стояли рядом. Рем подружился с Гитлером, не подозревая, чем обернется для него эта дружба. Штурмовики составили вооруженную гвардию национал-социалистов. Они охраняли нацистские собрания и шествия, нападали на коммунистов и социал-демократов. Первым крупным вооруженным выступлением, в котором участвовали штурмовики, стал мюнхенский «пивной путч» 1923 года.

Пивной путч

Осенью 1923 года экономический кризис в Германии, вызванный оккупацией французскими войсками Рейнской области в качестве залога выплаты огромных по размеру репараций, достиг апогея. Галопирующая гиперинфляция стимулировала рост сепаратистских настроений. Сепаратисты рассчитывали, что отделение соответствующих земель от Рейха поможет облегчить бремя репарационных выплат. Нацисты решили воспользоваться сепаратистскими настроениями в Баварии, вызвавшими там кризис власти, чтобы заявить о себе в общегерманском масштабе. Они рассчитывали использовать противостояние баварского и германского правительств и при благоприятном стечении обстоятельств взять власть в Мюнхене и создать баварский плацдарм для наступления по всей стране. Еще в начале сентября 1923 года в Нюрнберге НСДАП при участии генерала Эриха Людендорфа, одного из превозносимых пропагандой героев Первой мировой войны, учредила Немецкий союз борьбы, который возглавил Гитлер. Эта организация имела прицел на захват власти в общегерманском масштабе и объединяла вокруг НСДАП ряд националистических и военизированных группировок. Ее цели не вызывали сочувствия сепаратистски настроенного правительства Баварии, возглавлявшегося Густавом фон Каром и находившегося в остром конфликте с имперским правительством в Берлине. 27 сентября 1923 года оно запретило 14 массовых манифестаций нацистов в различных городах Баварии. Столкновение делалось неизбежным.

Осенью 1923 года НСДАП насчитывала 55 тысяч членов, большинство из которых проживало в Баварии. В этой земле партия представляла собой серьезную силу. Была у нацистов и собственная мини-армия — штурмовые отряды, состоящие в тот момент из 13 пехотных, а также охранной, мотоциклетной и велосипедной роты.

Тем временем конфликт между Берлином и Мюнхеном набирал обороты. 18 октября командующий военным округом Баварии генерал Отто фон Лоссов отказался выполнять приказы рейхсминистра обороны генерала Отто Гесслера и был снят с должности, после этого баварское правительство подчинило себе дивизию рейхсвера, расквартированную в Баварии. Это уже был открытый мятеж. И тут на сцену выступил Гитлер.

Фюрер принял рискованное решение захватить власть в Мюнхене, провозгласить начало «национальной революции» и организовать «поход на Берлин», по примеру удавшегося Муссолини «похода на Рим». Гитлер учитывал слабость как баварской, так и общегерманской власти и надеялся, что солдаты и офицеры рейхсвера не поддержат сепаратизм Кара, а встанут на сторону приверженцев «национальной идеи», особенно учитывая, что в рядах последних находился сам Людендорф.

8 ноября по приказу Гитлера 600 штурмовиков окружили мюнхенский пивной зал «Бюргербройкеллер» на три тысячи человек, в котором проходил митинг сепаратистов с участием Кара и Лоссова. Из-за этого впоследствии данное выступление назвали «пивным путчем». Если бы оно удалось, говорили бы, вероятно, о «пивной революции».

На улице штурмовики установили пулеметы, нацелив их на входные двери зала. В сопровождении охраны фюрер ворвался на сцену, согнав оттуда перепуганного Кара, выстрелил в потолок и торжественно объявил: «Национальная революция началась!» Под дулами карабинов убеждаемые Гитлером и

Людендорфом Кар и Лоссов объявили, что присоединяются к походу на Берлин. Гитлер провозгласил фон Кара регентом Баварии и заявил, что в тот же день в Мюнхене будет сформировано новое германское правительство, которое отстранит от власти президента Фридриха Эберта. Людендорфа Гитлер сразу же назначил главнокомандующим германской армией (рейхсвером), а себя самого — имперским канцлером. Гитлер патетически воскликнул: «Пришло время исполнить клятву, которую я дал пять лет назад, когда лежал в госпитале!» Зал взорвался овацией, выражая одобрение стуком пивных кружек о дубовые столы.

Между тем Кар и Лоссов, начальник баварской полиции полковник Ганс фон Шайссер и другие члены правительства попросились домой, дав Людендорфу «честное офицерское слово», что они поддерживают «поход на Берлин». Во всеобщей эйфории от столь быстрого и легкого успеха и в момент, когда Гитлера не было в комнате, их отпустили. И как очень скоро выяснилось, абсолютно зря. Когда Гитлер несколько минут спустя узнал, что баварские руководители выскользнули из ловушки, он крепко выругался, упрекнув Людендорфа в ротозействе. Фюрер-то не сомневался, что Кар и Лоссов «честного офицерского слова» держать не собираются.

Лоссов вместе с баварскими министрами прибыл в казармы рейхсвера, а Кар подписал декрет о запрете НСДАП. Выбора у них не было, поскольку главнокомандующий рейхсвером генерал Ганс фон Сект пригрозил, что если местные власти не подавят путч, то это сделают войска, переброшенные из других земель Германии. Баварские войска уже в ночь на 9 ноября заняли все стратегические пункты Мюнхена. Путчисты тем временем выпустили «Воззвание к германскому народу», где говорилось: «Режим ноябрьских преступников объявляется низложенным. Формируется германское национальное правительство. В него входят генерал Людендорф, Адольф Гитлер, генерал фон Лоссов, полковник фон Шайссер». Но эти утверждения уже никого не могли ввести в заблуждение.

В 11 часов утра 9 ноября три тысячи нацистов устроили шествие под знаменами со свастикой и военными штандартами к зданию правительства на Мариенплац. Во главе колонны шли Гитлер, Людендорф, Геринг и Юлиус Штрайхер. У площади Одеон, неподалеку от гигантского «Фельдхернхалле» («Зала героев») их остановили около ста полицейских, вооруженных карабинами. Нацисты этого не ожидали, рассчитывая, что войска и полиция без боя перейдут на их сторону. Грянул залп. 16 демонстрантов были убиты, десятки были ранены, в том числе Геринг, получивший тяжелое ранение в бедро. Ответным огнем трое полицейских были убиты и несколько — ранены. Гитлер, вспомнив фронтовой опыт, сразу же упал на землю. Его тут же вывели из толпы, втокнули в автомобиль и увезли с площади. Демонстрация рассеялась.

11 ноября при попытке бегства из Баварии Гитлер был арестован в Уффинге на озере Штаффельзее. Таким бесславным был финал «пивного путча».

Гитлер явно переоценил собственную способность воздействовать на народ, которой надеялся заменить отсутствие поддержки со стороны сколько-нибудь влиятельных политических сил. Точно так же он переоценил значение Людендорфа, рассчитывая, что одно имя популярного генерала привлечет на сторону путчистов весь рейхсвер. И недооценил способности Кара, Лоссова и других баварских руководителей к сопротивлению. Но одну важную роль для Гитлера и национал-социалистического движения провалившийся путч все же сыграл. Он стал грандиозной пиар-акцией: о неизвестной за пределами Баварии партии теперь заговорила вся страна.

С 26 февраля по 1 апреля 1924 года в Мюнхене проходил судебный процесс над участниками «пивного путча». На нем Гитлер получил хорошую возможность пропагандировать национал-социалистические идеи. Как говорил Гитлер впоследствии, «наши идеи разметало по всей Германии подобно взрыву».

Приговор же был на удивление мягким. Пятеро обвиняемых получили по 15 месяцев тюрьмы, еще четверо, включая Гитлера, были наказаны пятилетними тюремными сроками «за государственную измену». Сыграло свою роль то, что баварские судьи и прокурор старались не привлекать внимания к двусмысленному поведению Кара, Лоссова и других сепаратистов, во многом способствовавшему провокации путча. Гитлер так прямо и заявил на суде: «Одно несомненно: если наше выступление действительно было государственной изменой, тогда все это время Лоссов, Кар и Шайссер совершали государственную измену вместе с нами». Кроме того, невозможно было отправить в тюрьму культового национального героя Людендорфа, игравшего в путче самую активную роль. Его суд предпочел оправдать. Поэтому и другие руководители мятежа отделались сравнительно мягким наказанием. А уже в декабре 1924 года Гитлер был выпущен на свободу из Ландсбергской тюрьмы, где в основном успел завершить мемуарную книгу «Моя борьба», ставшую библией национал-социализма.

На суде Гитлер говорил: «Не было большей государственной измены, чем предательство 1918 года». И скромно добавил: «Я считаю себя лучшим из немцев и хотел лучшей доли для немецкого народа». Фюрер утверждал: «Величайшее достижение 8 ноября состоит в том, что оно... содействовало подъему народа на небывалые вершины энтузиазма. Я верю, что наступит час, когда люди на улицах, стоящие под знаменами со свастикой, объединятся с теми, кто в нас стрелял 9 ноября. Я верю, что кровь никогда не разъединит нас. Настанет час, когда рейхсвер — и рядовые, и офицеры — станет на нашу сторону». И бросал гневные филиппики в зал: «Я обвиняю Эберта, Шей-демана и прочих в государственной измене. Я обвиняю их потому, что они уничтожили 70-миллионную нацию».

Гитлер также заявил: «Я с самого начала стремился к тому, что в тысячу раз выше должности министра. Я хотел стать уничтожителем марксизма. Я собирался решить эту задачу, и если бы мне это удалось, то должность министра стала бы нелепой донельзя...

Одно время я верил, что в борьбе с марксизмом можно рассчитывать на помощь правительства. В январе 1923 года я понял, что это невозможно... Германия только тогда станет свободной, когда марксизм будет уничтожен (этот тезис с Гитлером вполне разделяли и обвинители, и судьи. — Б. С.). Раньше я и мечтать не мог о том, что наше движение станет столь мощным и охватит всю Германию подобно наводнению.

Армия, которую мы строим, увеличивается день ото дня, час за часом. Уже сейчас я испытываю гордость от одной только мысли, что однажды пробьет час и эти разрозненные отряды превратятся в батальоны, батальоны — в полки, полки — в дивизии. Я надеюсь, что старую кокарду поднимут из грязи, старые знамена будут развернуты, чтобы вновь развеяться. Это станет искуплением перед Божьим судом. Тогда из-под наших камней и из-под наших могил прозвучит голос единственного суда, который имеет право судить нас.

И тогда, господа, уже не вы будете выносить нам приговор, а этот приговор будет дан вечным судом истории, который отвергнет обвинения против нас. Я знаю, что вы накажете нас. Но тот, другой суд не станет спрашивать нас: совершали вы государственную измену или не совершали? Этот суд даст свою оценку генералу старой армии, этим офицерам и солдатам, которые, как немцы, хотели лишь блага своему народу и своему отечеству, которые сражались и готовы были погибнуть. Вы можете тысячу раз считать нас виновными, но богиня вечного суда истории улыбнется и выкинет предложение государственного прокурора и приговор этого суда; мы будем признаны невиновными».

Мюнхенский процесс способствовал росту популярности НСДАП. На выборах в баварский ландтаг нацисты получили каждый шестой мандат. А в германский

рейхстаг на декабрьских выборах 1924 года прошло 40 депутатов от НСДАП. «Пивной путч» стал также важной частью «гражданской религии» нацистов. Это событие стало первым «героическим деянием» нацистов. 16 погибших на Одеонплац превратились в первых национал-социалистических мучеников. И наконец, в Ландсбергской тюрьме Гитлер создал священное писание национал-социализма, а на стену своей камеры повесил лавровый венок — символ грядущей победы.

Новое евангелие – «Моя борьба»

Нацизм в Германии развивался на благодатной почве. Десятки миллионов немцев, задыхавшихся под гнетом репараций, и особенно миллионы тех, кто эмигрировал из Польши, Мемеля и Судет, жаждали реванша. Им недоставало вождя, который бы просто и понятно мог объяснить миллионам немцев, кто главный враг и как его можно победить, если сплотиться в единую германскую национальную общность. Нужен был человек, способный воодушевить немецкий народ на борьбу за восстановление империи. И Адольф Гитлер стал таким человеком. Это была гениальная личность, обладавшая незаурядными ораторскими и организаторскими способностями, пусть и вошедшими в историю с огромным знаком минус. Гитлер был политиком масштаба Бисмарка. И получилось так, что он разрушил то, что собрал «железный канцлер». Только столь сильная личность могла выступить как могильщиком Веймарской республики — первой республики в германской истории, так и могильщиком Германской империи. Перед гибелью Гитлеру удалось поднять Рейх на небывалую в истории высоту, по крайней мере в плане территориальных захватов. И тем страшнее для народа было последовавшее затем стремительное падение.

Краеугольным камнем национал-социалистической идеологии стала книга «Моя борьба». Приступая к написанию своего главного труда, Гитлер, ничтоже сумняшеся, заявил: «Я научился большему, чем десятки тысяч наших интеллектуалов». Свою главную книгу Гитлер начал с призыва к аншлюсу Австрии: «Объединение двух немецких государств... кажется той заветной целью, которой нужно добиваться всеми средствами. Немецкая Австрия во что бы то ни стало должна вернуться в лоно великой германской метрополии, и притом вовсе не по соображениям хозяйственным. Нет, нет. Даже если бы это объединение с точки зрения хозяйственной было безразличным, более того, даже вредным, тем не менее объединение необходимо. Одна кровь — одно государство. До тех пор пока немецкий народ не объединит всех своих сынов в рамках одного государства, он не имеет права стремиться к колониальным расширениям. Лишь после того как немецкое государство включит в рамки своих границ последнего немца, лишь после того как окажется, что такая Германия не в состоянии прокормить в достаточной мере все свое население, — возникающая нужда дает народу моральное право на приобретение чужих земель. Тогда меч начинает играть роль плуга, тогда кровавые слезы войны орошают землю, которая должна обеспечить хлеб насущный будущим поколениям».

Аншлюс должен был быть только первым шагом. Захват «жизненного пространства» стал краеугольным камнем программы национал-социалистов. Гитлер призывал искать «чужие земли» для Рейха прежде всего на Востоке — в Польше, в Советском Союзе. Именно земли этих государств должен был в первую очередь вспахать плуг войны и оросить ее кровавые слезы. В книге «Моя борьба» Гитлер писал: «Мы, национал-социалисты, сознательно подводим черту под внешнеполитическим направлением нашей довоенной политики. Мы начинаем с того, на чем остановились шесть столетий тому назад. Мы прекращаем вечное германское устремление на юг и запад Европы и обращаем взор на страну на Востоке. Мы расстаемся наконец с колониальной и торговой политикой довоенного времени и переходим к территориальной политике будущего. Когда мы сегодня говорим в Европе о

новых землях, мы можем в первую очередь думать только о России и подчиненных ей пограничных государствах...»

А дальше Гитлер обвинил в агрессии сами потенциальные жертвы германского экспансионизма: «В русском большевизме мы должны видеть предпринятую в двадцатом столетии попытку евреев завоевать мировое господство...

Германия является сегодня ближайшей крупной целью большевизма. Потребуется все силы молодой миссионерской идеи, чтобы поднять наш народ на освобождение от пут этой международной змеи и остановить внутреннее заражение нашей крови, чтобы направить освобождающиеся силы нации на сохранение нашего национального духа, что могло бы и в самом отдаленном будущем предотвратить повторение последних катастроф».

Рано или поздно Советский Союз и Германский Рейх должны были столкнуться в смертельной схватке, а пока главными противниками Германии были государства версальской системы — Франция, Чехословакия и Польша. Именно их Гитлер собирался сокрушить в первую очередь после прихода к власти. Польшу и Прибалтику необходимо было оккупировать, так как при отсутствии общей границы воевать с Советским Союзом было физически невозможно.

Гитлер мечтал о единении всех немцев и обретении ими «жизненного пространства». Для этого необходимо было создать государство нового типа как инструмента достижения мирового господства: «То государство, которое в эпоху отравления рас посвятит себя делу совершенствования лучших расовых элементов на земле, раньше или позже неизбежно овладеет всем миром».

Эта идея нашла отражение и в популярной нацистской песне, написанной в начале 30-х годов поэтом Гансом Баумом:

Дрожат одряхлевшие кости
Земли перед боем святым.
Сомненья и робость отбросьте!
На приступ! И мы победим!
Нет цели светлей и желаннее!
Мы вдребезги мир разобьем!
Сегодня мы взяли Германию,
А завтра — всю Землю возьмем!..

Так пусть обыватели лают —
Нам слушать их бредни смешно!
Пуускай континенты пылают,
А мы победим все равно!..
Пусть мир превратится в руины
Все перевернется вверх дном!
Мы — юной земли властелины —
Свой заново выстроим дом!

Программа же национал-социалистической партии, ставшая после 1933 года законом государства, прямо содержала пункт, гласящий: «Мы требуем земли и заморские территории для поддержания нашего народа и колонизации нашим избыточным населением».

Но для того чтобы начать завоевывать «жизненное пространство», необходимо было прежде всего прийти к власти в Германии. А для достижения этой цели нацисты собирались использовать националистические и популистские лозунги. Еще 28 июля 1922 года Гитлер так рассуждал о единстве национального и социального в программе НСДАП: «Тот, кто готов

рассматривать цели нации как свои собственные в той мере, когда для него нет более высокого идеала, чем благосостояние нации; тот, кто понимает наш государственный гимн «Германия превыше всего» в том смысле, что для него нет в мире ничего выше его Германии, народа и земли, тот является социалистом».

В книге «Моя борьба» Гитлер обосновал «интересами народа» необходимость использовать как легальные, так и нелегальные методы борьбы. В этом он следовал за своими учителями — социал-демократами и большевиками: «Лишь та государственная власть имеет право на уважение и на поддержку, которая выражает стремления и чувства народа или, по крайней мере, не приносит ему вреда...

Когда правительственная власть все те средства, какими она располагает, употребляет на то, чтобы вести целый народ к гибели, тогда не только правом, но и обязанностью каждого сына народа является бунт...

Каждая правительственная власть, конечно, будет настаивать на том, чтобы сохранять свой государственный авторитет, как бы плохо она ни выражала стремления народа и как бы ни предавала она его направо и налево. Что же остается делать действительным выразителям народных чаяний и стремлений. Инстинкт самосохранения в этом случае подскажет народному движению, что в борьбе за свободу и независимость следует применять и те средства, при помощи которых сам противник пытается удержать свое господство. Из этого вытекает, что борьба будет вестись легальными средствами лишь до тех пор, пока правительство держится легальных рамок, но движение не испугается и нелегальных средств борьбы, раз угнетатели народа также прибегают к ним».

И фюрер подчеркивал: «На будущее, чтобы мы могли рассчитывать на успех, следует применять самые жесткие средства борьбы».

Однако к власти НСДАП, как известно, пришла вполне легальным путем — посредством демократических выборов. Вот когда уже власть оказалась в руках у нацистов, они стали весьма широко применять совсем не парламентские методы для устранения своих противников, начиная с использования поджога рейхстага в качестве предлога для установления однопартийной диктатуры и террора против оппозиции и кончая полной ликвидацией всей неподконтрольной государству политической деятельности.

В книге «Моя борьба» Гитлер провозглашал: «Если бы германский народ был в расовом отношении монолитным, то Рейх уже сегодня стал бы властелином земного шара. Не исключено, что благодаря этому мир достиг бы цели, которой сегодня многие пацифисты хотят достичь путем молитвенных заклинаний». Ради мирового господства стоило истребить «расово неполноценные» элементы. И Гитлер уже тогда заявил: «Если бы мы во время войны потравили газом 12 или 15 тысяч евреев — растлителей народа... то это, возможно, спасло бы жизни миллионов людей, неизмеримо гораздо более ценных для будущего Германии». И точно так же Гитлер предлагал поступить с «ноябрьскими предателями». Что ж, у всех диктатур, и особенно тоталитарных, логика была одна: гибель сотен и тысяч должна спасти сотни тысяч и миллионы.

При нацистах провозглашался приоритет в экономике производительного, «чистого» капитала, который, как утверждал Гитлер в книге «Моя борьба», «является последним продуктом творческого труда», над финансовым, «спекулятивным» или «ростовщическим» капиталом, снабженным уничтожающим эпитетом «еврейский». Вождь нацистов считал необходимым отстранить биржевой капитал от народного хозяйства и «начать борьбу против интернационализации германского хозяйства, не открывая одновременно борьбы против капитала вообще как фактора, необходимого для сохранения независимого народного хозяйства». Национальный германский капитал должен был играть ведущую роль в Рейхе, а затем и во всем мире.

Гитлер считал, что германская раса может господствовать над другими народами, если удастся создать подходящий механизм такого господства: «Если конгломерат народностей, называемый Австрией, в конце концов все-таки погиб, то это не говорит против политических качеств немецкой части этого государства. Это только неизбежный результат того, что 10 миллионов не могут в течение слишком долгого времени управлять 50-миллионным государством, состоящим из различных наций, если своевременно не созданы совершенно определенные предпосылки для этого... Государство должно было образоваться и управляться либо самым централизованным образом, либо оно не могло существовать вовсе». Под управлением «самым централизованным образом» Гитлер понимал жесткую диктатуру без каких-либо элементов демократии. Такая диктатура и была установлена его партией в Германии. Парламентскую демократию Гитлер отвергал под тем предлогом, что «парламентарный принцип решения по большинству голосов уничтожает авторитет личности и ставит на ее место количество, заключенное в той или другой толпе. Этим самым парламентаризм грешит против основной идеи аристократизма в природе, причем, конечно, аристократизм вовсе не обязательно должен олицетворяться современной вырождающейся общественной верхушкой». К личностям же парламентариев, будь то германские, австрийские или какие-либо другие, будущий фюрер питал безграничное презрение: «Чем мельче этаким духовный карлик и политический торгаш, чем ясней ему самому его собственное убожество, тем больше он будет ценить ту систему, которая отнюдь не требует от него ни гениальности, ни силы великана, которая вообще ценит хитрость сельского старосты выше мудрости Перикла. При этом такому типу ни капельки не приходится мучиться над вопросом об ответственности. Это тем меньше доставляет ему забот, что он заранее точно знает, что независимо от тех или других результатов его «государственной» пачкотни конец его карьеры будет один и тот же: в один прекрасный день он все равно должен будет уступить свое место такому же могущественному уму, как и он сам.

Для сборища таких «народных представителей» всегда является большим утешением видеть во главе человека, умственные качества которого стоят на том же уровне, что их собственные. Только в этом случае каждый из этих господ может доставить себе дешевую радость время от времени показать, что и он не лыком шит. А главное — тогда каждый из них не имеет права думать: если возглавлять нас может любой икс, то почему же не любой игрек, чем Стефан хуже Иоганна?

Эта демократическая традиция в наибольшей степени соответствует позорному явлению наших дней, а именно отчаянной трусости большого числа наших так называемых руководителей. В самом деле, какое счастье для таких людей во всех случаях серьезных решений иметь возможность спрятаться за спину так называемого большинства».

Гитлер в своем презрении к демократии ссылался на фронтовой опыт: «Разве наши молодые полки шли во Фландрии на смерть с лозунгом «Да здравствует всеобщее тайное избирательное право» на устах? Нет, неправда, они шли на смерть с кличем «Германия превыше всего». Маленькая, но все же весьма существенная разница! Те крикуны, которые теперь (осенью 1918 года. — Б. С.) искали на фронтах всеобщего тайного избирательного права, раньше и носа не показывали на фронт».

Себя самого Гитлер не без оснований считал человеком незаурядным и храбрым — даром, что ли, заработал на фронте во Фландрии два Железных креста? И когда он требовал от своих сторонников «систематически воспитывать чувство уважения к выдающейся личности», он имел в виду под выдающейся личностью в первую очередь самого себя. Фюрер очень чутко уловил потребность германского общественного мнения в великом герое-

мессии, который выведет страну из болота Версаля, из унижения репараций к новым вершинам духа и, как надеялся измученный инфляцией и безработицей обыватель, к материальному достатку и экономической стабильности. Мало кто думал в тот момент, что за освобождением от пут Версаля опять последует мировая война и будет она еще страшнее прежней. Спасителя видели в Гинденбурге, в Людендорфе, в Тирпице, а позднее в конечном счете уверовали в гений Гитлера, который провозглашал: «Не под бесцветной сенью парламента с его скучными словесными дуэлями, а под грохот пушек на фронтах немецких армий, окруживших со всех сторон Париж, родилось решение, единодушно принятое всеми немцами, начиная от королей и кончая простыми сынами народа, — образовать на будущие времена одну единую империю и возложить на голову прусского короля имперскую корону, символизирующую это братское единство. Это был не результат каких-нибудь жалких интриг. И не дезертиры, не тыловые герои стали основателями бисмарковской империи. Империю создали наши славные полки на фронте». Гитлер-то прекрасно понимал, что ему необходима для достижения амбициозных внешнеполитических целей еще одна мировая война. И, строго говоря, в книге «Моя борьба» содержится немало прозрачных намеков на это, в том числе и неоднократные напоминания о том, что Германская империя была создана «железом и кровью». Но обыватель предпочитал эти намеки не замечать и баюкал себя мыслью, что одного возрождения военной и экономической мощи Германии окажется достаточно, чтобы избавиться от «позора 1918 года».

Нацисты демагогически провозглашали «культ личности». Гитлер утверждал: «Весь прогресс и вся культура человечества покоятся исключительно на гениальности и энергии личностей, а ни в коем случае не являются продуктом «большинства».

Чтобы наша нация могла вернуть себе свое величие и свою силу, она должна суметь культивировать личность и вернуть ей все права».

На самом деле при Гитлере личность была всецело подчинена государству и лишена каких-либо политических прав на всех уровнях. И это касалось не только рядовых граждан, но и руководителей Рейха, которые все должны были подчиняться единой воле Гитлера и не обладали никакой политической самостоятельностью.

«Гнилой» австрийской, французской или британской демократии Гитлер противопоставлял «германскую демократию», которая, по его мнению, заключалась в «свободном выборе вождя с обязанностью для последнего — взять на себя всю личную ответственность за свои действия. Тут нет места голосованию большинства по отдельным вопросам, тут надо наметить только одно лицо, которое потом отвечает за свои решения всем своим имуществом и жизнью. Если мне возразят, что при таких условиях трудно найти человека, который посвятит себя такой рискованной задаче, то я на это отвечу:

— Слава богу, в этом и заключается весь смысл германской демократии, что при ней к власти не может прийти первый попавшийся недостойный кандидат и моральный трус — громадность ответственности отпугивает невежд и трусов».

Этот «фюрер-принцип» при Гитлере был возведен в абсолют и не ограничивался более никакими парламентскими, партийными или сословно-классовыми «сдержками и противовесами». И, отдадим Гитлеру должное, он сдержал обещание и ответил за крах своего «прыжка к мировому господству» собственной жизнью и имуществом, как и обещал. Ведь по иронии судьбы никто из родственников фюрера так и не смог вступить в права наследования, и личное завещание Гитлера (впрочем, как и политическое) не было выполнено.

Фюрер был убежден, что, «раз создается такое положение, которое угрожает свободе или даже самому существованию народа, — вопрос о легальности или нелегальности играет только подчиненную роль. Пусть господствующая власть

тысячу раз божится «легальностью», а инстинкт самосохранения угнетенных все равно признает, что при таком положении священным правом народа является борьба всеми средствами.

Только благодаря этому принципу были возможны те великие освободительные битвы против внутреннего и внешнего порабощения народов на земле, которые стали величайшими событиями мировой истории.

Человеческое право ломает государственное право.

Если же окажется, что тот или другой народ в своей борьбе за права человека потерпел поражение, то это значит, что он был слишком легковесен и недостойн сохраниться как целое на земле. Вечно справедливое провидение уже заранее обрекло на гибель тех, кто не обнаружил достаточной готовности или способности бороться за продолжение своего существования.

Для трусливых народов нет места на земле».

Гитлер подчеркивал: «Грехи против крови и расы являются самыми страшными грехами на этом свете. Нация, которая предается этим грехам, обречена».

Государство, по Гитлеру, должно стать средством «сохранения и дальнейшего развития коллектива одинаковых в физическом и моральном отношениях человеческих существ».

Смещение рас ослабляет государство и ведет его к гибели. По мнению Гитлера, «рядом живущие, но не вполне смешавшиеся друг с другом расы и остатки рас не умеют должным образом объединиться против общего врага. С этим связано то свойство, которое у нас называют сверхиндивидуализмом. В мирные времена это свойство иногда может еще быть полезно, но если взять эпоху в целом, то приходится констатировать, что из-за этого ультраиндивидуализма мы лишились возможности завоевать мировое господство».

Национал-социалисты критиковали культуру Второй империи, которая будто бы и привела страну к катастрофе в 1918 году. Гитлер писал в книге «Моя борьба», имея в виду культурные явления модерна и декаданса: «Худшая черта нашей культуры в довоенные годы заключалась не только в полной импотенции художественного и общекультурного творчества, но и в той ненависти, с которой стремились забросать грязью все прошлое. Почти во всех областях искусства, особенно в театре и в литературе, у нас на рубеже XX века не только ничего не творили нового, но прямо видели свою задачу в том, чтобы подорвать и загрязнить все старое. Направо и налево кричали о том, что такие-то и такие-то великие произведения прошлого уже «превзойдены», как будто в самом деле эта ничтожная эпоха ничтожных людей способна была что бы то ни было преодолеть».

Как созвучна эта сентенция сетованиям российских патриотов рубежа XX и XXI веков о том, что поливают грязью российское и особенно советское прошлое. Большинство из ревнителей непорочной чистоты отечественной истории наверняка даже и не подозревают, кому они невольно подражают.

Насчет же того, что советская система была гораздо то-тальнее германской, хорошо написал один из соратников генерала Власова — Вильфрид Штрикфельдт: «И нацистский режим стремился к тоталитарной, всеобъемлющей власти, но она еще не достигла дьявольского совершенства сталинизма. В Третьем Рейхе все же сохранялись какие-то основы старой государственной и общественной структуры; еще не были задушены полностью частная инициатива и частная собственность; еще было возможно работать и жить, не завися от государства. Немцы еще могли высказывать свое мнение, если оно и не сходилось с официальной догмой, могли даже до известной степени действовать так, как считали лучшим. Хотя партийное давление и увеличивалось все более ощутимо... но эта форма несвободы в Германии оценивалась подавляющим большинством бывших советских граждан мерками сталинского режима

насилия и поэтому воспринималась все же как свобода. И в этом была большая разница между нами».

При Гитлере примат государства во всех сферах достиг невиданных в германской истории размеров. Только в Советском Союзе степень огосударствления жизни была выше. В книге «Моя борьба» по этому поводу утверждалось: «Государство не имеет ничего общего с конкретной экономической концепцией или развитием... Государство является расовым организмом, а не экономической организацией... Внутренняя сила государства лишь в редких случаях совпадает с так называемым экономическим процветанием; последнее, как свидетельствуют бесчисленные примеры, очевидно, указывает на приближающийся крах государства... Пруссия с исключительной наглядностью подтверждает, что не материальные средства, а лишь идейные ценности позволяют создать государство. Только при их наличии может благоприятно развиваться экономическая жизнь. Всегда, когда в Германии отмечался политический подъем, экономические условия становились первостепенной заботой народа, а идейные ценности отходили на второй план, государство разваливалось и вскоре возникали экономические трудности... До сих пор никогда в основе государства не лежали мирные экономические средства...»

В 1933—1945 годах проповедь «немецкой исключительности» перешла в Германии все возможные пределы. Начало было положено Гитлером, в книге «Моя борьба» призывавшего: «Давайте воспитывать немецкий народ с самого раннего возраста в чувстве исключительного признания прав своего собственного народа, давайте не развращать уже с детских лет нашу молодежь, давайте освободим ее от проклятия нашей «объективности» в таких вопросах, где дело идет о сохранении своего собственного «я». Тогда в кратчайший срок мы убедимся, что и немецкий католик по примеру католиков Ирландии, Польши или Франции остается немцем, остается верным своему народу».

Чувство исключительного признания собственных прав немецкой нации стоило ей миллионов, а всему человечеству — десятков миллионов погибших. И здесь слова Гитлера очень напоминают проповедь национальной исключительности в других странах мира, в том числе в России.

Позднее, в 30-е годы, Гитлер говорил Герману Раушнингу: «Я никогда не соглашусь, чтобы другие народы были равноправны с немецким, наша задача — поработить иные народы. Немецкий народ призван дать миру новый класс господ».

Буржуазия сыграла свою роль... Но и у этих исторически уполномоченных «верхних слоев», у этого календарного дворянства (сведения о дворянских родах заносились в исторические календари. — Б. С.), у этих выродившихся потомков древних аристократических родов осталась только одна задача — «красиво умереть»... Новые «верхние слои» создают, и есть только одно средство для их создания: борьба. Отбор нового класса вождей — вот моя борьба за власть. Кто признает меня, тот призван — уже потому, что он меня признает... Великое революционное значение нашей долгой, упорной борьбы за власть, что в ней родится новый класс господ, призванный руководить судьбами не только немецкого народа, но и всего мира...

Вот как будет выглядеть грядущий социальный порядок. Будет класс господ — исторически сложившийся, созданный из различных элементов посредством борьбы. Будет множество иерархически организованных членов партии. Они станут новым средним сословием. И будет большая масса безымянных, вечно немых — класс служащих. И все равно, кем они будут, — представителями буржуазии или дворянства, рабочими или ремесленниками. Их экономическое положение и прежняя общественная роль не будут иметь ни малейшего значения. Все их смехотворные различия сольются в едином революционном

процессе. Но ниже их будет стоять слой порабощенных иноземцев, проще говоря — слой современных рабов. А на самом верху будет новая высшая аристократия, особо заслуженные и особо ответственные лидеры. Только так, в борьбе за власть и господство внутри народа и вне его, возникают новые классы...»

Гитлер хотел создать пирамиду новой социальной иерархии, основанную не на социальном происхождении и современном положении в обществе, а на социально-биологическом принципе. Наверху должны были быть те, кто обладает сильнейшей волей и выказал наибольшую активность в борьбе за торжество национал-социализма в Германии и германской расы — во всем мире. А в основании пирамиды должны были находиться порабощенные представители низших рас, прежде всего славян. Но приступить к строительству этой пирамиды можно было только после победы Германии во Второй мировой войне. Ранее этого срока было опасно трогать сложившуюся социально-экономическую структуру.

Гитлер внимательно присматривался к опыту социал-демократов и коммунистов по работе с массами. В книге «Моя борьба» он писал: «Психика широких масс совершенно невосприимчива к слабому и половинчатому. Душевное восприятие женщины менее доступно аргументам абстрактного разума, чем не поддающимся определению инстинктивным стремлениям к дополняющей ее силе. Женщина гораздо охотнее покорится сильному, чем сама станет покорять себе слабого. Да и масса больше любит властелина, чем того, кто у нее чего-либо просит. Масса чувствует себя более удовлетворенной таким учением, которое не терпит рядом с собой никакого другого, нежели допущением различных либеральных вольностей. Большею частью масса не знает, что ей делать с либеральными свободами, и даже чувствует себя при этом покинутой. На бесстыдство ее духовного терроризирования со стороны социал-демократии масса реагирует так же мало, как и на возмутительное злоупотребление ее человеческим правом и свободой. Она не имеет ни малейшего представления о внутреннем безумии всего учения, она видит только беспощадную силу и скотски грубое выражение этой силы, перед которой она в конце концов пасует.

Если социал-демократии будет противопоставлено учение более правдивое, но проводимое с такой же силой и скотской грубостью, это учение победит, хотя и после тяжелой борьбы...

Мне стало совершенно ясно самое учение социал-демократии, а также технические средства, при помощи которого она его проводит.

Я хорошо понял тот бесстыдный идейный террор, который эта партия применяет против буржуазии, неспособный противостоять ему ни физически, ни морально. По данному знаку начинается настоящая канонада лжи и клеветы против того противника, который в данный момент кажется социал-демократии более опасным, и это продолжается до тех пор, пока у стороны, подвергшейся нападению, не выдерживают нервы, и, чтобы получить передышку, она приносит в жертву то или другое лицо, наиболее ненавистное социал-демократии.

Глупцы! Никакой передышки они все равно не получат!»

В отличие от социал-демократов и даже от коммунистов нацистам удалось довольно быстро найти популистские лозунги, объединявшие широкие слои германского населения. Они были просты: «Долой оковы Версаля, безработицу и еврейских плутократов! Да здравствует вечное величие германской расы!» Слова социал-демократов о социальном партнерстве в период острого экономического кризиса звучали не слишком убедительно. А коммунисты обещали спасение в грядущем земном рае только пролетариям и батракам, но не лавочникам или зажиточным крестьянам.

Как утверждал Гитлер, «миллионы рабочих сначала были внутренне враждебны социал-демократической партии, но их сопротивление было побеждено тем, порой совершенно безумным поведением буржуазных партий, которое выражалось в полном и безусловном отказе пойти навстречу какому бы то ни было социальному требованию. В конце концов, этот отказ пойти на какое бы то ни было улучшение условий труда, принять меры против травматизма на производстве, ограничить детский труд, создать условия защиты женщин в те месяцы, когда она носит под сердцем будущего «сына отечества», — все это только помогало социал-демократии, которая с благодарностью регистрировала каждый такой отказ и пользовалась этими настроениями имущих классов, чтобы загонять массы в социал-демократический капкан».

Гитлер подчеркивал: «Глубочайшие интересы народа и государства требуют недопущения того, чтобы народные массы попадали в руки плохих, невежественных и просто беспечных «воспитателей». Обязанностью государства было бы взять на себя контроль за этим воспитанием и систематически бороться против злоупотреблений печати. Государство должно следить особенно внимательно за газетами, ибо влияние газет на людей является самым сильным и глубоким хотя бы уже потому, что газеты говорят с читателем изо дня в день. Именно равномерность пропаганды и постоянное повторение одного и того же оказывают исключительное влияние на читателей. Вот почему в этой области более, чем в какой-либо другой, государство имело бы право применять абсолютно все средства, ведущие к цели. Никакие крики относительно так называемой свободы печати не должны были бы останавливать государство, которое просто обязано обеспечить нации столь необходимую ей здоровую умственную пищу. Здоровое государство должно во что бы то ни стало взять в свои руки это орудие народного воспитания и по-настоящему поставить печать на службу своей нации».

Гитлер одним из первых в мире понял, что настроениями народа можно целенаправленно манипулировать, и это — верный путь к власти. Здесь фюрер творчески развил опыт социал-демократов и коммунистов. Он признавался: «В пропаганде вообще я видел инструмент, которым марксистско-социалистические организации пользуются мастерски. Я давно уже убедился, что правильное применение этого оружия является настоящим искусством и что буржуазные партии почти не умеют пользоваться этим оружием. Только христианско-социальное движение, в особенности в эпоху Лютера, еще умело с некоторой виртуозностью пользоваться средствами пропаганды, чем и обеспечивались некоторые его успехи».

Следует признать, что в искусстве пропаганды фюрер стал подлинным виртуозом, далеко превзойдя своих учителей. А национал-социалистическое движение обрело форму религиозного движения, иными словами, стало гражданской религией. После прихода нацистов к власти для оболванивания германского народа и его моральной подготовки к войне было создано имперское министерство пропаганды. Еще в книге «Моя борьба» Гитлер писал: «То, что мы постоянно обозначаем словами «общественное мнение», только в очень небольшой части покоится на результатах собственного опыта или знания. По большей же части так называемое «общественное мнение» является результатом так называемой «просветительской работы».

Религиозная потребность сама по себе глубоко заложена в душе человека, но выбор определенной религии есть результат воспитания. Политическое же мнение массы является только результатом обработки ее души и ее разума — обработки, которая зачастую ведется с совершенно невероятной настойчивостью.

Наибольшая часть политического воспитания, которое в этом случае очень хорошо обозначается словом «пропаганда», падает на прессу. В первую очередь

именно она ведет эту «просветительскую работу» (в 30-е годы наряду с прессой все больше используется радио; недаром многие речи Гитлера были рассчитаны на то, чтобы оказывать гипнотический эффект на миллионы радиослушателей. — Б. С). Она в этом смысле представляет собой как бы школу для взрослых. Беда лишь в том, что «преподавание» в данном случае находится не в руках государства, а в руках очень низменных сил». Гитлер также подчеркивал, что пропаганда должна учитывать особенности различных слоев населения, охватывая все формы человеческого мышления: «Пропаганда вечно должна обращаться только к массе. Для интеллигенции или для тех, кого ныне называют интеллигенцией, нужна не пропаганда, а научные знания... Задача пропаганды заключается не в том, чтобы дать научное образование отдельным индивидуумам, а в том, чтобы воздействовать на массу, сделать доступными ее пониманию отдельные важные, хотя и немногочисленные факты, события, нужды, о которых масса до сих пор не имела и понятия».

Гитлер также отмечал, что вину за прошедшую мировую войну следует возлагать на страны Антанты, не признавая и малейшей доли германской вины, ибо только такой тезис будет иметь безусловный успех у большинства населения Рейха. Он писал: «Огромной принципиальной ошибкой было ставить вопрос о виновниках войны так, что виновата-де не одна Германия, но также и другие страны. Нет, мы должны были неустанно пропагандировать ту мысль, что вина лежит всецело и исключительно на противниках. Это надо было делать даже в том случае, если бы это и не соответствовало действительности. А между тем Германия и на самом деле не была виновата в том, что война началась...

Народные чувства не сложны, они очень просты и однообразны. Тут нет места для особенно тонкой дифференциации. Народ говорит «да» или «нет»; он любит или ненавидит. Правда или ложь! Прав или не прав! Народ рассуждает прямолинейно. У него нет половинчатости».

В дальнейшем, придя к власти, нацисты достигли тотального огосударствления средств массовой информации, сделав их орудием управления политическим сознанием людей. В последний период своего существования при Гитлере Германская империя включилась в механизм самых современных политических технологий, которые только и могли поддерживать волю масс вести совершенно безнадежную для Рейха войну.

Развивая мысли Гитлера, министр пропаганды Геббельс утверждал: «Пропаганда сама по себе не обладает каким-то набором фундаментальных методов. Она имеет одно-единственное предназначение: завоевание масс. И всякий метод, не способствующий осуществлению данного предназначения, плох... Методы пропаганды приходят из повседневной политической борьбы».

Роль СМИ в Австрии и Германии в первой четверти XX века, как изобразил ее Гитлер в книге «Моя борьба», очень напоминает функцию телевидения в России в конце XX — начале XXI века. Фюрер отмечал: «Прессе удавалось в течение каких-нибудь нескольких недель вытащить на свет божий никому не известные детали, имена, каким-то волшебством заставить широкие массы связать с этим именем невероятные надежды — словом, создать этим именам такую популярность, которая никогда и не снилась людям действительно крупным. Имена, которые всего какой-нибудь месяц назад еще никто не знал или знал только понаслышке, получали громадную известность. В то же время старые, испытанные деятели разных областей государственной и общественной жизни как бы совершенно умирали для общественного мнения, или их засыпали таким количеством гнуснейших клевет, что имена их в кратчайший срок становились символом неслыханной низости и мошенничества. Надо видеть эту низкую еврейскую манеру — сразу же как по мановению волшебной палочки начинают поливать честного человека грязью из сотен и тысяч ведер; нет той самой клеветы, которая не обрушилась бы на голову такой ни в чем не

повинной жертвы; надо ближе познакомиться с таким методом покушения на политическую честь противника, чтобы убедиться в том, насколько опасны эти негодяи прессы. Для этих разбойников печати нет ничего такого, что не годилось бы как средство для их грязной цели».

Справедливости ради необходимо подчеркнуть, что Гитлер зря приписывал только евреям специфические методы политического манипулирования. Подобным образом работали как евреи, так и чистокровные арийцы.

Гитлер легко свел возможности конкурирующих политических сил, управляющих общественным мнением. С первых же дней своего господства национал-социалисты упразднили свободу слова. Уже 4 октября 1933 года был принят «Имперский закон о главных редакторах», провозгласивший прессу «государственным средством просвещения и воспитания». Девять лет спустя, 22 февраля 1942 года, Гитлер с нескрываемым удовлетворением отмечал результаты действия этого и других, аналогичных по духу, законов: «Мы покончили с представлением о том, что свобода в государстве — это когда каждый может говорить все, что в голову взбредет. Свыше половины немецких газет в руках у Амана (президента имперской палаты печати и однополчанина Гитлера. — Б. С.). Стоит мне позвонить Лоренцу (представителю имперского фюрера печати в ставке. — Б. С.) и в нескольких словах высказать ему свою точку зрения, как уже на следующий день в час дня она будет опубликована в каждой немецкой газете».

В период нацистской диктатуры в Германии существовал культ «образцовой германской семьи», которая мыслилась прежде всего как средство для укрепления мировых позиций германской расы. Гитлер в книге «Моя борьба» утверждал: «Семья не является самоцелью, а служит более высокой задаче: увеличению и сохранению человеческого рода и расы. Именно в этом состоит смысл семьи и ее задача». Главный смысл человеческой жизни фюрер видел в продолжении рода, в увеличении числа «расово полноценных» человеческих особей. В 1941 году он прямо говорил, что лучшим состоянием человеческого духа он считает такое состояние, когда «каждый знает, что он живет и умирает только ради сохранения своего биологического вида».

Гитлер и НСДАП исповедовали принципы социального дарвинизма. Германская империя призвана была доказать свое право на существование или погибнуть. В книге «Моя борьба» читаем о примате биологического над экономическим как идеале национал-социалистического миропорядка: «Никогда еще в истории ни одно государство не было создано мирной хозяйственной деятельностью; государства всегда создавались только благодаря инстинкту сохранения вида, независимо от того, определялся ли этот инстинкт героической добродетелью или хитрым коварством; в первом случае получались арийские государства труда и культуры, во втором случае — еврейские паразитарные колонии. Как только у того или другого народа или государства берут верх чисто хозяйственные мотивы, результат получается только тот, что само хозяйство становится причиной подчинения и подавления этого народа».

На первый план общественного устройства Гитлер выдвигал расовый (биологический) компонент и закономерно призывал сохранять физическое здоровье нации. Поощрялось все то, что было направлено на продолжение рода, преследовалось все то, что затрудняло воспроизводство новых поколений «расово полноценных» человеческих особей. Поэтому нацисты жестоко преследовали гомосексуалистов и объявили преступлением браки и внебрачные половые связи «арийцев» и «неарийцев». Под лозунгом борьбы с сифилисом Гитлер требовал беспощадных мер в отношении проституции и особого разрешения на ранний брак (дабы как-то пресечь стремление молодых людей к добрачному сексу).

В книге «Моя борьба» прямо говорилось: «Брак не является самоцелью. Он должен служить более высокой цели — размножению и сохранению вида и расы». Вместе с тем, по убеждению фюрера, «чрезмерный перевес духовного развития и пренебрежение развитием физическим зачастую приводят уже в ранней молодости к преждевременному пробуждению половых представлений. Юноша, который закаляет свое тело спортом, приобретает железную силу, и в то же время его чувственные потребности меньше, нежели у того, кто питается только духовной пищей, сидит только над книгами». Поэтому в Третьем Рейхе спорту отдавалось предпочтение перед книгами. Государство старалось регламентировать брак, и поощрялись только те отношения полов, которые были направлены на продолжение рода. Свободный секс, наоборот, подавлялся, поскольку в нем была серьезная угроза для выживания нации, а значит, и для государства в целом.

Также и в «Застольных беседах» фюрер утверждал: «Брак как основа семьи есть залог жизни и будущего народа. Сохранение в чистоте его устоев есть нравственный долг. Офицер, который уже в силу своего знания и положения является представителем руководящего слоя, через безупречное поведение обязан стать как бы эталоном нравственности и стремиться претворить в жизнь этот принцип в своей семье. Прелюбодеяние и разрушение чужой семьи есть осквернение чести, а измену собственной жене следует в общем и целом дополнительно квалифицировать как вероломство. Измена жены обязывает супруга во имя защиты чести своего дома призвать обидчика к ответу».

Фюрер также настаивал на том, что «брак не является институтом, созданным лишь для совместных развлечений супругов или проистекающим лишь из взаимной переписки; он представляет собой лишь разделение обязанностей, когда задача мужа — борьба за карьеру в избранной профессии, а задача жены — поддерживать порядок в доме, ибо дом — это опора в борьбе за выживание. А под порядком в доме понимается поддержание определенного культурного уровня, с одной стороны, и практическое ведение хозяйства — с другой».

В книге «Моя борьба» Гитлер также сформулировал принцип политики национал-социалистов в сфере образования: «Народное государство будет видеть свою главную задачу не в том, чтобы накачивать наших детей возможно большим количеством «знаний», а прежде всего в том, чтобы вырастить вполне здоровых людей. Лишь во вторую очередь мы будем думать о развитии духовных способностей. Но и здесь мы будем прежде всего думать о том, чтобы развить у нашей молодежи характер, волю, силу, решимость, а в сочетании с этим будем систематически работать над тем, чтобы развить в ней чувство ответственности. Лишь в последнюю очередь будем мы думать о чисто школьном образовании».

Государство рассматривалось национал-социалистами только как средство борьбы за выживание нации. Гитлер верил, что германский народ биологически сильнейший в мире. Потому он и отважился вступить во Вторую мировую войну против явно превосходящей Германию по силам и средствам коалиции. Фюрер надеялся, что у народов, ему противостоявших, не окажется достаточной воли к сопротивлению. В этом его убеждала политика «умиротворения» со стороны Англии и Франции. Гитлер утверждал: «Если государство не имеет силы организовать борьбу за здоровье народа, оно тем самым лишается права на существование в этом мире, который представляет собой мир борьбы». Фюрер также надеялся, что германский гений создаст самые совершенные средства борьбы, германский солдат на фронте окажется самым стойким и умелым бойцом, а германские генералы под его руководством окажутся самыми лучшими полководцами.

Еще в книге «Моя борьба» Гитлер писал: «Любая попытка побороть определенную идею силою оружия потерпит поражение, если только борьба против упомянутой идеи сама не примет форму наступательной борьбы за

новое мирозерцание. Только если против одного мирозерцания в идейном всеоружии выступает другое мирозерцание, насилие сыграет решающую роль и принесет пользу той стороне, которая сумеет его применить с максимальной беспощадностью и длительностью».

Новое мировоззрение, способное побороть идеи, движущие иными нациями, по мысли Гитлера, может выработать только биологически здоровый, полный молодых сил народ. В книге «Моя борьба» фюрер писал: «Наш боевой клич становится сигналом, собирающим в наши ряды все, что есть сильного. Именно величие целей отпугивает мелких людей... но зато под наши знамена собираются все действительно боевые натуры... Если на одной стороне мы видим концентрацию высшей энергии и решимости, а на другой стороне — широкие массы равнодушных, то небольшое меньшинство, собравшееся в первом лагере, всегда одержит верх над громадным большинством, оставшимся во втором лагере. Мировую историю делает меньшинство, раз только в этом численном меньшинстве воплотились большая воля и большая решимость».

Громадность задач, которые мы себе ставим, в глазах многих затрудняет нашу победу; на деле же именно в этом заложена наша победа. В величии и трудностях нашей задачи как раз и заложено то, что в нашем лагере соберутся только лучшие бойцы. Именно в этом подборе гарантия нашего успеха».

Смешение представителей высшей расы с представителями низших рас теоретики нацизма находили преступным, поскольку это вело к физическому и умственному регрессу, снижению уровня более высокой расы. А высшей расе суждено было господствовать над миром. В книге «Моя борьба» читаем: «Всякое расовое смешение раньше или позже неизбежно приводит к гибели того потомства, которое получилось в результате смешения, если только более высокая раса, вступавшая в смешение, хотя бы частично сохранилась в чистом виде на земле. Лишь в том случае, если и более высокая раса вся до конца участвует в смешении, исчезнет опасность для потомства».

Любые моральные ограничения могут только повредить представителям высшей расы, низвести ее до уровня низших. Принципы нравственности и морали могут стать вновь значимыми для немцев только тогда, когда Германия завоеует весь мир. Гитлер провозглашал: «Идеи гуманизма и пацифизма, может быть, действительно будут уместны тогда, когда высшая раса завоеует весь мир и будет господствовать на всей земле... Сначала борьба, а потом, может быть, и пацифизм».

Гитлеровская концепция государства была основана на расовой теории. Государственное устройство имеет одну главнейшую цель — сохранение нации как социобиологического организма в борьбе с другими нациями. В книге «Моя борьба» Гитлер писал: «В отличие от буржуазного и марксистско-еврейского мировоззрения народная философия рассматривает значение человечества в его базовых расовых элементах. В государстве он видит лишь одно из средств для достижения конечной цели, считая, что эта цель состоит в сохранении расовой сущности человека. Данная философия никоим образом не исходит из равноправия рас, а признает высшие и низшие по своей ценности расы и считает себя обязанной содействовать торжеству лучших и более сильных рас. Она предполагает подчинение низших и более слабых рас в соответствии с вечным порядком, господствующим во вселенной. Таким образом, настоящая философия в принципе отвечает основной идее аристократической натуры и исходит из обязательности данного закона для всех, а также учитывает не только различную ценность рас, но и различную ценность отдельных лиц. Согласно этой философии, из масс важно выдвигать индивидуальность и таким образом... создавать некое организующее начало. Она верит в необходимость идеализации человечества, в которой видит лишь предпосылку существования рода человеческого. Однако она не может дать

право на существование какой-либо этической идеи, если эта идея представляет угрозу расовому существованию носителей более высокой этики. Ибо в мире, населенном неполноценными особями и черномазыми, любые гуманные воззрения, какими бы прекрасными и величественными они ни были, а также любые идеи относительно идеального будущего нашего человечества утрачены раз и навсегда...

Следовательно, немецкая жизненная философия соответствует исконному желанию природы, поскольку воссоздает свободную игру сил, которые способны привести к постоянному взаимному улучшению рода, пока наконец лучшие представители человечества, добившись господства на нашей планете, не станут располагать полной свободой действий в тех владениях, которые частично выходят за ее пределы.

Мы все ощущаем, что в отдаленном будущем человечество столкнется с проблемами, решить которые будет под силу лишь высшей расе — властителям всей планеты».

По мысли Гитлера, сама природа и Провидение предопределили германской расе господствовать на Земле.

«Народное государство», по Гитлеру, должно ставить расовый вопрос в центр бытия — это забота о чистоте расы, о сохранении и приумножении числа расово полноценных особей. «Детей должны рожать лишь здоровые пары, — провозглашал будущий фюрер в книге «Моя борьба». — Страшный позор производить на свет детей больными и немощными, и большая честь отказаться от этого. Наоборот, предосудительно нежелание производить здоровых детей для нации. Народное государство выступает гарантом грядущих поколений, перед лицом которых желания и эгоизм отдельного лица надо отбрасывать в сторону и подавлять... Народное государство начинается с повышения роли семьи, чтобы покончить с постоянным загрязнением расы и превратить ее в институт, призванный производить на свет божественные создания, а не уродов, нечто среднее между человеком и обезьяной».

Имелась в главной книге Гитлера и внешнеполитическая программа, содержание которой не ограничивалось «освобождением от цепей Версаля». Германская нация должна была завоевать себе «жизненное пространство», прежде всего на Востоке. В книге «Моя борьба» Гитлер отвергал идею заключения союза с Россией, даже из конъюнктурных соображений. Ведь тогда, по его мнению, в случае войны Германии и России против всего остального мира «вся борьба разыгралась бы не на русской, а на германской территории, причем Германия не могла бы даже рассчитывать на сколько-нибудь серьезную поддержку со стороны России». Фюрер утверждал: «Уже один факт заключения союза между Германией и Россией означал бы неизбежность будущей войны, исход которой заранее предрешен. Такая война могла бы означать только конец Германии».

Невозможность союза с Советской Россией помимо расового момента Гитлер обосновывал также еще следующими соображениями: «Современные владыки России совершенно не помышляют о заключении честного союза с Германией, а тем более о его выполнении, если бы они его заключили... Германия также не избавлена от той опасности, жертвой которой пала в свое время Россия. Только буржуазные простаки способны думать, будто большевизм в Германии уже сокрушен». В связи с этим фюрер делал общий вывод: «Чтобы успешно бороться против еврейских попыток большевизации всего мира, мы должны прежде всего занять ясную позицию по отношению к Советской России. Нельзя побороть дьявола с помощью Вельзевула». Россия и сопредельные с ней государства-лимитрофы рассматривались в книге «Моя борьба» только как объект экспансии.

Напротив, считал Гитлер, «сближение Германии с Англией и Италией никоим образом не приводит к опасности войны». Он полагал такой союз весьма выгодным для Германии: «Англия представляет собой величайшую мировую державу, а Италия — молодое, полное сил национальное государство. Союз с такими государствами создал бы совсем другие предпосылки для борьбы в Европе, нежели тот союз с гниющими государственными трупами, на которые Германия опиралась в последней войне». Выгоды от такого союза Гитлер видел в том, что «единственная держава, с которой приходится считаться как с возможной противницей такого союза, — Франция — объявить войну была бы не в состоянии. Это дало бы Германии возможность совершенно спокойно заняться всей той подготовкой, которая в рамках такой коалиции нужна, дабы в свое время свести счеты с Францией. Ибо самое важное в таком союзе для нас то, что Германия не может тогда подвергнуться внезапному нападению и что, наоборот, союз противников распадется, т. е. уничтожится Антанта, из-за которой мы претерпели бесконечно много несчастий. Значение такого союза было бы в том, что смертельный враг нашего народа — Франция — сам попал бы в изолированное положение... Германия одним ударом вышла бы из нынешнего неблагоприятного стратегического положения... Мы получили бы могучую защиту своих флангов и были бы полностью обеспечены продовольствием и сырьем».

Но Гитлер оказался плохим пророком. Он был прав, когда утверждал, что союз Германии с Россией приведет к мировой войне, которая неизбежно завершится крахом Германии. Однако в 1939 году фюрер все-таки пошел на пакт со Сталиным. В результате в 1939—1941 годах СССР и Германия были фактическими союзниками. Благодаря этому Гитлер смог разгромить и оккупировать Польшу и Францию, установить контроль над Норвегией и Балканами. Однако тем самым он сделал неизбежным союз Англии и стоявших за ней США с Советским Союзом, что предопределило конечное поражение Германии.

Путь к власти 1925-1933

Выйдя из Ландсбергской тюрьмы, Гитлер поспешил заверить власти в том, что отныне будет законопослушным гражданином, а его партия будет использовать только законные, парламентские методы борьбы.

Уже 4 января 1925 года он побывал на приеме у министра-президента баварского правительства Генриха Хольда и заверил его в своей лояльности.

В результате уже в феврале 1925 года запрет на деятельность НСДАП в Баварии был снят. До этого в Баварии нацисты действовали в составе Народного блока, вскоре преобразованного в Национал-социалистическое освободительное движение, а на остальной территории Германии — в качестве Великогерманского народного сообщества, возглавляемого Юлиусом Штрейхером.

За время отсутствия Гитлера национал-социалистическое движение наряду с несомненными успехами понесло и чувствительные потери. Его ряды покинул генерал Э. Людендорф.

Собственную фракцию создал Грегор Штрассер, придерживавшийся радикальных антикапиталистических лозунгов. Формально разногласия удалось преодолеть только на партийной конференции в Бамберге в феврале 1926 года.

На сторону Гитлера перешел Йозеф Геббельс, популярный в Берлине агитатор и журналист. Гитлер назначил его гаулейтером Берлина. Так началась их вечная дружба. Штрассер же в конечном счете признал верховенство Гитлера и вернулся в руководство НСДАП, где стал заниматься организационными вопросами.

Гитлер понимал, что для легальной парламентской деятельности партии необходимы значительные денежные средства, которые в данный момент, когда в партии состоят лишь десятки тысяч человек, могут предоставить только люди богатые — крупные банкиры и промышленники. На протяжении 1926 года он неоднократно встречался с германскими предпринимателями и заверял их, что НСДАП не покушается на священное право частной собственности. Он доказывал, что только его партия способна обеспечить наилучшую защиту от «красной опасности». Предприниматели Гитлеру поверили и стали пополнять партийную кассу сотнями тысяч марок. Туда делали взносы и такие солидные иностранные компании, как «Роял Датч Шелл», «Дженерал моторс», «Форд»... Не то чтобы все они очень любили национал-социалистов. Просто в бизнесе действовал и действует принцип: не складывать все яйца в одну корзину. Поэтому германские промышленники (и не только германские), финансируя ряд правых, националистических и центристских партий, не хотели игнорировать и партию Гитлера с ее растущей популярностью.

В спонсорстве они видели для себя определенную гарантию на случай прихода нацистов к власти и надеялись, что Гитлер если не отблагодарит, то, по крайней мере, не станет вредить своим благодетелям. Гитлер отблагодарил, но по-своему: привел к краху Рейх, а вместе с ним и национальный бизнес.

Экономический кризис 1929 года вызвал резкий рост безработицы. Это не замедлило сказаться на избирательных успехах партии Гитлера. На выборах в рейхстаг в мае 1928 года, накануне кризиса, социал-демократы завоевали более 9 миллионов голосов, коммунисты — более 3 миллионов, а нацисты — всего 800 тысяч. А вот на следующих выборах, 14 сентября 1930 года, картина была уже совсем иная. За НСДАП проголосовали 6,3 миллиона человек, за

коммунистов — 4,5 миллиона, а за социал-демократов — чуть более 8 миллионов. Всего за год численность национал-социалистической партии возросла со 100 до 400 тысяч человек. Если в мае 1928 года за Гитлера и его партию голосовано всего 2,6 процента германских избирателей, то в сентябре 1930-го — уже 18,3 процента. До власти оставался всего один шаг.

11 октября 1931 года по инициативе лидера Немецкой национальной народной партии медиа-магната Альфреда Гугенберга на встрече в Бад-Гарцбурге основные партии правой ориентации, в том числе и НСДАП, приняли совместную Гарцбургскую декларацию о пути преодоления кризиса посредством недопущения социал-демократов и коммунистов к власти.

Это была принципиальная победа Гитлера — традиционные правые силы признали его равноценным игроком на политическом поле и в принципе готовы были его поддерживать.

А вскоре было устранено последнее препятствие для того, чтобы сам Гитлер вошел в рейхстаг и в правительство. Еще в апреле 1925 года Гитлер вышел из австрийского гражданства и стал апатридом — лицом без гражданства. Это не позволяло ему избирать и быть избранным в Германии.

Наконец 25 февраля 1932 года Гитлер стал гражданином Рейха, что позволяло ему претендовать на самые высокие посты в государстве. Это произошло благодаря тому, что министр внутренних дел земли Браун швейг — член НСДАП — назначил Гитлера советником земельного правительства, обеспечив ему право на германское гражданство.

Тем временем нацисты обрели очередного «мученика», а вместе с ним — партийный гимн. 23 февраля 1930 года в берлинском пригороде Веддинг был убит командир одного из отрядов СА Хорст Вессель, по совместительству — сутенер. Он стал жертвой разборки из-за девицы с другим сутенером, Али Хелером, по иронии судьбы оказавшимся коммунистом (он был убит вскоре после прихода нацистов к власти). Нацисты объявили Хорста Весселя мучеником движения и идеи, «великим героем» и «великим поэтом», а написанная им песня «Выше знамена» стала партийным гимном, исполнявшимся после 1933 года вслед за государственным гимном — «Германия превыше всего».

В обращении НСДАП от 1 марта 1932 года провозглашалось: «Гитлер — это девиз для всех, кто верит в возрождение Германии... Гитлер победит, ибо народ желает его победы». Но не менее важно было то, что победы Гитлера в тот момент хотел и германский большой бизнес, видя в фюрере единственную гарантию стабилизации экономического и политического положения в стране, но отнюдь не думая, что через каких-нибудь семь лет он развяжет новую мировую войну. Гитлер, чья резиденция находилась в отеле «Кайзерхоф», напротив рейхсканцелярии, 16 августа 1932 года в одном из интервью хвастливо заявил: «Мне незачем идти на Берлин. Я уже здесь». Он уже не сомневался в победе.

Ранее, 27 января 1932 года, выступая в Дюссельдорфе на заседании «Клуба индустрии», фюрер заявил: «Нынешнее правительство не способно к принятию решительных мер для изменения ситуации, которая грозит непредсказуемыми социальными последствиями». И подчеркнул, что нельзя создать «здоровую и крепкую» Германию, пока половина населения поддерживает «марксистов».

Для внешнего же потребления, чтобы запудрить мозги лидерам держав Антанты, Гитлер пропагандировал «политику мира», которой будто бы собираются следовать нацисты, когда придут к власти. После 30 января 1933 года этот лозунг был в одночасье заменен требованием ревизии Версальского договора и воссоединения всех немцев в едином государстве.

Президентские выборы 13 марта 1932 года окончились поражением Гитлера. Во втором туре он уступил Гинденбургу, за которого проголосовало 53 процента участвовавших в выборах избирателей, в том числе многие

сторонники социал-демократов. Для последних «железный фельдмаршал» представлялся меньшим злом, чем лидер нацистов. После выборов президента правительство даже рискнуло запретить СА и СС, обвинив их в подготовке военного переворота. Но запрет остался на бумаге. Уже 1 июня 1932 года Генрих Брюнинг, противник нацистов, был заменен на посту рейхсканцлера Францем фон Папеном, тесно связанным с католической Партией центра и гораздо более примирительно настроенным по отношению к Гитлеру и НСДАП. 31 июля 1932 года состоялись новые выборы, в рейхстаг. Национал-социалисты завоевали 230 мандатов, получив почти 14 миллионов голосов, и стали самой крупной фракцией. Социал-демократы имели 133 мандата, коммунисты — 89. 12 августа Гинденбург впервые принял Гитлера и спросил у него, готовы ли нацисты войти в кабинет фон Папена. Фюрер отказался, потребовав для себя поста рейхсканцлера. В тот момент Гинденбург данное требование отверг. Но Гитлер почувствовал, что президент, если применять боксерскую терминологию, «поплыл» — оставалось его дожать.

Вскоре правительство Папена пало в результате вотума недоверия, инициированного коммунистами. 6 ноября 1932 года избиратели вновь пришли к урнам. Нацисты потеряли 34 мандата, удовольствовавшись 196 местами в рейхстаге, а коммунисты увеличили свое представительство на 11 мандатов, получив 100 парламентских мест. Но нацисты остались внушительной силой, имея 850 тысяч членов партии и 350 тысяч членов СА.

2 декабря 1932 года канцлером был назначен генерал Курт фон Шлейхер, а 6 декабря ближайший соратник Гитлера Герман Геринг был избран президентом рейхстага.

По инициативе бывшего председателя Рейхсбанка Яльмара Шахта и кельнского банкира Курта фон Шредера группа бизнесменов обратилась к Гинденбургу с просьбой поставить Гитлера во главе правительства:

«Считаем долгом нашей совести просить ваше превосходительство... сформировать такой кабинет, который будет пользоваться поддержкой самой мощной национальной силы. Предоставление фюреру самой мощной национальной организации поста руководителя президентского кабинета, состоящего из лучших деятелей с точки зрения их профессиональной подготовки и личных достоинств... привлечет к сотрудничеству миллионы людей, которые до сих пор стояли в стороне...» Эта просьба была уважена. Правительство Шлейхера не продержалось и двух месяцев.

Гитлер - рейхсканцлер

К началу 1932 года число безработных в Германии превысило 6 миллионов человек. Безработные устраивали многочисленные демонстрации, осаждали продовольственные магазины. В качестве последнего средства Шлейхер попытался расколоть НСДАП. Шлейхер установил связи с бывшим лидером левого крыла партии Г. Штрассером, которому за отказ от поддержки Гитлера обещал кресло вице-канцлера и пост прусского премьер-министра.

Однако об этом узнал Гитлер и добился изгнания Штрассера из партийного руководства. За Штрассером никто не пошел. 8 декабря 1932 года на совещании гаулейтеров, депутатов рейхстага и центрального руководства НСДАП Гитлер получил единодушную поддержку. Руководители партии чувствовали, что с Гитлером они сейчас близки к власти, как никогда, и не собирались менять коней на переправе.

Тем временем в начале января в Дюссельдорфе в резиденции К. фон Шредера состоялись переговоры Франца фон Папена с руководством НСДАП в составе Гитлера, Гесса и Гиммлера. Папен представлял президента Гинденбурга и вместе со Шредером выступал за скорейшую передачу власти нацистам. Следующая встреча состоялась 17 января уже с участием Гугенберга, который вместе с Гитлером и Папеном занялся предварительным распределением министерских портфелей. Папен стал вице-канцлером и возглавил МИД, а Гитлер — рейхсканцлером.

28 января по требованию Гинденбурга Шлейхер подал в отставку. 30 января президент назначил Гитлера рейхсканцлером. В этот день он принес присягу: «Я отдаю все свои силы на благо немецкого народа. Я буду стоять на страже конституции и прав немецкого народа, добросовестно выполнять свои обязанности и действовать во благо всех, невзирая на партийную принадлежность». Это были пустые слова. Уже через несколько месяцев новый канцлер установил режим диктатуры и террора.

Правительство было коалиционным. НСДАП поддержала партия Гугенберга. Но уже в июне 1933 года ее штаб-квартира была разгромлена штурмовиками, и Немецкую национальную народную партию вынудили к самороспуску.

Часть ее членов волилась в НСДАП, а Гугенберг перестал играть какую-либо политическую роль.

Первоначально кроме Гитлера в составе кабинета было лишь двое нацистов. Геринг возглавил министерство внутренних дел Пруссии и стал комиссаром Рейха по делам авиации. Лидер парламентской фракции нацистов Вильгельм Фрик возглавил министерство внутренних дел Рейха. Этого оказалось достаточно для полного захвата власти. Ведь нацисты контролировали главные силовые структуры страны, за исключением рейхсвера, и имели мощную военизированную организацию — более 400 тысяч штурмовиков Э. Рема. Используя в качестве провокации пожар рейхстага (до сих пор неизвестно точно, был ли он организован Г. Герингом, президентом рейхстага, или стал результатом действий психически ненормального одиночки — голландца Маринуса Ван дер Люббе, члена левацкой коммунистической группы), нацисты развернули террор против коммунистов и социал-демократов, которых обвинили в поджоге. Впоследствии доказать эти обвинения в суде не удалось, но дело было сделано. 1 марта 1933 года специальным законом «О защите народа и Рейха» было приостановлено действие статей конституции, гарантирующих основные демократические права и свободы, при этом Гитлер надеялся

чрезвычайными полномочиями. Некоторые депутаты рейхстага от левых партий были арестованы, в том числе лидер коммунистов Эрнст Тельман.

5 марта 1933 года в атмосфере всевозможного запугивания противников нацистов прошли выборы в рейхстаг. Геббельс объявил этот день «днем пробуждения нации». Ко дню выборов 51 противник национал-социалистов был убит и несколько сотен ранены. Потери среди национал-социалистов составили 18 убитых и более сотни раненых.

Выступая в Кенигсберге накануне голосования, Гитлер обратился к немецкому народу с патетическим призывом: «Теперь вы должны снова высоко и гордо держать свою голову! Больше ты не поработен и не закабален, германский народ, ты опять, с Божьей помощью, обладаешь свободной волей».

НСДАП получила около 44 процентов голосов. Компартия была запрещена и в выборах не участвовала, но за поддерживаемый ею список проголосовало почти 12 процентов избирателей. Социал-демократы получили 18 процентов голосов. Партия Гутенберга получила около 8 процентов голосов, и вместе с ней у нацистов оказалось наконец абсолютное большинство. У НСДАП стало 288 мандатов, Партия центра имела 73, СДПГ — 120, коммунисты — 81, партия Гутенберга, выступавшая как Черно-бело-красный боевой фронт (с привлечением сторонников Папена, отколовшихся от Партии центра), — 52 мандата.

21 марта 1933 года, выступая в соборе Потсдама у могилы Фридриха Великого на торжественном заседании рейхстага, Гитлер заявил, что ни народ, ни император, ни правительство Германии не хотели Первой мировой войны, а потому безнравственно возлагать на них вину за нее и требовать возмещения. Этот день Геббельс назвал «днем национального возрождения». Гитлер тогда утверждал, что привержен «вечным основам» жизни нации, не зависящим от периодов взлетов и падений. Он просил Провидение «укрепить то мужество и упорство, которыми веет в этом святом для каждого немца храме на нас — людей, борющихся за свободу и величие нашего народа, здесь, у могилы его величайшего короля».

А 23 марта, на следующем заседании рейхстага нового созыва, на этот раз в здании Берлинской оперы, Гитлер выступил с программным заявлением, облачившись в партийную коричневую рубашку: «Духу национального возрождения и поставленной цели не отвечал бы порядок, когда правительство просило бы одобрения своим мерам у рейхстага от случая к случаю, торгуясь и выпрашивая». И добавил, возражая лидерам социал-демократов, протестовавшим против фактической ликвидации рейхстага: «Отныне мы, национал-социалисты, откроем немецкому рабочему дорогу к тому, что он вправе требовать. Мы, национал-социалисты, будем выразителями его интересов. Вы, господа, мне больше не нужны... И не путайте нас с буржуазным миром. Вы считаете, что ваша звезда вновь может взойти! Взойдет, господа, звезда Германии, а ваша закатится... Прогнившее, старое и дряхлое в народной жизни исчезнет и больше никогда не вернется».

Таким образом, был принят закон, по которому правительству на четырехлетний срок передавались все права парламента.

За него проголосовал 441 депутат, против — 94 социал-демократ. К тому времени все депутаты-коммунисты и 26 социал-демократов были арестованы. После голосования Гитлер опять обратился к социал-демократам: «Я думаю, что вы не голосуете за этот закон потому, что вам в силу вашего склада ума не понять стремления, которое воодушевляет нас... Могу сказать вам только одно: да я совсем и не хочу, чтобы вы голосовали за него! Германия должна стать свободной, но только не благодаря вам!»

В ответ последовала овация и крики «Хайль!» со стороны подавляющего большинства депутатов и публики. Правительство так и не вернуло этих полномочий рейхстагу, отныне превратившемуся в чисто декоративный орган,

вплоть до краха Третьего Рейха. По этому поводу в передовой «Фёлькишер беобахтер» с восторгом говорилось: «Исторический день. Парламентская система капитулирует перед новой Германией. На протяжении четырех лет Гитлер сможет делать все, что сочтет нужным: в плане отрицания — истреблять все пагубные силы марксизма, а в плане созидания — создавать новую народную общность. Начинается великое дело! Настал день Третьего Рейха!»

Так реализовалось то, о чем Геббельс писал еще 30 апреля 1928 года в своей газете «Ангрифф»: «Мы вступаем в рейхстаг, чтобы добыть в этом арсенале демократии оружие против нее самой. Мы становимся депутатами рейхстага, чтобы подавить веймарский дух, пользуясь его же собственной поддержкой. Если демократия настолько глупа, чтобы за эту медвежью службу снабжать нас бесплатным проездом и питанием, то это ее дело... Нам подходит любое законное средство, чтобы внести революционный дух в сегодняшнюю ситуацию... Не следует думать, что парламентаризм примирит нас... Мы приходим как враги, как волк, ворвавшийся в овечье стадо. Теперь вы уже не находитесь среди своих!» А после 30 января 1933 года волк Гитлер начал драть парламентских овечек, а затем и кое-каких волков иной масти среди своих. И жертвы, что удивительно, вели себя как настоящие овечки и практически не сопротивлялись.

За несколько месяцев были смещены правительства во всех землях, где нацисты не были у власти, и там стали править гаулейтеры НСДАП. Были ликвидированы профсоюзы, а все рабочие и служащие объединены в единый Германский трудовой фронт. Были ликвидированы и все политические партии, кроме НСДАП, которая стала частью государства. В течение пяти месяцев после прихода нацистов к власти ее численность возросла втрое и достигла 2,5 миллиона человек. К 1938 году, в канун Второй мировой войны, в Рейхе насчитывалось свыше 580 тысяч партийных работников, в том числе 41 гаулейтер (руководитель земельной парторганизации), 808 крайслейтеров (руководителей окружных парторганизаций), 28 376 ортсгруппенлейтеров (руководителей квартальных организаций) и т. д. Именно они обладали реальной властью на местах.

24 октября 1933 года, выступая в берлинском «Шпортпаласте», фюрер демагогически заявил: «Если я буду заблуждаться или если народ сочтет мои действия недопустимыми, то он может казнить меня. Я готов к этому». Разумеется, в условиях однопартийной диктатуры никто не мог даже критиковать действия первого лица в государстве, а уж тем более казнить его, какие бы преступления он ни совершил. А преступления Гитлера только начинались.

«Ночь длинных ножей»

Рем утверждал: «Только мои штурмовики добьются чистых, неискаженных национализма и социализма и сохранят их». Подобный радикальный пуризм пугал и военных, и средний класс, на поддержку которых Гитлер рассчитывал в воссоздании германской военной мощи, а затем в борьбе за новое «жизненное пространство». Рем же хотел увеличить численность СА до 3,5—4 миллионов человек и создать государство в государстве, а затем продиктовать свои условия Гитлеру. Тот уже в июне 1933 года ликвидировал «частные» концлагеря штурмовиков и созданные ими части вспомогательной полиции. Рем возмущался: «Тот, кто требует усмирить революцию, тот предает ее. Рабочие, крестьяне и солдаты, маршировавшие под стягами штурмовиков, завершат свою задачу, не обращая внимания на приспособленцев — обывателей и нытиков». И пригрозил: «Устроит это вас или нет, — мы продолжим нашу борьбу. Если вы наконец поймете, о чем идет речь, — идите вместе с нами! Если вы не хотите — мы пойдем без вас! А если понадобится — и против вас!» На Рема давили и сотни тысяч безработных штурмовиков, которые ничего не умели делать, кроме как устраивать уличные побоища с политическими противниками. Рем требовал учреждения особой подсудности СА, по которой командиры могли бы жестоко карать за преступления своих подчиненных, но при этом те же командиры штурмовиков могли бы «судить за убийство СА до 12 человек — членов вражеской организации, замешанных в подготовке убийства». Рем также надеялся влить СА в рейхсвер и фактически поглотить его, а также создать полицию из штурмовиков. Тогда под его контролем оказались бы основные силовые структуры страны. А о «друге Адольфе» «друг Эрнст» в интимном дружеском кругу приверженцев однополый любви высказывался совсем уж непарламентски: «Адольф — подлец. Он предает всех нас. Якшается только с реакционерами. Старые товарищи для него, видишь ли, плохими стали. Набрал себе генералов из Восточной Пруссии. Они теперь его доверенные люди... Адольф точно знает, чего я хочу. Я ему об этом не раз говорил. Не надо копии кайзеровской армии. Совершили мы революцию или нет? Нужно что-то новое... Новая дисциплина. Новый принцип организации. Генералы — старые рутинеры. У них никогда не появятся новые идеи. А Адольф остается штафиркой, «художником», витает в облаках. Думает о том, чтобы его оставили в покое. Будь его воля, сидел бы себе в горах и разыгрывал Всевышнего. А мы стоим без дела, хотя руки чешутся... Сейчас у нас есть уникальная возможность совершить новое, великое, перевернуть весь мир. А Гитлер кормит меня обещаниями. Хочет, чтобы шло все своим чередом. Надеется, что потом произойдет чудо небесное. Это подлинное «я» Адольфа. Хочет унаследовать готовую армию, чтобы ему ее сформировали «спецы». Когда я слышу это слово, мне хочется рвать и метать. А потом, как он говорит, сделает армию национал-социалистической. Но сперва отдаст ее под начало прусских генералов. Откуда там потом взяться революционному духу? На своих местах остаются старые козлы, которым новую войну не выиграть. Как вы все ни старайтесь, очки вы мне не вотрете. Тут вы губите душу нашего движения».

Но Гитлер понимал, что без спецов хорошей армии не создашь. А министр рейхсвера генерал Вернер фон Бломберг горячо симпатизировал фюреру. Он приказал чинам рейхсвера отдавать честь членам военных формирований НСДАП и функционерам, одетым в партийную форму. 25 февраля 1934 года Бломберг отдал приказ, чтобы все военнослужащие носили на мундирах имперского орла, держащего в когтях свастику. 28 февраля 1934 года Бломберг

распорядился изгнать из рейхсвера всех евреев и запретил в дальнейшем принимать их на службу. А с 1 апреля 1935 года военным было запрещено жениться на женщинах неарийского происхождения. Отказываться от услуг таких профессионалов, как Бломберг, Гитлер не собирался.

Но фюрер также попытался успокоить и Рема с его штурмовиками. 1 декабря 1933 года Рем был введен в правительство в качестве министра без портфеля. Гитлер внушал штурмовикам: «Вся ваша жизнь будет борьбой. Вы родились в горниле схваток, не надейтесь, что мир наступит сегодня или завтра». И сердечно поздравил «друга Эрнста» с Новым, 1934 годом. Но тогда же он решил ввести всеобщую воинскую повинность в рамках рейхсвера, что перечеркивало надежды руководителей СА, что основой армии станут штурмовые отряды.

Рем между тем начал выставлять вооруженную охрану армейских штабов и направил в министерство рейхсвера меморандум, где оборона страны объявлялась прерогативой СА, а рейхсверу отводилась только роль военной подготовки населения. Разумеется, генералы с этим согласиться не могли. И Гитлер тоже понял, что с «другом Эрнстом» пора кончать. Уже в начале января 1934 года он вызвал к себе начальника гестапо Рудольфа Дильса и поручил ему собрать компромат на Рема и других руководителей СА, а также о совершенных СА террористических актах. При этом фюрер подчеркнул: «Это самая важная задача из всех, которые когда-либо ставились перед вами».

А 2 февраля 1934 года Гитлер выступил с большой программной речью перед гаулейтерами в Берлине, где не только утвердил «фюрер-принцип» в жизни национал-социалистического государства, но и явственно бросил камень в огород Рема и его товарищей: «Те, кто утверждает, что революция не закончена, — дураки. К сожалению, у нас в движении есть люди, которые понимают под революцией постоянный хаос... Главное — подбор людей способных и со слепым повиновением претворяющих в жизнь правительственные распоряжения. Партия — это своего рода орден. Она должна обеспечить необходимую стабильность всего немецкого будущего... Первый фюрер был избран судьбой; второй фюрер должен с самого начала иметь за собой верное, скрепленное клятвой объединение единомышленников. Нельзя избирать того, кто опирается на самостоятельную преобладающую силу!»

Фюрер всегда может быть только один... Такая организация, обладающая внутренней жесткостью и силой, будет держаться вечно, ее никто не сможет свергнуть. Сплоченность внутри движения должна быть небывало крепкой. Мы не имеем права вести борьбу между собой; посторонние не должны знать о наличии у нас разногласий! Народ не может нам слепо верить, если мы сами будем разрушать это доверие. Даже последствия неверных решений должны сглаживаться безусловной сплоченностью. Никогда один авторитет не должен использоваться против другого...

Поэтому никаких ненужных дискуссий! Проблемы, относительно которых в руководящих органах еще нет ясности, ни в коем случае не должны обсуждаться публично, ибо в противном случае их будут решать народные массы. В этом было безумие демократии, это сводит к нулю ценности, всякого руководства...

У нас есть право в каждый определенный момент вести только одну битву. Одна схватка должна следовать за другой. Правильно говоря, верна не поговорка «много врагов — много чести», а «много врагов — много глупости». Кроме того, народ не может одновременно вести дюжину битв. Соответственно мы можем дать народу в данный период только одну идею, чтобы он сосредоточился на ней. Как раз во внешнеполитических вопросах надо иметь за собой весь народ как за гипнотизированный, вся нация в этой борьбе должна быть прямо-таки по-спортивному охвачена страстью игрока; без этого не обойтись. Если в борьбе участвует вся нация, то в случае поражения она вся оказывается в проигравших. Если же она не проявляет интереса к борьбе, то в

проигравших оказывается только руководство. В первом случае гнев народа направлен на врага, во втором случае — на собственного вождя».

Вождь, на которого должен был обратиться народный гнев, был Гитлером уже намечен. Это — Эрнст Рем. Уже 21 февраля Гитлер доверительно поделился с британским консервативным политиком Энтони Иденом, посетившим Германию, своими планами: сократить СА на две трети, и у оставшихся в строю в мирное время изъять оружие. А 1 марта на совещании с руководством рейхсвера, СА и СС фюрер объявил, что роль штурмовиков сводится главным образом к «политическому воспитанию нации», в отношении армии функции штурмовых отрядов сводятся к допризывной подготовке молодежи. При этом Гитлер недвусмысленно пригрозил раздавить всякого, кто будет мешать осуществлению его планов. И призвал штурмовиков и военных примириться друг с другом.

На людях Рем был лоялен к Гитлеру и даже пригласил всех присутствующих на «завтрак примирения», но среди своих единомышленников не скрывал, что буквально кипит от гнева. Рем назвал фюрера «невежественным ефрейтором» и призвал не соблюдать только что достигнутого с рейхсвером соглашения о разграничении предметов ведения. Гитлер же, по словам Рема, это «вероломный человек, которого, как минимум, надо отправить в отпуск». Рем не знал, что в его «ближний круг» затесался предатель. Обергруппенфюрер СА Виктор Лутце, руководитель штурмовых отрядов на севере Германии и оберпрезидент Ганновера, поспешил доложить Гитлеру о крамольных высказываниях своего шефа. После этого судьба Рема была окончательно решена. Дальнейшее было делом техники.

В начале марта Рем предложил Гитлеру включить несколько тысяч командиров штурмовых отрядов в состав рейхсвера. От такого пополнения Гинденбург и генералы рейхсвера были совсем не в восторге, и Гитлер отказал Рему, не желая создавать конфликтную ситуацию в офицерском корпусе. Тогда Рем все чаще стал говорить о необходимости «второй революции» и установил контакты со Шлейхером, что не укрылось от внимания гитлеровской СД (службы безопасности) и никак не улучшило положение главы СА. Отставной генерал и канцлер был уже давно отыгранной картой.

Тем временем здоровье престарелого Гинденбурга ухудшалось, и все чаще вставал вопрос о том, кто же будет его преемником на посту президента Германии. На совещании Гитлера с руководством рейхсвера на борту крейсера «Дойчланд» Бломберг заявил, что фюрер должен стать преемником Гинденбурга. Теперь Гитлер не сомневался в том, что военные его поддерживают. Ведь они хотели сильной армии, избавленной от пут Версаля, и верили, что Гитлер сделает все для создания такой армии.

Рем между тем устраивал марши и парады штурмовиков, интенсифицировал их военную подготовку и закупал за границей оружие. Однако сколько-нибудь четкая программа действий у него отсутствовала. Ведь кумиром штурмовиков был не только Рем, но в первую очередь — Гитлер. Бросить их в бой против фюрера не было никакой возможности. Скорее Рем рассчитывал убедить Гитлера осуществить «вторую революцию», оттеснить от власти прежние элиты, передав власть «старым бойцам». Он хотел продемонстрировать фюреру, что штурмовики могут быть мощной военной силой, ни в чем не уступающей кадрам рейхсвера. Рем самоуверенно заявлял, что под его началом состоят 30 дивизий.

Уже в феврале 1934 года Бломберг отказался от старых принципов кастовости в формировании офицерского корпуса. Теперь главной предпосылкой карьеры стало не происхождение из старинного офицерского рода, а «понимание сути нового государства». Ко дню рождения Гитлера Бломберг не только разразился верноподданнической статьей, но и переименовал казармы полка имени Листа в казармы имени Адольфа Гитлера.

Напряженность в отношениях между СА и партийным руководством нарастала. В начале июня ее почувствовал Гинденбург. Он сказал Папену: «Положение скверное, Папен. Попытайтесь привести дела в порядок». Часть правых националистов увидела спасение от «народной армии» и «национал-социалистического государства» штурмовиков в реставрации монархии. Папен агитировал Гинденбурга включить в свое завещание пункт о желательности возвращения императора на трон. Но Гитлер еще в выступлении в годовщину своего прихода к власти категорически отверг идею реставрации.

4 июня Гитлер встретился с Ремом и потребовал отказаться от идеи «второй революции», но ясного ответа не получил. Рем решил уйти в отпуск и распустил па июль также большую часть штурмовиков, однако предостерег «врагов СА» не питать «обманчивых надежд», что СА из отпуска не вернутся или вернутся значительно ослабленными. Рем предупреждал, что штурмовики дадут «должный ответ» своим недоброжелателям.

17 июня в игру попытался вмешаться вице-канцлер Папен. В этот день он произнес в Марбургском университете речь, написанную его секретарем писателем Эдгаром Юнгом. Папен критиковал режим насилия, установленный национал-социалистами, осудил их «протivoестественные притязания на тоталитарность» и «плебейское неуважение к духовному труду». Он заявил: «Ни один народ не может позволить себе вечное восстание снизу, если хочет устоять перед судом истории. В какой-то момент движение должно подойти к концу, однажды должна возникнуть прочная социальная структура, удерживаемая воедино скрепами неподвластного посторонним влияниям правосудия и пользующейся бесспорным авторитетом государственной власти. Из вечной динамики ничего не построить. Германия не должна лететь вверх тормашками в неизвестность... Правительство хорошо знает, сколько корысти, бесхарактерности, нечестности, нерыцарственности и дутых притязаний хотело бы развернуться под прикрытием немецкой революции. Оно не закрывает глаза на то, что богатое сокровище доверия, которым одарил его немецкий народ, находится под угрозой. Если хочешь быть близким к народу и сохранить связь с ним, то нельзя недооценивать народный ум, надо отвечать на его доверие, а не обращаться с ним как с неразумным ребенком... Уверенность и желание отдать силы общему делу можно укрепить не подстрекательством людей, в особенности молодежи, не угрозами беспомощным группам народа, а только доверительным диалогом с народом... если каждое критическое высказывание не будет тут же истолковываться как злонамеренность, а на приходящих в отчаяние патриотов не будут вешать ярлык врагов государства».

Столь крамольную речь Геббельс запретил транслировать по радио и публиковать в печати. Гитлер заклеил Папена в числе «всех тех карликов, которых мощь нашей общей идеи сметет с дороги... Раньше у них были силы предотвратить возвышение национал-социализма; ныне пробудившийся народ отправит их в усыпальницу... Пока они брюзжат, они нам безразличны. Но если когда-нибудь они попытаются перейти от слов к делу и совершить хоть малейший шаг вероломства, они могут быть уверены, что сегодня им придется иметь дело не с трусливой и коррумпированной буржуазией 1918 года, а с кулаком всего народа». После такого демарша Папен подал в отставку, но Гитлер отложил решение и предложил вместе с Папеном посетить Гинденбурга. А Гинденбург сразу же принял сторону Гитлера, заявив: «Если Папен не может соблюдать дисциплину, пусть делает выводы». И 21 июня Гитлер, унизив Папена, отправился в президентскую резиденцию Нойдек один. 26 июня, вернувшись в Берлин, Гитлер приказал арестовать автора крамольной речи Э. Юнга.

Уже с начала июня СС и СД взяли руководство СА под пристальное наблюдение и начали готовить операцию по его ликвидации. Бывшему канцлеру Брюнингу намекнули, что его жизни угрожает опасность. Экс-канцлер

намек понял и немедленно покинул Германию, отбыв в Америку. Такой же намек сделали и Шлейхеру, но генерал заартачился и отказался от приглашения съездить в Японию, где его друг полковник Отто служил военным атташе. Генерал расценивал такой поступок как бегство, недостойное кадрового военного. Тем самым Шлейхер подписал себе смертный приговор.

21 июня на Берлинском стадионе во время праздника солнцестояния Геббельс заявил: «Этому сорту людей импонирует только сила, самоуверенность и сила. Они это увидят!.. Им не остановить поступь века. Мы перешагнем через них». Двумя днями позже в отдел контрразведки в министерстве рейхсвера попал явно фальшивый приказ Рема штурмовым отрядам братья за оружие. Никто всерьез эту бумагу не воспринял — хотя бы потому, что среди адресатов рассылки были перечислены злейшие враги Рема — глава СС Гиммлер и шеф СД Гейдрих. Тем временем кампания давления на Рема и штурмовиков нарастала. 25 июня, выступая по радио, заместитель Гитлера по партии Рудольф Гесс осудил «играющих в революцию» за недоверие к «великому стратегу революции Адольфу Гитлеру» и угрожающе предупредил: «Горе нарушающим долг верности!» Он также утверждал, что «уход национал-социализма с политической сцены немецкого народа» вызовет «европейский хаос». Но он и представить себе не мог, что это произойдет в огне мировой войны.

26 июня к хору угроз присоединился глава прусского правительства Геринг. Выступая в Гамбурге, он отверг идею реставрации монархии, провозгласив: «У нас, живых, есть Адольф Гитлер!» И пообещал «реакционной своре», явно имея в виду не только монархистов, но и штурмовиков: «Когда чаша терпения переполнится, я нанесу удар! Мы работали, как никто еще не работал, потому что за нами стоит народ, который доверяет нам... Кто согрешит против этого доверия, лишит себя головы». В тот же день Гиммлер уведомил всех руководителей СС и СД о «предстоящем бунте СА во главе с Ремом», к которому могут примкнуть другие оппозиционные группы. И он, и его подчиненные знали, что никакого путча Рем устраивать не собирается, раз отправил основную массу штурмовиков в отпуск.

Рейхсвер также начал наступление на Рема. 25 июня Имперский союз немецких офицеров изгнал его из своих рядов. 29 июня со статьей в «Фёлькишер беобахтер» выступил Бломберг. Он заявил, что армия целиком на стороне Гитлера. Акцию против Рема поддержали также консервативные националисты, монархисты и буржуазия. Все они думали, что после ликвидации Рема легко смогут приручить Гитлера. Но в одном своем выступлении в узком партийном кругу вскоре после «ночи длинных ножей» фюрер откровенно посмеялся над подобными надеждами. По свидетельству бывшего главы данцигского сената Германа Раушнинга, Гитлер заявил: «Я встал на путь стопроцентного соблюдения законности, и никто не собьет меня с этого пути. Все упреки, предъявленные мне, все трудности, стоящие перед нами, я предчувствовал раньше всех моих услужливых скептиков и принял их в расчет. Никакое развитие событий не застанет меня врасплох. С непоколебимой уверенностью я и впредь буду идти к великой цели нашей революции. Мне не нужны всякие там критики, которые выдают собственную лень и распущенность за закономерные недочеты нашего развития. Эти люди, которым доставляет удовольствие ежедневно пересчитывать мне на пальцах наши промахи и затруднения, неизбежные в начале любого большого дела. Не лучше ли было бы этим идиотам, вместо того чтобы подсчитывать все плохое, заострить свое внимание на положительных сторонах нашей великой работы? По крайней мере, это прибавило бы бодрости и мне. Как будто я не знаю, что власть еще не в наших руках! Но моя воля решает все! И тот, кто не следует моим распоряжениям, будет уничтожен. Не тогда, когда его непокорность уже станет явной и общеизвестной, но когда я только заподозрю его в неповиновении». Таким образом, Гитлер обосновал

идею превентивного террора, которую так же широко применял его лютый враг и недолгий друг Иосиф Сталин.

Развязка наступила вечером 28 июня, сразу после свадьбы гаулейтера Эссена Йозефа Тербовена, у которого Гитлер был свидетелем. Фюрер позвонил Рему и попросил его созвать 30 июня всех высших командиров СА для встречи с ним и откровенного разговора. Гитлер вел беседу в подчеркнуто примирительном духе и усыпил бдительность Рема. А чтобы было что подавлять, люди Гиммлера 29 июня распространили среди мюнхенских штурмовиков анонимные записки с призывами выйти на улицы, и те стали бесцельно маршировать по Мюнхену, пока разбуженные командиры не вернули своих подчиненных в казармы. Но предлог для расправы уже был найден. Кроме того, СД сообщила, будто берлинские штурмовики вечером 30 июня собираются захватить правительственный квартал. И тогда Гитлер произнес заранее отрепетированный монолог: «При таких обстоятельствах я мог принять только одно решение. Только беспощадная и кровавая акция способна была еще подавить в зародыше распространение бунта...»

Рем в это время безмятежно веселился с соратниками на курорте Бад-Висзее. А Гитлер, Геббельс, глава отдела печати НСДАП Отто Дитрих и вовремя переменивший фронт Виктор Лутце уже в четыре часа утра 30 июня были в Мюнхене. В здании баварского МВД фюрер обрушился на полицей-президента Мюнхена обергруппенфюрера СА Августа Шнайдахубера и начальника отдела личного состава в штабе СА группенфюрера Вильгельма Шмидта, объявив их зачинщиками мюнхенского бунта, сорвал с них погоны и отправил в Штадельхаймскую тюрьму. Сразу после этого он отправился вместе со свитой в Бад-Висзее, чтобы взять Рема и его соратников еще тепленькими. Личный шофер Гитлера Эрих Кемпка вспоминал: «С плеткой в руке Гитлер вошел в спальню Рема, сопровождаемый двумя инспекторами уголовной полиции с пистолетами со взведенными курками. Он рявкнул: «Рем, ты арестован!» Рем заспанно выглянул из подушек своей постели и пробормотал: «Хайль, мой фюрер!» — «Ты арестован!» — проревел Гитлер второй раз, повернулся и вышел из комнаты». По свидетельству А. Шпеера, на другой день Гитлер рассказывал в своем кругу о проведенной акции: «Мы были безоружны, вы только представьте себе, мы даже не знали, смогут ли эти свиньи выставить против нас вооруженную охрану». И возмущался гомосексуальными пристрастиями Рема и его окружения: «В одной из комнат мы застали врасплох двух обнаженных юнцов!»

Никакой вооруженной охраны у Рема не было. Остальных вождей СА тоже взяли без сопротивления. Только Эдмунд Хайнес, группенфюрер СА из Силезии, которого как раз и застали в постели с любовником, стал драться с полицией, но его быстро скрутили. Некоторых группенфюреров, которые еще только следовали в Бад-Висзее, перехватывали по дороге и направляли в Штадельхаймскую тюрьму. Там набралось всего около двухсот арестованных руководителей СА. В десять утра Геббельс позвонил в Берлин и передал пароль «Колибри». После этого Геринг, Гиммлер и Гейдрих бросили в бой берлинских эсэсовцев. Указанных в списках командиров СА арестовывали и, в отличие от их мюнхенских соратников, выводили в расход без промежуточной стадии в виде тюрьмы, ставя их к стенке лихтерфельдского кадетского корпуса. Тем временем Гитлер в Коричневом доме выпустил заявление по поводу расправы со штурмовиками, говоря о себе в третьем лице: «Фюрер дал приказ беспощадно удалить эту чумную язву. Он не потерпит больше, чтобы репутация миллионов приличных людей страдала и компрометировалась отдельными лицами с болезненными наклонностями». Еще Гитлер говорил тогда о «тяжелейших оплошностях» и «заговоре», но еще не рискнул употребить слово «путч», которым в дальнейшем характеризовала события 30 июня нацистская пропаганда.

Лидеры штурмовиков так и не поняли, что же все-таки произошло, за что их убивают. Многие умирали со словами «Хайль Гитлер!», но никто, что показательно, не крикнул: «Хайль Рем!» Это еще раз доказывает, что никакого «заговора Рема», а тем более «путча Рема» не было и в помине. Потому что и для рядовых штурмовиков, и для группенфюреров, и для самого Рема человеком номер один в национал-социалистическом движении все равно оставался Гитлер. Рем в лучшем случае хотел быть номером два. И против Гитлера бороться не собирался.

Вечером 30 июня Гитлер вылетел в Берлин, предварительно поручив начальнику своей личной охраны Зеппу Дитриху вытребовать из тюрьмы в Штадельхайме заключенных, чьи фамилии в данном ему списке были помечены крестом, и немедленно их ликвидировать. Но Рема среди них не было. Ему были дарованы еще сутки жизни. Возможно, Гитлер размышлял, не устроить ли короткий закрытый суд над Ремом, но затем склонился к мысли о внесудебной расправе.

В Берлине на аэродроме Темпельхоф Гитлеру была устроена торжественная встреча. Вот как запечатлел ее очевидец: «Первым из самолета выходит Гитлер... Коричневая рубашка, черный галстук, темно-коричневое кожаное пальто, высокие армейские черные сапоги, все в темных тонах. Непокрытая голова, бледное как мел лицо, к тому же небритое и по которому видно, что эти ночи он не спал, ибо лицо кажется одновременно и осунувшимся, и опухшим... Гитлер молча подает руку каждому стоящему поблизости. В полной тишине — кажется, все затаили дыхание — слышно только щелканье каблуков».

После встречи Гитлер санкционировал расширение списка ликвидированных за пределы «головки штурмовиков». За компанию с руководителями СА прикончили Шлейхера, с которым Рем пытался сотрудничать, и генерала фон Бредова, начальника канцелярии рейхсвера и ближайшего друга Шлейхера, Грегора Штрассера, секретаря Папена Э. Юнга и другого его ближайшего сотрудника — фон Бозе. Самого Папена от смерти спасло заступничество Гинденбурга, против которого Гитлер не считал нужным идти. Зато убили бывшего главу баварского правительства Кара, бывшего редактора «Моей борьбы» патера Штемпфле, позднее рассорившегося с нацистами, руководителя объединения «Католическое действие» Эриха Клаузнера и некоторых других политиков и публицистов правой или центристской ориентации. Всего по официальным данным в ходе «ночи длинных ножей» и в последующие дни было убито 77 человек, по неофициальным оценкам — вдвое больше.

Черед Рема настал 1 июля. Вечером в его камеру вошли комендант концлагеря Дахау Теодор Эйкке и его адъютант Михаэль Липперт. Они положили на стол пистолет и свежий номер «Фелькишер беобахтер», где говорилось о подавлении путча. Рему дали десять минут на размышление. Но «друг Эрнст» не захотел делать подарок «другу Адольфу» в виде собственного самоубийства. Тогда Эйкке и Липперт просто разрядили в Рема свои парабеллумы. Перед смертью Рем рванул рубашку на груди.

Заметая следы бессудных казней, Геринг уже 2 июля распорядился сжечь «все дела, связанные с акциями двух последних дней». Геббельс же запретил публиковать в газетах объявления о смерти убитых 30 июня и 1 июля. А 3 июля Гитлер легализовал расправу над штурмовиками, утвердив в рейхстаге специальный закон, звучащий следующим образом: «Меры, принятые для подавления выступлений 30 июня, 1 и 2 июля 1934 года, представлявших собой государственную измену и измену Родине, считать законными как принятые для необходимой обороны государства».

Адъютант Брюкнер представил Гитлеру в качестве доказательств разложения верхушки штурмовиков ресторанные счета, обнаруженные в берлинской штаб-квартире СА. Рем и его друзья оказались тонкими ценителями ресторанной

кухни. Среди выписанных ими из-за границы деликатесов были лягушечьи окорочка, птичьи языки, акулы плавники, яйца чаек, а также старые французские вина и лучшие сорта шампанского. У вегетарианца и трезвенника Гитлера подобное гурманство и расточительство вызывало презрение. «Нет, это никакие не революционеры! Для них наша революция слишком пресная!»

13 июля Гитлер в выступлении перед рейхстагом обрушился на покойного Рема за поощрение коррупции и гомосексуализма в своем окружении. Фюрер говорил о деструктивных элементах, которые «стали революционерами, чтобы творить революцию ради революции, видя революцию в качестве перманентного состояния общества». Но революция, как подчеркнул Гитлер, не является для национал-социалистов перманентным состоянием. Он особо отметил: «Если естественному развитию народа насильно создается смертельно опасное препятствие, то искусственно прерванная эволюция может актом насилия опять открыть себе русло свободного, естественного развития. Не может быть... благоприятного развития при помощи периодически повторяющихся бунтов... В государстве есть только один носитель оружия — вермахт, и только один носитель политической воли — это национал-социалистическая партия». Фюрер дал обоснование «ночи длинных ножей»: «Бунты подавляются по извечно одинаковым железным законам. Если кто-нибудь упрекнет меня в том, что мы не провели эти дела через обычные суды, то я могу сказать только одно: в этот час я нес ответственность за судьбу немецкой нации и был в силу этого высшим судьей германского народа!.. Я приказал расстрелять главных виновников этого предательства, и я приказал выжечь каленым железом язвы внутренней заразы вплоть до здоровой ткани... Нация должна знать, что никто не имеет права безнаказанно угрожать ее существованию, а оно гарантируется ее внутренним порядком и безопасностью! И каждый должен навсегда запомнить, что, если он поднимет руку на государство, его неминуемой участью будет смерть».

Как политик Гитлер полностью переиграл как Рема, так и монархистов из окружения Гинденбурга. У вождя штурмовиков вообще не было ни какой-либо оригинальной политической программы, ни ясных представлений, каких именно целей он добивается и какие инструменты надо применить для их достижения. Для штурмовиков и членов НСДАП настоящим вождем был не Рем, а Гитлер. После падения Рема во главе СА был поставлен предатель Лутце, чьи полномочия были значительно ограничены. В частности, он уже не являлся членом кабинета. Роль же штурмовиков свелась, как Гитлер предлагал еще Рему, к допризывной подготовке молодежи и резервистов. СС и СД были выделены из состава штурмовых отрядов. С 1934-го по 1938 год численность СА сократилась с 3 до 1,2 миллиона человек, и никакой политической роли они больше не играли.

Вскоре после убийства Рема Гитлер убеждал Раушнинга: «Я иду своим путем безошибочно и непоколебимо. «Старик» (Гинденбург. — Б. С.) одной ногой в могиле, а эти бандиты создают мне проблемы! В момент, когда вот-вот придется решать, кто же будет преемником рейхспрезидента — я или кто-нибудь другой из этой шайки реакционеров! За одну лишь эту глупость они уже заслужили расстрела. А ведь я много раз повторял им: только неразрывное единство воли способно принести удачу нашему отчаянному предприятию. Кто покинет строй, будет расстрелян! Ведь я же умолял этих людей, десятки, сотни раз говорил им: послушайте меня. Сейчас все идет к тому, что партия сомкнет ряды и обретет единую волю, мне все еще приходится слышать от реакционеров, будто я не умею поддерживать порядок и дисциплину в собственном доме. Я еще должен сносить обвинения в том, что моя партия — очаг строптивости, хуже коммунистов! Я должен допустить, чтоб меня упрекали, будто сейчас все хуже,

чем при Брюнинге и Папене! Чтобы они ставили ультиматумы! Эти трусы и жалкие создания! И кому! Мне, мне!

Но они ошибаются. Они полагают, что наступили мои последние дни, но это не так. Все они ошибаются. Они недооценивают меня, потому что я вышел из низов, из «гуци народной», потому что у меня нет образования, потому что я не умею вести себя так, как их воробьиные мозги считают правильным. Если бы я был одним из них, то я бы был в их глазах великим деятелем — уже сегодня. Но мне не нужно подтверждения моего исторического величия с их стороны. Строптивость СА лишила меня многих козырей, но у меня в руках еще есть другие. И я не привык медлить с принятием решительных мер, если у меня что-то срывается. Эти люди думают «честно» добраться до власти. Но у них ничего не получится. Они не смогут обойтись без меня, когда «старик» умрет. Они хотят поставить на его место регента — известно какого. Но для этого им нужно мое согласие. А я им его не дам. Народ не испытывает потребности в монархии Гогенцоллернов. Только я могу внушить массам, что монархия необходима. Только мне они поверят. Но я не стану этого делать. Это просто не приходит им в голову, этим жалким зазнайкам, этим чиновничьим и служилым душонкам. Вы заметили, как они дрожат, когда им приходится беседовать со мной лицом к лицу? Я не укладываюсь в их концепцию. Они думали, что я не решусь, что я слишком труслив. Они уже воображали, что я попался в их сети. Они считали, что я — всего лишь орудие в их руках, и насмеялись за моей спиной: у него, мол, больше нет никакой власти. Они полагали, что я потерял свою партию. Я долго смотрел на это — и наконец ударил их по рукам так, что они надолго запомнили этот удар. Все, что я потерял из-за суда над штурмовиками, я наверстаю во время процесса над этими светскими шулерами и профессиональными игроками — я имею в виду Шлейхера и его шайку.

Если сегодня я позову народ — он пойдет за мной. Если я обращусь к партии, она останется стеной, крепкой, как никогда. Им не удалось расколоть мою партию. Я уничтожил атамана-мятежника и всех кандидатов в атаманы, которые прятались в засаде. Они хотели столкнуть лбами партию и меня, чтобы сделать меня безвольным орудием в своих руках. Но вот я снова поднялся, еще сильнее, чем прежде. Выходите вперед, господа Па-пен и Гутенберг! Я готов начать следующий раунд».

Следующий раунд заключался в окончательном устранении с политической арены правоконсервативных политических сил и создании гарантии того, что полномочия Гинденбурга после его смерти перейдут к фюреру. С этой задачей Гитлер справился легко. Ведь ни в окружении Гинденбурга, также как ни у Гутенберга, ни у Папена не было на примете сколько-нибудь популярного консервативного политика, способного соперничать с Гитлером. Члены семьи Гогенцоллерн не пользовались доверием народа, и реставрация монархии для кого-то осталась несбыточной мечтой. Альтернативы Гитлеру в качестве преемника Гинденбурга не было, и, когда в августе 1934 года престарелый фельдмаршал отошел в мир иной, вопрос о его преемнике решался однозначно. Его сын Оскар, выступая 18 августа по радио, заявил: «Мой навеки ушедший от нас отец сам видел в Адольфе Гитлере своего прямого наследника как верховного главу Германского Рейха». О том же писал Гинденбург и в своем политическом завещании. А на похоронах Гинденбурга в Танненберге у памятника Победы Гитлер завершил свою речь словами: «Почивший полководец, войди в Валгаллу!»

19 августа 1934 года в Германии прошел референдум, на котором 85 процентов немцев проголосовали за совмещение Гитлером постов президента и канцлера. При нацистском режиме это был последний случай, когда голосование было не единогласным. В дальнейшем пропаганда и тотальный

контроль над жизнью граждан исключили всякую возможность открытого проявления оппозиционности.

К тому времени ни у кого не было никаких шансов конкурировать с Гитлером на политической арене. И полиция, и средства массовой информации находились под контролем нацистов. Даже завуалированная критика фюрера, как показал пример с марбургской речью Папена, в принципе не могла быть доведена до широких масс. И Папен, и Гутенберг уступили Гитлеру без борьбы. Гутенберг после роспуска своей партии эмигрировал. Папен, подвергшийся аресту в «ночь длинных ножей», вскоре был освобожден, примирился с Гитлером и вплоть до сентября 1934 года оставался вице-канцлером, а потом мирно спланировал в МИД, где занимал должности посла в Австрии, а потом в Турции. А генерал Бломберг сразу же привел весь личный состав рейхсвера к присяге на верность фюреру.

С «ночью длинных ножей» и приходом Гитлера на пост президента Рейха закончилась консолидация власти в руках нацистов. Теперь только НСДАП определяла дальнейшее развитие Германии. Фюрер уверенно повел страну к катастрофе, но почти никто в Рейхе этого еще (или уже) не признавал.

Гитлер и женщины

Далее историк приводит внушительный список из нескольких десятков фамилий женщин мюнхенского света, испытывавших сильнейшие чувства к Гитлеру, и порой взаимные. Репутация героя-фронтовика и человека, серьезно увлекающегося искусством, открыла ему дорогу в мюнхенские светские салоны. При этом В. Мазер оговаривается: «Трудно бесспорно установить, кто из этих женщин имел интимные контакты с Гитлером». В «Вольфшанце» 10 марта 1942 года Гитлер так рассказывал о своих похождениях в мюнхенском свете: «Из моих подруг, которые мне в материгодились, только госпожа Хоффман постоянно по-доброму заботилась обо мне. Даже в салоне у фрау Брукман был такой случай, что одну даму из мюнхенского общества перестали приглашать, потому что хозяйка дома заметила взгляд, который бросила на меня эта женщина, когда я поклонился ей при прощании. Она была очень красива, и я, должно быть, был ей интересен. Я знаю одну женщину, у которой голос становился хриплым, если она замечала, что я обменялся парой слов с другой женщиной».

И можно не сомневаться, что все эти мимолетные романы не оставили сколько-нибудь заметного следа в душе фюрера. В дальнейшем, по мере того как Гитлер все больше отдавался политической борьбе, его психическая энергия расходовалась в большей степени на зажигательные речи, способные наэлектризовать толпу и оказывавшие на некоторых слушателей именно сексуальное воздействие. Когда роль донжуана стала фюреру не по плечу, он склонился к более или менее моногамному образу жизни. Но о своем влиянии на женщин он никогда не забывал и умел им пользоваться. Первой большой любовью Гитлера стала Гели (Ангела) Раубаль, его двоюродная племянница. Впервые они встретились в 1925 году в Берхтесгадене на юго-востоке Баварии. Недалеко от него Гитлер, став канцлером, построил свою резиденцию. Тогда он был просто очарован 17-летней светловолосой пухленькой девушкой с приятным, тихим голосом. Гитлер перевез ее в Мюнхен и поселил в своей квартире на Принцрегентплац, 16. Гели мечтала стать оперной певицей и надеялась, что дядя Адольф поможет ей в сценической карьере. Однако ее надежды не сбылись. Она также не раз жаловалась на деспотизм фюрера и подозревала его в намерении жениться на вдове сына композитора Рихарда Вагнера Винфрид Вагнер. Вагнер, с которым фюрера роднил патологический антисемитизм, как известно, был гитлеровским кумиром, однако никакими сведениями об интимных связях Гитлера с невесткой великого композитора мы не располагаем.

Но через несколько лет в жизнь Гитлера вошла Ева Браун, и это оказалось роковым событием для Гели. В прямом смысле Гитлер не изменял Гели, но он открыто флиртовал с Евой, и, хотя женщины не были знакомы друг с другом, каждая знала о существовании соперницы. Гели не вынесла такого положения и 18 сентября 1931 года покончила с собой в мюнхенской квартире Гитлера. По некоторым данным, в тот момент она была от него беременна. Гитлер был потрясен и сам подумывал о самоубийстве, не имея сил даже присутствовать на похоронах Гели в Вене. Он заказал бюст и портрет Гели, которыми украсил соответственно свой кабинет в новом здании рейхсканцелярии и свою резиденцию «Бергхоф» в Берхтесгадене. В комнату Гели он никого не допускал. В подарок на Рождество 1931 года он послал деньги брату Гели Лео, сопроводив их следующей запиской: «Дорогой Лео! Мои сердечные поздравления тебе и тете

Марии по случаю нынешнего печального Рождества... Твой дядя *Адольф Гитлер*. Но вскоре печали Гитлера развеяла Ева Браун.

Знакомство с ней произошло в октябре 1929 года у личного фотографа и друга Гитлера мюнхенского фотографа Генриха Хоффмана, у которого 17-летняя Ева — дочь школьного учителя — работала ассистенткой. Об их первой встрече сохранился рассказ сестры Евы Ильзы. В тот вечер Ева задержалась в ателье, чтобы разложить по папкам бумаги и фотографии. Когда Ева стояла на приставной лестнице и раскладывала папки на верхней полке, в комнату внезапно вошел Хоффман и, по словам Ильзы, «какой-то мужчина с дурацкими усиками, в светлом английском пальто и с широкополой фетровой шляпой в руке». Ева заметила, что этот тип не сводит взгляда с ее чуть полноватых ног. Она, как на грех, в тот день укоротила юбку и чувствовала себя очень неловко. Ева поспешила слезть с лестницы, а Хоффман торжественно представил «нашей очаровательной фрейлейн Браун господина Вольфа» (партийная кличка Гитлера). Он же попросил Еву сходить за легким ужином — пивом и печеночным паштетом. Голодная Ева уплетала паштет за обе щеки и выпила пару глотков пива. Господин Вольф тем временем рассуждал о музыке и театральных премьерах, не спуская с Евы глаз. Предложение Вольфа подвезти ее домой на своем «мерседесе» смущенная Ева отклонила. Подавая ей пальто, Хоффман шепнул: «Ты не узнала нашего господина Вольфа? Это же наш Адольф Гитлер». Но это имя Еве ничего не говорило. Дома она спросила у отца, кто же такой Адольф Гитлер. Фриц Браун раздраженно ответил: «Наглый сопляк, утверждающий, будто он знает все на свете». Национал-социалистов же он охарактеризовал как сброд такой же шантрапы, как и коммунисты. Но это только заинтриговало Еву. А Хоффман популярно объяснил Еве, что Гитлер — единственный, кто может спасти Германию. И она стала встречаться с Гитлером.

Она была такой же светловолосой, как Гели, и сразу же понравилась фюреру. Адольф и Ева ходили вместе в кино, обедали в ресторане «Остерия Бавария», посещали оперу, устраивали пикники в окрестностях Мюнхена.

Ева была девушкой скромной и непритязательной. Как вспоминал А. Шпеер, она «носила простые платья и к ним — на редкость дешевые украшения, которые Гитлер дарил ей к Рождеству или ко дню рождения; по большей части это были полудрагоценные камни, ценой от силы несколько сот марок и почти оскорбительные своей невзрачностью». Но Еве был важен знак внимания от фюрера, а не стоимость подаренных украшений.

Шпеер отмечал, что «к политике Ева интереса не проявляла, а Гитлер не пытался ее переубедить. Однако она обладала здоровым взглядом на житейские обстоятельства...». Но при этом любовница фюрера «никак не годилась на роль современной мадам Помпадур» и, естественно, никакого влияния на кадровые назначения в Третьем рейхе не оказывала. Да Гитлер и не потерпел бы любовницу, которая бы рискнула советовать ему, как управлять государством.

Шпеер признавался: «Сочувствуя положению этой несчастной женщины, от души преданной Гитлеру, я вскоре начал испытывать к ней симпатию. Вдобавок нас тогда объединяла общая неприязнь к Борману, прежде всего из-за высокомерной и грубой манеры, с какой он относился к живой природе и обманывал свою жену. Услышав во время Нюрнбергского процесса, что Гитлер на последние полтора дня своей жизни женился на Еве, я порадовался за нее, хотя и в этом угадывался цинизм, с каким Гитлер относился к Еве и ко всем женщинам, вместе взятым».

После самоубийства Гели Раубаль Ева Браун не только вывела Гитлера из тяжелой депрессии, но и всецело завоевала его сердце. В начале 1932 года они наконец стали любовниками. Фюрер нередко посещал мюнхенскую квартиру Евы. Они порой появлялись вдвоем в местном обществе. Фотография фюрера (а именно так, «мой фюрер», называла Ева Адольфа) всегда стояла на ее столе.

Впоследствии Ева говорила: «Как мало на свете людей, которым женитьба дала все, чего они хотели, — исполнение великих жизненных желаний. Это величайшее счастье, когда встречаются два человека, созданные природой друг для друга».

О характере взаимоотношений Евы и Адольфа наилучшее представление дает дневник Евы Браун, который она вела с 6 февраля по 28 мая 1935 года. Эти уникальные записи, возможно, больше любых других источников дают представление о восприятии близкими личности Гитлера, ведь так, как Ева, его никто не знал:

«6.II.35. Сегодня самый подходящий день, чтобы начать этот «шедевр». Вот я и дожила счастливо до 23 лет. Правда, насколько они были счастливыми, это другой вопрос. В данный момент я уж точно не могу это утверждать. Я, видимо, слишком уж много ждала от этого «важного» дня (имеется в виду, что это был день рождения Евы. — Б. С.). Если бы у меня была хотя бы собака, я бы не была так одинока. Но я, пожалуй, требую слишком многого. Пришла фрау Шауб (жена личного адъютанта Гитлера Юлиуса Шауба. — Б. С.) в качестве посыльной с цветами и телеграммой. Весь мой кабинет выглядит как цветочная лавка, а запах стоит, как на панихиде (розы, а Гитлер наверняка дарил их, это еще и цветы траура. — Б. С.).

Вообще-то это неблагодарность. Но я так хотела таксу, и опять ничего не получилось. Может быть, на следующий год. Или еще позже. Тогда это больше будет подходить к старой деве (Гитлер в конце концов снизошел к просьбам любовницы и подарил ей скотчтерьера. Так же он не переносил из-за их упрямого характера. — Б. С.). Главное — не терять надежды. Пожалуй, скоро я научусь терпению.

Я сегодня купила себе 2 лотерейных билета, потому что была твердо уверена: сейчас или никогда. Они оказались пустышками. Видно, не суждено мне стать богатой, тут уж ничего не поделаешь...

Сегодня я иду ужинать с Гертой (Герту Остермайр Ева называла своей лучшей подругой. — Б. С.). Что еще остается делать одинокой женщине в 23 года. Таким образом, я отмечу свой день рождения «неумеренным обжорством». Думаю, что он этого и хочет.

11.II.35. Только что он был здесь. Но ни собаки, ни гардероба. Он даже не спросил меня, чего я хочу на день рождения. Теперь я сама купила себе украшение: цепочку, серьги и в придачу кольцо за 50 марок. Все очень красивое. Надеюсь, что ему понравится. Если нет, то пусть сам что-нибудь найдет мне.

15.II.35. Переезд в Берлин, похоже, становится реальностью. Но пока я не окажусь в рейхсканцелярии, все равно не поверю. Надеюсь, что это будет радостное событие... Я все еще не решаюсь радоваться по-настоящему, но как будет чудесно, если все получится. Будем надеяться!

18.II.35. Вчера он пришел совершенно неожиданно, и получился восхитительный вечер. Самое прекрасное, однако, то, что он задумал забрать меня из магазина и... лучше я пока повременю радоваться, подарить мне домик (в результате Гитлер забрал Еву из магазина Г. Хоффмана и сделал ее своей личной секретаршей и хозяйкой резиденции «Бергхоф» в Берхтесгадене. В рейхсканцелярию же она перебралась лишь незадолго до своего конца. — Б. С.). Я просто не решаюсь думать об этом, настолько это все чудесно. Мне не придется открывать двери перед нашими «уважаемыми покупателями» и выступать в роли магазинной прислуги. Дай Бог, чтобы это оказалось правдой и стало действительностью в обозримом будущем...

Я так бесконечно счастлива, что он меня любит, и молюсь, чтобы так было всегда. Я не хочу чувствовать себя виноватой, если он однажды разлюбит меня.

4. III. Я опять смертельно несчастна, потому что не могу написать ему, и вместо этого приходится доверять свое нытье дневнику.

В субботу (2 марта 1935 года. — Б. С.) он приехал. В субботу вечером был мюнхенский городской бал. Фрау Шварц подарила мне билет в ложу, и мне пришлось идти, тем более что я уже дала согласие.

До 12 часов я провела у него несколько чудесных часов, а потом с его разрешения еще два часа была на балу.

В воскресенье он обещал мне, что мы увидимся. Но, несмотря на то что я звонила в «Остерию» (их любимый ресторан «Остерия Бавария». — Б. С.) и передала через Берлина (директора заводов «Даймлер-Бенц». — Б. С.), что жду известий, он взял и уехал в Фельдафинг и даже отказался от приглашения к Хоффману на кофе и ужин. Все ведь можно рассматривать с двух сторон. Может быть, он хотел побыть наедине с доктором Г. (Геббельсом. — Б. С.), который тоже был здесь, но хотя бы сообщил мне. Я сидела у Хоффмана как на иголках и думала каждую секунду, что он вот-вот войдет.

Потом мы поехали к поезду, потому что он вдруг срочно решил уехать, и увидели только огни уходящего последнего вагона. Хоффман опять слишком поздно выехал из дома, и мы даже не смогли попрощаться. Может быть, я опять все вижу в черном свете, но он не приходит уже 14 дней, и я очень несчастлива и не могу успокоиться.

Я, право, не знаю, почему он вдруг рассердился на меня. Может быть, из-за бала, но он же сам разрешил.

Я понапрасну ломаю себе голову, почему он уехал так рано, не попрощавшись.

Хоффманы дали мне билет на «Венецианскую ночь» на сегодняшний вечер, но я не пойду. Мне слишком грустно.

11.III.35. Я хочу только одного: тяжело заболеть и по меньшей мере 8 дней ничего не слышать о нем. Почему со мной ничего не случается, почему я должна все это терпеть? Лучше бы я его никогда не видела. Я в отчаянии. Сейчас куплю себе снова снотворное, буду находиться в полутрансе и не думать так много об этом. Почему меня дьявол не заберет? У него наверняка лучше, чем здесь.

3 часа я ждала у «Карлтона» и увидела, как он покупает цветы Ондре (Анне Ондре, жене бывшего чемпиона Германии по боксу в тяжелом весе Макса Шмелинга. — Б. С.) и приглашает ее на ужин (сумасшедшее воображение, записано 26.III).

Я нужна ему только для определенных целей. По-другому, наверное, и быть не может (глупость).

Когда он утверждает, что любит меня, то говорит правду, но только в данный момент. Это точно так же, как и с его обещаниями, которые он никогда не выполняет.

Почему он мучит меня и не покончит сразу со всем?

16. III. Он снова уехал в Берлин. Почему я сразу же схожу с ума, когда вижу его реже, чем мне хотелось бы? Вообще-то понятно, что у него сейчас меньше интереса ко мне, потому что он так занят политикой.

Сегодня я еду с Гретль (сестрой. — Б. С.) на Цугшпитце и думаю, что мое сумасшествие уляжется.

До сих пор все улаживалось хорошо, так будет и на этот раз. Нужно только уметь спокойно ждать.

1 апреля 35. Вчера он пригласил меня на ужин в «Четыре времени года». Я сидела с ним рядом 3 часа и не могла даже словечком с ним перемолвиться. На прощание он протянул мне, как это уже было однажды, конверт с деньгами. Как было бы здорово, если бы он написал еще пару теплых слов, я бы так была рада. Но он о таких вещах не думает.

Почему он не приходит к Хоффманам на обед? Может быть, он нашел бы тогда пару минут и для меня. Я не хочу только, чтобы он приезжал, пока не закончат его квартиру.

29 апреля. Мне плохо. Даже очень. В любом отношении. Я все время пою «Все будет опять хорошо», как Луис, но это мало помогает. Квартира готова, но мне нельзя к нему. Похоже, что любовь в данный момент вычеркнута из его программы. Теперь, когда он снова в Берлине, я понемногу опять оттаиваю. Но на прошлой неделе были дни, когда я каждую ночь выплакивала свою порцию слез. Давненько я не проводила Пасху одна дома.

Я экономлю изо всех сил. Всем уже действую на нервы, потому что продаю все подряд, начиная от костюма, фотоаппарата и кончая билетом в театр.

Ничего, все будет опять хорошо. Долги ведь не такие уж большие.

10.V.35. Как мне мило и бестактно сообщила фрау Хоффман, у него есть для меня замена. Ее зовут Валькирия (имеется в виду Юнити Валькирия Митфорд, дочь лорда Ридеслейда, 3 сентября 1939 года, после объявления Англией войны Германии, пытавшаяся покончить с собой, но неудачно. — Б. С.), и выглядит она соответственно имени, включая и ноги (Гитлер любил пышнотелых и длинноногих блондинок, «истинных ариек», тогда как Ева была среднего телосложения. — Б. С.). Ему ведь нравятся такие размеры. Если это верно, то он ее скоро доведет до похудения, если только она не обладает способностью толстеть от огорчения, как Чарли (подруга Евы Шарлотта. — Б. С.). У нее неприятности вызывают аппетит. Но если это наблюдение фрау Хоффман верно, то я считаю низостью с его стороны ничего не сказать мне об этом.

В конце концов, он уже достаточно меня знает, чтобы понять, что я никогда не встану у него на пути, если его сердце займет другая. Ему ведь все равно, что будет со мной.

Я подожду еще до 3 июня — это будет как раз четверть года с момента нашей последней встречи (имеется в виду интимное свидание 2 марта. В присутствии посторонних они встречались и позднее, например 1 апреля. — Б. С.) — и попрошу его объясниться. И пусть только кто-нибудь скажет мне, что я проявляю нескромность.

Погода такая замечательная, а я, возлюбленная величайшего человека Германии и мира, сижу и смотрю на солнце сквозь окошко.

Почему он так мало обращает внимания на меня и всегда заставляет пресмыкаться перед посторонними людьми?

Но человек располагает... и т. д. Как постелешь...

В конце концов, это моя вина, но мы всегда любим сваливать всё на других. Этот пост (имеется в виду более чем двухмесячное воздержание от сексуальных отношений с Гитлером. — Б. С.) когда-нибудь закончится, и тогда все покажется еще слаще. Жалко только, что сейчас как раз весна.

28.V.35. Я только что отослала ему решающее для себя письмо. Сочтет ли он его важным? Что ж, посмотрим.

Если я сегодня вечером до 10 часов не получу ответа, я просто приму 25 таблеток и тихо усну.

Что же это за такая сумасшедшая любовь, в которой он мне так часто клянется, если он за 3 месяца не сказал мне ни одного доброго слова?

Ну хорошо, гол за у него все время была забита политическими проблемами, но разве сейчас не стало легче? А как было в прошлом году? Тогда Рем и Италия доставляли ему тоже много забот, но он все же находил время для меня.

Мне, конечно, трудно судить, может быть, нынешняя ситуация несравненно тяжелее для него, и все же пара теплых слов у Хоффманов или еще где-нибудь не слишком отвлекли бы его.

Я боюсь, что за этим кроется что-то другое.

Я не виновата в этом, совершенно определенно нет.

Может быть, здесь другая женщина? Конечно, это не Валькирия, это уж слишком невероятно, но ведь есть еще много других.

Какие могут быть еще причины? Других я не нахожу.

28.V. Боже, я боюсь, что он сегодня не даст ответа. Если бы кто-нибудь мог мне помочь. Все так ужасно и беспросветно.

Может быть, мое письмо пришло к нему в неподходящую минуту. Может быть, мне вообще не стоило писать. Как бы то ни было, неизвестность хуже, чем внезапный конец.

Господи, сделай так, чтобы я еще сегодня могла поговорить с ним. Завтра будет уже поздно.

Я решила принять 35 штук. На этот раз будет уже действительно надежно.

Хотя бы он позвонил, по крайней мере».

На этом записи в дневнике обрываются. Сестра Евы Ильза, поздно вечером 28 мая навестившая ее, чтобы отдать взятое у нее бальное платье, нашла сестру без сознания и вызвала врача, который спас возлюбленной Гитлера жизнь. Это была уже вторая попытка самоубийства Евы. Первый раз она попробовала покончить с собой 1 ноября 1932 года, выстрелив себе в шею из револьвера, но лишь легко ранила себя. Гитлер тогда был очень взволнован и заявил Хоффману, что Ева сделала это из любви к нему, и теперь его долг — всячески заботиться о ней.

Справедливости ради надо отметить, что Гитлер уделял не слишком много внимания своим любовницам не из прирожденной душевной черствости, а потому, что действительно был очень занят. Как отмечает в мемуарах его личный шофер Эрих Кемпка, в 1932 году, в период президентской и парламентских кампаний, один только он исколесил 120 тысяч километров. А у Гитлера ведь был еще один шофер, Юлиус Шрек, взявший на себя поездки по северо-западу Германии, тогда как Кемпке досталась остальная часть страны. По свидетельству Кемпки, «в течение 14 дней Гитлер должен был выступить около 50 раз».

Главное же — женщины для Гитлера никогда не стояли на первом плане. Шпеер прав, что Гитлер всегда относился к своим любовницам достаточно цинично. Они существовали для него, но не он для них.

Наивно думать, что склонность к суициду проявилась у Евы Браун, как прежде — у Гели Раубаль, потому что любящая женщина сумела разглядеть в Гитлере черты зверя и ужаснулась своему открытию. Она так ничего не узнала ни об «окончательном решении еврейского вопроса», ни о массовых репрессиях против антифашистов, ни о планах своего возлюбленного по завоеванию мирового господства. И искренне верила, что Вторая мировая война началась потому, что против Германии ополчились все ее враги.

Дело было в другом. Гитлер обладал способностью производить неотразимое впечатление на женщин. Тут имела значение и представительная внешность, и необыкновенный голос, оказывающий магнетическое воздействие на слушателей, и резкая жестикуляция. Кроме того, он искренне считал себя величайшим гением всех времен и народов и умел внушить уверенность в этом своим подругам. И Еве, и Гели, и другим очень льстило, что они являются возлюбленными «величайшего человека Германии и мира». Беда была только в том, что «величайший человек» из-за своего всепоглощающего эгоцентризма, а также всегдашней занятости партийными и государственными делами уделял своим любовницам очень мало времени, да и в сексуальном отношении держал их на «голодном пайке». Все это вызывало жестокие духовные страдания Евы и Гели и возбуждало их ревность, вряд ли основательную. Между прочим, разговаривали они с фюрером на такие экзотические темы, как чудовище из шотландского озера Лох-Несс или возможность поле-та человека на Луну.

Гитлеру женщины нужны были как для удовлетворения чисто физиологических потребностей (что только «это» интересует их возлюбленного, не раз жаловались своим близким и Гели, и Ева), так и в качестве завороченных слушательниц его мудрых мыслей. Он утверждал, что политику вообще не стоит жениться, ибо он обрекает жену на длительное одиночество. В то же время и к Гели Раубаль, и к Еве Браун он испытывал настоящее глубокое чувство, хотя и не раз, вольно или невольно, заставлял их страдать.

Попытка самоубийства Евы все-таки повлияла на Гитлера, и он стал уделять ей немного больше внимания. 9 августа 1935 года Ева и ее сестра Гретль переехали в отдельную трехкомнатную квартиру на Виденмайерштрассе, которую для них приобрел Гитлер. Там фюрер стал гораздо чаще навещать любимую женщину. Приезжал он обычно очень поздно, только покончив с делами. Никакого инкогнито соблюсти не было возможности. Ведь из соображений безопасности во время этих визитов полиция оцепляла весь квартал. Тем временем Фриц Браун 7 сентября 1935 года осмелился написать фюреру письмо, в котором просил «вернуть заблудшую овцу в лоно семьи». Он просил Хоффмана передать письмо лично Гитлеру. Однако Хоффман на всякий случай показал это письмо Еве, и та разорвала отцовское послание на мелкие кусочки. Фрицу Брауну же Хоффман просто сказал, что Гитлер не стал отвечать на письмо.

После прихода к власти Гитлер, как подобает канцлеру, устраивал светские приемы, куда допускались дамы из высшего света и мира культуры. Однако приглашения достаивались лишь замужние женщины и преимущественно — вместе с мужьями. Поведение Гитлера на этих приемах описал Шпеер: «В отношениях с этими женщинами Гитлер вел себя как ученик танцкласса на выпускном балу. Здесь проявлялось робкое старание ничего не напутать, раздать должное число комплиментов, на австрийский манер припасть к ручке при встрече и прощании. По завершении приема он еще некоторое время в узком кругу восхищался дамами, приглашенными на вечер, но больше фигурой, чем умом или шармом». По словам Шпеера, году в 1935-м эти приемы с участием дам прекратились. Возможно, это было как-то связано с развитием романа с Евой Браун. Лишь в 1939 году ей выделили спальню в берлинской квартире Гитлера, рядом с его спальней, причем окна выходили во двор.

Ева Браун допускалась на обеды лишь в альпийскую резиденцию Гитлера «Бергхоф», а не в рейхсканцелярию. Обычный день фюрера в «Бергхофе» описал Шпеер: «Обычно Гитлер появлялся поздно, часам к одиннадцати, и принимал первые решения. День у него начинался с продолжительного обеда... Гитлер избирал себе соседку по столу, тогда как привилегия вести к столу Еву Браун, неизменно сидевшую по левую руку от Гитлера, примерно с 1938 года была раз и навсегда предоставлена Борману, что однозначно доказывало его доминирующее положение при дворе. Столовая представляла собой то смешение художественного деревенского стиля и городской эlegantности, какое часто можно обнаружить в загородных домах богатых горожан. Стены и потолок были обшиты светлой лиственницей, кресла обтянуты алым сафьяном. Посуда — простая, белая. Серебро — с монограммой Гитлера... Готовили здесь, как на хорошей бюргерской кухне: суп, одно мясное блюдо, десерт, а ко всему — фахенгская минеральная или бутылочное вино; подавали слуги в белых перчатках и черных брюках, сплошь члены лейб-штандарта СС. За длинным столом размещалось человек двадцать, но именно из-за длины стола разговор не возникал. Гитлер сидел посредине, напротив окна. Он вел разговор с кем-либо из приглашенных, выбирая каждый день нового собеседника, либо со своими соседками по столу». После обеда гости полчаса шли пешком в «чайный домик».

«Чайную церемонию» подробно описал Шпеер, один из немногих лиц, на нее допускаясь. Из этого описания хорошо виден внутренний мир Гитлера и

характер его отношения к прекрасному полу. «Чайный домик» был воздвигнут на одном из излюбленных мест Гитлера с видом на Берхтесгаденскую долину. Общество всякий раз в одних и тех же выражениях восторгалось живописной панорамой. Гитлер в одних и тех же выражениях изъявлял полное согласие. Сам «чайный домик» состоял из круглой залы, метров восемь в диаметре, довольно уютной, с окном, поделенным на маленькие фasetы, и с камином на противоположной внутренней стене. Гости рассаживались в удобных креслах вокруг стола. Ева Браун и кто-нибудь из дам, как обычно, возле Гитлера... Гостям, смотря по желанию, передавали кофе, чай или шоколад, различные виды тортов, пирожные, печенье, после чего — спиртные напитки. Здесь за чайным столом Гитлер с особой охотой пускался в бесконечные монологи, темы которых по большей части были знакомы обществу и которые оно слушало с напускным вниманием. Порой Гитлер и сам задремывал в ходе собственного монолога, общество же продолжало беседу шепотом, надеясь, что Гитлер вовремя проснется к ужину. Словом, здесь все были свои.

Часа через два, примерно около шести, чаепитие завершалось. Гитлер вставал из-за стола, и шествие паломников направлялось к расположенной в двадцати минутах ходьбы стоянке для машин. Воротясь в «Бергхоф», Гитлер, как правило, удалялся в верхние покои, и процессия распадалась. Борман под ехидные комментарии Евы Браун частенько скрывался в комнате какой-нибудь секретарши помоложе. Еще через два часа, соблюдая тот же церемониал, что и за обедом, общество собиралось к ужину. Здесь Гитлер все в том же сопровождении переходил в гостиную... Общий разговор никак не завязывался, а потому каждый вполголоса беседовал с ближайшим соседом. Гитлер приглушенно толковал о всяких пустяках со своими дамами либо шептался с Евой Браун, порой даже брал ее за руку. Но чаще всего он вообще молчал и задумчиво глядел в огонь камина. Тогда гости замолкали, чтобы не нарушать громким разговором ход важных мыслей.

От случая к случаю обсуждали увиденные фильмы, причем оценку женских ролей преимущественно делал Гитлер, а мужских — Ева Браун. Никто не давал себе труда подняться в разговоре над пошлым обывательским уровнем и, к примеру, обсудить новые режиссерские приемы. Впрочем, и подбор фильмов — сплошь развлекательной продукции — не располагал к этому... Потом, уже во время войны, Гитлер отказался от вечерних сеансов, поскольку решил лишить себя любимого развлечения, по его словам, «из сочувствия к солдатам, которые терпят лишения на фронте». Вместо фильмов теперь по вечерам крутили пластинки... Гитлер для начала заказывал бравурные отрывки из вагнеровских опер, после чего прямоком переходил к оперетте... Гитлер почитал для себя делом чести угадывать певиц и радовался, когда — как часто бывало — правильно называл имя (любимыми опереттами фюрера, как сообщает Шпеер, были «Летучая мышь» и «Веселая вдова». В Берлине он также часто посещал варьете «Зимний сад». — Б. С.).

Чтобы как-то оживить эти весьма пресные вечера, подавали шампанское, после завоевания Франции — трофейное, весьма дешевых сортов, так как лучшие сорта расхватывали Геринг и его фельдмаршалы. Начиная с часу ночи многим, несмотря на выдержку, не удавалось скрыть зевоту. Тем не менее в этой пустой и утомительной монотонности вечер продолжался еще добрый час, покуда наконец Ева Браун, обменявшись с Гитлером несколькими словами, не получала разрешения удалиться в верхние покои. Сам Гитлер вставал, чтобы откланяться, лишь минут пятнадцать спустя. За этими поистине удручающими часами для обретших свободу гостей нередко следовала развеселая пирушка с коньяком и шампанским. Под утро мы расходились по домам, смертельно усталые от безделья...

При визитах старых партийных товарищей дозволялось присутствовать и Еве Браун. Но когда к обеду являлись столпы Рейха, например министры, ее за стол не допускали. Даже когда приезжал Геринг с женой, Ева отсиживалась у себя в комнате. Гитлер явно считал Еву приемлемой в обществе лишь с оговорками. Порой я составлял ей компанию в этой ссылке в комнате подле спальни Гитлера. Сама Ева была до того запугана, что не решалась даже выйти из дому прогуляться. «А вдруг я наткнусь в коридоре на Герингов?!»

Гитлер вообще мало считался с ее присутствием. Он мог бесцеремонно рассуждать при ней о своем отношении к женщинам. «Люди высокого ума должны жениться на глупых и примитивных женщинах. Представьте себе только — вот будь у меня жена, которая лезет ко мне с рассуждениями, когда я работаю! А в свободное время я не желаю, чтоб меня тревожили... Я никогда бы не смог жениться. Будь у меня дети — это ведь столько проблем! Под конец они наверняка захотят сделать моего сына моим преемником!.. У человека, подобного мне, нет ни малейших шансов занять толкового сына. В подобных случаях это уже стало правилом. Возьмите хоть сына Гёте — никуда не годный человек. Женщины на меня вешаются, потому что я холост. Это играло особенно большую роль в боевые времена. Все равно как у киноартиста. Стоит ему жениться, он теряет нечто в глазах обожающих его женщин — он уже больше не прежний идол для них».

Он полагал, будто имеет в глазах женщин эротически притягательную силу, впрочем, и здесь был исполнен недоверия. Ему же неизвестно, кого предпочитает в нем женщина — то ли «рейхсканцлера», то ли «Адольфа Гитлера», а уж женщин с интеллектом, по его не слишком галантному замечанию, он подле себя терпеть не намерен. Произнося такие речи, Гитлер явно не сознавал, насколько оскорбительны они для присутствующих женщин. Впрочем, Гитлер также мог изображать из себя заботливого отца семейства. Как-то раз, когда Ева Браун бегала на лыжах и опоздала к чаю, он не мог скрыть своей тревоги, то и дело поглядывая на часы и явно опасаясь, как бы с ней чего не случилось».

Должен сказать, что, будучи революционером в политике, в частной жизни Гитлер был вполне классическим бюргером, а от его застолий в «ближнем кругу» веет застойной скукой. Впрочем, многие ли люди на свете, в том числе и выдающиеся, ярко блистают в частной жизни, умеют сделать быт если не феерическим, то хотя бы просто нескучным.

Для себя, как выдающейся личности, Гитлер считал брак ненужным институтом. В ставке «Вольфшанце» 26 января 1942 года он признавался: «Самое плохое в браке то, что он создает юридические права. Лучше уж содержать любовницу». А 11 марта 1942 года заявил: «Мир мужчины значительно больше мира женщины... Мир женщины — это мужчина. Обо всем остальном она думает лишь время от времени... Женщина может любить глубже, чем мужчина. Об интеллекте у женщины и речи быть не может». И еще, как признавался фюрер, женщины, размышляющие о вопросах бытия, действуют ему на нервы. Кстати сказать, подарки от влюбленных в него женщин в первой половине 20-х годов фюрер с успехом использовал для пополнения партийной кассы.

Также фюрер не хотел иметь детей. И не только потому, что дети доставляли бы ему лишние хлопоты и отвлекали бы от важнейших государственных дел. Гитлер всерьез опасался, что если у него будет сын, то его окружение сделает его преемником власти в государстве после смерти отца и тем самым де-факто восстановит в Рейхе монархию. Гитлер считал, что преемственность власти должна быть обеспечена тем, что либо он сам назначит себе преемника (как и произошло в действительности), либо нового фюрера изберут высшие руководители партии и государства. Шпеер утверждал: «Я часто задавал себе вопрос, испытывал ли Гитлер что-нибудь похожее на любовь к детям...»

Встречаясь с детьми... он пытался уделять им внимание, как добрый и снисходительный отец, хотя и не выглядел при этом убедительно. Он не умел найти в общении с ними верный тон и после нескольких благосклонных слов переходил к другим делам. Дети для него были молодой сменой, новым поколением. Он больше радовался их внешнему виду (белокурые, голубоглазые), их сложению (здоровые, крепкие) или их уму (смышленные, толковые), чем тому, что было в них истинно детского».

Шпеер также приводит следующие суждения Гитлера во время застольных разговоров в «Бергхофе» о том, как он, быть может, будет жить после победы в войне: «Еще до войны Гитлер от случая к случаю заявлял, что по достижении всех политических целей отойдет от государственных дел и завершит свои дни в Линце. Тогда он не будет играть в политике решительно Никакой роли, поскольку его преемник сможет завоевать авторитет, лишь если он, Гитлер, совершенно устранился от занятий политикой. Он не станет ничего ему подсказывать. Люди тем легче обратятся к его преемнику, чем раньше осознают, что теперь вся власть у того в руках. А уж тогда они и вовсе забудут про Гитлера. И его покинут. Обыгрывая — не без жалости к самому себе — эту мысль, он продолжал: «Может, и забредет тогда ко мне на огонек какой-нибудь из прежних сотрудников. Только я на это не очень рассчитываю. И кроме фрейлейн Браун, я никого туда с собой не возьму, фрейлейн Браун и свою собаку (он действительно взял обеих — с собой в могилу. — Б. С.). Я буду совсем-совсем одинок. Да и кто по доброй воле надолго у меня задержится? И считаться со мной больше никто не станет. Все побегут вдогонку за моим преемником. Ну разве что раз в году заявятся на мой день рождения». Конечно же гости принимались наперебой возражать и доказывать, что они неизменно останутся рядом с ним и сохранят ему верность. Чем бы ни руководствовался Гитлер, заводя речь о своем досрочном отходе от политики, он в эти минуты, безусловно, руководствовался мыслью, что не магнетизм его личности, а лишь власть, сосредоточенная в его руках, есть источник и основа его авторитета».

Вероятно, уверенности, что он когда-нибудь, по примеру римского императора Диоклетиана или императора Священной Римской империи Карла V, на вершине своего могущества отойдет от дел и займется если не выращиванием капусты, то архитектурой и живописью, у Гитлера в действительности никогда не было. Вне власти он себя не представлял. В данном случае фантазии на тему о спокойной старости, лишенной политических забот, были несколько наигранны и призваны укрепить чувство безоговорочной преданности среди простодушной обслуги, а заодно прощупать лояльность к фюреру основных руководителей Рейха. Не начнет ли кто-нибудь из них всерьез рассуждать о преемнике? Но все прекрасно помнили, что было с Ремом, и сомнительных суждений себе не позволяли.

Полагаю, что в застольных монологах Гитлера присутствует еще и предчувствие, что манящая его цель — всемирное господство германской расы — так и не будет достигнута при его жизни, и ему придется умереть на своем посту (особенно если принять во внимание гитлеровскую мнительность по поводу собственного здоровья). Гитлер, конечно, не предвидел, что ему придется стреляться в окруженном Берлине, наблюдая перед тем полный крах Рейха под натиском советских армий. Хотя и не исключал провала своего *griff nach Weltmacht* и всегда знал, что этого поражения не переживет. Недаром еще в ноябре 1936 года фюрер признавался Шпееру: «Для меня существует две возможности: либо добиться полного осуществления своих планов, либо потерпеть неудачу. Добьюсь — стану одним из величайших в истории, потерплю неудачу — буду осужден, отвергнут и проклят». И тогда Гитлер хотел, чтобы вместе с ним ушли из жизни Ева Браун и его любимая овчарка Блонди. Однако можно

предположить, что, говоря о том, что он, возможно, оставит политику и удалится в свой любимый Линц, фюрер в действительности прозревал собственную смерть и посмертную судьбу — вспоминать его будут только в дни рождения. В глубине души он старался сохранить веру, что его не забудут, что он действительно создаст Великогерманский Рейх на ближайшую тысячу лет. И память о себе он действительно оставил навеки, но только в соответствии со второй возможностью, которую тоже заранее предусмотрел: Гитлер остался в памяти миллионов людей как величайший злодей, развязавший крупнейшую войну в истории и способствовавший гибели миллионов людей.

Но ни Ева Браун, ни люди из бытового окружения фюрера ничего не знали о крови и грязи нацистского режима, и потому Гитлер остался для них почти святым — окруженным нимбом полубога.

В годы войны от сильнейших нервных перегрузок Гитлер очень быстро постарел. И Ева Браун призналась Шпееру, что как-то раз Гитлер сказал ей: «Придется мне скоро отпустить тебя на волю, ну зачем тебе нужен такой старик!» И в последние дни жизни он действительно пытался отпустить свою возлюбленную на волю.

Финал романа Гитлера и Евы Браун, как известно, был трагическим. 15 апреля 1945 года Ева прибыла в берлинскую рейхсканцелярию. Гитлер уговаривал ее вернуться обратно в Мюнхен, но Ева на волю не захотела. Она выразила твердое намерение разделить с фюрером его судьбу, и Гитлер согласился ее оставить. «Германия без Адольфа Гитлера непригодна для жизни», — заявила Ева. А ведь ей, строго говоря, ничто не угрожало. Ева даже не была членом НСДАП и после победы союзников, скорей всего, не подверглась бы даже процедуре денацификации. Ева Браун не совершала в своей жизни никаких преступлений. Ведь нельзя же назвать преступлением любовь к Гитлеру, причем любовь к нему не как к политику, а просто как к мужчине. Так что у Евы Браун были все шансы благополучно пережить поражение Германии, а потом еще и хорошенько заработать на мемуарах о своих отношениях с фюрером. Но жизнь без Гитлера для нее не имела никакого смысла, даже несмотря на то, что он не всегда относился к ней достойным образом. Недаром незадолго до самоубийства, 22 апреля 1945 года, Ева Браун жаловалась своей подруге Герте Остермайр: «Что мне... приходится терпеть от фюрера, я не могу тебе описать». По свидетельству Э. Кемпки, беседовавшего с Евой 26 апреля, «она заявила спокойно и решительно о своем желании остаться в Берлине. Ей было уже совершенно ясно, что из создавшейся ситуации выхода нет. «Я не хочу покидать фюрера ни при каких обстоятельствах, и, если это должно произойти, я хочу умереть вместе с ним. Он сначала настаивал, чтобы я на самолете покинула Берлин. Я ему ответила: «Я не хочу! Твоя судьба — это моя судьба!»

29 апреля, уже приняв решение уйти из жизни, они сочетались законным браком, а на следующий день Адольф пустил себе пулю в висок, а Ева приняла цианистый калий. Их трупы сожгли в воронке в саду рейхсканцелярии. Так вместе с жизнью завершился самый долгий роман германского фюрера.

Как фюрер, вождь нации, Гитлер считал, что не может позволить себе вступить в брак — по крайней мере, до победоносного завершения войны. Ему важно было, чтобы все женщины Германии видели в нем свободного мужчину. И с Евой Браун Гитлер сочетался законным браком только тогда, когда до конца войны, только совсем не победоносного для Рейха, оставались считанные дни, а до конца жизни — еще меньше, ведь они оба уже приняли твердое решение...

В завещании Гитлер писал: «Поскольку в годы битвы я не имел возможности связать себя браком, я решил сегодня, перед окончанием моей земной жизни, взять в жены ту, которая, после долгих лет верной дружбы, пришла по своей воле в осажденную столицу с тем, чтобы разделить свою судьбу с моею. Она, по ее

собственному желанию, примет смерть вместе со мною, как моя супруга. Это возместит нам то, чего мы были лишены вследствие моей преданности службе на благо моего народа.

Все, чем я владею, — если это имеет какую-либо ценность — переходит к партии, если же партия прекратит свое существование, то — к государству, если же и государство прекратит свое существование, то любое другое решение с моей стороны не имеет смысла.

Мои картины, собранные в моей коллекции, которые я приобретал в течение многих лет, приобретались мною не в личную собственность, но для картинной галереи моего родного города Линца на Дунае.

Всем сердцем я желаю, чтобы это завещание было исполнено».

Разумеется, тогда, в 1945-м, никто и не подумал его исполнять. Правда, 17 февраля 1960 года Мюнхенский суд выписал «в связи с отсутствием первичной наследницы — партии НСДАП» «Свидетельство о наследовании имущества Адольфа Гитлера» на имя Паулы Гитлер, единственной сестры фюрера, которая, однако, скончалась 1 июня того же года, не успев принять наследство, составлявшее две трети имущества Гитлера. Впрочем, за исключением его мюнхенской квартиры, самого этого имущества к 1960 году фактически уже не существовало. Другие наследники — сводный брат Алоиз Гитлер и сводная сестра Ангела Хаммитч — к тому времени уже умерли. Паула Гитлер в январе 1960 года писала своей подруге: «Мое самое заветное желание — получить наконец свидетельство о наследовании, которое даст мне возможность въехать в просторную, солнечную квартиру, чтобы хоть остаток жизни провести при радостном свете солнца, на что я всю жизнь понапрасну надеялась». Но этой мечте не суждено было сбыться. Неизвестно, удалось ли въехать в гитлеровскую квартиру детям братьев и сестер бездетной Паулы, которых суд признал ее законными наследниками.

Болезни Гитлера

Еще в книге «Моя борьба» Гитлер провозглашал свою приверженность древней римской мудрости: «В здоровом теле здоровый дух». Но уже в годы, когда он писал библию национал-социализма, он страдал достаточно серьезными заболеваниями, а в 30-е годы опасался близкой смерти из-за болезни желудка и прочих недугов, часть которых была следствием отравления газами в 1918 году. Именно по этой причине у Гитлера болели глаза, и во время публичных выступлений прожекторное освещение сокращалось до минимума, а фотографирование с магниевой вспышкой допускалось только с личного разрешения фюрера.

У Гитлера был тик левой ноги и левой руки. Личный врач фюрера Теодор Морель полагал, что этот тик был вызван потрясением, связанным с провалом «пивного путча». Гитлер считал себя ответственным за бессмысленную гибель 20 немцев и последующий роспуск НСДАП. Соратникам стоило немало труда убедить его в том, что он не виноват в провале, что он нужен партии и не имеет права на депрессию. Гитлер постепенно успокоился. Левая нога перестала дрожать довольно быстро, через несколько месяцев. А дрожь в левой руке сохранялась на протяжении нескольких лет.

Только-только Гитлер оправился от тика, как его ждал новый удар. 18 сентября 1931 года покончила с собой Гели Раубаль. Гитлер, по некоторым данным, был близок к самоубийству. Рудольф Гесс утверждал, что сам вырвал из рук Гитлера пистолет, из которого тот хотел выстрелить в себя. После смерти Гели Гитлер стал убежденным вегетарианцем, хотя прежде очень любил мясо и до конца жизни страдал, что не должен употреблять мясную пищу. Гитлер также перестал употреблять алкоголь, хотя ранее любил пить пиво. Отныне он позволял себе лишь немного шампанского по торжественным случаям. Из животной пищи он употреблял только печеночные паштеты и печеночные кнедики. Ранее же он любил очень жирное свиное мясо, а за завтраком ел бутерброды со сливочным маслом или с салом.

По свидетельству А. Шпеера, в «застольных разговорах» в «Бергхофе» Гитлер подтрунивал над страстью Геринга к охоте, равно как и над обжорством рейхсмаршала: «Не пойму, как вообще может человек этим заниматься. Убивать зверей, если уж так необходимо, — это занятие для мясника. Но тратить на это деньги... Я понимаю, что должны быть охотники-профессионалы, отстреливающие большую дичь. Будь это хотя бы чреватое какой-нибудь опасностью, как в те времена, когда человек выходил на зверя с копьем. Но нынче, когда любой толстопузый может из надежного укрытия прикончить бедного зверя... Охота и конские бега суть последние остатки умершего феодального мира».

Для Гитлера вегетарианство диктовалось идеологическими причинами. Во-первых, отказ от мяса означает и отказ от необходимости убивать животных, которых фюрер любил куда больше людей. Во-вторых, мясные продукты ассоциировались в сознании Гитлера с роскошью и обжорством, которые принадлежат прошлому, феодальным временам, но никак не пристали «истинному революционеру», призванному выполнить всемирно-историческую миссию.

Вот примерное меню Гитлера в вегетарианский период его жизни. Завтрак с 11 до 12 часов дня: стакан молока и подсушенный ржаной хлеб, а в последние годы жизни — сладкая булочка, яблочный, мятный или ромашковый чай (при простудах — с добавлением коньяка) и яблоко. Иногда он также просил подать

сыра, предпочитая сорт «Жерве». Обедал Гитлер обычно между 14 и 17 часами. Обед состоял из супа на овощном бульоне, фруктов, бобов, моркови, картофеля и других овощей, а также салата, который Гитлер всегда ел с лимоном. Гитлер также с удовольствием ел густые супы: с бобами, горохом или чечевицей. Любил он и картошку в мундире, которую очищал и макал в масло. Если за обедом гостям подавали бифштексы, то Гитлер ел фальшивый бифштекс из овощей. По внешнему виду его обеденные блюда обычно не отличались от тех, которые подавали гостям, но не содержали мяса. Гостей (а на обеды в рейхсканцелярии собиралось иногда до 40—50 человек — рейхслейтеры, гаулейтеры, министры и адъютанты) также не баловали разнообразием меню. Суп, мясо с овощами и картофелем, одно сладкое блюдо, но никаких закусок. Запивали это предлагавшимися на выбор минеральной водой (Гитлер предпочитал воду «Фахингер»), берлинским бутылочным пивом или дешевым вином. Роскоши Гитлер не допускал. Однажды рыбаки с острова Гельголанд подарили фюреру гигантского омара, которого подали на обед в рейхсканцелярии. Гитлер по этому поводу иронизировал: какие заблуждения заставляют человека поедать столь неаппетитно выглядящих чудовищ. И заявил, что больше излишеств такого рода у него за столом не будет. Неудивительно, что рейхсмаршал Геринг старался манкировать обеды у Гитлера, откровенно признаваясь Шпееру: «Сказать по чести, для меня тамошняя еда слишком плоха. Да еще эти партийные бюргеры из Мюнхена!! Невыносимо!»

Начиная с 1941 года Гитлер также ел сардины в масле, которые доставляли из оккупированной Норвегии. Некоторое время с удовольствием ел яйца, фаршированные красной и черной икрой, но когда узнал ее цену, то запретил подавать, считая это блюдо недопустимой роскошью. Гитлер с удовольствием ел яичницу с пресным хлебом, который ему подавали с обрезанной корочкой. Фюрер также ел клецки из пшеничной муки, наряду с кнедликами из печени, причем в разных видах — печеные, жареные и вареные.

Ужинал Гитлер между 20 и 24 часами. На ужин ему обычно подавали вареные яйца, картофель в мундире и творог. После ужина Гитлер обычно спал в течение часа. После битвы под Сталинградом, когда нервное возбуждение мешало заснуть, фюрер выпивал после ужина один-два бокала пива. Это помогало быстрее погрузиться в сон, но вскоре Гитлер заметил, что начал полнеть, и отказался от пива.

До самого конца своей жизни Гитлер не изменил своим привычкам скромно питаться. Так, 3 августа 1944 года Борман направил Гиммлеру заказ продовольствия для Гитлера «предположительно на один месяц». Там значились 20 пакетов подсушенных хлебцев, 20 пакетов сухарей, 3 пакета пшеничных хлопьев, 3 пакета овсяных хлопьев, 3 пакета проросших зерен пшеницы, 15 пакетов глюкозы в таблетках, 2 флакона витаминов А и R, 1 флакон дрожжевого препарата филоцитина, 2 пакета эндокринной соли, 2 пакета сушеных плодов и чашелистиков шиповника, 4 пакета «Базики» (смеси минеральных веществ с щелочной реакцией), 1 килограмм льняных семян, чай из ромашки и 2 пакета титрованной соли.

Перечень, что и говорить, малоаппетитный. Но надо добавить, что им пищевой рацион Гитлера отнюдь не исчерпывался. В частности, картофель, овощи и фрукты фюрер получал непосредственно из подсобного хозяйства при ставке.

Гитлер был настоящий трудоголик. В войну его рабочий день составлял 16—16,5 часа. После часового сна, следовавшего за ужином, Гитлер в мирное время устраивал беседы у камина с секретаршами и некоторыми товарищами по партии, а в войну — военные совещания. Нередко они затягивались до 6—8 часов утра. А в 10 часов утра Гитлер уже просыпался.

По утверждению одного из личных врачей Гитлера, Эрвина Гизинга, после того как Гитлер перешел на вегетарианскую диету, его работоспособность значительно увеличилась. Возможно, это также было одной из причин, побудивших Гитлера отказаться от тяжелой мясной пищи, от которой клонит в сон.

Скромность и неприязнательность Гитлера в еде отмечали все люди из его окружения. Так, личный шофер Гитлера Эрих Кемпка, которому выпала печальная миссия сжечь его труп, свидетельствовал: «Гитлер до 1932 года никогда не принимал участия ни в одном большом банкете. И после прихода к власти он жил очень скромно и принципиально не употреблял никаких алкогольных напитков. В порядке исключения он позволял себе иногда выпить настойки в качестве средства от желудочной болезни — последствия отравления газами во время Первой мировой войны».

Подобная личная скромность «идейных» диктаторов вполне объяснима. Для сравнения с Гитлером сразу возникают образы Ленина и Сталина. Хотя последний, как истинный грузин, вегетарианцем не был, воздержанием от алкоголя не страдал (хотя крепким спиртным напиткам предпочитал красные грузинские вина, сухие и десертные) и любил устраивать долгие и обильные застолья с соратниками по Политбюро. Но зато был более неприхотлив в одежде, чем Гитлер, обходясь гораздо меньшим количеством рубашек и костюмов и целое десятилетие проходил в маршальском мундире, в котором его и похоронили. Тут дело в том, что и для Гитлера, и для Сталина, и для ряда других диктаторов власть была ценна сама по себе, а не как средство для приобретения материальных благ и роскошной жизни. И тем более власть была значима для тех деспотов, кто мыслил перестроить собственную страну и весь мир по стандартам определенной доктрины, призванной осчастливить народ и человечество.

Весной 1934 года рейхсканцлера Гитлера тщательно обследовали в берлинской клинике «Вестенд». Врачи констатировали, что он совершенно здоров. Однако уже с 1935 года Гитлеру стало казаться, что он серьезно болен. Фюрер страдал от частых болей в желудке и вздутия живота, что стало, по всей вероятности, одним из последствий вегетарианской диеты (это также могло быть и отдаленными последствиями отравления газами в 1918 году). Кроме того, Гитлера беспокоили боли в сердце, у него был плохой сон. Возможно, это было следствием того нервного напряжения, которые Гитлер постоянно испытывал в последние годы борьбы за власть и в первые годы строительства национал-социалистического государства.

Но больше всего фюрера беспокоила хрипота голоса, которая постепенно усиливалась. Голос Гитлера — это была добрая половина успехов НСДАП на выборах. Эрнст Ханфштентль, один из тех, кто финансировал нацистов, вспоминал свое впечатление от одной из гитлеровских речей 1922 года: «Тогда в его баритоне была еще сила и звучность, в нем слышались гортанные звуки, которые пробирали людей до глубины души. Его голосовые связки не были еще изношены и позволяли ему добиваться непревзойденных оттенков. Из всех выдающихся ораторов, которых мне доводилось слышать на протяжении жизни, а среди них были такие виртуозы, как Теодор Рузвельт, слепой сенатор Гор из Оклахомы и Вудро Вильсон, человек с «серебряным языком», — никто не мог добиться такого эффекта, которым в совершенстве овладел Гитлер, на беду себе и нам». Постоянная нагрузка на голосовые связки дала о себе знать в 1932 году, тогда Гитлер обратился к отоларингологу Дермитцелю с жалобой на боли в горле. Тот провел курс лечения и, чтобы устранить хрипоту, посоветовал Гитлеру научиться более рационально управлять своим голосом. Для этого доктор предложил брать уроки сценической речи и драматического искусства у известного оперного певца Пауля Девриена. Такие уроки Гитлер брал с апреля

по ноябрь 1932 года. Затем профессор фон Айкен удалил у Гитлера доброкачественные полипы голосовых связок (Гитлер подозревал, что у него рак горла).

Хрипота в результате прошла, но проблемы с пищеварением остались. Личный врач Гитлера профессор Теодор Морель был склонен считать это следствием увеличения левой доли печени. Сам он познакомился с Гитлером в 1936 году. Тогда Морель, специалист по кожным и венерическим болезням, лечил Генриха Хоффмана, личного фотографа Гитлера, от гонореи. Тот порекомендовал его фюреру, и модный берлинский врач, имевший собственную клинику и лечивший знаменитостей, понравился Гитлеру. К тому же доктор был членом НСДАП, хотя и январского призыва — вступил только в 1933 году. Морель начал с того, что провел всестороннее обследование своего самого высокопоставленного пациента. Тогда при росте 1 метр 75 сантиметров фюрер весил 70 килограммов. Единственное очевидное заболевание — экзема на ноге, которую Морель объяснил нарушением обмена веществ. Еще можно отметить дисбактериоз кишечника, спровоцированный истощением нервной системы, остальное все в норме. Для борьбы с дисбактериозом Морель прописал мутафлор, капсулы которого Гитлер регулярно принимал вплоть до 1943 года. А со вздутием живота доктор боролся с помощью антигазовых пилюль доктора Кёстера, а одно время — также с помощью гликонорма. Состояние здоровья Гитлера заметно улучшилось, в том числе и аппетит. Морель отныне стал одним из немногих, кому он безоговорочно доверял, вплоть до самого конца в апреле 1945 года.

Кстати сказать, Теодор Морель был учеником лауреата Нобелевской премии Ильи Ильича Мечникова, знаменитого русского бактериолога, и совершенно точно не был шарлатаном, в чем его обвиняли завистники из гитлеровского окружения.

Постепенно у Гитлера слабело зрение, и уже с 1935 года он нуждался в очках, но избегал появляться в них на публике. Ведь у фюрера германского народа не должно было быть никаких видимых физических недостатков, даже таких пустячных, как ослабленное зрение. Еще Морель нашел у Гитлера воспаление десен, которое лечил витамином С и полосканием антисептической жидкостью.

Позднее у Гитлера появились проблемы с сердцем, связанные с расширением левого желудочка, шумами в аорте и перепадами кровяного давления. В 1937 году он испытывает серьезный страх, что внезапно умрет от инфаркта, не успев совершить все задуманное. А Еве Браун с грустью говорит, что скоро ей придется привыкать жить без него. 5 ноября 1937 года он составил политическое завещание, а 2 мая 1938 года добавил к нему частное завещание. Но на самом деле никакого серьезного сердечного заболевания у фюрера не было, и его страхи и боли носили невротический характер и были вызваны нервным перенапряжением.

По свидетельству Шпеера, в 1937—1938 годах, давая ему поручения по проектированию новых зданий, Гитлер нередко присовокуплял: «Уж и не знаю, сколько я проживу. Возможно, большинство этих зданий (которые предполагалось возвести в 1945—1950 годах. — Б. С.) будет достроено, когда меня уже не будет...» И не раз повторял: «У меня немного остается времени... Мне недолго осталось жить. Я всегда мечтал оставить себе время для собственных замыслов. Их я должен осуществить сам. Из всех моих возможных преемников ни один не наделен достаточной энергией, чтобы преодолеть неизбежно возникающие при этом кризисы. Словом, мои намерения должны быть осуществлены, покуда позволяет здоровье, которое с каждым днем становится все хуже». И не раз повторял Шпееру по поводу генерального плана реконструкции Берлина: «Знаете, моя единственная мечта — дожить до того дня, когда все это будет завершено. В 1950 году мы устроим всемирную выставку. До тех пор наши здания будут пустовать, а

потом мы используем их как выставочные павильоны. И пригласим к себе в гости весь мир!» Похоже, что здесь Гитлер мечтал, ведь в тот момент он уже хорошо знал, что до 1950 года наверняка развяжет мировую войну и далеко не факт, что доживет до ее счастливого исхода. В любом случае сроки завершения строительства придется переносить. И все-таки фюрер надеялся на победу, после которой пригласит на премьеру Нового Берлина весь мир, который к тому времени рассчитывал подчинить своей воле.

В молодости Гитлер был неплохим лыжником, но уже после Первой мировой войны практически никогда не предпринимал лыжных прогулок. Да и спортом вообще не занимался. На это просто не было времени, да, наверное, и желания.

В январе 1940 года Гитлер прошел новое врачебное обследование. Анализы мочи и крови были нормальные, реакция Вассермана (на сифилис) — отрицательная. Однако кровяное давление оказалось значительно повышенным — 140/100, а пульс (72) — немного учащенный. Практически фюрер здоров, но уже в конце 1940 года мнительный Гитлер настаивает на новом обследовании. На этот раз было обнаружено немного белка в моче и другие незначительные отклонения в анализах. Гитлер был практически здоров.

Из прочих мелких недугов можно отметить, что в 1941 году у Гитлера появились отеки в области икроножных мышц. Морель прописал корамин и кардиазол, чтобы воздействовать на центры мозга, отвечающие за кровообращение и дыхание, а также на нервные окончания кровеносных сосудов. Сделанная 14 августа 1941 года электрокардиограмма показала быстро прогрессирующий коронарный склероз. К этому добавились расстройство желудка, тошнота, озноб и приступы слабости. По всей видимости, эти симптомы развивались на нервной почве в связи с первым кризисом германского наступления в России. Тогда блицкриг впервые забуксовал, вермахт уже не мог наступать на всех направлениях, и Гитлер должен был решать мучительную дилемму — наступать ли в первую очередь на Москву или на Киев и Ленинград.

По мере того как германская армия терпела поражения, у Гитлера учащались приступы различных болезней. Весной 1942 года фюрер начинает жаловаться на сильные головные боли и на то, что впервые в жизни его начинает подводить память, которой он всегда гордился. Возможно, это было связано с недавно пережитым духовным и физическим напряжением, связанным с поражением под Москвой. Тогда Гитлеру удалось своим «стоп-приказом» преодолеть кризис, но с большой потерей нервных клеток.

4 июля 1942 года, в самом начале генерального наступления вермахта на юге, Гитлер, хотя и выглядит бодрым и здоровым, жалуется на то, что смерть его близка, а поскольку «в могилу с собой ничего не заберешь», предлагает нести расходы по содержанию ставки из собственных средств. Возможно, депрессия была связана с неуверенностью в успехе наступления. Затем, по мере продвижения германских войск к Дону и Волге, самочувствие Гитлера улучшилось, но, после того как окруженная в Сталинграде 6-я армия Паулюса капитулировала, Гитлер опять заболел, причем нервные переживания усугубились гриппом, подхваченным в феврале 1943 года в ставке в Виннице (объект «Вервольф»).

Теперь у Гитлера возобновились тики левой ноги и левой руки. Фюрер сутулится, его лицо становится одутловатым и покрывается красными пятнами, появляются нарушения координации движений, он становится более возбудимым и раздражительным. Будешь раздражительным после Сталинграда и Эль-Аламейна! У фюрера также постоянно нарастает сознание, что он очень болен, тем более что постоянно читает медицинскую литературу. А это, как известно еще со времен Джером К. Джерома, способствует тому, что человек находит у себя симптомы всех существующих болезней, за исключением воспаления коленной чашечки.

Как замечает В. Мазер, «с течением времени Гитлер начинает разбираться в лекарствах и тонкостях заболеваний не хуже, чем его врач. Время от времени он пытается посадить Мореля в лужу, что ему порой удается, так как у врача плохая память. Он не всегда способен ответить на вопросы, которые задает недоверчивый Гитлер. В целом фюрер выполняет указания своего врача, который к этому времени уже становится вполне влиятельным человеком и к тому же приобретает в собственность несколько фармацевтических предприятий. Но прописанные Морелем медикаменты Гитлер принимает, как правило, только тогда, когда точно знает, какое воздействие на организм они оказывают». И далее Мазер приводит рассказ секретарши Гитлера Кристы Шредер: «Однажды Морель воскликнул: «Мой фюрер, я же взял на себя ответственность за ваше здоровье. Что будет, если с вами что-нибудь случится?» Гитлер пронзил его взглядом, в котором горел демонический блеск. Подчеркивая каждое слово, каждый слог, он ответил: «Морель, если со мной что-нибудь случится, то ваша жизнь ничего не будет стоить!» И Мазер приходит к закономерному выводу: «Несмотря на все старания Мореля, Гитлер был убежден, что лишь он сам может распоряжаться своим здоровьем».

Тем не менее Морель оставался с фюрером и почти до самого конца сохранил его доверие. 21 апреля 1945 года Гитлер отправил Мореля на юг, сделав запас прописанных им медикаментов, чтобы продержаться до совсем уже близкой смерти. Морель не раз жаловался, что очень трудно быть личным врачом фюрера, который имеет обыкновение сам предписывать медикам, что им нужно делать.

Можно сказать, что последние 6—7 лет своей жизни Гитлер сидит на таблетках и витаминах. Помимо перечисленных, в 1942-1944 годах он принимал витамины А и D и содержащий глюкозу препарат интелан. Все это для возбуждения аппетита, снятия усталости и повышения сопротивляемости организма. Для стимуляции пищеварения фюрер принимает эвфлат, для восполнения недостатка фосфора и стимуляции гладких мышц — тонофосфан, для снятия депрессий — простакрин и некоторые другие лекарства.

В феврале 1944 года Гитлер начал жаловаться на острую боль в правом глазу. Примерно две недели он видел все как в тумане. К тому времени Восточный фронт трещал по всем швам, немецко-итальянские войска в Северной Африке давно капитулировали, союзники вели наступление в Италии и вот-вот должны были высадиться во Франции. Морель пригласил директора клиники Берлинского университета офтальмолога Вальтера Лелейна, который обнаружил кровоизлияние в правом глазу и его значительное помутнение, но не нашел никаких патологических изменений глазного дна. Лелейн констатировал, что повышенное кровяное давление не носит у Гитлера патологического характера. Он рекомендовал облучение больного глаза и прописал глазные капли. Вскоре зрение нормализовалось. Лелейн пришел к выводу, что болезни глаз у Гитлера носят психогенный характер. Он посоветовал Морелю беречь Гитлера от волнений и побудить его читать на ночь легкую литературу, вроде любимых фюрером индейских романов Карла Мая. С учетом критического положения на фронтах все эти пожелания относились к области чистой теории. Да и спать в последний год жизни ему порой приходилось по два-три часа в сутки.

Лелейн выписал Гитлеру новые очки с двойными стеклами с разными диоптриями, что было тогда большой редкостью. В верхней части на левом глазу стояло простое стекло, а на правом — +1,5 диоптрии. Нижние стекла, предназначенные для чтения, на левом глазу имели +3,0, а на правом — +4,0 диоптрии. Это означало отнюдь не катастрофическое ухудшение зрения. Для возраста Гитлера (55 лет) такие показатели являются вполне обычными. Поэтому встречающиеся порой утверждения, будто Гитлер в последние годы жизни почти ничего не видел, являются поэтическим преувеличением.

Покушение 20 июля 1944 года самым негативным образом повлияло на здоровье Гитлера, хотя видимые повреждения были довольно незначительными. В кожу впились множество заноз от дубового стола, который спас жизнь Гитлеру при взрыве бомбы Штауффенберга. Только из кожи ног их извлекли более ста. На лице было несколько легких порезов, от которых на лбу остался шрам. Несколько кровоподтеков появилось на руках. Правая рука была вывихнута, но ее без труда вправили. Волосы на затылке были опалены. Хотя были повреждены обе барабанные перепонки и на время Гитлер оглох на правое ухо, вскоре слух восстановился. Гитлер также получил легкую контузию, в результате которой появилась дрожь во всей левой половине тела. Как следствие контузии, Гитлера мучили головные боли.

В сентябре 1944 года ко всем напастям фюрера добавилась желтуха. А 17 сентября Гитлер слег с сердечным приступом. Сказалась катастрофа на Западном фронте у Фалеза и на Восточном фронте — в Белоруссии и Румынии. 24 сентября Гитлеру сделали электрокардиограмму. Она зафиксировала коронарные изменения в коронарных сосудах, нарушенную нервную проводимость и гипертрофию левого желудочка. Но инфаркта ЭКГ не зафиксировала. Изучив электрокардиограмму, директор Института исследования сердца в Бад-Наухейме профессор Карл Вебер посоветовал фюреру больше беречь себя. Но наверное, уже догадывался, что беречь себя Гитлеру придется не слишком долго.

Осенью 1944 года в довершение всех недугов Гитлер перенес гайморит и операцию по удалению полипов в носовой полости, которую сделал профессор фон Айкен.

У Гитлера были очень плохие зубы. К 56 годам отпущенной ему земной жизни у фюрера из 17 зубов верхней челюсти 9 были золотыми или фарфоровыми, в том числе все резцы, оба клыка и три коренных зуба. Они были соединены золотым мостом, который крепился ко вторым резцам слева и справа. На нижней челюсти фюрера из 15 зубов 9 были искусственными. Позднее все эти данные были использованы при опознании сильно обгоревшего трупа.

С 28 по 30 сентября 1944 года у Гитлера были сильные спазмы желудка, и он потерял в весе три килограмма. 1 октября фюрера обследовал Эрвин Гизинг. Во время осмотра с Гитлером случился короткий обморок. Вскоре после окончания войны Гизинг вспоминал, как проходил осмотр: «Гитлер откинул одеяло и задрал ночную рубашку, чтобы я мог осмотреть тело... У него был слегка вздутый живот. При аускультации был явно заметен метеоризм (скопление газов в кишечнике). Болевых ощущений в животе при нажатии пальцем не было. Не было боли и в правой половине верхней части брюшины и в области желчного пузыря. С помощью иглы я проверил рефлексы диафрагмы... которые показались мне очень отчетливо выраженными. Затем я попросил у Гитлера разрешение провести контрольное неврологическое обследование... Он согласился. Я снова накрыл живот рубашкой и откинул одеяло с ног... Аномалий половых органов я не заметил. Рефлексы Бабинского, Гордона, Россолимо и Оппенгейма — отрицательные. Тест Ромберга я не проводил, так как больной лежал в постели... исходя из прежних данных, он, вероятно, также дал бы отрицательный результат. Потом я попросил Гитлера снять рубашку, что он и сделал с помощью моей и камердинера Линге. Мне бросилось в глаза, что кожа тела была белого цвета и очень сухая. Даже под мышками не было никаких следов потообразования. Рефлексы трицепса и предплечья были с обеих сторон хорошо выражены, спастические рефлексы верхних конечностей (Лери, Мейера и Вартенберга) — отрицательные. Адиадохокинез не наблюдался. Отсутствовали также прочие симптомы мозжечка. При проверке лицевого рефлекса путем постукивания по околоушной железе возникали легкие сокращения, как при феномене Хвостеке. Рефлексы Кернига и Лазега были безусловно негативными,

никаких признаков закрепощения шеи. Голова свободно поворачивалась во всех направлениях. В мускулатуре плеча наблюдалась некоторая ригидность при быстрых движениях, сгибаниях и разгибаниях руки... Гитлер следил за этим неврологическим обследованием с большим интересом и затем скачал мне: «Если не считать излишней нервной возбудимости, то у меня совершенно здоровая нервная система, и я надеюсь, что скоро все пройдет. Спазмы кишечника уже стали меньше. Морелю вчера и позавчера с помощью клизмы из ромашки удалось вызвать стул, а после вас он сделает мне еще одну клизму... Мне в последние три дня почти не хотелось есть, так что кишечник у меня сейчас практически пустой». Линге и я помогли Гитлеру надеть ночную рубашку. Потом Гитлер сказал: «Давайте за разговорами не забывать о лечении. Взгляните еще раз на мой мое и давайте это кокаиновое зелье. Гортань у меня уже стала лучше, но я все еще хриплю». Затем он лег, и я обработал 10-процентным раствором кокаина левую ноздрю. После этого я еще раз осмотрел уши и горло. Спустя несколько секунд Гитлер сказал: «У меня теперь голова такая ясная и я чувствую себя так хорошо, что скоро уже смогу встать. Я просто ослабел от спазмов в кишечнике и оттого, что мало ем». Еще через несколько секунд я заметил, что Гитлер закрыл глаза и порозовевшая перед этим кожа лица вновь стала бледной. Я взял его за руку, чтобы пощупать пульс, который был учащенным, слабого наполнения. Частота пульса составляла примерно 90, но он был, как мне показалось, значительно слабее обычного. Я спросил Гитлера, как он себя чувствует, но не получил ответа. Очевидно, наступил легкий обморок, и Гитлер меня не слышал. Линге направился к двери маленькой комнаты и начал стучать в нее... Должно быть, я оставался наедине с Гитлером всего несколько секунд, потому что, когда Линге вернулся, я все еще обрабатывал кокаином левую ноздрю... Вернувшись, Линге встал у торца кровати и спросил, долго ли мне еще осталось. Очнувшись от своих мыслей, я сказал: «Сейчас закончу». В этот момент лицо Гитлера стало еще бледнее, у него появились легкие судорожные сокращения лицевых мышц, и он подтянул обе ноги. Когда Линге увидел это, он сказал: «У фюрера опять спазм кишечника, оставьте его в покое. Сейчас ему надо спать». Затем мы тихонько собрали инструменты и быстро вышли из спальни Гитлера.

Еще несколько дней Гитлер был очень слаб. Гизинг и министр здравоохранения Карл Брандт, прежде являвшийся личным врачом фюрера, сочли, что все дело в антигазовых пилюлях, прописанных Морелем. Однако Гитлер делает выбор в пользу Мореля. После 7 октября Гизинга больше не вызывали к фюреру, равно как и Брандта. Вместо них Гитлер берет в помощь Морелю молодого хирурга-ортопеда Людвиг Штумпфеггера, убежденного нациста. Он прибыл в «Вольфшанце» 31 октября 1944 года. Вскоре Гитлеру стало лучше. Сыграли ли здесь свою роль методы лечения, предложенные новым доктором, или главным было то, что к тому времени положение на фронтах стабилизировалось, а Гитлер загорелся идеей генерального наступления в Арденнах? Боюсь, что военно-политические, а не чисто медицинские обстоятельства определили ход болезни Гитлера. 20 ноября 1944 года он навсегда покинул свою восточнопрусскую ставку и переехал в Берлин, где стал работать над планом Арденнской операции. А 10 декабря он переехал в ставку «Адлерхорст», чтобы непосредственно руководить наступлением. Впрочем, как признает В. Мазер, даже в состоянии тяжелой болезни Гитлер «слишком недоверчив и не выпускает ситуации из-под контроля. Он пристально смотрит за тем, чтобы на фронтах ничего не происходило без его ведома и тем более против его воли».

Есть еще довольно убедительные свидетельства, что хлопоты, связанные с подготовкой наступления, и первые успехи германских войск в Арденнах благотворно сказались на состоянии здоровья Гитлера. Доктор фон Айкен,

встретивший Гитлера в «Адлерхорсте» 30 декабря 1944 года, поразился перемене, происшедшей с ним. Его состояние нельзя было сравнить с тем, что было месяцем раньше: теперь Гитлер говорит вполне нормально, он выглядит полным сил и уверенным в себе человеком. Правда, ему с трудом удается держаться прямо из-за проблем с позвоночником. Лицо у фюрера сероватого оттенка. Когда он хочет сесть, то не может сам, без посторонней помощи, придвинуть стул. Походка у него шаркающая, а яркий свет режет глаза. Но дух его в тот момент пребывал на подъеме, хотя и продолжался этот прилив бодрости очень недолго.

Конечная неудача арденнского наступления и прорыв Красной Армией немецкого фронта на Висле привели Гитлера к душевному упадку. Доктор Гизинг увидел Гитлера в середине февраля 1945 года (а они не виделись с октября 1944-го) и так передал свои впечатления: «Он показался мне постаревшим и еще более сутулым, чем прежде. Лицо у него было неизменно бледным, а под глазами были большие мешки. Речь у него была хотя и ясной, но очень тихой. Мне сразу же бросилась в глаза сильная дрожь левой руки, которая сразу же усиливалась, если рука не имела опоры. Поэтому Гитлер все время клал руку на стол или опирался ею на скамейку... У меня сложилось впечатление, что он был рассеян и не мог сосредоточиться. У него был абсолютно изможденный и отсутствующий вид. Руки у него были тоже очень бледными, с синевой под ногтями».

Молодой офицер Генштаба ротмистр Герхард Больдт, впервые попавший на совещание у фюрера в начале февраля 1945 года, был поражен его видом: «Сильно согнувшись и шаркая ногами, он идет мне навстречу. Он протягивает мне руку и смотрит на меня необычным, пронизывающим взглядом. Его рукопожатие вяло и слабо, в нем не чувствуется силы. У него слегка трясется голова. Это стало заметнее для меня позднее, когда у меня было больше возможностей наблюдать за ним. Левая рука его висит как плеть, она сильно дрожит. Глаза его сверкают не поддающимся описанию огнем, взгляд почти страшен, неестественен. Лицо и мешки под глазами свидетельствуют о полном изнеможении. Он передвигается как старик. Это не тот излучающий энергию Гитлер, каким его знал германский народ в прежние годы и каким все еще изображает его Геббельс в своей пропаганде. Медленно волоча ноги, он в сопровождении Бормана подходит к письменному столу и садится перед картами Генштаба...»

Также другой офицер Генштаба, пожелавший остаться анонимным, вспоминал, как впервые после шестилетнего перерыва увидел Гитлера на совещании в бункере рейхсканцелярии 25 марта 1945 года и был просто потрясен происшедшими в нем переменами: «Я до этого только дважды мельком видел Гитлера: во время торжественной церемонии у памятника павшим в 1937 году и на параде по случаю его дня рождения в 1939 году. Тогдашнего Гитлера невозможно было даже сравнить с той развалиной, которой меня представили 25 марта 1945 года и которая устало протянула мне слабую, дрожащую руку... Его физическое состояние было ужасным. Он лишь медленно и с трудом смог пройти из жилых комнат бункера в зал заседаний, наклонив вперед верхнюю часть туловища и волоча ноги. Он постоянно терял равновесие. Если ему приходилось останавливаться на этом коротком пути в 20—30 метров, то он вынужден был либо садиться на одну из скамеек, которые были специально поставлены вдоль стен, либо держаться за своего собеседника... Глаза были налиты кровью... Из уголков рта постоянно капала слюна. Это была ужасающая и жалкая картина... В духовном отношении Гитлер был по сравнению с физическим состоянием значительно свежее. Правда, порой у него была заметна усталость, но он все еще часто демонстрировал свою достойную удивления память... Из множества сообщений, которые поступали к нему из самых разных источников и зачастую противоречили друг другу, он отбирал

самое существенное, каким-то чутьем распознавал грозящие опасности и реагировал на них».

Точно так же Э. Кемпка вспоминал, как сразу после переезда в Берлин 16 января 1945 года он увидел Гитлера после короткого перерыва, вызванного поездкой в Оберхаузен на похороны отца: «Прежде чем Адольф Гитлер удалился на отдых, его ординарец позвал меня к нему. Меня тронуло, что он, несмотря на свои собственные, гораздо более серьезные заботы, начал подробно расспрашивать об обстоятельствах внезапной смерти моего отца. Он выслушал все подробности, потом протянул мне обе руки и сказал, что разделяет мое горе. В тот раз я впервые заметил, что война не прошла для него бесследно и что он стал стариком».

Таким образом, признаки одряхления у Гитлера стали проявляться только во второй половине января 1945 года. Вероятно, это было связано с крахом последних надежд на сколько-нибудь удовлетворительный исход войны после неудачи в Арденнах и советского прорыва на Висле.

Показательно, что и Кемпка, и другие лица из гитлеровской обслуги, будь то шоферы, секретарши, камердинеры, стенографистки, оставили о фюрере самые добрые воспоминания. Следовательно, Гитлер отнюдь не воспринимался как зверь в человеческом облике и умел производить на окружающих самое благоприятное впечатление. К тому же обслуге льстила близость к великому человеку, о преступлениях которого они узнали только после войны.

До сих пор остается невыясненным вопрос, была ли у Гитлера болезнь Паркинсона или только синдром Паркинсона, связанный с дрожанием левой половины тела. О болезни Паркинсона, в частности, пишет в своих в общем-то малодостоверных мемуарах Вальтер Шелленберг. Морель же не считал, что его пациент страдает болезнью Паркинсона.

Как отмечает немецкий историк Иоахим Фест, «вследствие ситуации с источниками неразрешим вопрос, страдал ли Гитлер болезнью Паркинсона (Paralysis agitans), или дрожь в левой руке, сутулость и нарушение координации движений [были вызваны] психогенными причинами». На мой взгляд, принимая во внимание ход исторических событий и мнение наиболее компетентного в этом вопросе свидетеля — доктора Мореля, фюрер никогда не лечился от болезни Паркинсона. Доктор Морель составил полный список из трех десятков медикаментов, которые принимал Гитлер, и среди них нет лекарств от этой болезни. Все болезненные симптомы в организме Гитлера возникали как следствие расшатанной нервной системы, на которой начиная с 1943 года самым негативным образом отражался ход боевых действий.

В целом беспристрастное изучение медицинских источников о жизни Гитлера дает представление о том, что под конец жизни фюрер отнюдь не был пышущим здоровьем человеком, но сохранял здравый ум и твердую память. Он сильно постарел и выглядел лет на 10—15 старше своего паспортного возраста. Как показал после войны Карл Брандт, в период войны Гитлер «ежегодно старел не на год, а на четыре-пять лет». Брандт объяснял это следствием неправильных методов лечения, применявшихся «шарлатаном Морелем», но куда логичнее объяснить это естественными причинами, связанными с негативными изменениями состояния нервной системы Гитлера. Морель был опытным и квалифицированным врачом, иначе он бы не пользовался популярностью у берлинской элиты. Ведь никто не стал бы рисковать своим здоровьем, чтобы просто следовать моде и хвалиться тем, что лечится у врача, пользующего самого фюрера. Тем более что популярность пришла к Морелю еще до того, как он стал гитлеровским лейб-медиком.

Вот как, например, оценивал доктора Теодора Мореля тот же Э. Кемпка, в данном случае — свидетель беспристрастный: «Не мне судить о его врачебном искусстве. Однако как личный врач фюрера он достиг известного искусства в

лечения, вследствие чего его влияние было очень велико». Он вспоминает характерный эпизод во время предвыборной поездки Гитлера по Австрии вскоре после ее аншлюса: «В Инсбруке... после собрания люди не давали Адольфу Гитлеру покоя. Вечер был сырой и туманный, а моему шефу приходилось все снова и снова выходить из теплой комнаты на продуваемый балкон. В тот же вечер стало ясно: сквозняк сделал свое дело — Гитлер простудился. Сопровождавший нас врач, доктор Брандт, после основательного осмотра сказал:

— Мой фюрер, для вас избирательная кампания закончена. Завтра вы совершенно охрипнете и не сможете произнести ни одного слова.

Шефа это чрезвычайно взволновало.

— Это невозможно. Я не могу в разгар избирательной кампании ехать домой. Невозможно, Брандт!

Морель узнал о внезапном заболевании и явился к Гитлеру. Он попросил разрешения осмотреть горло и затем заявил:

— Если вы, фюрер, выполните мое предписание, то завтра будете здоровы.

Шеф должен был немедленно лечь в постель. Морель сделал ему витаминное впрыскивание, а затем заставил его всю ночь делать ингаляцию с помощью аппарата, доставленного из аптеки. Кроме того, постоянно делались горячие компрессы. На следующее утро простуда была ликвидирована, и вечером Гитлер снова мог говорить.

Возвратясь в Берлин, шеф предложил Морелю поступить к нему на службу в качестве терапевта. Морель согласился и передал частную практику в Берлине своему заместителю. Отныне он принадлежал к самому близкому окружению шефа и участвовал вместе с нами почти во всех поездках.

Без сомнения, как врач Морель был приветлив и предупредителен. В любое время он был готов оказать помощь. Он не делал никаких исключений, и ему было совершенно безразлично, приходится лечить офицера или рядового.

Постепенно он приобрел большой круг друзей среди людей, занимавших средние и низшие должности. К людям, занимавшим более высокое положение, он не находил правильного подхода. Он считал себя врачом, и только врачом, и не вступал с ними ни в какие светские отношения...

Большого успеха добился Морель в лечении витаминами. Он предписывал витаминные впрыскивания и витамины в таблетках. Почти все препараты изготавливались в его собственной лаборатории в Гамбурге».

Кемпка также рассказывает о случае, когда Морель за 8 дней вылечил гитлеровского ординарца Карла Краузе от двустороннего воспаления легких. И столь же быстро поставил на ноги после той же болезни поклонницу фюрера леди Митфорд, к которой ревновала Гитлера Ева Браун.

И еще Кемпка поведал, как именно случился известный инцидент, в результате которого поползли слухи, что профессор Морель сознательно травит фюрера разными сомнительными препаратами: «Когда я был интернирован, я часто встречал доктора Мореля в различных лагерях. Беседовал с ним по поводу причин его преследования. Пресса, радио и врачи выдвигали против него тяжелые обвинения.

Он был подавлен и все время заявлял, что никогда не давал излишне больших доз медикаментов, а старался лишь укрепить силы шефа посредством витаминных препаратов и глюкозы. А так как Гитлер питался однообразной пищей, то невозможно было избежать приема этих лекарств. И Гитлер это ценил (позднее историки и врачи, исследовав медицинские документы Гитлера, пришли к выводу, что Морель был полностью прав и иногда, наоборот, назначал даже слишком осторожные дозы сильнодействующих средств. — Б. С.).

На мой вопрос, как могли появиться слухи, что он, Морель, по поручению одной иностранной державы систематически отравлял шефа в процессе лечения, Морель рассказал мне об истинных обстоятельствах дела:

«Вследствие покушения 20 июля 1944 г. у шефа заболели уши. Поэтому к нему был приглашен специалист по ушным болезням, военный врач.

Консультации всегда проходили в спальне Гитлера. Однажды этот врач... из любопытства поинтересовался лежащими на столе предметами. Среди них он заметил коробочку с надписью «Таблетки-антигаз». Внизу было написано, что надо принимать 3—4 таблетки в день перед едой.

Эти таблетки содержат стрихнин. Кто дал Гитлеру это лекарство, я не знаю и сегодня. Он принимал их задолго до того, как я начал его лечить. На мой вопрос он ответил, что принимает их очень нерегулярно и только тогда, когда страдает от особенно тяжелых болей в желудке. Против этого я ничего не мог возразить.

Ушной врач взял несколько таблеток с собой и отдал в лабораторию. Разумеется, в них нашли стрихнин. Военный врач проинформировал профессора Брандта, имперского министра здравоохранения и бывшего личного врача Гитлера, как раз в это время посетившего ставку.

Профессор Брандт завидовал мне и поэтому находился со мной в напряженных отношениях. Он решил, что теперь нашел средство свергнуть меня. И немедленно позвонил дежурному ординарцу Арндту:

— Скажите, Арндт, лежат ли в спальне фюрера «Таблетки-антигаз»? Сколько он их принимает в день?

Арндт ответил:

— Бывает по-разному. Это зависит от того, испытывает ли он боли или нет.

Брандт не удовлетворился ответом:

— Черт бы вас побрал, я хочу знать, сколько таблеток в день он принимает!

Арндт испугался:

— Случается, что по двадцать штук.

— Итак, двадцать штук, Арндт!

Прежде чем ординарец смог что-нибудь разъяснить, Брандт повесил трубку.

Так Брандт пришел к ложному выводу. На самом деле Гитлер в нормальном состоянии никогда не принимал этих таблеток — они лежали наготове на случай желудочного расстройства.

Немедленно после разговора с Арндтом Брандт вызвал ушного врача и дежурного хирурга, доктора фон Хассельбаха. Не будучи терапевтами, эти господа подсчитали, что при приеме 20 таблеток в день в организм вводится столько-то стрихнина. И они подсчитают, какое громадное количество стрихнина должен был принять Гитлер со дня моего вступления в должность личного врача в 1938 г. Так как стрихнин, как известно, не выводится из организма, а накапливается в нем, эти три специалиста решили, будто я сознательно и систематически отравлял Гитлера, хотел сделать его ненормальным.

Брандт немедленно сообщил об этом «открытии» рейхсфюреру СС (сам Брандт был группенфюрером СС. — Б. С.). Гиммлер тотчас прибыл в ставку фюрера, чтобы лично произвести расследование.

В этот день у входа в столовую, куда я шел обедать, меня остановил доктор Брандт:

— Послушайте, Морель, вы лечите фюрера уже несколько лет! Знаете ли вы вообще, чем он болен?

— Конечно знаю, — ответил я. — Гитлер здоров, если не считать того, что у него иногда происходят болезненные вздутия живота. Кроме того, он страдает от недостатка витаминов, который я ему компенсирую, вводя в организм витамины и глюкозу.

— Нет, господин Морель, вы ошибаетесь! — резко возразил Брандт. — Вы в течение ряда лет своего лечения систематически отравляли фюрера. Тщательное расследование установит, что случилось с фюрером.

Такого я не ожидал. Глубоко потрясенный и подавленный, я поспешил к Гитлеру и рассказал ему о происшедшем. Шеф успокоил меня и сказал, что он будет принимать то лекарство, какое захочет.

Когда я уходил из бункера фюрера, мне встретился Гиммлер. Полный злости, он прошипел:

— Слушайте, если вы думаете, что вам удастся отравить фюрера, то вы глубоко заблуждаетесь! Поймите раз и навсегда: я прикажу немедленно повесить вас!

Я подумал, что наступил мой последний час. Но в этот момент подошел Гитлер, видимо слышавший слова Гиммлера, и сказал ему, что я единственный врач, который хорошо его лечит.

— А что касается таблеток, — добавил Гитлер, — то это мое личное дело. И вы, Гиммлер, не вмешивайтесь в дела, которые вас не касаются.

К тому времени уши фюрера были излечены, и ушному врачу пришлось покинуть ставку фюрера. Дежурный хирург доктор Хассельбах был отправлен на фронт. А профессор доктор Брандт получил от Гитлера распоряжение приезжать в ставку только тогда, когда прикажут».

Выходит, все обвинения Мореля в шарлатанстве и попытке отравить фюрера были продиктованы всего лишь конкурентной борьбой за престижную и, как думали многие в нацистской верхушке, влиятельную должность личного врача Гитлера. На самом деле Гитлер слушал Мореля, равно как и других докторов, только в медицинских, но отнюдь не в военных, политических или экономических вопросах. Здесь Гитлер всегда сам принимал решения.

Вторая же причина, побудившая противников Гитлера нападать на Мореля, заключалась в том, что они в пропагандистских целях демонизировали как фюрера, так и его личного врача, чтобы представить Гитлера как человека с разрушенной нервной системой и подверженного разнообразным мистическим влияниям. И точно так же многие бывшие нацисты и германские генералы оказались заинтересованы в демонизации Мореля, чтобы на его «пагубное влияние» списать главные неудачи Второй мировой войны.

И уж совсем несостоятельна попытка В. Мазера объяснить основные политические и стратегические решения фюрера его болезненным состоянием и приступами конкретных заболеваний. Нет, Гитлер до самого конца, до самых последних часов жизни контролировал германские вооруженные силы и управлял государством. Это доказывает хотя бы история с заменой Геринга на Грейма во главе люфтваффе, равно как и то, что приказы фюрера исполняли даже в день его самоубийства почти все военные и гражданские чины на территориях, которые в тот момент еще контролировал вермахт.

Еще важнее то, что практически все принятые Гитлером решения были по-своему логичны, и их в общем-то нельзя было назвать ошибочными в контексте той цели, которой следовал Гитлер. Порочна, ошибочна и принципиально недостижима была сама цель — мировое господство, да к тому же лишь для представителей высшей расы, предполагающее уничтожение «низших рас». Но необходимо помнить, что у Гитлера было немало великих предшественников, увлеченных химерой достижения «последнего моря». Достаточно назвать Александра Македонского, Чингисхана и Наполеона Бонапарта.

В целом же Гитлер, конечно, не отличался отменным здоровьем, особенно в последние три-четыре года своей жизни. Это было как следствием отравления газами в Первую мировую войну, так и нервными потрясениями 1942—1945 годов. И во Вторую мировую войну, безусловно, фюрер уже не смог бы сражаться в окопах и быть связным-велосипедистом. В то же время вплоть до последних

дней он сохранял ясность ума и способность принимать и выполнять военно-политические решения. Кроме того, он был в состоянии самостоятельно обслуживать себя в бытовом плане, хотя из-за сильнейших стрессов военных лет чрезвычайно быстро одряхлел и в 56 лет больше напоминал 70-летнего старика. Однако и в таком состоянии Гитлер сохранял способность вырабатывать и осуществлять по-своему рациональную стратегию и контролировать армию и государство.

Гитлер готовится к войне

Все действия Гитлера после прихода к власти были направлены на укрепление военно-экономической мощи Германии для начала борьбы за мировое господство, которая, как Гитлер прекрасно понимал, не может не закончиться новой мировой войной. Для военной мобилизации, по его убеждению, лучше всего годилась диктатура. Но отнюдь не только по этой причине он выбрал именно такой вид политического строя. Избранный народ, верил Гитлер, должен управляться одним вождем — фюрером — и не может позволить себе роскоши внутривластной борьбы, неизбежной при любой форме демократии. «Один народ, один фюрер, одна партия» — только там можно было достичь величия. И именно в этой политической системе фюрер никогда не мог ошибаться. А Гитлер всегда верил в собственную непогрешимость и высокую миссию. В книге «Моя борьба» он утверждал: «В ходе долгого пути развития человечества бывают случаи, когда в человеке возникает сочетание политических качеств и умения видеть на перспективу. Чем прочнее этот сплав, тем сильнее сопротивление, которое приходится преодолевать такому политику. Он работает не над потребностями, понятными каждому обывателю, а над целями, суть которых ясна лишь немногим. Поэтому его жизнь разрывается между любовью и ненавистью. Протест современников, не понимающих такого человека, борется с признанием потомков, ради которых он работает. Чем величественнее труд этого человека ради будущего, тем меньше его могут понять в настоящем...» А позднее, в 1930 году, в одном из выступлений настаивал: «Каждое существо стремится к экспансии, а каждый народ — к мировому господству. Лишь тот народ, у которого есть эта цель, находится на правильном пути».

Как отмечал В. Мазер, «с точки зрения Гитлера, «правильно» понятая политика предстает как беспощадная борьба за власть в рамках диктуемой законами природы борьбы за существование». А для этого требуется идеологическая монолитность народа. Как заявил Гитлер еще 19 марта 1934 года, «победа партии означает смену правительства, а победа мировоззрения — это революция, которая изменяет саму природу народа». Германский народ предстояло превратить в «расу господ», способную повелевать «низшими расами», и освободить всех немцев от химеры, именуемой совестью.

Гитлер допускал возможность выборов своего преемника после собственной смерти, но отнюдь не посредством всеобщих выборов, а высокопоставленными представителями элиты, наподобие конклава, избирающего римского папу: «Если со мной что-нибудь случится, то новый глава государства так же не должен быть избран всем народом, как папу не избирают все католики, а дожа венецианского не избирали все жители Венеции. Если основная масса народа участвует в выборах, то выборы превращаются в пропагандистскую шумиху.

Разумеется, пропаганда в поддержку тех или иных кандидатов вносит разлад в народ. Но если выборы проводятся в узком кругу — лучше всего было бы делать это в сенате — и возникнут разногласия, это не будет играть никакой роли. Нужно лишь не делать разногласия достоянием гласности. После выборов тот, кто набрал наибольшее число голосов, несмотря на все расхождения во мнениях до выборов, становится главой государства. Приведение к присяге новому главе государства вермахта, партии и чиновников в течение трех часов после выборов полностью обеспечит общественный порядок.

Я не питаю иллюзий, что в результате выборов во главе Рейха непременно станет выдающаяся личность, которой сама природа предназначила быть

вождем. Но в любом случае он должен быть подлинно незаурядным человеком, чтобы — до тех пор пока весь аппарат в полном порядке — можно было не опасаться за судьбу Рейха.

Традиционный германский принцип избрания императоров, собственно говоря, был бы идеальной формой организации верховной власти в Рейхе. К сожалению, он не дал результатов из-за того, что князья были наследственными владетелями своих феодалов. Поскольку Германия на протяжении нескольких столетий служила символом Европы и никакой опасный враг не угрожал ей извне, князья решили, что ради своих интересов могут позволить себе роскошь избирать императорами слабых и ничтожных людей и тем самым существенно ослабить верховную власть в Рейхе.

Поэтому национал-социализм зиждется на том, что ни одно гау, ни одна должность в государственном или партийном аппарате не может передаваться по наследству».

Вся жизнь в Германии после 1933 года была подчинена подготовке к войне. Гитлер неоднократно повторял, что строй Германии отныне — «это порядок в укрепленном лагере». Он призывал: «Во всех тех случаях, где дело идет о разрешении на первый взгляд невыполнимых задач, прежде всего нужно сосредоточить все внимание народа на этом одном вопросе, и сделать это с такой силой, как если бы от этого зависела вся судьба народа».

Сущность тоталитарного государства Гитлер определил в книге «Моя борьба» следующим образом: «Необходимо создать структуры, в которых будет проходить вся жизнь индивида. Любая деятельность и потребность каждого отдельного человека будет регулироваться партией, представляющей всю общность. Не будет больше никакой «самодетельности», не будет никаких свободных пространств, где индивидуум принадлежал бы сам себе... Время личного счастья кончилось». Этим он и занимался вплоть до 1945 года. И сделал так, что «время личного счастья» для немцев действительно кончилось не на годы, а на десятилетия.

4 сентября 1934 года Гитлер заявил на съезде национал-социалистической партии в Нюрнберге: «Немецкий порядок жизни бесспорно predetermined на тысячу лет». Существовать «тысячелетнему Рейху» оставалось 10 лет 8 месяцев и 4 дня.

Согласно широко распространенному мнению, тотальное огосударствление сначала политической, а затем общественной, культурной и экономической жизни привело к тому, что коррупция в Германии должна была существенно вырасти. По утверждению бывшего бургомистра Данцига Германа Раушнинга, пламенного сторонника Гитлера, позднее ставшего одним из самых его непримиримых врагов, в оправдание коррупции в нацистской верхушке после прихода к власти фюрер говорил: «Когда мы делаем Германию великой, у нас есть право подумать и о себе». Однако следует заметить, что книга Раушнинга, изданная в Лондоне в 1940 году, в разгар Второй мировой войны, — источник ненадежный. Ее автор вполне искренне ненавидел Гитлера и бывших соратников по НСДАП и в целях военной пропаганды вполне мог вложить в уста фюрера дискредитирующие нацистов слова, которые тот в действительности никогда не произносил. Подтвердить или опровергнуть сообщаемое Раушнингом не представляется возможным, поскольку на деликатные темы они беседовали с Гитлером (если беседовали) тет-а-тет.

Однако схожие довольно снисходительные сентенции о коррупции, которую фюрер вполне прагматически рассматривал как неизбежное зло, содержатся не только в мемуарах Раушнинга, но и во вполне аутентичных «Застольных разговорах» Гитлера. Так, 1 августа 1941 года он заявил в «Вольфшанце» (ставка вблизи Растенбурга в Восточной Пруссии): «От меня постоянно

требуют, чтобы я сказал похвальное слово бюрократии. Но я не могу этого сделать.

Разумеется, в нашем аппарате работают чистые, неподкупные чиновники, аккуратные и очень педантичные. Но аппарат слишком заорганизован, и штаты кое-где чрезмерно раздуты. И еще: никого не интересует конечный результат, никто не хочет получить под свое начало определенный участок работы и отвечать только за него, все зависят друг от друга... Они вечно цепляются за свои кресла. За исключением одного рода войск, сухопутных, у нас в вермахте больше самостоятельности и меньше казенщины, чем в гражданских учреждениях! И это при мизерных окладах военных.

А этот идефикс: законодательство может быть лишь единым для всей территории Рейха. А почему бы не разработать проект указа лишь для части Рейха? Но для них, бюрократов, единство Рейха осуществляется по принципу: лучше плохой закон, но для всей территории, чем хороший, но не для всей территории страны. Главное, чтобы руководство было в курсе деятельности аппарата и держало в своих руках все нити.

В вермахте высшая награда полагается тем, кто вопреки приказу, по собственному разумению, своими решительными действиями спас положение. В гражданском же аппарате любое нарушение предписаний может стоить головы всем без исключения. Поэтому чиновникам не хватает мужества взять на себя всю ответственность.

Радует лишь то, что под нашей властью (в ходе этой войны) постепенно оказался целый континент. И уже из-за разного положения солнца над разными его частями невозможно никакое «единообразие». Мы вынуждены управлять округами размерами от 300 до 500 километров, имея в распоряжении лишь небольшую кучку людей. Естественно, полиция вынуждена там свободно применять оружие. Люди партии сделают все как надо.

За науку приходится платить: злоупотребления неизбежны. Ну и пусть, если только мне через 10 лет доложат: «Данциг, Эльзас, Лотарингия онемечены, но при этом в Кольмаре выявлено 3 и 4, а там-то и там-то 5 и 10 случаев злоупотреблений». Мы готовы примириться с этим, лишь бы только не потерять провинции. Через 10 лет в нашем распоряжении окажется отборный человеческий материал, о котором мы будем знать: для этой цели мы возьмем того, для другой — другого, если для выполнения определенных новых задач потребуются испытанные мастера. Будет выведена новая порода людей, истинных повелителей по своей натуре...»

Как и большевики, нацисты возлагали надежды на создание нового человека. Только у первых он должен был беззаветно трудиться во имя построения коммунистического общества и счастья всех народов земли, а у вторых — во имя торжества германской расы и уничтожения расо-во неполноценных элементов. Поистине дьявольская разница! Общим было лишь то, что и советский, и германский «новый человек» должен быть начисто свободен от химеры, именуемой совестью, и исповедовать в одном случае классовую, а в другом — расовую мораль. Он должен быть готов терпеть любые лишения и муки за идею.

Трудно объективно судить о том, уменьшилась ли коррупция при Гитлере, громко поносившем продажность властей Веймарской республики. Хотя взятки брали и при Гитлере, и после него. Вспомним хотя бы относительно недавние коррупционные скандалы с первым канцлером объединенной Германии Гельмутом Колем, которого за вклад в восстановление германского единства порой сравнивали с Бисмарком. Что ж, прав был русский мыслитель белорусского происхождения Иван Со-лоневич: «Такого чиновничества, которое не крадет, нет и не было вообще нигде в мире». Антифашисты и пропаганда стран антигитлеровской коалиции пытались создать у общественности

впечатление, что нацистские вожди погрязли в коррупции. Действительно, роскошь, в которой жили Геринг, шеф Гитлерюгенда Бальдур фон Ширах и некоторые другие, бросалась в глаза. Однако вряд ли здесь можно усмотреть коррупцию. Щедрые подарки в виде имений и денежных субсидий они получали от Гитлера в награду за верную службу, а не от благодарных промышленников и финансистов за лоббирование их интересов.

Не существовало и равенства, которое декларировалось как одна из целей национал-социалистического государства. Высшие чиновники пользовались привилегиями, которые не снились не только рабочим, крестьянам и мелким клеркам в Рейхе, но и их высокопоставленным коллегам в демократической Англии или США и номенклатуре в сталинском Советском Союзе.

Думаю все же, что коррупция в Третьем Рейхе была на порядок ниже, чем в Веймарской республике. В условиях все более усиливавшегося при нацистах государственного контроля над всеми сферами жизни полученные в виде взяток или украденные из казны деньги было очень непросто куда-нибудь вложить.

Централизация власти воплотилась в фигуре фюрера, обладавшего полномочиями главы исполнительной власти, Верховного главнокомандующего вооруженными силами, а также прерогативами законодательной и судебной власти. 31 марта 1942 года Гитлер в своей ставке так обосновал преимущества титула «фюрер» (вождь) перед титулом «рейхсканцлер», одновременно сформулировав основные принципы организации власти в национал-социалистическом государстве: «В отличие от понятия «Рейх» понятие «рейхсканцлер» за многие столетия, к сожалению, исчерпало себя и — после того как исполин (князь Отто фон Бисмарк. — Б. С.) еще раз возвеличил его — из-за таких политических калек, как Вирт, Брюннинг и им подобные, окончательно перестало радовать слух. При авторитарной государственной системе, которую мы ныне сделали основой нашей политической жизни, оно также не нужно. Более того, было бы неправильно именовать так главу государства, поскольку это понятие исторически связано с представлением, что канцлер отвечает еще перед кем-то, кто является верховным правителем, неважно, называется он кайзером, президентом или как-то еще.

При нашей нынешней форме государственного устройства для наименования главы государства лучше всего подходит термин «вождь» («фюрер»). Помимо всего прочего, тем самым подчеркивается, что во главе государства находится избранный вождь германского народа... Словом «фюрер» нам нельзя бросаться, и оно одно должно иметь уникальное значение. Если главу территориальной группы НСДАП будут называть не «вождь», а «руководитель» (гаулейтер), то любой согласится, что это слово вполне соответствует сути этой должности...

Германский Рейх должен быть республикой. Фюрера следует избирать. Его необходимо наделить всей полнотой власти.

В качестве коллективного органа должно сохраниться народное представительство, которое обязано оказывать поддержку фюреру и имеет право в случае необходимости вмешиваться в государственные дела.

Выборы фюрера проводятся не этим народным представительством, а сенатом. Полномочия сената ограничены, и состав его не является постоянным. Его членство связано с занятием ряда высших должностей, а значит, иногда происходят замены. Члены сената благодаря своему воспитанию и жизненному опыту должны быть проникнуты сознанием того, что фюрером следует избрать не какую-нибудь слабую и ничтожную личность, но самого лучшего из них.

Выборы фюрера должны проводиться не на глазах всего народа, но за закрытыми дверями. Когда происходят выборы нового папы, народ тоже не

допускают за кулисы... Выборы фюрера должны зиждиться на том, что в течение всего процесса его избрания всякие дискуссии между выборщиками должны категорически пресекаться.

В течение трех часов с момента окончания выборов члены партии, военнослужащие и государственные чиновники должны быть приведены к присяге на верность новому фюреру.

Высшей заповедью для нового фюрера должно быть понимание необходимости четкого отделения законодательной власти от исполнительной. Подобно тому как СА и СС являются лишь мечом для проведения в жизнь политической линии партии, так и исполнительная власть должна не заниматься политикой, но проводить в жизнь разработанные законодательными органами политические директивы; если потребуется — мечом.

Пусть даже форма государственного устройства, основанная на таких принципах, и не продержится вечно, 200—300 лет она точно просуществует. Ибо она зиждется на разумных началах, в то время как в основе тысячелетней организации католической церкви лежит ложь и чушь».

Гитлер также полагал, что имперские гау должны иметь в своем распоряжении собственность, чтобы иметь возможность удовлетворять «культурные запросы населения» и не зависеть от милости берлинских чиновников. В «Застольных разговорах» он подчеркивал, что не стоит опасаться сепаратизма гаулейтеров, даже если в их распоряжении окажется значительная собственность. Ведь «в Рейхе, который с магнетической силой притягивает к себе даже сопредельные страны и рядом с которым не смогли отстоять свою независимость Голландия, Бельгия и т. д., в отдельных имперских гау практически исключено появление каких-либо тенденций к отделению. Кроме того, у Рейха есть вермахт, полиция, имперская почта, имперские железные дороги, партия со всеми ее структурными подразделениями и формированиями, единая экономика, валюта, финансы, которые все теснее сплачивают Рейх в единое целое. И гаулейтеру, который решился бы отделиться, место — в сумасшедшем доме. Гаулейтеры не могут превратиться в имперских князей, поскольку их в любой момент можно снять или переместить с должности. Ни одна должность в партии и государстве не должна передаваться по наследству».

В то же время фюрер верил, что, «только предоставив гаулейтерам и имперским наместникам возможности для самостоятельных действий, можно выявить среди них таланты. Иначе они превратятся в тупых бюрократов. Только разрешив региональным руководителям принимать решения под свою ответственность, можно воспитать людей, не боящихся брать ответственность на себя, а значит, иметь под рукой достаточный запас умных голов, способных руководить...

Нет ничего более вредного для системы управления Рейха, чем чрезмерное ограничение самоуправления. А именно к такому ограничению всегда стремятся юристы... Нужно предоставить органам самоуправления самое широкое пространство для деятельности, но одновременно иметь гарантию дисциплинированного выполнения поступивших сверху директив. Если вышестоящая инстанция считает своим долгом вмешаться, все должно быть подчинено ее воле. Все распоряжения, отданные от ее имени, должны быть беспрекословно выполнены».

Практически в данном случае под «самоуправлением» подразумевались самостоятельные действия партийного руководства на местах, призванного выполнить директивы вышестоящих партийных инстанций, не считаясь с формальными законодательными ограничениями компетенции местных органов власти. К этому привело фактическое слияние государственных и партийных органов на уровне гау и ниже. То же самое на десятилетие раньше произошло в

Советском Союзе. Фактически в обеих империях руководители всех уровней опасались не суда, а прежде всего ответственности по партийной линии, которая одна могла дисциплинировать их в отсутствие правового государства и независимой судебной власти. А кара партии могла быть разнообразна: от выговора до смертной казни. Правда, стоит отметить, что в Германии при Гитлере ни один гаулейтер не был казнен.

Частью государства стали и профсоюзы. Гитлер утверждал: «Национал-социалистические профсоюзы не должны быть органами классовой борьбы, а лишь органами профессионального представительства. Национал-социалистическое государство не знает «классов». Оно в политическом отношении знает только граждан, пользующихся совершенно одинаковыми правами и несущих одинаковые обязанности, а рядом с ними — подданных государства, которые никакими правами не пользуются (к последним Гитлер относил лиц «неарийского происхождения, прежде всего евреев. — Б. С.)...

Труженики национал-социалисты должны быть уверены в том, что процветание национального хозяйства обеспечивает и их собственное материальное благосостояние.

Работодатели национал-социалисты должны быть уверены в том, что счастье и довольство их рабочих являются предпосылкой дальнейшего процветания их собственных предприятий.

И рабочие национал-социалисты, и работодатели национал-социалисты одинаково являются только слугами общества и выполняют его поручения».

Цель профсоюзов в национал-социалистическом государстве Гитлер видел в том, чтобы обеспечивать «общую работу всех и каждого во благо народа и государства в соответствии с природными способностями и тем развитием, которое дало этим способностям и силам общество». Соответственно социал-демократические и иные независимые от государства профсоюзы были ликвидированы.

В связи с этим Гитлер провозглашал: «Свободные профсоюзы стали одним из ужаснейших орудий террора против независимости и прочности национального хозяйства, незыблемости государства и свободы личности». При этом социал-демократическую идею он непосредственно связывал с мировым еврейством: «Только знакомство с еврейством дает в руки ключ к пониманию внутренних, т. е. действительных намерений социал-демократии. Только когда познакомишься с этим народом, у тебя раскрываются глаза на подлинные цели этой партии, и из тумана неясных социальных фраз отчетливо вырисовывается оскалившаяся маска марксизма». . Национал-социалисты, в свою очередь, дабы обеспечить у масс популярность национально-расовой идеи, после прихода к власти осуществили ряд социальных преобразований, за которые прежде ратовала социал-демократия. Все социальные гарантии предоставлялись от имени фюрера и партии. Была ликвидирована безработица за счет организации массовых общественных работ и наращивания производства в связи с начавшейся ремилитаризацией страны. Одновременно был оставлен лишь один гигантский профсоюз — Германский трудовой фронт.

С самого начала своего правления Гитлер и НСДАП одним из основных инструментов управления выбрали неприкрытое насилие. Все недовольные новым режимом сразу же были репрессированы, изгнаны из страны или загнаны в глубокое подполье. Террор был провозглашен законным способом ведения государственной политики. Для того чтобы ринуться в борьбу за мировое господство, прежде надо было «зачистить» всех недовольных внутри страны. Так, 7 июня 1942 года Гитлер в своей ставке с удовлетворением отмечал: «Я распорядился составить списки всех известных изменников, чтобы, после того как национал-социалистическое движение придет к власти, эти элементы не ушли от справедливого наказания. И если мы в 1933 году

избавились от большинства этого отребья без прямого нашего вмешательства, то это объясняется тем, что не менее 65 тысяч наших граждан эмигрировали сразу же после прихода национал-социалистов к власти. Так и не установлено, насколько у каждого из них рыльце в пушку. Но несомненно, что большинство из них собственная нечистая совесть побудила бежать за границу; затем, правда, многие одумались и выразили желание вернуться в Германию. Но притоку в огромном количестве нежелательных элементов мы воспрепятствовали, объявив, что каждый возвращающийся будет помещен в концлагерь и любой, кого уличат в каких-либо преступлениях, будет расстрелян. Так за пределами Рейха остались тысячи асоциальных элементов, которых в противном случае было бы трудно поймать или изобличить в преступлении. Остальным же Гейдрих со своей службой безопасности сломал хребет — заслуга, которую уже потому следует высоко оценить, что судебные органы оказались не в состоянии справиться с этой задачей.

Судьи своим подходом к рассмотрению дел по обвинению в государственной измене часто доводили меня до бешенства. Так, они однажды вознамерились было помиловать предателя, поскольку он «первым делом» занимался контрабандой, и потому его следует в первую очередь считать контрабандистом и соответствующим образом наказать. Лишь с огромным трудом удалось убедить министра юстиции доктора Гюртнера в необходимости быть жестокими и безжалостными по отношению к государственным изменникам...

Я заявил Гюртнеру, что твердо решил в случае, если обычный суд вынесет слишком мягкий приговор, отдать приказ подразделению СС забрать изменника из тюрьмы и расстрелять... Каждый государственный изменник должен быть казнен, невзирая на размер причиненного им ущерба.

Приговоры, выносимые созданным в 1938 году Народным трибуналом (в чью подсудность входили политические преступления, в том числе и измена родине. — Б. С.), сперва тоже были не столь суровыми, как мне бы хотелось. Даже приспособить законодательство к четко выраженным интересам государства оказалось совсем не так просто, поскольку многие юристы из числа членов правительства с большим трудом соглашались признать государственную измену идеологическим преступлением.

Я постоянно вынужден был указывать на то, что не бывает государственной измены, совершаемой по идейным соображениям. Если и есть преступление, подпадающее под категорию государственной измены и в определенной степени объясняющееся идейными мотивами, то это отказ нести службу из-за религиозных убеждений. Этим элементам, не желающим воевать из-за религиозных убеждений, нужно прямо заявить, что они, очевидно, хотят есть добытое другими, но это недопустимо по соображениям высшей справедливости, и поэтому их будут морить голодом. И если это не было исполнено и так называемые толкователи Библии (свидетели Иеговы. — Б. С.), общим числом 130 человек, были просто расстреляны, то этим они обязаны моему мягкосердечию. Впрочем, расстрел этих ста тридцати, подобно грозе, очистил атмосферу. У тысяч их единомышленников при сообщении о расстреле пропало всякое желание со ссылкой на какие-то места из Библии пытаться уклониться от военной службы.

Тот, кто хочет успешно вести войну и вообще помочь своему народу пережить тяжелые времена, не должен сомневаться в том, что в эти времена каждый, кто активными действиями или в душе отторгает себя от народного сообщества, будет этим сообществом ликвидирован.

Тот, кто во имя гуманизма отходит от этого четкого принципа, не сможет предотвратить распад государства, начало которого мы в настоящее время можем наблюдать в такой стране, как Швеция».

Террор против оппозиции внутри страны рассматривался Гитлером как способ подготовки и ведения войны. Частью террора также стал провозглашенный фюрером принцип коллективной ответственности за политические преступления. По этому поводу 1 июля 1942 года он заявил: «На те семьи, которые играют особенно значительную роль в политической жизни, распространяется принцип коллективной ответственности. И если выходец из такой семьи использует свое политическое влияние во вред, то вполне естественно, что кара должна также пасть и на головы всех остальных членов этой семьи. В конце концов, что мешало им заблаговременно отмежеваться от этого подрывного элемента?» В годы Второй мировой войны этот принцип широко применялся на оккупированных территориях в виде казней заложников и репрессий против семей тех, кто боролся с оккупантами. В самой же Германии «коллективную ответственность» начали применять по отношению к членам семей участников заговора 20 июля 1944 года, а также в самые последние месяцы войны против родственников дезертиров.

В «Застольных разговорах» 1942 года фюрер похвалялся: «Если я сумел назначить на большинство руководящих постов людей, успешно выполняющих поставленные перед ними задачи, то это не в последнюю очередь объясняется тем, что они заняли эти посты не потому, что получили юридическое образование, а потому, что прошли школу жизни и достойно выдержали ее испытания».

Юристы в национал-социалистическом государстве вообще были на вторых ролях, ибо право при Гитлере «отдыхало». Единственного юриста из своего ближайшего окружения, начальника личной канцелярии рейхсканцлера статс-секретаря Ганса Генриха Ламмерса, фюрер характеризовал как человека, который «знает, что он здесь для того, чтобы изыскать правовое обоснование для нужд государства, и не путает юридические абстракции с реальной жизнью. Несмотря на свое юридическое образование, Ламмерс сохранил в себе здравый смысл», т. е. ловко приспособливает существующие законы под нужды национал-социалистической доктрины. В апреле 1942 года фюрер получил от рейхстага неограниченные полномочия «Верховного судьи», и судебная система Рейха стала чисто формальным институтом. А 20 августа 1942 года в своей ставке в Виннице (объект «Вервольф») Гитлер издал указ «Об особых полномочиях министерства юстиции», окончательно превративший в фикцию все правовые нормы как в Рейхе, так и на оккупированных территориях. Там, в частности, говорилось: «Для выполнения задач Великогерманского Рейха необходимо твердое правосудие. Сим я даю полномочия министру юстиции и поручаю ему, согласно моим указаниям и во взаимодействии с шефом рейхсканцелярии и с руководителем партийной канцелярии, систему национал-социалистического судопроизводства и провести все необходимые для этого мероприятия. При этом ему разрешается отходить от норм существующего права».

Гитлер был убежден, что строение тоталитарного государства подобно биологическому организму, в основе существования которого заложены законы природы. Поэтому, подобно всем живым организмам, государственный аппарат должен обновляться. В «Застольных разговорах» он утверждал: «Нет никакого сомнения в том, что через какое-то время любая организация или учреждение стареет. По мере продвижения по бурным рельсам обыденной жизни все становится неразумным, ломается, образуются шлаки, ржавчина и т. д.» С точки зрения фюрера, национал-социалистическая революция призвана была влить молодую кровь в государственный организм Германии.

На партийном съезде в сентябре 1934 года, когда была подавлена всякая оппозиция Гитлеру как в Германии, так и в НСДАП, Рудольф Гесс провозгласил: «Мы видим, как благодаря фюреру возрождается вермахт. Величие будущего —

только оно позволит оценить величие фюрера. Фюрер — это Германия! Его приговор — приговор нации. Германия — это дом для немцев всего мира».

Теперь можно было приступить к осуществлению ближайших внешнеполитических целей. Они сводились к прекращению репарационных выплат, признания военного равенства Германии с другими великими державами, ремилитаризации Рейнской области и воссоединения Саара с Рейхом. Все эти цели, провозглашенные в программе НСДАП, были достигнуты уже в 1936 году без какого-либо серьезного противодействия со стороны держав Антанты.

А такого противодействия Гитлер серьезно опасался. 3 февраля 1933 года, выступая перед руководством рейхсвера, он прямо заявил: «Самое опасное время — это время создания нами мощной армии. Тогда станет ясно, имеет ли Франция настоящих государственных мужей. Если имеет, то она не даст нам для этого необходимого времени, а нападет на нас (вероятно, вместе со своими восточными приспешниками)». В том же выступлении фюрер призвал внутри страны полностью покончить с пацифизмом, истребить марксизм, «согнуть того, кто не дает себя согнуть», перейти к «строго авторитарному» руководству государством, ликвидировать «раковую опухоль» демократии и ввести смертную казнь «за измену государству и народу». Для восстановления мощной армии Гитлер потребовал ввести всеобщую воинскую повинность, что и было осуществлено в 1935 году. Вермахт, как заявил фюрер генералам, может быть использован как «для обретения новых возможностей для экспорта», так и, что более вероятно, «для завоевания нового жизненного пространства на Востоке и его беспощадной германизации».

Чтобы быстрее пройти угрожаемый период, нацисты форсированными темпами увеличивали военные расходы и соответственно — дефицит бюджета. К середине 1939 года вся германская промышленность по сравнению с 1928 годом выросла почти на 37 процентов. К этому времени германские военные расходы вдвое превышали военные расходы Франции и более чем на треть — военные расходы Великобритании. В 1932/33 хозяйственном году доходы германского бюджета составили 6,4 миллиарда марок, а расходы — 7,3 миллиарда. В следующем финансовом году военные расходы составили 1,9 миллиарда из общих расходов в 8,1 миллиарда марок. А в 1938/39 хозяйственном году военные расходы достигли 18,4 миллиарда марок, или 58 процентов из общих расходов в 31,8 миллиарда марок. Соответственно и общий дефицит государственного бюджета в этом году возрос до 14,5 миллиарда марок. Также и общий объем государственной задолженности с конца 1932 года до конца 1939 года увеличился с 8,5 миллиарда до 47,3 миллиарда марок, а в конце войны, весной 1945 года, государственный долг Рейха достиг астрономической величины в 387 миллиардов марок. Гитлер и его соратники рассчитывали, что долги будут покрыты за счет контрибуций с побежденных противников и эксплуатации оккупированных территорий.

Наращивание численности армии и производства вооружений, а также строительство стратегических автострад помогло Гитлеру практически ликвидировать безработицу и добиться устойчивого роста экономики. Вот как оценивал деятельность фюрера в этой сфере генерал Фридо фон Зенгер-Эттерлин: «Успехи Гитлера, казалось, свидетельствовали в его пользу. Он действительно решил самую сложную для Европы проблему — ликвидировал безработицу. Он построил замечательные дороги и оживил экономику, начав производство вооружения, строительство казарм и объявив призыв на воинскую службу. Никто не объяснил народу, что большая часть его программы включала непродуктивный труд, результаты которого не могли увеличить благосостояние страны, поскольку продукт этого труда нельзя было экспортировать... Росла якобы покупательная способность государства, потому что оно печатало деньги, которые можно было тратить. Это привело к появлению

нового класса потребителей и обеспечило подъем внутреннего рынка. Но что должно было случиться, когда все дороги построены и армия вооружена новейшим оружием?» Ответ напрашивается сам собой: тогда непременно должна была разразиться Вторая мировая война. Но еще до ее начала германский народ платил за ускоренную программу вооружений инфляцией и стагнацией реальных доходов. Главное же — его благополучие всецело ставилось в зависимость от мировой войны, победа в которой была основной целью Гитлера.

Но одно только форсированное наращивание военных расходов не гарантировало само по себе невмешательство Франции и Англии. Угроза применения силы с их стороны, не говоря уж о конкретных действиях, могла предотвратить ремилитаризацию Германии. Однако это была только теория, которой в державах — победительницах в Первой мировой войне никто не хотел следовать. Страны Антанты, с трудом оправлявшиеся от мирового экономического кризиса, не склонны были оказывать военное или экономическое давление на Гитлера, чтобы заставить его соблюдать статьи Версальского договора. Хуже того, они более или менее спокойно проглотили, в рамках безумной политики «умиротворения», и открытые акты агрессии — аншлюс Австрии и оккупацию Су-детской области, которую в результате Мюнхенского соглашения Англия и Франция преподнесли на блюде с голубой каемочкой. Западные политики готовы были закрыть глаза на отнюдь не цивилизованное отношение к нормам международного права, пока дело касалось присоединения к Рейху территорий с резко преобладающим немецким населением. Не исключено, что Лондон и Париж побудили бы и Польшу пойти на уступки в вопросе о Данциге и «коридоре», если бы этому требованию Гитлера не предшествовала германская оккупация Чехословакии в марте 1939 года. Чемберлен и Даладье слишком поздно поняли, что программа достижения мирового господства, заявленная в книге «Моя борьба», — это не пропагандистский продукт для внутреннего потребления, а реальная программа действий Гитлера и его партии. Пример Чехословакии показал, что собственно территориями с немецким населением аппетит Гитлера ни в коем случае не ограничится. Поэтому Польше были даны гарантии территориальной целостности, что очень скоро вовлекло Англию и Францию в войну с Германией. Но западные армии так и не сумели оказать Польше какую-либо реальную помощь. Во Франции слишком распространены настроения: «Не будем умирать за Данциг!» — а Англия в тот момент не располагала большой сухопутной армией.

Таким образом, Гитлеру удалось провести своих партнеров и в сравнительно благоприятных внешнеполитических условиях подготовить страну к войне, возродив вооруженные силы и военно-промышленный комплекс и подготовив плацдармы для успешных боевых действий.

В то же время, поскольку военную промышленность в середине 30-х годов пришлось возрождать почти с нуля, степень милитаризации экономики к началу Второй мировой войны в Германии была не слишком высокой. Даже в мае 1940 года, накануне большого наступления на Западе, доля оборонной продукции была менее 15 процентов всего промышленного производства. В 1941 году она возросла до 19 процентов, в 1942 году — 26 процентов, в 1943 году — 38 процентов, а в 1944 году достигла максимального показателя в 50 процентов. Между тем в СССР уже к концу 30-х годов продукция оборонной промышленности составляла не менее половины всей промышленной продукции.

В первые годы пребывания у власти Гитлер достаточно обтекаемо говорил об экспансии, маскируя свои внешнеполитические замыслы. Так, 17 мая 1933 года, выступая в рейхстаге, он заявил: «В течение многих столетий европейские государства и их границы строились на воззрениях, берущих свое начало

исключительно в государственном мышлении. Благодаря победоносному шествию национальной идеи и национальных принципов на протяжении прошлого века и из-за отсутствия учета этих новых идей и идеалов государствами, создававшимися на основе других предпосылок, были посеяны семена многочисленных конфликтов. По окончании большой войны не может стоять более высоких задач перед действительно мирной конференцией, чем новое деление и новый порядок европейских государств, основанные на ясном понимании этого факта... Ни одна новая война в Европе не смогла предложить ничего лучше по сравнению с нынешней неудовлетворительной ситуацией. Напротив, применение силы в любой форме в Европе ни с политической, ни с экономической точки зрения не могло бы создать более благоприятной ситуации, чем та, что имеется сегодня. Даже при полном успехе нового силового решения конечным итогом стало бы углубление уже нарушенного равновесия в Европе и тем самым таило бы в себе... зародыш новых противоречий в будущем...»

Гитлер также отметил, что «в утопающей в коммунистическом хаосе Европе возникнет кризис невообразимого масштаба и непредсказуемой длительности... Германия разоружилась. Она выполнила все заложенные в мирном договоре обязательства, лежащие далеко за пределами целесообразности и даже рассудка... Германия готова в любое время в случае создания всеобщей системы международного контроля над вооружениями поставить под такой контроль свои воинские части при условии такой же готовности со стороны других государств, чтобы недвусмысленно продемонстрировать перед всем миром их абсолютно немилитаристский характер... Эти требования означают стремление не к вооружению, а к разоружению других государств... Единственная нация, которая с полным правом может опасаться агрессии, — это немцы, которым не только запретили иметь наступательное оружие, но и ограничили право на оборонительное и на создание пограничных укреплений... Германия думает не об агрессии, а о своей безопасности».

А вот после Мюнхенского соглашения от показного миролюбия Гитлера не осталось и следа. Уже 10 ноября 1938 года на встрече с главными редакторами германских газет и журналов фюрер признался: «Обстоятельства заставляли меня в течение десяти лет говорить практически только о мире. Лишь постоянно подчеркивая стремление Германии к миру, я мог шаг за шагом завоевывать свободу для немецкого народа и давать ему в руки оружие, которое служило необходимой предпосылкой для следующего шага. Разумеется, такая пропаганда мира имеет и свои негативные стороны, так как она легко может привести к тому, что в умах многих людей закрепится представление, будто сегодняшний режим... полон решимости сохранить мир при любых обстоятельствах... То, что я в течение многих лет говорил о мире, носило вынужденный характер».

Геббельс же 5 апреля 1940 года с гордостью говорил: «До сих пор нам удавалось держать противника в неведении о подлинных планах Германии, точно так же как наши внутривластные противники до 1932 года не замечали, куда мы двинемся, и не понимали, что обещание действовать законными способами было всего лишь уловкой. Мы хотели прийти к власти законным путем, но мы не собирались пользоваться властью в соответствии с существовавшими в тот момент законами... В 1933 году французский премьер должен был бы сказать (я на его месте сказал бы это): «Рейхсканцлером стал человек, написавший книгу «Моя борьба». Мы не можем терпеть по соседству такого человека. Или он уйдет, или мы пустим в ход армию». Это было бы совершенно логично. Нам дали время, чтобы пройти через эту рискованную зону, и мы смогли обойти все опасные рифы. А когда мы были готовы и

хорошо вооружены, они начали войну» (здесь министр пропаганды привычно передернул, войну-то ведь начал Гитлер).

Западные политики привыкли к существованию в условиях демократии и парламентского и общественного контроля, и порой они склонны были принимать за чистую монету «миролюбие фюрера», не сознавая до конца, что в условиях тоталитарного режима глава государства не несет ответственности ни перед кем, кроме себя самого. Поэтому Гитлеру и удавалось более пяти лет без особого труда втирать им очки.

Национал-социалистическое государство основывалось на культе фюрера. Его становление облегчалось тем, что еще до прихода к власти Гитлер пользовался большой популярностью. А после 30 января 1933 года любое появление Гитлера на публике сопровождалось восторженными приветствиями тысяч поклонников. Это происходило даже тогда, когда фюрер находился на отдыхе в своих любимых Баварских Альпах. А. Шпеер вспоминал: «Мы ездили на машине к Кенигсзее, а оттуда на моторке к полуострову Св. Варфоломея, а то предпринимали трехчасовой марш через Шарицкель к тому же Кенигсзее. Последний участок пути нам приходилось прокладывать, преодолевая толпу многочисленных туристов... Станным образом все эти люди поначалу не узнавали Гитлера в его баварском национальном костюме, поскольку никто и подумать не мог, что Гитлер тоже гуляет, как и прочие. Лишь недалеко от цели нашего похода — трактира «Шифмайстер» — накатывала волна восторженных поклонников, которые задним числом осознавали, кого они только что встретили по дороге, и следовала за нашей группой. Мы с трудом — Гитлер торопливым шагом несколько впереди — достигали двери прежде, чем вокруг нас сомкнется быстро растущая возбужденная толпа. Пока мы сидели за кофе и пирожными, большая площадь перед трактиром постепенно заполнялась народом. Лишь когда прибыл отряд полиции, Гитлер залез в открытую машину, встал рядом с шофером на открытом переднем сиденье и возложил руку на ветровое стекло — так что его могли видеть даже те, кто стоял совсем далеко. В такие минуты восторги достигали истерического накала, ибо многочасовое ожидание наконец-то было вознаграждено. Два человека из охраны шли впереди и по три человека с каждой стороны, пока машина медленно продвигалась сквозь густеющую толпу... Мне никогда не забыть эту волну ликования, эту неистовость, которая читалась на множестве лиц. Куда бы ни приезжал Гитлер, где бы ни останавливалась ненадолго его машина, повсюду в первые годы его правления повторялись такие сцены. Причем вызваны они были не риторической либо гипнотической обработкой масс, а исключительно тем действием, которое производило на всех само присутствие Гитлера. Если отдельные люди среди толпы подпадали под это воздействие лишь на короткие секунды, сам Гитлер был подвержен длительному эмоциональному возбуждению. Я восхищался тогда его способностью, несмотря ни на что, сохранять в личной жизни формы непринужденного общения».

Но иной раз народное ликование было до некоторой степени организованным, что, однако, не умаляло искреннего энтузиазма граждан. Вот как описывает Шпеер одну совместную с Гитлером поездку в Нюрнберг: «Когда мы проезжали через какой-то городок, нас опознали, но, прежде чем власти успели что-нибудь предпринять, мы проскочили мимо. «А теперь будьте начеку, — сказал Гитлер, — в следующем городке мы так дешево не отделаемся. Из местной партгруппы уже наверняка туда позвонили». И действительно, когда мы въехали, улицы были запружены ликующими людьми, местный полицейский старался изо всех сил, но машина наша продвигалась с большим трудом. И едва мы пробились сквозь толпу, как несколько восторженных поклонников, уже когда мы выехали на дорогу, опустили шлагбаум, чтобы остановить Гитлера для приветствий...

Когда подоспело время обеда, мы свернули в небольшой трактир у Хильдбургсхаузена, где несколько лет назад Гитлер согласился с формальным присвоением ему чина комиссара полиции, чтобы получить германское гражданство. Но этой темы сегодня никто не касался. Хозяева прямо себя не помнили от волнения. Не без труда адъютант выдавил из них предложение: спагетти с яйцом. Мы ждали долго, наконец адъютант заглянул на кухню. «Женщины настолько возбуждены, что даже не могут определить, готовы спагетти или еще нет».

Между тем во дворе собрались тысячи людей, которые скандировали, требуя Гитлера. «Только бы нам пробиться», — обронил он. Медленно, осыпаясь дождем из цветов, мы достигли средневековых ворот. Но молодежь закрыла их прямо у нас перед носом, дети карабкались на подножки автомобиля. Пришлось Гитлеру раздавать автографы, и лишь после этого они открыли ворота. Все смеялись, и Гитлер смеялся вместе со всеми (смеющегося Гитлера представить себе очень трудно. Как кажется, чувство юмора ему не было присуще. — Б. С.).

На полях крестьяне побросали свои орудия, женщины махали руками — это была поистине триумфальная поездка. В машине, когда мы уже отъехали, Гитлер, повернувшись ко мне, сказал: «До сих пор так принимали только одного немца — Лютера! Когда он ездил по стране, люди стекались издалека и приветствовали его, как сегодня приветствуют меня!»

Эти зримые проявления народной любви к фюреру никак нельзя было отнести лишь на счет одного ведомства Геббельса. Шпеер дает довольно убедительные объяснения этому феномену: «Народ приписывал Гитлеру успехи в экономике и внешней политике и с каждым днем все больше видел в нем воплощение глубоко укоренившейся мечты о могущественной, верящей в себя, внутренне единой Германии. Досадовали очень немногие. А если кто-то порой чувствовал, что в нем возникают сомнения, то успокаивал себя мыслями об успехах и о том уважении, которым пользуется режим Гитлера даже в критически настроенной загранице».

Гитлеру было жизненно необходимо поклонение толпы, он охотно в первые годы своего правления, до начала Второй мировой войны, устраивал «хождения в народ», подобные тем, которые характерны для западных демократических политиков. Тут, пожалуй, надо отметить его принципиальное отличие от Сталина. Иосиф Виссарионович к народной любви, как таковой, был равнодушен, толпы не любил, неконтролируемого общения с массами никогда не устраивал, а собственный культ рассматривал только как инструмент сохранения и укрепления власти и мобилизации общества. При этом Сталин даже в страшном сне не мог представить, что у него берут автографы или преграждают путь его автомобилю шлагбаумом, лишь бы еще на минуту задержать пребывание в родном городишке живого бога. И в городишки-то Сталин вообще не ездил, а Москву и ее окрестности покидал крайне редко, разве что на отдых в Сочи. Гитлер же осел преимущественно в одном месте — в восточнопрусской ставке «Вольфшанце» — только с началом Второй мировой войны. Сталин, в отличие от Гитлера, никогда не выступал на многотысячных митингах, а больше на съездах и конференциях, и вообще на публике появлялся не слишком часто. Власть он получил благодаря своему выдающемуся мастерству в сфере политической и аппаратной интриги, а отнюдь не из-за таланта оратора, которого у него просто не было. И революции ему совершать не пришлось, поскольку большевики пришли к власти еще в 1917 году, причем в успехе Октябрьского переворота решающую роль сыграл не Сталин, а Ленин и Троцкий. Стоит отметить, однако, что Гитлер, подобно Сталину, после прихода к власти также стал реже выступать с речами, а в период войны его публичные выступления вообще можно пересчитать по пальцам. Объясняется это тем, что НСДАП уже обладала монополией на власть в

Германии, а безраздельная власть Гитлера в партии никем больше не ставилась под сомнение. Оппоненты были мертвы или находились в изгнании. Словами убеждать уже никого не требовалось. Немцы до поры до времени боготворили Гитлера не за слова, а за дела: ликвидацию безработицы, преодоление экономического кризиса, отмену всех унижительных ограничений Версальского мирного договора, аннексию Австрии и Судет... Мало кто задумывался над тем, что, хотя чудовищная безработица и ликвидирована, зарплата и уровень жизни практически не растут, поскольку все больше средств поглощает подготовка к войне. Большинство немцев о неизбежности войны и непредсказуемости ее исхода предпочитали не думать. Когда же военные неудачи создали потенциальную возможность для падения популярности Гитлера и нацистов, такого поворота дела не допустила хорошо отлаженная пропагандистская машина. Кроме того, война стимулировала патриотическое чувство, отождествляющее Германию и фюрера и побуждающее немцев сражаться даже в условиях безнадежности.

Еще одна разница между Сталиным и Гитлером была в идеологических основах установленных ими режимов. В относительно мононациональной Германии нацисты могли себе позволить строить свою политику на тезисе об «избранности» германской нации. В многонациональном Советском Союзе стабильной могла быть только та диктатура, которая опиралась на классовый признак разделения общества, а не национально-расовый. Гитлер сделал «врагами народа» и изгоями прежде всего евреев и иных эмигрантов. Большинство же тех, кто поддерживал социал-демократов и коммунистов, либо были вынуждены покинуть Германию, либо были «перевоспитаны» пропагандой и репрессивными органами. Поэтому число казненных антифашистов исчислялось десятками тысяч, а не миллионами, как это было в СССР в отношении тех, кого сочли противниками коммунизма или противниками сталинской линии в партии, причем массовый террор начался еще в 1918 году, задолго до прихода Сталина к власти. Так или иначе, действия большевиков ущемляли интересы десятков миллионов людей, и репрессиям подверглись представители самых разных слоев общества. Поэтому тех, кто досадовал на Сталина, в СССР было гораздо больше, чем в Германии — ненавистников Гитлера. Ведь фюрер, устранив Рема и его ближайшее окружение, не стал проводить в партии кровавую чистку. Не сажал в тюрьмы и лагеря рядовых коммунистов и социал-демократов. Вплоть до 20 июля 1944 года вообще не трогал вермахт. Не расстреливал и не сажал без самой крайней на то нужды ни фабрикантов, ни помещиков, ни пролетариев, ни крестьян. И в результате обеспечил морально-политическое единство германского народа накануне войны и искреннюю любовь миллионов, не ведающих толком ни того, что творят сами, ни того, что вообще творится в Рейхе Гитлером и его партией. Ибо информация тщательно фильтровалась министерством пропаганды, а «окончательное решение еврейского вопроса» (Endloesung) проходило в условиях глубокой тайны.

Массам Гитлер представлялся вождем, никогда не ведавшим сомнений на избранном раз и навсегда пути к величию Германии. Только люди из ближайшего окружения отмечали некую двойственность его характера и глубоко скрытую рефлексию. Однако фюрер умел подавлять собственные эмоции и на людях всегда демонстрировал абсолютную уверенность в правоте собственных решений, заражая этой уверенностью собеседников. Вот что, например, писал Иоахим фон Риббентроп в Нюрнбергской тюрьме в ожидании сурового приговора: «Верность Адольфа Гитлера людям, которые однажды что-либо сделали для него, порой граничила с невероятным. С другой стороны, он мог быть непостижимо недоверчивым. Но всего легче он поддавался влиянию, даже нашептыванию тех людей, которые умели ловко вводить его в заблуждение и выставлять напоказ менее привлекательные стороны его характера. Он мог даже

сознательно оскорбить человека. В этом проявилась известная двойственность природы, которую я так и не смог понять до конца. Принцип «разделяй и властвуй» был доведен им до такой степени, что не только возникали межведомственные трудности, но и почти все его сотрудники оказались вовлеченными в тяжелые внутренние конфликты... Он мог приходить в слепую ярость и не всегда умел владеть собой...

Доминирующий характер личности Адольфа Гитлера проявлялся как на больших народных митингах, так и в общении с политиками, военными, иностранцами, а также в более тесном кругу и в личных беседах... Однажды болгарский царь Борис сказал мне, что от Гитлера исходит такая сила и уверенность, что он каждый раз черпает их на много месяцев вперед. Так происходило со всеми, кто имел с ним дело. Гитлер производил впечатление не только на Ллойд Джорджа, но и на Чемберлена и Дала-дье. Его вера в себя и твердость воли в сочетании с гениальным, понятным и простым способом выражаться ощущались многими людьми, вовлекая их в его русло (в предсмертном письме жене, написанном 3 октября 1946 года, сразу после оглашения приговора, Риббентроп сетовал: «Мой коронный свидетель Адольф Гитлер оказался мертв. Если бы он мог дать показания, приговор развалился бы. Но я должен теперь примириться с судьбой одного из ближайших приверженцев столь могучей, но демонической личности... («Демонизмом» Гитлера его министр иностранных дел, даже стоя под виселицей, пытался оправдать свое соучастие в преступлениях против человечества. И не он один. Хотя, конечно, необходимо признать, что преступления Гитлера несоизмеримы с преступлениями его соратников — Геринга, Гимmlера, Кейтеля, Риббентропа, Гесса, Бормана, Геббельса и др. Именно фюрер сколотил их в одну шайку и бросил в поход за мировое господство. Без него они имели все шансы остаться рядовыми обывателями. — Б. С.) На крупных митингах мне приходилось повсеместно быть свидетелем того, как его слова приводили массы в движение, вызывали восторг, гнев, трогали людей до слез. По воздействию на людей и массы личность этого человека — один из величайших феноменов.

Адольф Гитлер был обожаем миллионами и все же был одинок. Я никогда не мог сблизиться с ним и не видывал никого другого, кому бы это удалось. Единственным исключением был Герман Геринг. Тот мог добиваться у Гитлера очень многого. Я не имею в виду последние два года, когда Гитлер изменил отношение к нему из-за несостоятельности люфтваффе. Ранее же фюрер всегда отзывался о нем с величайшим уважением. Он часто называл Геринга «великим немцем»... Кроме Геринга довольно близки к фюреру были, пожалуй, еще Гесс и Тодт.

Судить о характере такого гениального существа, как Адольф Гитлер, очень трудно. Его нельзя мерить обычной меркой (беда всех великих людей в том, что они верят, будто их будут оценивать по другим правилам, в отличие от людей невеликих. А если посмотреть на великого человека в свете критериев, применимых к обыкновенным людям, то нередко гений предстает личностью весьма неприглядной, а порой вообще внушает отвращение и ужас. — Б. С.). Он был убежден в своей роли мессии, считал себя предназначенным самим Провидением сделать Германию великой. Он обладал несгибаемой волей и немислимой энергией в достижении своих целей. Его интеллект был огромен, а способность схватывать все на лету — ошеломляющая. Мир его представлений и фантазий всегда был отмечен крупными историческими перспективами и параллелями. Образцом ему служил Фридрих Великий. Несмотря на всю свою фантазию, он все-таки был в достаточной степени реалистом, чтобы трезво оценивать положение. Но, принимая крупные решения, он ощущал себя исполнителем предначертанной Всевышним судьбы. Однажды он сказал мне, что каждый раз перед крупным решением к нему внезапно приходит аб-

солютная уверенность и тогда он совершенно точно знает: его долг — сделать именно это.

Нет никакого сомнения в том, что Адольф Гитлер имел в жизни только одну цель: служить германскому народу. Об этом говорит весь его жизненный путь, начиная с юности, его участие в качестве неизвестного солдата в мировой войне и его деятельность как политика и фюрера германского народа. Он жил совершенно самоотверженно, жертвовал своим здоровьем и до последнего мгновения не думал ни о чем, кроме как о будущем своей нации. Это служило путеводной нитью его мыслей и действий. На это были направлены его важнейшие внешнеполитические решения. Он думал надежно обеспечить германское будущее только тем способом, который считал приемлемым для себя. Тот факт, что он потерпел поражение, фюрер, говоря со мной, назвал судьбой. Почему именно он потерпел поражение — решит история».

Читая этот панегирик Гитлеру, надо полагать вполне искренний (перед лицом смерти люди обычно сохраняют объективность), следует помнить, что мессианское стремление Гитлера обошлось в миллионы жертв и немцам, и их противникам и принесло гибель тогдашнему Германскому государству. В своем стремлении к величию германского народа фюрер преступил все законы общечеловеческой морали и осуществил один из масштабных геноцидов в истории.

В первые годы после прихода к власти Гитлер много ездил по стране и не избегал общения с массами. Позднее, в период непосредственной подготовки к войне и в военные годы, он перемещался главным образом между Берлином и своими ставками, почти не появляясь публично. О порядке перемещений Гитлера по территории Рейха поведал в советском плену бывший начальник его личной охраны Ганс Раттенхубер: «Специальный поезд Гитлера состоял из 15 вагонов... Вагон Гитлера был довольно просторным. Начиная с 1942 года Гитлер в нем обедал во время поездок, тогда как раньше он обычно ходил на обед в салон-вагон.

В вагоне кроме купе Гитлера имелись также купе для личного адъютанта, для адъютанта вооруженных сил и личного слуги — штурмбаннфюрера Линге. Было также учтено особое пристрастие Гитлера часто принимать теплую ванну (он всегда принимал ее, по словам Раттенхубера, после публичных выступлений, когда был потный и разгоряченный. — Б. С.), для этой цели в его вагоне было оборудовано специальное помещение. Одно купе в вагоне было оборудовано для него в виде небольшого служебного кабинета...

Маршрут держался в строжайшем секрете и составлялся таким образом, что нельзя было понять, когда Гитлер будет пользоваться поездом. Гостям приход Гитлера объявлялся примерно за час до этого. Зачастую Гитлер вместе с охраной входил и выходил из поезда с другого вокзала, нежели гости. В ночное время все вагоны были заперты, за исключением вагона охраны. Железнодорожные станции были закрыты, чтобы посторонние лица не могли туда пройти.

Впереди спецпоезда на определенной дистанции двигался дополнительный поезд.

Если поездка совершалась официально и ожидалась встречи с публикой, то железнодорожное начальство заранее заботилось о правильном размещении встречающих...

Гитлер пользовался автомашинами только следующих типов: «мерседес-бенц», открытая и лимузин с мотором мощностью в 150 лошадиных сил, а также вездеход марки «Штейер». Все машины Гитлера были бронированы и снабжены специальными непробиваемыми стеклами... Фары-прожектора были исключительно сильные, так что ослепляли все встречные машины, исключая, таким образом, возможность обстрела со стороны последних. Кроме того, в машине имелись несколько небольших, управляемых вручную сверхсильных фонарей, позволявших освещать все пространство вокруг машины. Сзади

машины был также установлен сильный прожектор, способный ослепить все машины, пытавшиеся нагнать машины Гитлера...

Характерно, что Гитлер редко ездил со скоростью свыше 90 километров в час, автомобильные прогулки он любил, так как при этом отдыхал.

Следует различать секретные поездки Гитлера, когда это тщательно скрывалось от посторонних, и официальные, когда о поездке Гитлера население знало.

При секретных поездках Гитлера сопровождающим его лицам сообщалось лишь время отъезда, цель поездки была известна лишь Гитлеру. Нередко в таких случаях, уже после выезда, Гитлер сам лично намечал маршрут на карте.

Во время секретных поездок Гитлера светящаяся надпись на машине сопровождения «Полиция, обгон запрещен» закрывалась специальным щитом.

Во время езды обгон колонны посторонними машинами не допускался. Автомашинам, пытавшимся обогнать колонну, загораживали путь автомобили сопровождения...

Женщин в автомобильные поездки Гитлер не брал.

Особые охранные мероприятия надлежало проводить при официальных поездках, так как маршрут был известен за несколько дней и население собиралось для встречи Гитлера.

В таких случаях за несколько дней чиновниками криминальной полиции бралась под наблюдение вся трасса...

Устройство громкоговорителей было разрешено лишь специальной команде штурмовиков. Вывешивание лозунгов, украшений и сооружение трибуны осуществлялись под наблюдением сотрудников областного руководства НСДАП...

Если по пути нужно было проехать парк, то в таком случае в нем всегда можно было найти полицейских чиновников с собаками...

Самолет Гитлера — четырехмоторный типа «Кондор», фирмы «Фокке-Вульф»... Мы никогда не летали выше 4,5 тысячи метров, так как Гитлер плохо себя чувствовал на высоте...

«Кондор» Гитлера имел специальное устройство, позволявшее последнему в случае опасности путем нажатия кнопки открывать под собою в кабине люк, в результате вместе с сиденьем, на котором Гитлер был заранее укреплен ремнями, он мог вывалиться из самолета, после чего автоматически раскрывался парашют...

До 1938 года Гитлер часто совершал пешие прогулки в гражданском платье. Особенно часто это имело место во время его пребывания в Берхтесгадене. Эти прогулки, как правило, совершались в сопровождении двух сотрудников охраны, которые шли на некотором расстоянии от Гитлера... Подобные прогулки совершались в особой тайне и по разным маршрутам, что помогало предотвратить возможность покушения. После 1939 года он уже больше не ходил пешком и гулял только в своем специально огороженном и обеспеченном надежной охраной парке в Берхтесгадене.

Как можно убедиться из показаний Раттенхубера, начиная с конца 30-х годов постепенно нарастало одиночество Гитлера и сокращался круг его общения. Даже обедать в поездках он предпочитал уже не в вагоне-салоне, а в собственном купе, один или с очень малым числом сотрапезников. И полностью прекратил «хождение в народ», а в войну резко сократил число публичных выступлений. И общение ограничивалось уже строго определенным кругом людей. Тут было две причины. С одной стороны, подготовка и ведение войны уже не оставляли у него свободного времени от совещаний и докладов подчиненных. С другой стороны, как и всякий диктатор, Гитлер со временем уверовал в свое полное превосходство над окружающими. Он стал самодостаточным в своих собственных идеях и более не нуждался ни в чьем одобрении.

Гитлер — провокатор Второй мировой войны

Реализацию своих целей Гитлер не мыслил без новой мировой войны, хотя до поры до времени ему удавалось добиваться аннексий дипломатическим путем. Фюрер внушал западным державам, что его претензии ограничиваются землями с преимущественно немецким населением и их удовлетворение сделает его искренним поборником сохранения европейского мира. 26 сентября 1938 года в речи в берлинском Дворце спорта Гитлер утверждал, что требование о присоединении к Германии Судетской области — «это мое последнее территориальное требование». В этом заявлении не было ни грана правды. После аннексии Судет последовала оккупация Чехии, а затем требование о передаче Рейху Данцига, закончившееся Второй мировой войной.

В более узком кругу Гитлер был гораздо откровеннее. На совещании с руководством вермахта 23 мая 1939 года Гитлер прямо заявил: «Национальное объединение немцев, за немногими исключениями, осуществлено. Дальнейшие успехи без кровопролития достигнуты быть не могут...

Польша всегда будет стоять на стороне наших врагов. Несмотря на соглашение о дружбе, в Польше всегда существовало намерение использовать против нас любую возможность.

Данциг — не тот объект, из-за которого все затеяно. Речь для нас идет о расширении жизненного пространства на Востоке и о продовольственном обеспечении, а также о решении проблемы Прибалтики. Обеспечение продовольствием возможно только оттуда, где плотность населения мала. Наряду с повышением плодородия почв это обеспечение значительно усилится и за счет немецкого основательного хозяйствования. В Европе других возможностей не видно.

Колонии не стоит принимать в дар. Это — не решение продовольственной проблемы. Их легко отрезать от Рейха посредством блокады.

Если судьба толкает нас на столкновение с Западом, хорошо было бы обладать большим жизненным пространством на Востоке. Во время войны мы можем рассчитывать на рекордные урожаи еще меньше, чем в мирное время...

Экономические отношения с Россией возможны, только если улучшатся отношения политические... Не исключено, что Россия покажет себя не заинтересованной в разгроме Польши. Если Россия и впредь будет действовать против нас, наши отношения с Японией могут стать более тесными.

Союз Франция — Англия — Россия против Германии — Италии — Японии побудил бы меня нанести по Англии и Франции несколько уничтожающих ударов.

В возможность мирного улаживания конфликта с Англией я не верю. Необходимо подготовиться к столкновению. Англия видит в нашем развитии создание фундамента той гегемонии, которая обессилит ее. Поэтому Англия — наш враг и столкновение с нею — борьба не на жизнь, а на смерть.

Как будет выглядеть это столкновение? Англия не способна расправиться с Германией несколькими мощными ударами и сокрушить нас. Главное для Англии — скорее перенести войну поближе к Рурской области. Французскую кровь она щадить не будет. Овладение Рурской областью решает вопрос о длительности нашего сопротивления.

Голландские и бельгийские авиационные базы должны быть захвачены военной силой. На заявления о нейтралитете полагаться не следует. Если Франция и Англия при войне Германии против Польши доведут дело до своего

столкновения с нами, они будут поддерживать нейтралитет Бельгии и Голландии, чтобы заставить их идти вместе с собой.

Бельгия и Голландия, хотя и протестуя, уступят этому давлению. Поэтому мы должны, если при польской войне Англия захочет вмешаться, молниеносно напасть на Голландию. Следует стремиться занять новую оборонительную линию на голландской территории до Зюйдерзее. Война с Англией и Францией будет войной не на жизнь, а на смерть.

Намерение дешево откупиться опасно; такой возможности нет. Надо сжечь за собой все мосты, ведь дело пойдет не о праве или произволе, а о том, быть или не быть 80 миллионам человек.

Вопрос: короткая или долгая война?

И военные, и государственные руководители всегда стремятся к войне короткой. Но государственные руководители должны настроить себя и на войну продолжительностью 10—15 лет... Каждое государство будет держаться сколько сможет, если только сразу же не наступит его резкого ослабления (например, из-за потери Рурской области). У Англии тоже есть подобные слабые места. Англия знает, что неудачный исход войны означает конец ее мирового могущества...

Необходимо стремиться к тому, чтобы в самом начале нанести противнику уничтожающий удар. При этом вопрос о праве или произволе, равно как и ссылки на договора никакой роли не играют...

Наряду с внезапным нападением следует готовить длительную войну с уничтожением английских возможностей на континенте...

Проблема Польши неотделима от столкновения с Западом. Внутренняя прочность Польши в борьбе с большевизмом сомнительна. Поэтому и Польша тоже — сомнительный барьер от России. Военное счастье на Западе, которое может повлечь быстрое окончание войны, стоит под вопросом, так же как и поведение Польши. Перед нажимом России польский режим не устоит. В победе Германии над Западом Польша видит опасность для себя и попытается нас этой победы лишиться.

Поэтому вопрос о том, чтобы пощадить Польшу, отпадает, и остается решение при первом же подходящем случае на нее напасть. О повторении Чехии нечего и думать. Дело дойдет до борьбы. Задача — изолировать Польшу. Удача изоляции Польши имеет решающее значение... Нельзя допустить одновременного столкновения с Западом (Францией и Англией).

Если же уверенности в том, что в процессе германо-польского конфликта война с Западом будет исключена, нет, борьба должна вестись в первую очередь против Англии и Франции.

Столкновение с Польшей, начинаемое нападением на нее, может привести к успеху только в том случае, если Запад останется вне игры. Если это невозможно, тогда лучше напасть на Запад и при этом одновременно ликвидировать Польшу».

Чтобы гарантировать победу над Польшей и исключить возможность антигерманского блока Англии, Франции и СССР, Гитлер, как известно, пошел на заключение с СССР пакта о ненападении и разделе Восточной Европы на советскую и германскую сферы влияния. Как вспоминал бывший германский министр вооружений Альберт Шпеер, в начале августа 1939 года, «как бы беседуя сам с собой, Гитлер неожиданно сказал: «Возможно, что скоро произойдут великие события! Даже если мне понадобится для этого послать туда самую Геринга... В случае необходимости я и сам поеду. Я ставлю все на эту карту»... Через три недели, 21 августа 1939 года, мы услышали, что наш министр иностранных дел будет нести переговоры в Москве. Во время ужина Гитлеру подали записку. Он быстро пробежал ее глазами, лицо его побагровело. Устремив на какое-то мгновение глаза в пространство, он стукнул рукой по столу с такой

силой, что зазвенели бокалы. «Теперь они у меня в руках! Теперь они мои!» — вскричал Гитлер срывающимся голосом... Когда с едой было покончено, Гитлер пригласил гостей к себе. «Мы заключаем с Россией договор о ненападении. Вот читайте! Это телеграмма от Сталина». В телеграмме, адресованной на имя рейхсканцлера Гитлера, сообщалось о достигнутом соглашении».

В этой телеграмме, отправленной из Москвы вечером 23 августа, Риббентроп сообщал, что трехчасовая встреча со Сталиным проходила «положительно в нашем духе» и что последним препятствием к достижению соглашения является требование русских признать порты Виндава (Вентспилс) и Либава (Лиепая) сферой их интересов. Гитлер немедленно дал согласие на требуемую уступку и уже не сомневался, что договор будет подписан.

Ранее, пытаясь склонить западные державы к компромиссу в данцигском вопросе, Гитлер 11 августа 1939 года заявил комиссару Лиги Наций по Данцигу швейцарцу Карлу Якобу Буркхардту: «Все, что я предпринимаю, направлено против России; если Запад слишком глуп и слеп, чтобы понять это, то я буду вынужден договориться с русскими для удара по Западу, а затем после его разгрома я направлю все свои объединенные силы против Советского Союза. Мне нужна Украина, чтобы нас снова не уморили голодом, как в последней войне». На самом деле гораздо больше надежд в тот момент фюрер возлагал на достижение соглашения со Сталиным о разделе Польши.

И 22 августа 1939 года, когда вопрос о советско-германском пакте был уже предрешен, Гитлер, выступая перед высшим командным составом вермахта, продекларировал цели будущей войны: «Образование Великой Германии было с практической точки зрения великим свершением (имеется в виду мирное присоединение к Рейху Австрии и Чехии. — Б. С.), но в военном отношении оно внушало опасения, ибо было достигнуто с помощью блефа со стороны политического руководства. Необходимо испробовать военную силу. И если возможно, для генерального сведения счетов, а не для решения отдельных задач.

Отношения с Польшей стали невыносимыми. Моя политика в отношении Польши, проводившаяся до сих пор, противоречила воззрениям нашего народа. Принятию моих предложений Польшей (Данциг, «коридор») препятствовало вмешательство Англии. Польша сменила свой тон по отношению к нам. Состояние напряженности на длительный срок нетерпимо. Инициатива не должна перейти в другие руки. Сейчас момент благоприятнее, чем через два-три года... Нельзя же вечно стоять друг против друга с винтовкой на боевом взводе. Предложенное нами компромиссное решение потребовало бы от нас изменения нашего мировоззрения, жестов доброй воли. С нами снова заговорили бы на языке Версаля. Возникла опасность потери престижа. Вероятность того, что Запад не выступит против нас, еще велика. Мы должны с безоглядной решимостью пойти на риск... Мы стоим перед лицом суровой альтернативы: либо нанести удар, либо рано или поздно нас уничтожат...

У Запада есть только две возможности бороться против нас: блокада, но она будет неэффективна ввиду нашей автаркии, а также потому, что мы имеем дополнительные источники сырья и продовольствия на Востоке, и нападение с «линии Мажино», которое я считаю неэффективным.

Имелась бы еще возможность нарушения нейтралитета Голландии, Бельгии и Швейцарии. У меня нет никаких сомнений, что все эти страны, а также Скандинавия защищали бы свой нейтралитет всеми средствами. Англия и Франция нейтралитета этих стран не нарушат. Значит, фактически Англия Польше помочь не сможет. Остается еще нападение на Италию. Военное вмешательство исключено. На длительную войну никто не рассчитывает. Если бы господин Браухич сказал мне, что мне потребуется четыре года, чтобы

захватить Польшу, я бы ему ответил: так дело не пойдет! Когда кто-то говорит, что Англия хочет продолжительной войны, это бред!

Мы будем сдерживать Запад до тех пор, пока не захватим Польшу. Мы должны сознавать наши огромные производственные возможности. Они гораздо больше, чем в 1914-1918 годы.

Противник все еще надеялся, что после завоевания нами Польши Россия выступит как наш враг. Но противники не учли моей способности принимать нестандартные решения. Наши противники — мелкие черви. Я видел их в Мюнхене...

Англия и Франция приняли на себя обязательство, но ни та, ни другая выполнить его не в состоянии. В Англии никакого фактического вооружения нет, одна пропаганда... Существенного усиления английского флота раньше 1941-го или 1942 года ожидать не приходится...

Во Франции нехватка людей из-за падения рождаемости. В области вооружения сделано мало. Артиллерия устарела. Франция не хочет влезать в эту авантюру...

Я был убежден, что Россия никогда не пойдет на английское предложение. Россия не заинтересована в сохранении Польши, а потом, Сталин знает, что режиму его в случае войны настанет конец, независимо от того, выйдут его солдаты из войны победителями или побежденными. Решающее значение имела замена Литвинова. Поворот в отношении России я провел постепенно. В связи с торговым договором мы вступили в политический разговор. Предложение пакта о ненападении. Затем от России поступило универсальное предложение (пакт плюс секретные протоколы. — Б. С.). Четыре дня назад я предпринял особый шаг, который привел к тому, что вчера Россия ответила, что она готова на заключение пакта. Установлена личная связь со Сталиным. Фон Риббентроп послезавтра заключит договор. Итак, Польша находится в том состоянии, в каком я хотел ее видеть.

Нам нечего бояться блокады. Восток поставяет нам пшеницу, скот, уголь, свинец, цинк... Боюсь только одного: как бы в последний момент какая-нибудь свинья не подсунула мне свой план посредничества... После того как я осуществил политические приготовления, путь солдатам открыт...

На первом плане — уничтожение Польши. Цель — устранение живой силы, а не достижение определенной линии. Если разразится война на Западе, уничтожение Польши останется на первом плане. С учетом времени года — быстрое решение.

Я дам пропагандистский повод для развязывания войны — все равно, достоверен он или нет. У победителя потом не спрашивают, сказал он правду или нет. В начале и в ходе войны важно не право, а победа.

Закрывать сердце для жалости. Жестокость. 80 миллионов человек должны получить свое право. Их существование должно быть обеспечено. Прав тот, кто сильнее».

Фюрер верил в превосходство германского оружия. И надеялся, что противников удастся бить поодиночке. И еще Гитлер полагал, что выбрал самый подходящий момент для нападения, когда его противники ни морально, ни материально к большой войне не готовы.

Гитлер — полководец

Надежда на то, что Англия и Франция не смогут быстро предпринять активных действий против Германии во время вторжения в Польшу, и расчет на советское содействие в оккупации этой страны побудили Гитлера изменить первоначальные намерения. Он решил сперва разделаться с Польшей и лишь затем перейти в наступление на Западе. Это обеспечило быстрый разгром Польши, но, возможно, затянуло на полгода крах Франции. Трудно предположить, создала бы реализация «французской альтернативы» более благоприятные для Германии условия ведения войны. В этом случае победа над Францией, скорее всего, была бы достигнута еще осенью 1939 года. Однако далеко не факт, что при таком развитии событий удалось бы уничтожить британский экспедиционный корпус. Очень вероятно, что тогда англичане вообще не успели бы высадиться на континенте. А если бы высадились, то оказались бы ближе к портам, чем в июне 1940 года, а значит, им было бы легче эвакуироваться обратно на Британские острова. В любом случае германское наступление на Западе еще в сентябре 1939 года не могло привести к поражению Англии. Равным образом и более позднее наступление в конце октября или в ноябре, как первоначально планировал Гитлер после краха Польши, которое оказалось невозможным из-за неблагоприятных погодных условий, не могло сокрушить главного противника Германии. Люфтваффе в тот момент было еще очень слабым по сравнению с летом 1940 года и не имело реальной возможности помешать эвакуации английского экспедиционного корпуса, а затем обеспечить высадку немецкой армии на Британские острова. Германский военный флот осенью 1939 года был немного сильнее, чем летом 1940 года, поскольку еще не понес тяжелых потерь в ходе норвежской операции. Однако и тогда он был на порядок слабее британского, чтобы всерьез надеяться обеспечить с его помощью реализацию плана «Морской лев» — высадку нескольких десятков дивизий на Британские острова. У немцев не хватало и транспортных судов для столь масштабной десантной операции. Кстати сказать, даже при условии разгрома Франции еще осенью 1939 года погодные условия не позволили бы осуществить высадку на Британские острова ранее мая 1940 года. Думаю, что при таком развитии событий Гитлер в конечном счете обратил бы свои взоры на Восток. Каким бы тогда оказался сценарий дальнейшего хода войны?

Оставшись один на один с победившей Францию Германией, Польша, скорее всего, попыталась бы все-таки найти взаимопонимание с Советским Союзом. Не исключено, что тогда поляки пошли бы на союз со Сталиным, как это сделал румынский король в 1944 году, свергнув маршала И. Антонеску. И Сталин, скорее всего, пошел бы на такой союз, чтобы не оставаться с победоносным Рейхом один на один. Замечу, что в этом случае геополитическое положение Советского Союза было бы даже более благоприятным, чем в июне 1941 года. Вряд ли к тому времени Сталин успел бы осуществить агрессию против Финляндии и оккупацию румынских Бессарабии и Северной Буковины, равно как и оккупацию Прибалтийских стран. В этом случае СССР мог бы рассчитывать на нейтралитет Финляндии и Румынии, а страны Балтии, возможно, даже заключили бы с ним оборонительный союз против Германии.

Кстати сказать, при таких обстоятельствах далеко не факт, что Гитлер решился бы атаковать Польшу и Советский Союз еще весной—летом 1940 года. Вполне возможно, что он предпочел бы подождать развертывания новых дивизий вермахта, особенно танковых, и усиления люфтваффе — и отложил бы войну на Востоке до 1941 года. Тогда бы примерно повторился реальный

сценарий плана «Барбаросса», за тем исключением, что на стороне вермахта, вероятно, не было бы финских и румынских дивизий, а вместе с Красной Армией сражались бы польские дивизии. Вероятно, советские и польские войска все равно бы потерпели поражение, но оно не было бы столь всеобъемлющим, как реальная катастрофа 1941 года. И тогда, вполне возможно, перелом на Восточном фронте в пользу Красной Армии был бы достигнут уже в 1942-м, а не в 1943 году.

Но мог реализоваться и другой сценарий: Гитлер рискнул бы напасть на Польшу и СССР еще весной или в начале лета 1940 года. В этом случае вермахт конечно же был бы слабее, чем год спустя, и располагал бы значительно меньшим числом танков и самолетов. Правда, в таком случае Гитлер, вероятно, не стал бы оккупировать Норвегию и Балканы и туда не пришлось бы отвлекать значительную часть германских вооруженных сил, которые можно было бы использовать в Восточном походе. А что же Красная Армия? Весной 1940 года она еще не имела на вооружении танков Т-34 и КВ, а также самолетов новых конструкций, по своим тактико-техническим характеристикам способных противостоять германским истребителям Ме-109. Но надо признать, что и в 1941 году наши бойцы и командиры не смогли использовать новейшую технику должным образом, так как еще не научились уверенно управлять ею. Поэтому наличие новых танков и самолетов у советской стороны почти никак не повлияло на ход боевых действий в 1941 году. Соответственно их отсутствие в 1940-м также не могло существенным образом осложнить положение Красной Армии. В значительной мере отсутствие новейших видов боевой техники было бы компенсировано наличием союзных польских дивизий, а также тем немаловажным обстоятельством, что на стороне Германии не было бы румынских и финских дивизий. Так что решение Гитлера отказаться от первого удара по Франции и расправиться, по классическим канонам стратегии, сначала со слабейшим противником — Польшей, никак нельзя признать ошибочным.

Даже если бы каким-нибудь чудом план «Барбаросса» удалось полностью осуществить, это все равно не привело бы Гитлера к конечной победе во Второй мировой войне. Предположим — только предположим, ибо шансов на реальное воплощение такого сценария не было никаких, — что немецкие войска в ходе кампании 1941 года и еще до начала распутицы, то есть до середины октября, достигли бы вождеденной линии А — А: Архангельск — Астрахань, что было заявлено конечной целью операции «Барбаросса». Подчеркну, что это было бы просто чудом, поскольку требовало таких темпов продвижения вермахта, которые не были достигнуты ни разу не только в ходе французской и польской кампаний, но даже при самых успешных боевых действиях в России в 1941 году. На самом деле для этого требовался полный крах сталинского режима, что никак нельзя было предвидеть заранее. Так вот, вообразим себе, что формальная цель плана «Барбаросса» достигнута и германские войска, значительно продвинувшись к востоку от Москвы, сталкиваются только с разрозненным сопротивлением остатков Красной Армии, не способных к наступательным операциям, и действиями партизан. Подобный сценарий реализован в фантастическом романе Роберта Харриса «Фатерланд», более известном по одноименному голливудскому фильму. Но ведь даже победа в России сама по себе не гарантировала Германии выигрыш войны в целом. Ведь оставалась еще Британская империя, а за ней — Соединенные Штаты.

Только в случае поражения СССР, возможно, исход войны пришлось бы решать применением американской атомной бомбы не против Японии, а против Германии. Британские острова Гитлер бы все равно захватить не смог из-за отсутствия достаточных сил авиации и флота. Да и поражение СССР и в случае разгрома Франции еще в 1939 году выглядит маловероятным. Ведь при таком

развитии событий Британской империи пришлось бы, в борьбе за свое существование, помогать Советскому Союзу всеми имеющимися средствами. Да и США вряд ли бы остались в стороне и, вполне возможно, вступили бы в войну на год раньше, еще в 1940 году.

Гитлер был прав, что Англия в 1939 году была не готова к затяжной войне. Но фюрер не учел того, что практически неисчерпаемые ресурсы Америки очень быстро будут брошены на чашу весов Британской империи.

1 сентября 1939 года с нападения Германии на Польшу началась Вторая мировая война. Выступая в рейхстаге в этот день, Гитлер заявил: «Не хочу ничего иного, кроме как быть первым солдатом Германского Рейха. Вот почему я снова надел тот мундир (времен Первой мировой войны), который издавна был для меня самым святым и дорогим. Я сниму его только после победы, ибо поражения я не переживу». Но теперь он вступал в войну не простым солдатом, а Верховным главнокомандующим.

В первые дни войны Гитлер выдвинул лозунг: «Победа будет за нами». И потом не раз повторял его как магическое заклинание. Однако сам он далеко не был уверен в победе, о чем не раз говорил на совещаниях с министрами и генералами. Так, 23 ноября 1939 года, после победы над Польшей и в период интенсивной подготовки вторжения во Францию, Гитлер заявил: «Пусть всех нас вдохновляет дух великих мужей нашей истории! Судьба требует от нас не большего, чем от них. И пока я жив, я буду думать о победе моего народа. Я не останавливаюсь ни перед чем, я уничтожу каждого, кто против меня... Я хочу уничтожить врага. За мной — весь германский народ... Только тот, кто борется с судьбой, может рассчитывать на помощь Провидения. За последние годы я не раз переживал это. И в нынешнем ходе событий я тоже вижу его волю.

Если мы победоносно выстоим в борьбе.— а мы выдержим ее! — наше время войдет в историю нашего народа. Я выстою или паду в этой борьбе. Поражения моего народа я не переживу. Никакой капитуляции вне страны, никакой революции — внутри ее».

Все надежды на успех Гитлер связывал с тем, что каждого из противников удастся разгромить быстро, в ходе всего одной военной кампании. Тогда на помощь очередной жертве не успеют прийти ее реальные и потенциальные союзники. Уже 27 сентября 1939 года, когда сопротивление польской армии фактически прекратилось, Гитлер заявил своим генералам, что еще до конца осени намерен начать большое наступление на Западе, даже если такое решение противоречит соображениям чисто военного характера. Как вспоминал А. Йодль в Нюрнбергской тюрьме, «командующий сухопутными войсками был не согласен с этим. Он хотел перейти к обороне на границе и у Западного вала приостановить течение войны. Он пытался прикрыть это свое желание военными причинами, и прежде всего — недостаточной готовностью армии к задачам такого гигантского масштаба... Все генералы воспротивились планам Гитлера. Но им это не помогло».

На том же совещании 27 сентября 1939 года Гитлер цинично оправдывал необходимость нарушения нейтралитета Бельгии, Голландии и других стран: «Если учитывать только требования разума, то продолжать войну не следует. Аргументы — за это. Опасно заранее считать эту надежду действительностью. Диктует не разум, а интересы страны и вопросы престижа. Их трудно оценить. Привыкнуть к мысли, что война продолжается!.. Какой будет обстановка через шесть месяцев, предусмотреть невозможно. Договоры также не являются твердой основой для оценки обстановки! Интересы государства выше договоров. Вечно действует лишь успех, сила...

Великие державы видят в нас большую опасность, силу, способную изменить европейский статус-кво. Война, которую мы вели до сих пор, усилила страх и уважение к нам. Любви к Германии нет. Это надо учитывать.

Нет уверенности, будет ли воля к нейтралитету через шесть, восемь или десять месяцев так же сильна, как теперь, под впечатлением немецких побед. Англия попыталась работать против нас. Поэтому нет уверенности в том, как будут развиваться события. Со временем наступит ухудшение. «Время» будет работать в общем против нас, если мы его сейчас же полностью не используем. Экономический потенциал противной стороны сильнее. Противник в состоянии закупать и перевозить. В военном отношении время работает также не на нас... Любые исторические победы бледнеют, если не обновляются... Наша военная промышленность не полностью покрывает потребности вооруженных сил. В будущем соотношение материальных возможностей будет изменяться не в нашу пользу. Постепенно противник усилит свою оборонную мощь».

Вопреки распространенному впоследствии мнению, фюрер с самого начала прекрасно понимал, что время работает не на Германию. Он не сомневался, что рано или поздно среди противников Германии окажутся Россия и США. А ведь уже ресурсы Англии и Франции с их огромными колониальными империями и мощными флотами далеко превосходили ресурсы Рейха. Поэтому единственный шанс на победу Гитлер видел в осуществлении стратегии блицкрига. Она не даст германскому народу устать от войны. Но еще важнее то, что при блицкриге можно победить быстро, не оставив противникам времени использовать весь свой потенциал. Гитлер играл ва-банк. Сейчас или никогда! Если не использовать шанс последнего прыжка к мировому господству, потенциальные противники через несколько лет смогут разглядеть действительную опасность национал-социализма и объединенными усилиями остановят германскую экспансию.

Тогда же Гитлер требовал: «Не ждать, пока противник придет сюда, а нанести удар в западном направлении, если мирное урегулирование будет невозможно. Чем быстрее, тем лучше. Не ждать, пока противник упредит, а самим немедленно перейти в наступление... Самые решительные методы и средства. Однажды утерянное время в дальнейшем невозполнимо».

По свидетельству А. Шпеера, уже тогда фюрер допускал возможность поражения Германии: «В первые недели войны я услышал, не знаю, в какой связи, как Гитлер говорил гипотетически о «конце Германии». Гитлер сознавал весь риск затеянного им предприятия под названием «Вторая мировая война», но, как азартный игрок, шел ва-банк, все поставив на карту блицкрига. Собственно, альтернативы достижения мирового господства у него не было. Как зафиксировал Шпеер в тюремном дневнике 21 декабря 1946 года, «уже перед самым началом войны в конце августа 1939 года, после решения напасть на Польшу, Гитлер сказал ночью на террасе в Оберзальцберге, что Германия вместе с ним рухнет в пропасть, если война не будет выиграна. Он добавил, что на этот раз будет пролито много крови». А германской кровью фюрер дорожил гораздо больше, чем кровью «расово неполноценных» народов и стремился потери вермахта сделать минимальными, чтобы сохранить его как эффективный инструмент ведения войны и не допустить падения боевого духа германского народа.

Не случайно 6 октября 1939 года, выступая в рейхстаге по завершении польского похода, Гитлер подчеркивал свое стремление к минимизации германских потерь, утверждая, что только благодаря такому стремлению остатки польской армии смогли до 1 октября удерживать укрепления Варшавы, Модлина и косы Хель. Также и в речи в Мюнхене 8 ноября 1942 года, в разгар кровопролитного сражения за Сталинград, он утверждал, что медленное продвижение немецких войск к Волге объясняется желанием избежать здесь мясорубки, подобной Вердену, равно как длительная осада Севастополя призвана была предотвратить большие потери в немецких войсках.

Только в последние месяцы войны, когда поражение Германии было уже очевидно для всех, мотив жертвенности стал преобладать в гитлеровских речах.

Так, 7 октября 1944 года фюрер обратился с посланием к членам Гитлерюгенда, добровольно отправившимся на фронт: «Моя молодежь! Я с радостью и гордостью узнал о вашем желании уйти на фронт добровольцами всем классом 1928 года рождения. И в этот решающий для Рейха час, когда над нами нависла угроза ненавистного врага, вы дали нам всем вдохновляющий пример боевого духа и безоглядной преданности делу победы, каких бы жертв это от вас ни потребовало... Нам известны планы врагов, направленные на безжалостное уничтожение Германии. Именно по этой причине мы будем сражаться еще более преданно во имя Рейха, в котором вы сможете с честью трудиться и жить... Жертвы, принесенные нашим героическим юным поколением, найдут свое воплощение в победе, которая обеспечит нашему народу, национал-социалистическому Рейху гордое и свободное развитие».

Но первой военной осенью Гитлеру еще казалось, что победы можно достичь малой кровью. 9 октября 1939 года он издал приказ о наступлении на Западе: «Дальнейшее выжидание приведет не к отказу Бельгии и Голландии от благоприятного для наших западных противников нейтралитета, а в значительной мере усилит военную мощь наших врагов, лишит нейтральные страны веры в окончательную победу Германии и не будет способствовать привлечению Италии на нашу сторону в качестве военного союзника... В связи с этим для продолжения военных действий приказываю...

А. Подготовить наступательную операцию на северном фланге Западного фронта на территории Люксембурга, Бельгии и Голландии. Наступление должно быть начато максимальными силами и в возможно кратчайшие сроки.

Б. Целью операции должен стать разгром максимального количества оперативных соединений французской армии и воюющих на ее стороне союзников и одновременный захват как можно большей территории Голландии, Бельгии и Северной Франции в качестве плацдарма для развертывания воздушных и морских действий против Англии и обеспечения жизненно важной Рурской области».

Но планы Гитлера скорректировала погода. Как отмечал впоследствии Йодль, «сильнее Гитлера оказался только бог природы. Похолодание так и не наступило. Пришлось ожидать сухой весны. Дата 10 мая 1940 года была выбрана правильно. Гитлер наметил направление прорыва через Мобеж на Аббевиль. Планы Генерального штаба по охвату противника он сломал путем поначалу осторожного, а потом все более настойчивого и бесцеремонного вмешательства в оперативное руководство». Гитлер поддержал план Манштейна нанести главный удар в Южной Бельгии, в том числе в считавшихся непроходимыми для танков Арденнах, тогда как руководство сухопутной армии собиралось, как и в Первой мировой войне, нанести главный удар в Северной и Центральной Бельгии. В итоге была доказана правота Гитлера и Манштейна. Германские танки смогли преодолеть Арденнский массив и нанесли удар там, где французское командование его не ожидало.

Гитлер также был инициатором и непосредственным руководителем норвежской операции, проходившей при тесном взаимодействии сухопутной армии, флота и люфтваффе. Ему удалось преодолеть скептицизм военных, и, несмотря на большие потери флота, операция завершилась полным успехом.

Вопреки распространенному мнению, нельзя считать ошибкой Гитлера и нападение на Россию. Еще 23 ноября 1939 года, выступая перед руководством вермахта, фюрер утверждал: «Сейчас фронт на Востоке удерживается всего несколькими дивизиями... Россия в данный момент не опасна. Она ослаблена многими внутренними обстоятельствами. К тому же с Россией у нас есть договор. Договора соблюдаются столь долго, сколь долго это является целесообразным... Сейчас у России далеко идущие цели, прежде всего — укрепление своей позиции на Балтийском море (неделю спустя Красная Армия

вторглась в Финляндию. — Б. С.). Мы сможем выступить против России только тогда, когда у нас освободятся руки на Балтике. Далее, Россия желает усиления своего влияния на Балканах и направляет свои устремления к Персидскому заливу, а это отвечает и интересам нашей политики... В данный момент интернационализм отошел для нее на задний план. Если Россия от него откажется, она перейдет к панславизму. Заглядывать в будущее трудно. Но фактом является то, что в настоящее время боеспособность русских вооруженных сил незначительна. На ближайшие год или два нынешнее состояние сохранится... Время работает на нашего противника. Сейчас сложилось такое соотношение сил, которое для нас улучшиться не может, а может только ухудшиться». Уже в тот момент Советский Союз рассматривался Гитлером как опасный потенциальный противник Германии.

После победы над Францией Гитлер уверовал в собственный полководческий гений. Как утверждает Шпеер, Гитлер не раз говорил, что Германия проиграла Первую мировую войну прежде всего из-за отсутствия в стране политического единства, а также еще и потому, что «во главе войск стоял малоспособный главнокомандующий Вильгельм II... Затем Гитлер с удовольствием констатировал, что сейчас в Германии царит единство, отдельные земли и провинции ничего не значат, а на высших командных должностях стоят самые талантливые офицеры, независимо от их происхождения. Все дворянские привилегии ликвидированы. Политика, вооруженные силы и нация представляют собой единое целое. Во главе государства стоит он. С помощью его силы воли и энергии можно будет преодолеть все грядущие трудности.

Весь успех западной кампании Гитлер приписывал себе. Военные планы были его планы. «Я постоянно перечитывал, — уверял Гитлер при случае, — книгу полковника де Голля о возможностях современного метода ведения войны моторизованными войсками и учился по этой книге».

После того как летом 1940 года люфтваффе проиграло «Битву за Британию» и высадку на Британские острова пришлось отложить на неопределенный срок, все силы были брошены на подготовку войны против России. 9 января 1941 года Гитлер предупредил руководителей вермахта: «Высадка в Англии возможна только тогда, когда будет завоевано полное господство в воздухе и в самой Англии наступит определенный паралич. Иначе это преступление». Тогда же он заявил: «Сталин, властитель России, — умная голова, он не станет открыто выступать против Германии, но надо рассчитывать на то, что в тяжелых для Германии ситуациях он во всевозрастающей мере будет создавать нам трудности. Он хочет вступить во владение наследством обедневшей Европы, ему также нужны успехи, его воодушевляет натиск на Запад. Ему также совершенно ясно, что после нашей победы положение России станет очень трудным.

Англичан поддерживает возможность русского вступления в войну. Будь эта последняя континентальная надежда разрушена, они бы прекратили борьбу... Если англичане продержатся, если они сумеют сформировать 40—50 дивизий и им помогут США и Россия, для Германии возникнет очень тяжелое положение. Этого произойти не должно. До сих пор я действовал по принципу: чтобы сделать следующий шаг, надо разбить важнейшие вражеские позиции. Вот почему надо разбить Россию. Тогда либо англичане сдадутся, либо Германия продолжит войну против Британской империи при самых благоприятных условиях. Разгром России позволил бы и японцам все свои силы развернуть против США, а это удержало бы США от вступления в войну».

А накануне самоубийства фюрер, по воспоминаниям главы Гитлерюгенда Артура Аксмана, так объяснял мотивы нападения на Россию: «Вдруг из своей комнаты вышел Гитлер. Он был в сером пиджаке, на лацкане которого были золотой знак партии и Железный крест 1-го класса, в черных брюках навывпуск, в

мягких ночных туфлях... Шел он медленно, волоча ногу и словно бы не глядя ни на кого...

Гитлер движением руки пригласил меня сесть и сел сам. Сначала мы молчали. У меня в голове роилось много вопросов, но я никак не мог собраться и начать разговор.

Мы говорили о войне с Россией, и Гитлер доказывал, что ни одно из решений, принятых им во время войны, не было серьезнее решения напасть на Россию, хотя он мучительно обдумывал опыт Наполеона.

У нас не было выбора, пояснял мне Гитлер, мы должны были выбросить Россию из европейского баланса сил. Само ее существование было угрозой для нас. К тому же мы боялись, что Сталин проявит инициативу раньше, причем в катастрофических для нас условиях. Мы не сумели оценить силу русских и все еще мерили их на старом ладе.

Мы были одни в помещении, никто не проходил во время разговора. Слышалось лишь приглушенное жужжание вентиляторов, да иногда доносилась, как нам казалось, далекая стрельба. После небольшой паузы Гитлер сообщил мне, что он завтра уходит из жизни.

«Я буду с вами», — ответил я ему. «Нет, — решительно сказал он, — ваше место среди живых...» Затем он с трудом поднялся, попрощался и, согнувшись, ушел в свою комнату. Больше я его никогда не видел.

Гитлер хорошо понимал трудности, связанные с войной против России. На совещании со своими генералами 30 марта 1941 года он отметил, что величина российской территории сама по себе представляет трудноразрешимую проблему, что у Красной Армии больше всех в мире танков, что у нее очень сильная в количественном отношении авиация, а также что союзники Германии не оставляют никаких иллюзий насчет собственной боеспособности.

А 15 апреля 1945 года, за две недели до конца, фюрер так обосновал в беседе с Борманом свое решение 1940 года напасть на Советский Союз: «Нам не оставалось никакого иного выбора... Нашим единственным шансом победить Россию было упредить ее нападение, ибо оборонительная война против Советского Союза являлась для нас не подлежащей обсуждению. Мы никоим образом не имели права предоставить Красной Армии территориальные преимущества, дать ей воспользоваться нашими автострадами для натиска красных танков, нашими железными дорогами — для переброски ее войск и техники... Уже с этого момента (подписания советско-германского пакта о ненападении. — Б. С.) я знал, что Сталин рано или поздно отпадет и перейдет в лагерь союзников. Должен ли я был выжидать и дальше, чтобы лучше вооружиться?.. Мы дорого заплатили бы за отсрочку на неопределенное время. Нам пришлось бы уступить большевистским попыткам оказать вымогательское давление в отношении Финляндии, Румынии, Болгарии и Турции. Об этом не могло быть и речи».

Показательно, что перед смертью Гитлер не стал повторять им же санкционированную официальную пропагандистскую ложь об операции «Барбаросса» как о «превентивной войне», а честно признался, что напал на Россию как на опасного геополитического соперника, который когда-нибудь в будущем (но отнюдь не в 1941 году) может напасть на Германию, особенно если для Рейха сложится критическая ситуация, — скажем, в результате вступления в войну США и высадки западных союзников на Европейский континент.

31 июля 1940 года Гитлер впервые поделился с командованием германской армии конкретными планами нападения на СССР: «Надежда Англии — Россия и Америка. Если рухнут надежды на Россию, Америка также отпадет от Англии... Если Россия будет разгромлена, Англия потеряет последнюю надежду. Тогда господствовать в Европе и на Балканах будет Германия. В соответствии с этим рассуждением Россия должна быть ликвидирована. Срок — весна 1941 года».

Но против войны с Россией возражали руководители вермахта: Геринг, Мильх, Редер... Начальник Генерального штаба сухопутных сил Франц Гальдер предупреждал, что план «Барбаросса» — рискованный с военной точки зрения. Кейтель, когда узнал о твердом намерении фюрера вторгнуться в Россию (а это произошло 31 июля 1940 года; с Йодлем же Гитлер обсуждал эту тему еще в конце июня), выразил крайнюю обеспокоенность этой идеей. В Нюрнбергской тюрьме фельдмаршал вспоминал: «Оказалось, Гитлер уже поручил главнокомандующему сухопутными войсками сосредоточить большое число дивизий в генерал-губернаторстве (в оккупированной немцами части Польши, не включенной в состав Рейха. — Б. С), а также произвести расчет времени, необходимого для развертывания войск против сконцентрированных в Прибалтике и в Буковине значительных русских контингентов, внушавших фюреру сильное подозрение насчет советских планов.

Я сразу же привел контрдовод: 40—50 дивизий и крупные силы нашей авиации заняты в Норвегии, Франции и Италии, и мы не можем высвободить их оттуда, следовательно, нам будет не хватать их для войны с Востоком. Без них же мы окажемся для этой войны слишком слабы. Гитлер немедленно возразил: это не причина, чтобы не предотвратить грозящую опасность: он уже приказал Браухичу удвоить число танковых дивизий. В заключение фюрер добавил: я создал сильную армию не для того, чтобы она оставалась не использованной для войны. Сама собой война не окончится, англичан он весной 1941 года сухопутными войсками атаковать уже не сможет и высадка в Англии в том году неосуществима...

На следующий день я попросил у фюрера короткой аудиенции, намереваясь задать ему вопрос насчет причин, заставляющих его оценить положение с Россией как угрожающее. Он, если обобщить, сказал, что никогда не упускал из вида неизбежность столкновения между обоими диаметрально противоположными мировоззрениями, что в возможность уклониться от этого столкновения не верит, а потому лучше, чтобы эту трудную задачу он взял на себя, а не оставил своему преемнику. В целом же, как он считает, имеются все признаки того, что Россия готовится к войне с нами, поскольку она вышла далеко за рамки, касающиеся Прибалтики и Бессарабии, пользуясь тем, что наши войска связаны на Западе. Пока он намерен осуществить лишь меры предосторожности, чтобы не оказаться застигнутым врасплох, а решение примет не ранее, чем его подозрения подтвердятся.

На мое возражение, что наши силы уже заняты на других театрах войны, Гитлер ответил: он хочет переговорить с Браухичем о перераспределении сил и средств, а также о замене частей во Франции...

Несколько дней спустя я после обсуждения обстановки передал написанную от руки памятную записку фюреру; он пообещал по ознакомлении с нею переговорить со мной. Напрасно прождав несколько дней, я напомнил ему и был приглашен на послеобеденное время. Разговор свелся к... нотации Гитлера, заявившего, что мои соображения его никоим образом не убедили, а моя оценка стратегической обстановки — неправильна. Неверна и моя ссыла на прошлогодний договор с Россией: Сталин так же, как и он сам, не станет больше соблюдать его, если положение изменится и предпосылки для соблюдения договора исчезнут. Ведь Сталин заключил этот договор для того, чтобы при разделе Польши обеспечить свою долю, а во-вторых, чтобы побудить нас к войне на Западе, рассчитывая, что мы там крепко вгрыземся в землю и понесем тяжелые, кровавые жертвы. Этот выигрыш времени и израсходование нами своей силы Сталин хочет использовать против нас, чтобы тем легче поставить Германию на колени.

Я был весьма обескуражен суровой критикой и тем тоном, каким все это мне выговаривалось, и сказал: в таком случае лучше заменить другим начальником,

способность которого к стратегическим оценкам он считает выше моей. Поэтому я чувствую себя не на высоте своего положения и прошу использовать меня на фронте. Гитлер самым резким тоном отказался сделать это. Только он один вправе заявить мне, что мое суждение неправильно, и он категорически запрещает генералам подавать в отставку, когда их ставят на место. Прошлой осенью ему пришлось сказать то же самое Браухичу. Мы оба встали, и я молча вышел, памятная записка осталась у него в руке. Она наверняка исчезла в его бронированном сейфе; вполне возможно, что она была сожжена; вполне может быть и то, что черновик ее сохранился в бумагах штаба оперативного руководства вермахта; во всяком случае, Йодль и Варлимонт утверждают, что читали его».

Этот меморандум Кейтеля после войны так и не был найден. Скорее всего, Гитлер сжег его в последние дни своей жизни вместе с другими бумагами личного архива. Из того, что рассказал Кейтель в Нюрнберге своему адвокату доктору Отто Нельте, следует, что в этом меморандуме фельдмаршал проводил три главные мысли. Германский военно-экономический потенциал слишком слаб. Распыление сил между Западом, Норвегией и Северной Африкой пагубно скажется на ходе будущей Восточной кампании. Германия не сможет в течение длительного времени вести войну на два фронта. Кроме того, если Советский Союз станет противником Германии, это значительно облегчит положение Англии. И надо самым серьезным образом опасаться вступления в войну Америки.

Аргументы Кейтеля и других генералов и адмиралов — противников нападения на СССР уже в 1941 году звучали весомо. И Гитлер это прекрасно сознавал. Но он также нисколько не сомневался, что Сталин рано или поздно ударит в спину Рейху, ведущему борьбу с Британской империей. Фюрер не предполагал, что советское нападение последует именно в 1941 году, и в этом смысле план «Барбаросса» не был планом превентивной войны в узком понимании. Он может расцениваться лишь как превентивный в самом широком смысле слова — против любых возможных будущих враждебных действий потенциального противника. Но таковой может считаться вообще любая наступательная война. Понятие превентивности в широком значении делает бессмысленным само понятие «агрессия» и потому в международном праве не применяется.

Гитлер же полагал, что Сталин все равно нападет на него. И неважно, случится ли это в 1942, 1943 или 1945 году. Все равно для Германии к любой из этих дат в стратегическом плане ничего не изменится. Высадка на Британских островах невозможна ни в 1941 году, ни вообще в обозримом будущем. Люфтваффе и германский флот значительно слабее британского флота и авиации, особенно с учетом того, что Англии все больше помогает Америка. Преодолеть это отставание за год или два нереально. Кроме того, для высадки нужны только 30—40 дивизий из более чем 200, которыми располагал вермахт в 1941 году. Главную роль в операции «Морской лев» будут играть флот и авиация. А до тех пор пока операция против Англии не станет возможной, сухопутная армия Германии будет пребывать в бездействии, которое пагубно сказывается как на моральном состоянии, так и на уровне боевой подготовки. Поэтому лучше использовать наступившую паузу для приведения в действие сухопутных войск, нанести удар по России в наиболее благоприятных для германской стороны условиях. Иначе потенциал России, которой наверняка будет помогать Америка, может увеличиться в большей степени, чем за это же время возрастет военно-экономический потенциал Германии.

Кейтель был прав, что в столкновении один на один Германия имела бы значительное превосходство над Россией. Но он также не ошибался и в том, что Германии придется держать основную часть авиации и флота, а также немалое число сухопутных соединений на Западе и в Северной Африке, а без их

участия возможность сокрушения России в ходе одной кампании выглядит весьма проблематичной. Понимал это и Гитлер. Его единственная надежда заключалась в том, что под влиянием военных поражений и гибели почти всей кадровой армии режим Сталина либо капитулирует, либо рухнет — и полномасштабное сопротивление на Востоке прекратится. Тогда вермахту пришлось бы бороться лишь с партизанами и небольшим числом опирающихся на Урал регулярных соединений. И борьба пошла бы примерно так же, как в Китае между японской армией и войсками Чан Кайши. По сути, японцам противостояли лишь партизанские отряды, а немногие китайские регулярные части располагали крайне ограниченным количеством вооружения и боеприпасов, поставленных союзниками. Они в состоянии были сковывать определенное количество японских войск, но не могли отвоевать потерянных территорий и вообще не могли предпринимать широкомасштабных наступательных операций. Примерно на такой исход операции «Барбаросса» и рассчитывал Гитлер. Но даже если бы этот расчет оправдался, решающего значения для исхода Второй мировой войны он бы не сыграл. Ведь завоевание советской территории вплоть до линии Архангельск — Астрахань не могло иметь сколько-нибудь решающего значения для развития люфтваффе и германского флота, равно как и для реализации германского ядерного проекта. Урановых месторождений на этой территории не было. Следовательно, и кардинального изменения в противостоянии Рейха с Англией и Америкой все равно бы не произошло. Британские острова по-прежнему остались бы недостижимой целью, а из-за колоссальной разности военно-экономических потенциалов время продолжало бы работать в пользу западных союзников, а не Рейха. Англо-американская авиация по мере своего усиления наращивала бы свои атаки против германской промышленности и транспортной инфраструктуры. А атомную бомбу американцы все равно сделали бы гораздо раньше немцев. Вероятно, и в этом случае война закончилась бы победой западных союзников, но в более поздние сроки и со значительно большими потерями английских и американских армий при высадке на Европейский континент. И тогда наверняка первые атомные бомбы, решающие для исхода войны, были бы сброшены не на Хиросиму и Нагасаки, а на Берлин, Мюнхен, Нюрнберг...

Самое же интересное, что и Гитлер, и Кейтель, и практически все немецкие генералы ошибались, когда полагали, что Советский Союз точно не нападет на Германию в 1941 году. И потому ни в первоначальных разработках, ни в самом плане «Барбаросса» не было предусмотрено каких-либо оборонительных мер на случай внезапного советского нападения. Допускалось только, что в тот момент, когда приготовления к немецкому вторжению станут очевидны, Красная Армия может попытаться упредить вермахт и ударить по Румынии. В связи с этим немцы осуществили на румынской территории ряд оборонительных мероприятий, и вторжение оттуда на советскую территорию планировалось не в первый день операции «Барбаросса», а немного позднее, когда станет ясно, попытается ли Красная Армия войти в Румынию или нет.

На самом же деле Сталин собирался напасть на Германию еще в 1940 году, когда вермахт предпримет большое наступление на Западе и, как надеялся советский диктатор, надолго увязнет на «линии Мажино». Поэтому уже в конце февраля 1940 года, когда еще продолжалась советско-финская война и существовала реальная опасность прибытия на помощь финнам англо-французского экспедиционного корпуса, Сталин одобрил директивы Красной Армии и флоту, в которых главным вероятным противником были названы Германия и ее союзники. Также еще до заключения мира с Финляндией, 5 марта 1940 года, Политбюро приняло решение о расстреле 14,7 тысячи пленных польских офицеров и около 11 тысяч польских гражданских пленных из числа представителей имущих классов и интеллигенции. Все они были расстреляны на

протяжении апреля и первой половины мая. Эта, казалось бы, абсурдная акция получает свое объяснение только в свете предположения, что Сталин уже летом 1940 года собирался напасть на Германию. Он рассчитывал, что Гитлер увязнет в затяжной борьбе на Западе и Красная Армия сможет внезапно ударить немцам в спину, пользуясь тем, что на советско-польской границе осталось всего 12 слабых, второочередных пехотных дивизий. Сразу же после заключения мира с Финляндией 13 марта 1940 года основная часть дивизий и вся авиация с финского фронта стали перебрасываться на Запад. Здесь советские войска к июлю 1940 года имели против Германии и Румынии 84 стрелковые и 13 кавалерийских дивизий, подкрепленных 17 танковыми бригадами, в каждой из которых было по 200 и более танков. Сталин надеялся, что с 12 немецкими дивизиями такая армада, пусть даже не слишком здорово показавшая себя в финской кампании, как-нибудь справится. И не случайно срок демобилизации тех, кто был призван на финскую войну, отложили до 1 июля 1940 года. Вероятно, советское нападение планировалось на конец июня или начало июля. В ночь на 7 мая 1940 года Сталин говорил в своем близком кругу: «Воевать с Америкой мы не будем... Воевать мы будем с Германией! Англия и Америка будут нашими союзниками!» Однако слишком быстрый крах французского Сопротивления заставил советского вождя отложить нападение на Германию на 1941 год, когда будут сформированы новые механизированные корпуса и резко возрастет боевая мощь советской авиации, которая должна будет получить новые машины. Пока же войска, предназначавшиеся для вторжения в Германию, во второй половине июня и в начале июля оккупировали Литву, Латвию, Эстонию, Бессарабию и Буковину. С новых плацдармов Красная Армия могла угрожать Восточной Пруссии, южному побережью потерпевшей поражение, но не сломленной Финляндии и румынским нефтяным промыслам.

Основная часть предназначенных для вторжения немецких дивизий начала перебрасываться к советским границам только с февраля 1941 года, причем почти все танковые дивизии и вся авиация перебрасывались на Восток в последние две недели перед нападением на СССР. Сталин расценивал перемещение германских соединений на Восток как оборонительное мероприятие против возможного советского наступления. Он был уверен, что Гитлер не нападет на СССР до завершения войны с Англией, и сам готовился к нападению на Германию. В стратегическом плане развертывания Красной Армии, принятом в марте 1941 года, срок начала наступления против Германии был назначен на 12 июня. Однако выдержать его не удалось, так как войска и материальные запасы своевременно не прибыли. 15 мая в Генштабе Красной Армии был разработан план превентивного удара по Германии, который предполагалось нанести, судя по срокам проведения подготовительных мероприятий, в первой половине июля. Основным направлением наступления было выбрано юго-западное, где в районе Краков — Катовице 152 советские дивизии, по мысли разработчиков плана генералов Василевского и Ватутина, должны были нанести поражение 100 немецким дивизиям. На самом деле здесь вермахт располагал только 30 дивизиями, и советский удар пришелся бы в пустоту. Наступающая группировка Красной Армии неминуемо попала бы под фланговый удар самой мощной группы армий «Центр» и была бы разгромлена.

Советские войска должны были к 1 июля 1941 года закончить выдвижение к германской границе. Также 4 июня Политбюро приняло решение к 1 июля сформировать польскую дивизию Красной Армии из «благонадежных» польских военнопленных и советских граждан с польскими фамилиями. Точно так же перед нападением на Финляндию в СССР был сформирован финский корпус Красной Армии, а в германской армии накануне нападения на Советский Союз создавались украинские разведывательно-диверсионные батальоны «Нахтигаль»

и «Роланд» и эстонский разведывательно-диверсионный батальон «Эрна». Так что Гитлер, осуществляя план «Барбаросса», упредил советский удар против Германии, готовившийся на июль 1941 года.

Кейтель вспоминал перед казнью, что после нападения Германии на СССР выяснилось, что количество советских войск и вооружений оказалось значительно большим, чем насчитывала германская армия вторжения. И в этом он был прав. Как показывают объективные подсчеты, к 22 июня 1941 года в советских западных округах насчитывалось, с учетом призванных из запаса, 4,1 миллиона бойцов и командиров против 2,5 миллиона у вермахта (еще 800 тысяч немецких солдат и офицеров вступили в дело в июле и в августе). Советская сторона имела на западе к 22 июня 1941 года 12,8 тысячи танков и 8154 боевых самолета против 3350 танков и 1860 (а с учетом авиации в Северной Норвегии — до 2000) самолетов у вермахта. Надо учесть, что численность немецких танков дается с учетом танков двух дивизий резерва Верховного главнокомандования, переброшенных на Восток только осенью 1941-го. Я сознательно привожу цифры по соотношению сил без учета германских союзников, поскольку далеко не факт, что в случае внезапного советского вторжения в Германию и Польшу румыны, венгры, словаки и финны обязательно выступили бы на стороне гитлеровского Рейха.

Кейтель утверждал: «После нашего превентивного нападения на СССР я вынужден был признать, что Гитлер в оценке предстоящего русского наступления все же оказался прав. Однако, исходя из моих впечатлений от пребывания в Советском Союзе в качестве гостя Красной Армии на военных маневрах 1932 года, я оценивал русский военный потенциал иначе, чем Гитлер. Он постоянно исходил из того, что Россия находится в периоде создания собственной военной промышленности и еще отнюдь не завершила эту задачу, а также из того, что Сталин уничтожил в 1937 году весь первый эшелон высших военачальников, а способных умов среди пришедших на их место пока нет. Он был одержим идеей: столкновение так или иначе, но обязательно произойдет, и было бы ошибкой ждать, когда противник изготвится и нападет на нас. Одна лишь оценка советской военной промышленности и ее мощностей (даже без Донбасса) была тяжким заблуждением Гитлера; русское танкостроение настолько опередило наше, что мы так никогда и не смогли наверстать это отставание.

Однако я должен четко констатировать, что за исключением разработок Генштаба сухопутных войск в штабе оперативного руководства вермахта ОКВ никакой подготовки к войне на Востоке до декабря 1940 года не велось, кроме улучшения, в соответствии с приказами, железнодорожной сети и расширения перевалочных возможностей для переброски войск к восточной границе на бывшей польской территории».

Строго говоря, факты, перечисленные Кейтелем, давали представление о подготовительных мероприятиях к вторжению. Однако меры такого рода могли иметь и оборонительный характер, и сами по себе они еще не делали вторжение неизбежным.

Гитлер попытался втянуть Сталина в более тесный союз с Германией и побудить его предпринять активные действия против Англии. В этом случае СССР перестал бы быть потенциальным британским союзником, и нападение на него можно было отложить до завершения войны с Англией. 13 ноября 1940 года в Берлине в здании рейхсканцелярии состоялась последняя встреча Гитлера с главой советского правительства Молотовым. Фюрер заявил: «Чтобы германо-русское сотрудничество принесло в будущем положительные результаты, советское правительство должно понять, что Германия вовлечена в борьбу не на жизнь, а на смерть, которая должна быть доведена до успешного конца. Предпосылки для победы Германия хочет обеспечить себе любыми средствами.

Если СССР будет находиться в таком же положении, Германия продемонстрирует такое же понимание русских потребностей». Гитлер требовал признать германскую гегемонию в Европе, а Сталину предлагал в качестве объекта для экспансии Иран и страны Персидского залива, что неминуемо поссорило бы СССР и Великобританию.

Решение о нападении на Советский Союз было принято Гитлером после молотовского визита. Кейтель свидетельствует: «Я спросил Гитлера о результатах переговоров с Молотовым — он назвал их неудовлетворительными. Тем не менее решение о подготовке войны против СССР он все еще принимать не хотел, ибо намеревался подождать реакцию на эти переговоры из Москвы от Сталина... Мне, однако, было ясно: мы взяли курс на войну с Россией, и я не знаю, принял ли Гитлер во время переговоров все меры, чтобы не допустить ее. Ведь это было возможно только при его отказе от отстаивания германских интересов в Румынии, Болгарии и Прибалтике. Вероятно, он и на сей раз был прав, ибо, как только Сталин через год-два оказался бы готовым к нападению на нас, тут же наверняка последовали бы дальнейшие требования со стороны России; ведь для осуществления своих целей в Болгарии, на Дарданеллах и в финском вопросе он оказался достаточно силен уже к 1940 году. Сталин хотел выиграть время, после того как разгром Франции всего за шесть недель сорвал его график. Я не стал бы выдвигать такой гипотезы, если бы наше превентивное нападение в 1941 году не доказало уровень русских агрессивных намерений».

Когда из Москвы после возвращения туда Молотова поступил совершенно неудовлетворительный ответ от Сталина на германские предложения о присоединении СССР к Тройственному пакту, Гитлер больше не колебался. 26 ноября посол в Москве Ф.В. фон Шуленбург сообщил, что накануне Молотов пригласил его к себе и изложил условия, на которых СССР готов присоединиться к Тройственному пакту. Глава советского внешнеполитического ведомства, несомненно, говорил по поручению Сталина. Советский вождь хотел, чтобы Финляндия, Болгария и Румыния были отнесены к исключительной сфере советского влияния, а также настаивал на создании советских сухопутной и военно-морской баз в районе Босфора и Дарданелл. Ответом Гитлера стала директива № 21 от 18 декабря 1940 года о начале реализации плана «Барбаросса». Он не хотел так много уступать своему потенциальному противнику, столкновение с которым считал неизбежным. Укрепившись на Балканах и поставив под контроль румынскую нефть, Сталин значительно ухудшил бы стратегическое положение Германии. В то же время выполнение сталинских требований не делало СССР непримиримым врагом Англии и не исключало будущего советско-британского союза.

Целью операции «Барбаросса» провозглашалось уничтожение основной массы русской армии в Западной России и достижение в результате преследования линии Архангельск — Волга, с которой можно будет разрушить ударами авиации Уральский промышленный район.

План этой операции был уже не штабным этюдом или планом на всякий случай, а планом агрессии, ориентированной на определенный срок исполнения и предусматривающий широкомасштабное развертывание войск. Вот какую оценку дал ему Кейтель: «В начале декабря Гитлер принял окончательное решение готовить войну против Советского Союза с таким расчетом, чтобы иметь возможность начиная с марта 1941 года в любой момент дать приказ о планомерном сосредоточении войск на восточной границе, — это было равнозначно началу нападения в начале мая. Предпосылкой являлось беспрепятственное функционирование железнодорожного транспорта на полную мощность... Таким образом, в соответствии с отданными приказами свобода принятия решений сохранялась до середины мая. Как мне было ясно,

только совершенно непредвиденные события еще могли бы изменить решение начать войну».

Йодль на Нюрнбергском процессе утверждал, что Гитлер опасался советского нападения на Германию летом 1941 года или зимой 1941/42 года. Однако никакими документами это не подтверждается. Летняя же дата 1941 -го опровергается тем обстоятельством, что в плане «Барбаросса» не было предусмотрено никаких мероприятий на случай широкомасштабного советского нападения. На процессе Йодль утверждал, что советовал Гитлеру: «Если нет никакого другого средства и если действительно нет никаких политических средств отвлечь эту опасность (со стороны России. — Б. С.), то я вижу тогда только одну возможность, а именно нападение с превентивной целью...»

Столкновение двух тоталитарных диктатур неотвратимо приближалось, хотя из-за балканской кампании время германского вторжения было перенесено с середины мая на 22 июня. Не подозревая о намерениях противника, обе стороны практически одновременно двигались к барьеру. Но из-за менее четкой работы советских железных дорог, а возможно просто волею судьбы, Гитлер выстрелил первым. Но это все равно не принесло ему победы.

У Гитлера был единственный шанс добиться победы в России: выступить в роли освободителя ее народов от сталинской диктатуры, восстановить независимость Украины, государств Прибалтики и кавказских народов и сформировать антикоммунистическое российское правительство. Однако Гитлер не собирался сохранять Россию в качестве независимого государства, по крайней мере в европейской части страны. А Белоруссию, Украину и Прибалтику фюрер рассматривал лишь как жизненное пространство для германского народа. На этих территориях он не собирался создавать государства, пусть даже зависимые от Германии. А такая политика не позволяла сформировать массовые армии коллаборационистов и, наоборот, обеспечивала пополнение Красной Армии и антигерманских партизанских отрядов. Вот только один пример. Вскоре после занятия германскими войсками Львова капитан Теодор Оберлендер, занимавшийся формированием «восточных легионов», сумел добиться аудиенции у Гитлера. Он пытался убедить фюрера согласиться пообещать украинцам создание украинского государства. Гитлер прервал его доклад об Украине и сказал: «Вы в этом ничего не понимаете. Россия — это наша Африка, русские — это наши негры». Оберлендер позднее так суммировал свои впечатления от беседы: «С этим мнением Гитлера война проиграна».

А 16 июля 1941 года на совещании с Кейтелем, Розенбергом, Ламмерсом, Гиммлером, Герингом и Борманом Гитлер сформулировал цели германской политики в России: «Мы не должны раскрывать свои цели перед миром. Это вовсе не требуется. Главное, чтобы мы сами знали, чего мы хотим... Итак, снова будем подчеркивать, что мы были вынуждены занять район, навести в нем порядок и принять меры безопасности. Мы были вынуждены в интересах населения заботиться о спокойствии, пропитании, путях сообщения и т. п. Отсюда и происходит наше регулирование. Таким образом, не должно быть выявлено, что речь идет об окончательном урегулировании (еврейского вопроса. — Б. С.). Все необходимые меры — расстрелы, выселение и т. п. — мы, несмотря на это, осуществляем и можем осуществлять».

Мы, однако, отнюдь не желаем превращать преждевременно кого-либо в своих врагов. Поэтому пока мы будем действовать так, как если бы мы намеревались осуществлять мандат (оккупационных сил. — Б. С.). Но нам самим при этом должно быть абсолютно ясно, что мы из этих областей никогда уже не уйдем.

Исходя из этого, речь идет о следующем:

1. Ничего не строить для окончательного урегулирования, но исподволь подготовить все для этого.

2. Мы подчеркиваем, что несем свободу.

Крым должен быть освобожден от всех чужаков и заселен немцами. Точно так же австрийская Галиция должна стать областью Германского Рейха...

В основном дело сводится к тому, чтобы получить огромный пирог, с тем чтобы мы, во-первых, овладели им, во-вторых, управляли им, в-третьих, использовали его.

Русские в настоящее время отдали приказ о партизанской войне в нашем тылу. Это имеет и свои преимущества: партизанская война дает нам возможность истреблять всех, кто против нас...

Создание военной силы западнее Урала (независимой от Германии. — Б. С.) никогда снова не должно встать в повестку дня, даже если нам придется воевать для этого сто лет. Все мои последователи должны знать: Рейх будет в безопасности только в том случае, если западнее Урала не будет чужих войск. Защиту этого пространства от возможных опасностей берет на себя Германия. Железным законом должно быть: «Никому, кроме немцев, не дозволяется носить оружие!»

Это особенно важно. Даже если бы нам для достижения краткосрочных целей казалось бы необходимым привлечь вооруженную помощь со стороны каких-либо чужих, подчиненных народов, это было бы ошибкой. В один прекрасный день это неизбежно обернулось бы против нас самих. Только немец вправе носить оружие, а не славянин, не чех, не казак и не украинец.

Новоприобретенные восточные районы мы должны превратить в райский сад. Они для нас жизненно важны. Колонии по сравнению с ними играют совершенно подчиненную роль».

Беда в том, что коренному населению в этом новоявленном раю в лучшем случае отводилась роль слуг, а значительная его часть, и прежде всего евреи, подлежали полному истреблению или депортации за Урал.

Первые недели русской кампании прошли весьма гладко. На центральном направлении темпы продвижения вермахта оказались даже выше планируемых. Кадровые соединения Красной Армии понесли тяжелые потери. Но советское сопротивление не прекратилось и постепенно усиливалось. И уже через два месяца после начала войны обнаружился кризис германской стратегии. Стало ясно, что до зимы всех намеченных целей достичь не удастся. Встал вопрос о выборе приоритетов.

21 августа 1941 года Гитлер издал директиву, которую Гальдер назвал «решающей для всей Восточной кампании». Она гласила: «Важнейшей задачей до наступления зимы является не захват Москвы, а захват Крыма, промышленных и угольных районов на реке Донец и блокирование путей подвоза русскими нефти с Кавказа. На севере такой задачей является окружение Ленинграда и соединение с финскими войсками. На редкость благоприятная оперативная обстановка, сложившаяся в результате выхода наших войск на линию Гомель — Почеп, должна быть незамедлительно использована для проведения операции смежными флангами групп армий «Юг» и «Центр» по сходящимся направлениям. Цель этой операции не только вытеснение за Днепр 5-й русской армии частным наступлением 6-й немецкой армии, но и полное уничтожение противника, прежде чем его войска сумеют отойти на рубеж Десна, Конотоп, Сула. Тем самым войскам группы армий «Юг» будет обеспечена возможность выйти в район восточнее среднего течения Днепра и своим левым флангом совместно с войсками, действующими в центре, продолжать наступление в направлении Ростов, Харьков». Эта директива знаменовала собой временный отказ от наступления на Москву и поворот основных сил вермахта на юг с целью овладения промышленным потенциалом, топливно-сырьевыми ресурсами и

продовольствием Украины. Одновременно группа армий «Север» должна была установить блокаду Ленинграда и не допустить тем самым активных действий советского флота на Балтике, мешающих транспортировке из Швеции жизненно важной для экономики Германии железной руды. Среди генералов и историков до сих пор продолжаются споры, имела ли директива от 21 августа роковое значение для Восточного похода вермахта и мог бы Гитлер выиграть войну, если бы тогда начал наступление не на Киев, а на Москву. Ниже я подробнее остановлюсь на этом вопросе.

Поздней осенью Гитлеру стало ясно, что блицкриг в России не удался. А это, по его мнению, исключало достижение полной победы Германии в мировой войне. Уже 19 ноября 1941 года фюрер заявил Гальдеру, что Германии не удастся добиться полной победы над Россией и ее союзниками и война закончится компромиссным перемирием: «В целом можно ожидать, что обе враждующие группы стран, не будучи в состоянии уничтожить одна другую, придут к компромиссному соглашению». 1 декабря командующий группой армий «Центр» фельдмаршал Феодор фон Бок доносил главному сухопутных сил фельдмаршалу Вальтеру фон Браухичу, что войска не в состоянии вести планомерные наступательные действия. Последний бросок группы армий «Центр» к Москве закончился неудачей. А советское контрнаступление похоронило последние надежды Гитлера на достижение скорой победы.

Как утверждал Йодль на допросе 15 мая 1945 года, «с того момента, как зимой 1941/42 года разразилась катастрофа... ни о какой победе не могло быть и речи». Но и реального сценария для Германии свести войну хотя бы вничью в тот момент не существовало.

Тупиковая ситуация в России побудила Гитлера форсировать мобилизацию промышленности. 21 марта 1942 года он отдал распоряжение: «Все процессы в экономике Германии должны быть направлены на удовлетворение насущных потребностей военной промышленности». А 28 марта 1942 года на совещании с руководством вермахта Гитлер заявил: «Исход войны решается на Востоке... Ни при каких обстоятельствах не отказываться от наступления на юге. Русские должны бросить все свои силы вдогонку нашим войскам. Районы нефтедобычи жизненно необходимы русским». Промышленность должна была обеспечить новое наступление вооружением, боевой техникой и боеприпасами, а также необходимым зимним обмундированием, от недостатка которого так страдал вермахт в первую русскую кампанию.

После битвы под Сталинградом у Германии оставалась лишь призрачная надежда на исход вничью. Генерал Йодль писал после войны в Нюрнбергской тюрьме, что, когда вслед за Сталинградом в конце 1942 года «Роммелю, разбитому у ворот Египта, пришлось отойти к Триполи, когда союзники высадились во французской Северной Африке, Гитлер ясно осознал, что бог войны отвернулся от Германии и перешел в другой лагерь».

Трудно сказать, действительно ли фюрер верил в «чудо-оружие» (ракеты «Фау-1» и «Фау-2», реактивные истребители, новейшие подлодки, способные к длительному автономному плаванию) как последнее средство достижения если не победы, то хотя бы результата вничью. Создается впечатление, что «чудо-оружие» для Гитлера в большей мере было пропагандистским средством, чтобы побудить и германский народ, и собственное окружение сражаться до конца в заведомо безнадежных обстоятельствах. Во всяком случае, то, что Рейх не выйдет победителем из войны, Гитлер осознал задолго до того, когда в марте 1945-го на замечание одного генерала, что победы одержать не удастся, мрачно заметил: «Это я и сам знаю». Единственный вид «чудо-оружия», который действительно мог бы повлиять на ход войны, проект по созданию ядерной бомбы, сражающейся Германии, особенно в условиях массированных англо-американских бомбардировок, оказался не под силу и был окончательно ос-

тавлен летом 1943 года. Накопленные к тому времени запасы урана — 1200 тонн — А. Шпеер вынужден был пустить на изготовление сердечников для бронебойных снарядов вместо дефицитного вольфрама, импорт которого из Португалии был временно прекращен. Но, по утверждению Шпеера, еще осенью 1942 года, когда Вернер Гейзенберг и другие руководители атомного проекта сообщили, что годную для боевого применения атомную бомбу Германия сможет создать не ранее чем через три-четыре года, Гитлер по инициативе Шпеера распорядился постепенно свернуть ядерную программу, поскольку за этот срок исход войны в любом случае будет определен и без ядерного оружия, а скорее всего, она уже просто закончится.

Шпеер утверждал, что после Сталинграда и Эль-Аламейна «люди из ближайшего окружения Гитлера с тревогой наблюдали за его поведением. Он становился все более замкнутым и перед принятием решений уединялся в наглухо изолированном помещении. Его ум утратил прежнюю гибкость и не в состоянии был рождать новые идеи. Говоря образно, он мог идти только по проторенной дороге — у него не было сил сойти с нее.

Основной причиной его упрямства было безнадежное положение, в котором он оказался из-за несокрушимой мощи противников. В январе 1943 года они договорились требовать только безоговорочной капитуляции Германии. Гитлер, был, пожалуй, единственным, кто полностью осознал всю серьезность их заявлений и не строил никаких иллюзий, в то время как Геринг, Геббельс и кое-кто еще из его соратников подчас в разговорах не скрывали намерений использовать политические разногласия между Англией, США и Советским Союзом. Другие ожидали, что он сам прибегнет к политическим средствам и таким образом попытается смягчить последствия своих провалов. Разве раньше, в период между оккупацией Австрии и заключением пакта о ненападении с Советским Союзом, он с кажущейся легкостью не выходил из затруднительных положений с помощью всяких хитроумных уловок? Теперь же на оперативных совещаниях он все чаще повторял: «Не стройте иллюзий. Назад пути нет. Мы можем двигаться только вперед. Все мосты за нами сожжены». Этими словами Гитлер отказывал своим министрам в праве на любые мирные инициативы».

А чего тут удивляться? Гитлер был реалист и прекрасно понимал, что после его агрессии никто из лидеров западных держав не рискнет вернуться к политике «умиротворения», тем более после того, как германское наступление было остановлено на всех фронтах и вермахт повернул вспять. К тому же Гитлеру пришлось бы иметь в качестве потенциальных партнеров по переговорам уже не Чемберлена и Даладье, а Черчилля и Рузвельта, а эти люди, как понимал фюрер, меньше чем на безоговорочную капитуляцию не согласятся. И точно так же у Гитлера не было никаких иллюзий насчет позиции Сталина, так как с германским вторжением был похоронен пакт о ненападении.

Единственным реальным шансом на окончание войны вничью Гитлер считал разногласия между союзниками. 31 августа 1944 года он заявил в «Вольфшпанце»: «Для политического решения время еще не созрело. Я не раз доказывал в своей жизни, что могу добиваться политических успехов. И никому не должен объяснять, что я не упущу такой возможности еще раз. Но разумеется, было бы наивным во времена тяжелых военных поражений надеяться на благоприятный политический момент. Такие моменты могут возникнуть, когда придут военные успехи... Настанет момент, когда разногласия между союзниками будут столь велики, что дело дойдет до разрыва. Коалиции во всемирной истории всегда когда-нибудь рушились, надо только выждать момент, как бы тяжело ни было. Моя задача, особенно после 1941 года, заключается в том, чтобы при любых обстоятельствах не терять голову и, когда где-то что-то рушится, находить выход из положения и средства подправлять историю». Но при этом Гитлер сознавал, что самому проявлять инициативу в пе-

реговорах как с западными противниками, так и со Сталиным — дело заведомо безнадежное. Лидеры антигитлеровской коалиции сочтут подобные шаги лишь еще одним доказательством слабости Германии. Надежда была на то, что союзники смертельно перессорятся друг с другом из-за непримиримых геополитических противоречий, а потом сами начнут порознь искать сепаратных соглашений с Рейхом. Все, что здесь может сделать германская сторона, так это подбросить дровишек в костер межсоюзнических противоречий. И одну такую акцию Гитлер действительно провел — публично разоблачил Катынское преступление Сталина, расстрелявшего пленных польских офицеров. Однако даже столь сильный козырь не внес перелома в ход партии и не осложнил сколько-нибудь серьезно отношения между Сталиным, Рузвельтом и Черчиллем (хотя двое последних несколько не сомневались, что Катынь — советских рук дело). И Гитлер понимал, что только чудо, только рука Провидения может поссорить его врагов. Задачей фюрера начиная с 1943 года стало, в отличие от первоначальной стратегии блицкрига, затянуть войну как можно дольше, а Западу и Советам дать больше шансов разругаться друг с другом.

И фюрер мечтал, чтобы ссора между союзниками произошла еще до высадки англо-американских войск во Франции, после которой Германию уже мало что мог-ло спасти от разгрома. 3 ноября 1943 года Гитлер заявил на одном из совещаний: «Жестокая и связанная с большими потерями борьба против большевизма за последние два с половиной года потребовала участия больших военных сил и исключительных усилий... Опасность на Востоке осталась, но еще большая опасность вырисовывается на Западе: опасность англосаксонского вторжения!.. Если врагу удастся... вторгнуться на широком фронте в наши порядки, то последствия этого проявятся уже в самое ближайшее время». Также и генерал Варлимонт вспоминал, что Гитлер говорил ему в конце 1943 года: война будет проиграна, если вторжение союзников на континент увенчается успехом. А 1 января 1944 года фюрер пророчески заявил: «1944 год будет иметь тяжелые последствия для всех немцев. Жестокая война в этом году приблизится к критической точке». И он не ошибся. После высадки в Нормандии наступил крах Восточного фронта — и потери вермахта в России резко возросли. Воевать на два фронта Германия уже не могла, и немецкое сопротивление не продлилось и года.

Гитлер вполне способен был трезво и объективно оценивать военную обстановку, вникая в мельчайшие детали боевых действий. Генерал Ф. Зенгер-Эттерлин, как ревностный католик, не питавший к Гитлеру никаких симпатий, так описал свое награждение Рыцарским крестом с дубовыми листьями 18 апреля 1944 года: «Гитлер оставил гнетущее впечатление, и я невольно подумал о том, как отреагируют присутствовавшие на церемонии молодые офицеры и унтер-офицеры. Этого человека, дьявольскому упрямству и нигилистической воле которого был подчинен германский народ, многие из этих молодых людей все еще считали полубогом, которому можно полностью доверять, чье рукопожатие вселяет новые силы. На нем был желтый военный мундир с желтым галстуком и белым воротничком и черные брюки — не очень-то подходящий наряд! Невзрачная фигура и короткая шея придавали ему вид еще менее благородный, чем обычно. Большие голубые глаза, оказывавшие, очевидно, на многих гипнотическое воздействие, казались водянистыми, — вероятно, из-за постоянного применения стимулирующих препаратов. Рукопожатие было вялым, левая рука буквально свисала сбоку и подрагивала... В отличие от знаменитых воплей во время выступлений или вспышек гнева голос его звучал спокойно и приглушенно, что даже вызывало жалость, так как не могло скрыть его подавленности и слабости.

Еще более примечательными, чем внешний вид Гитлера, были слова, с которыми он обратился к этому небольшому кругу случайно собранных фронтовиков, когда сел с ними за круглый стол. Его общий обзор сложившейся обстановки был безупречен с точки зрения объективности. Он описал катастрофическое положение на Восточном фронте, где одно поражение следовало за другим. Гитлер сообщил нам, что битва на Атлантике вступила в критическую фазу, так как противник применил радар. Он едва упомянул наши успехи на итальянском фронте, которые всю использовала геббельсовская пропаганда. С другой стороны, он не скрывал беспокойства по поводу угрозы вторжения Запада и перспективы открытия второго фронта, который свяжет его силы. Единственным утешением этим солдатам должно было служить невнятное заявление о том, что все трудности должны быть преодолены с помощью «веры». Зенгера удивило и то, что на этот раз Гитлер ни слова не сказал о «чудо-оружии», сказками о котором пропаганда пичкала немецких граждан. Профессиональных военных в офицерских чинах было практически невозможно убедить в реальности этих проектов.

К июлю 1944 года военная промышленность Германии достигла максимального развития. Если в 1941 году индекс производства вооружений (без самолетов и вооружений ВМФ) по сравнению с 1939 годом снизился и составил всего 98 процентов, то в июле 1944 года он достиг уже 322 процентов. При этом трудоемкость увеличилась всего на 30 процентов. Министр вооружений Шпеер признавал: «Эти успехи были достигнуты отнюдь не за счет таланта моих сотрудников, хотя они своими организаторскими способностями внесли в них немалый вклад. Но решающую роль сыграла поддержка Гитлера во всех моих начинаниях. Я имел возможность в решающий момент бросить на чашу весов авторитет и безграничную власть фюрера». Но наряду с авторитарными методами мобилизации экономики Гитлер позволял использовать Шпееру, как тот пишет в своих мемуарах, «методы управления экономикой, свойственные демократическим государствам. Они основывались на полном доверии крупным промышленникам, и те, как правило, старались его оправдать. Таким образом поощрялась инициатива и пробуждалось чувство ответственности...»

Гитлер и в условиях военного времени стремился сочетать в экономике частную собственность с государственным авторитаризмом, считая такой способ организации военного производства оптимальным. Провести же мобилизацию промышленности для военных нужд заранее, еще до начала войны, фюрер не мог по ряду объективных причин. Такая мобилизация в условиях экономики, основанной на частной собственности, требовала много времени и не могла укрыться от глаз иностранных наблюдателей, поскольку в тот момент Германия не была изолированным от мира государством. А вся политика Гитлера как раз и строилась в расчете на то, чтобы как можно дольше и эффективнее использовать «курс на умиротворение», проводимый западными державами. Если бы в Германии началась мобилизация промышленности, даже такие неисправимые оптимисты, как Чемберлен и Даладье, догадались бы, что Гитлер готовится к мировой войне, а отнюдь не только к захвату Судет и Данцига. В условиях частной собственности даже в тоталитарном гитлеровском государстве нельзя было просто приказать промышленникам и финансистам в одночасье начать выпускать пушки вместо масла. Напомню, что Франция так и не успела мобилизовать свою промышленность, а Англии и США потребовалось несколько лет, чтобы использовать все возможности своего военного производства. Вот в Советском Союзе, где экономика была автаркической (где практически отсутствовали масштабные экспорт и импорт, равно как и частная собственность), мобилизация промышленности была проведена еще до войны, и уже к 1939 году экономика функционировала практически по нормам военного времени.

Отказываться от частной собственности в экономике Гитлер не собирался, но стремился подчинить частный капитал интересам государства. 26 июня 1944 года, выступая перед промышленниками в Берхтесгадене, Гитлер торжественно заявил: «Создатель не только творит, но и берет сотворенное им под свою опеку. В этом истоки и суть того явления, которое мы обозначаем как «частный капитал», «частное владение» или «частная собственность». Вопреки утверждениям коммунистов процесс развития человечества завершится не претворением в жизнь их идеала всеобщего равенства, т. е. коммунизмом, но, напротив, именно потому, что одни добьются чего-то в жизни, а другие нет, первые в конце концов неизбежно возьмут под свою опеку последних... Единственно возможной предпосылкой для продвижения человечества на пути к своему процветанию является всемерное поощрение частной инициативы. И если эта война завершится нашей победой, для германской экономики настанет эпоха расцвета частного предпринимательства. Не верьте, что я собираюсь создавать какие-либо органы государственного управления экономикой... Как только наступит мир, я тут же предоставляю полную свободу действий выдающимся деятелям германской экономики и буду внимательно прислушиваться к их советам... Лишь благодаря вам мне вообще удастся решать порожденные войной проблемы. В знак моей бесконечной благодарности я обещаю, что никогда не забуду ваших заслуг и что не найдется ни одного немца, который обвинит меня в невыполнении взятых на себя обязательств. Это означает: если я обещаю вам, что после войны наступит невиданный период расцвета германской экономики, то следует очень серьезно отнестись к моим словам. Они непременно сбудутся...

Нет сомнения, что если мы проиграем войну, то придется навсегда забыть об экономике, основанной на частной собственности. Ведь истребление германского народа, естественно, повлечет за собой полный крах германской экономики. И не только потому, что противнику не нужны конкуренты, — это слишком поверхностная оценка ситуации. Нет, речь идет о наших принципиальных разногласиях с ними. От исхода войны зависит, какая из двух точек зрения победит: или мы будем отброшены на несколько тысяч лет назад и вернемся фактически в первобытное состояние — ведь государство тогда будет регулировать всю производственную деятельность, — или же человечество будет и дальше развиваться естественным путем через поощрение частной инициативы... В случае поражения вам, господа, незачем будет заниматься перестройкой экономики на мирный лад. Ибо каждому из нас придется решать для себя проблему ухода в мир иной: сделает ли он это своими руками, даст себя повесить, предпочтет умереть от голода или же согласится отправиться на каторжные работы в Сибирь — ни о чем другом не придется размышлять».

В тот момент, после успешной высадки союзников в Нормандии и начала генерального советского наступления в Белоруссии, Гитлер вряд ли сомневался, что война с Германией проиграна. Так что речи о грядущем расцвете германской экономики в условиях господства частной собственности после победы, вероятно, преследовали две цели. Во-первых, побудить германский бизнес держаться до конца, согласившись с усиливающимся государственным регулированием, и не прибегать к акциям саботажа в расчете на благосклонность западных союзников. Во-вторых, Гитлер пытался обрисовать для истории некий экономический идеал национал-социализма. В условиях, когда Германия будет господствовать в мире, ее экономика должна давать преимущества носителям частной инициативы — тем, кто может добиться чего-то в жизни и выдается над толпой.

Но создать убедительную картину национал-социалистического рая Гитлеру помешал реализм. Осознание безнадежности положения прорвалось в словах о

необходимости подумать о способах наименее безболезненного ухода из жизни. Очевидно, уже в июне 1944-го Гитлер думал о самоубийстве.

Как утверждает А. Шпеер в своих мемуарах, 5 сентября 1944 года он направил Гитлеру и Йодлю меморандум, где заявил, что прекращение поставок хромовой руды из Турции приведет к полной остановке германской военной промышленности не позднее 1 января 1946 года. Гитлер «довольно спокойно выслушал мои аргументы... Вероятно, в тогдашней ситуации даже столь мрачный прогноз не произвел на него особого впечатления. Становился все более очевидным неотвратимый развал как Западного, так и Восточного фронта, и в этих условиях даже Гитлер в глубине души сознавал, что до 1 января 1946 года нам никак не продержаться».

В то время люфтваффе все реже поднималось в воздух из-за систематического уничтожения союзной авиацией заводов по производству синтетического горючего. Кроме того, были потеряны основные нефтяные месторождения в Плоешти. Сухопутная армия Германии утратила мобильность. Грузовики тянули волы или брали на буксир танки. Во время бомбардировок была разрушена транспортная инфраструктура, и Рур оказался почти в полной изоляции от остальной территории Рейха. Нарушилось бесперебойное снабжение населения топливом, электричеством и продовольствием. Большинству немцев стала очевидной неизбежность скорого конца.

Последнюю надежду на более или менее благополучное для Германии окончание войны Гитлер связывал с наступлением в Арденнах. Он говорил Шпееру: «Если это наступление не даст ожидаемых результатов, войну можно считать проигранной... Но мы своего добьемся!.. Достаточно будет осуществить один-единственный прорыв на Западном фронте! Вот увидите! Американцы в панике бросятся бежать. Мы прорвемся на центральном участке и захватим Антверпен. А без этого порта они не смогут снабжать свои войска по морю. Все английские армии окажутся в огромном «котле». Мы возьмем сотни тысяч пленных. Как прежде в России!»

Почему именно на Западном фронте Гитлер решил предпринять последнее крупное германское наступление во Второй мировой войне? Потому что сравнительно небольшая глубина театра военных действий оставляла здесь хоть какие-то шансы на достижение стратегического успеха. Главное же — для западного общественного мнения потеря нескольких сотен тысяч солдат и офицеров стала бы значимым событием и вызвала бы давление на правительство с требованиями заключения компромиссного мира. На Восточном же фронте, как Гитлер уже убедился в 1941—1942 годах, потери даже в миллионы пленных не побуждали Сталина прекратить войну. Общественное мнение в СССР вообще отсутствовало, и население безропотно переносило любые потери. А необъятная глубина Восточного театра военных действий не позволяла надеяться на достижение сколько-нибудь значительного успеха, тем более теми ограниченными силами, какие остались у Германии к концу 1944 года.

После неудачи арденнского наступления и выхода Красной Армии к Одере, казалось, ничто более не может спасти Германию от скорого краха. Однако, вопреки очевидным стратегическим соображениям, Сталин отказался от немедленного наступления на Берлин еще в феврале 1945-го, для чего были все возможности. «Дядя Джо» не доверял своим западным союзникам и опасался, что они могут в последний момент договориться с немцами если не о сепаратном мире, то, по крайней мере, о капитуляции немецких войск в Восточной Пруссии, Померании и даже Курляндии и вводе в эти районы англо-американских сил. Только этими соображениями можно объяснить то, что, перед тем как начать наступление на Берлин, Красная Армия предприняла бессмысленные со стратегической точки зрения наступательные операции

против померанской, восточнопрусской и курляндской группировок неприятеля, а, также в Австрии и Венгрии.

Внезапная остановка советского наступления на Берлин породила у Гитлера надежду на сепаратный мир с Советами. 5 марта 1945 года Геббельс записал в дневнике: «Фюрер думает найти возможность договориться с Советским Союзом, а затем с жесточайшей энергией продолжать войну с Англией. Ибо Англия всегда была нарушителем спокойствия в Европе. Если бы она была окончательно изгнана из Европы, то мы жили бы, по крайней мере, известный период времени в условиях спокойствия. Советские зверства, конечно, ужасны и сильно воздействуют на концепцию фюрера. Но ведь и монголы, как и Советы сегодня, бесчинствовали в свое время в Европе, не оказав при этом влияния на политическое разрешение тогдашних противоречий. Нашествия с Востока приходят и откатываются, а Европа должна с ними справляться». Однако никто ни на Востоке, ни на Западе договариваться с Гитлером не собирался. Тем более что уже в марте немецкий Западный фронт после окружения в Руре главных сил группы армий «Б» практически рухнул, и центральные районы Германии с запада прикрывали лишь очень незначительные силы.

В последние месяцы войны германское командование пыталось заставить войска сражаться столь же суровыми мерами, как и командование Красной Армии. Особенно неблагоприятной была ситуация на Западном фронте, где немецкие солдаты, зная, что Англия и США соблюдают Женевскую конвенцию об обращении с военнопленными, сдавались в плен гораздо охотнее, чем на Востоке. В конце 1944 года фельдмаршал Кейтель издал приказ, где потребовал: «Немедленно открывать огонь из всех видов оружия по каждому солдату, явно переходящему на сторону противника. При возникновении подозрения о том, что солдат перебежал к противнику, необходимо тотчас же на месте организовать судебное разбирательство. Следствие проводить немедленно и добросовестно. Если в результате расследования будет установлен факт перехода к противнику, то судебное разбирательство следует закончить приговором к смертной казни и приговор утверждать. Семья приговоренных к смерти перебежчиков отвечает за преступления осужденного имуществом, свободой или жизнью. Мера ответственности в каждом отдельном случае определяет рейхсфюрер СС и начальник германской полиции... При отсутствии неопровержимых фактов перехода на сторону противника следствие надлежит закончить соответствующим актом... О смертном приговоре или наказании семьи в каждом отдельном случае необходимо немедленно поставить в известность части дивизии или соответствующего ей соединения». Также и германские заградотряды должны были всеми средствами посылать солдат обратно в бой, не останавливаясь перед расстрелами, но при этом непременно требовалось созвать предварительно военный суд. Здесь было принципиальное различие с советской практикой бессудных расстрелов бойцов и командиров. Для германских солдат и офицеров могли иметь авторитет только репрессии, освященные судебным приговором. Для красноармейцев же, привыкших жить в страхе, военно-политическое руководство считало наиболее действенным средством заставить сражаться массовые бессудные казни на месте и правых, и виноватых. Подобным же образом после объявления осадного положения в Москве в октябре 1941 года грабителей предписывалось расстреливать на месте. В Берлине весной 1945-го с приближением фронта прошли погромы пекарен, но их зачинщиков казнили только по приговору суда и с обязательным утверждением гаулейтера Берлина Геббельса.

В последние месяцы войны немцы ввели ускоренные военно-полевые суды, вследствие развития массового дезертирства, но это уже никак не могло повлиять на ход и исход войны. 14 марта 1945 года Йозеф Геббельс записал в

дневнике: «Фюрер говорил мне, что теперь под руководством генерала Хюбнера начали действовать летучие военно-полевые суды. Первым был приговорен к смерти и двумя часами позже расстрелян генерал, повинный в том, что он не взорвал ремагенский мост. По крайней мере, хоть какой-то проблеск. Только такими мерами еще можно спасти Рейх. Расстрелян и генерал-полковник Фромм (участник заговора против Гитлера, после неудачи покушения на фюрера арестовавший и расстрелявший Штауффенберга и некоторых других заговорщиков, что, однако, не спасло его самого от расстрела. — Б. С.). Я настойчиво прошу фюрера и дальше действовать в том же духе, чтобы заставить наконец наших высших офицеров подчиняться приказам. Один генерал, который не захотел заставить принять решительные меры одного национал-социалистического руководящего офицера (после 20 июля 1944 года такие офицеры стали своего рода комиссарами при генералах сухопутных войск. — Б. С.), тоже будет предан теперь суду военного трибунала и, вероятно, приговорен к смерти».

Как Сталин осенью 1941 года под Москвой порой самолично решал вопрос о наступлении отдельных подразделений, так и Гитлер весной 1945 года под Берлином порой занимался вопросом боевого применения отдельных рот. Геббельс 3 марта 1945 года отметил в дневнике: «Зепп Дитрих жалуется, что фюрер дает слишком мало свободы своим военным соратникам, и это уже-де привело к тому, что теперь фюрер решает вопрос даже о введении в действие отдельной роты. Но Дитрих не вправе судить об этом. Фюрер не может положиться на своих военных советников. Они его так часто обманывали и подводили, что теперь он должен заниматься каждым подразделением. Слава Богу, что он этим занимается, ибо иначе дело обстояло бы еще хуже».

На самом деле то, что Сталин и Гитлер разбирались с ротами и батальонами, лишь вносило сумятицу в управление войсками. Но у Сталина кроме рот, которые сражались под Дедовском и Красной Поляной, были еще десятки дивизий, срочно перебрасывавшиеся под Москву с Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока. У Гитлера же не было никаких резервов, чтобы подкрепить расползавшиеся по швам фронты на Западе, Юге и Востоке.

19 марта 1945 года Гитлер издал приказ, где говорилось: «Борьба нашего народа за свое существование вынуждает нас к использованию на территории Рейха всех средств, ослабляющих боевую силу нашего врага и препятствующих его дальнейшему продвижению. Подлежат использованию все возможности прямо или косвенно нанести долгосрочный ущерб его боеспособности... На территории Рейха подлежат уничтожению все военные объекты, промышленные предприятия, транспорт, предприятия по снабжению населения, а также материальные ценности, которые могут использоваться врагом». Военные объекты должно было уничтожать армейское командование, а гражданские — гаулейтеры и имперские наместники. Но ни те, ни другие, за редким исключением, не проявили никакого рвения в его исполнении. Откровенно саботировал тактику выжженной земли и министр вооружений Альберт Шпеер. Фактически приказ Гитлера остался на бумаге.

Гитлер собирался заменить Шпеера его заместителем Карлом Отто Зауром, но так и не осуществил это намерение. Геббельс 28 марта 1945 года записал в дневнике: «Фюрер противопоставляет Шпееру Заура как более сильную личность. Заур — твердый человек, который выполнит данный ему приказ, применив для этого все необходимые меры вплоть до насилия. В известном смысле он антипод Шпеера. Шпеер в большей мере художественная натура. У него, конечно, большой организаторский талант, но политически он слишком неопытен, чтобы в это кризисное время на него можно было целиком положиться. Фюрер страшно негодует по поводу последних соображений, которые представил ему Шпеер. Шпеер поддался уговорам своих промышленников и

теперь постоянно утверждает, что у него просто рука не поднимется перерезать артерию, питающую немецкий народ. Это могут сделать только наши противники. Он же, по его словам, такую ответственность на себя не возьмет. Фюрер объяснял ему, что мы, так или иначе, должны нести ответственность и что теперь речь идет о том, чтобы довести борьбу нашего народа за жизнь до успешного завершения, а тактические вопросы играют сугубо подчиненную роль... Более всего фюрер хотел бы, чтобы Шпеер прекратил свои откровенно пораженческие разглагольствования. Шпеер был также в числе тех, кто выступал против выхода из Женевской конвенции. Правда, среди них был и Борман. Сейчас Борман тоже далеко не в лучшей форме. В частности, по вопросу о радикализации наших методов ведения войны он занял совсем не ту позицию, какую я от него, собственно, ожидал».

Однако Гитлер отказался от замены Шпеера после меморандума, который тот направил ему 29 марта, после состоявшегося накануне напряженного разговора между ними: «Вчера во время нашей беседы вы провели различие между реальным осознанием положения, в результате которого можно прийти к убеждению, что войну уже нельзя выиграть, и все еще имеющейся верой в то, что все еще может кончиться хорошо. Вы задали мне вопрос, надеюсь ли я еще на дальнейшее успешное ведение войны, или же моя вера в это поколеблена трезвыми констатациями в той специальной области, которой я занимаюсь.

Моя вера в благоприятный поворот нашей страны оставалась несломленной до 18 марта. Это могут подтвердить все мои сотрудники и все благожелательно настроенные ко мне политики и солдаты...

Я художник, и поэтому поставленная задача казалась мне совершенно чужда и тяжела. Я сделал для Германии много. Без моей работы война, вероятно, была бы проиграна еще в 1942/43 году. Я справился с этой задачей не в силу моих специальных знаний, а благодаря качествам, присущим художнику... Я верю в будущее немецкого народа. Я верю в Провидение, справедливое и неумолимое, а значит, верю в Бога.

Мне было тяжело на сердце, когда в победные дни 1940 года я видел, как мы в широчайших кругах нашего руководства потеряли свою внутреннюю выдержку. Это было то время, когда мы должны были порядочностью и внутренней скромностью выдержать испытание перед лицом Провидения. Тогда победа была бы за нами.

В эти месяцы судьба взвесила нас на своих весах и нашла слишком легковесными. В результате страсти к комфорту и лени мы упустили целый год драгоценного времени для наращивания производства вооружений и конструирования новой техники, и из-за этого в решающие 1944—1945 годы многое стало для нас уже слишком поздно. Любое из новшеств годом раньше — и наша судьба была бы другой! Слово Провидение само хотело предостеречь нас, но с того времени все военные события вели нас к неслыханной беде. Еще никогда ни в одной войне внешние условия (скажем, погода) не играли такой решающей и несущей несчастье роли, как именно в этой самой технизированной из всех войн: мороз под Москвой, туман под Сталинградом и голубое небо над зимним наступлением 1944 года на Западе (в Арденнах. — Б. С.).

И тем не менее я убежден, что судьба все же избавила нас от самого последнего следствия всего этого и что однажды все же появится возможность обеспечить нашему народу его существование. Ибо этот народ, проявивший исторически беспрецедентное мужество и героизм на фронте и в тылу, не может прийти к своему горькому концу. Эта внутренняя вера, которая позволила мне, несмотря на все влияния и осознания, продолжать быть сильным самому и вселять веру в других, оставалась непоколебимой до нескольких последних дней.

Когда я 18 марта передал вам мое письмо, я был твердо уверен в том, что выводы, сделанные мною из нашего положения насчет сохранения нашей народной силы, безусловно получат ваше одобрение. Ведь вы однажды сами констатировали, что задача государственного руководства при проигранной войне — уберечь народ от героического конца. Однако вечером вы обратились ко мне со словами, из которых, если я вас правильно понял, ясно и однозначно следовало: если война проиграна, пусть погибнет и народ! Эта судьба, сказали вы, неотвратима. Нечего считаться с теми основаниями, которые нужны народу для его самой примитивной дальнейшей жизни. Наоборот, мол, лучше самому разрушить их. Ведь народ показал себя более слабым, и поэтому будущее принадлежит исключительно более сильному народу Востока. Те, кто уцелеет после этой борьбы, все равно малоценны, ибо все ценные — погибли!

Услышав такие слова, я был сначала потрясен. Когда же через день я получил ваш приказ о разрушении (от 19 марта. — Б. С.), а вскоре и бескомпромиссный приказ об эвакуации, я увидел в них первые шаги к осуществлению высказанных вами намерений.

До тех пор я всем сердцем верил, что конец этой войны будет хорошим для нас. Я надеялся, что не только наши новые виды вооружений и боевой техники, но и прежде всего наша фанатическая вера в свое будущее сделают народ и его руководителей способными на самые крайние жертвы. Сам я тогда твердо решил совершить на планере налет на русские электростанции и своим личным примером помочь повернуть судьбу (похоже, что и Шпеер в последние недели войны утратил всякое чувство реальности. - Б. С.).

Но я больше не могу верить в успех нашего благого дела, если одновременно мы в этот решающий момент планомерно разрушаем основу нашей народной жизни. Это такая несправедливость по отношению к нашему народу, что судьба больше уже не сможет благоприятствовать нам. Мы не имеем права разрушать то, что построено целыми поколениями. Если же это делает враг, тем самым истребляя немецкий народ, то он должен взять на себя историческую ответственность за это. Я убежден в том, что Провидение покарает тех, кто посягает на наш храбрый и порядочный народ.

Я могу работать с чувством внутренней порядочности, с убежденностью и верой в будущее только в том случае, если вы, мой фюрер, как и прежде, останетесь приверженным сохранению нашей народной силы. Поэтому я не вдаюсь в подробности того, что ваш приказ о разрушении от 19 марта 1945 года в результате поспешных мер должен лишить нас последних возможностей промышленного производства и что его опубликование вызовет у населения величайшее смятение. Все это такие вещи, которые хотя и являются решающими, но обходят принципиальные вопросы.

Поэтому прошу вас не делать самому этот шаг к разрушению народа. Если же вы в какой-либо форме решились бы отказаться от этого, я бы вновь обрел веру и мужество, чтобы с величайшей энергией работать дальше. Поймите то, что происходит в моей душе! Я не могу трудиться в полную силу и пользоваться необходимым доверием со стороны подчиненных, если одновременно с моим призывом к рабочим обеспечить высокую производительность труда готовится разрушение нашей жизненной базы.

Наш долг — приложить все усилия, чтобы до предела повысить сопротивление врагу. И я не хочу стоять в стороне.

Военные удары, которые Германия получила в последние недели, сокрушительны. Не от нас теперь зависит, куда повернет судьба. Только более ясное предвидение может изменить наше будущее. Мы еще сможем твердым поведением и непоколебимой верой внести свой вклад в вечное будущее нашего народа.

Боже, огради Германию!»

Вряд ли пафос шпееровского меморандума произвел на фюрера большое впечатление. Но очевидно, Гитлер понял, что, настаивая на проведении в жизнь приказа о «выжженной земле», он рискует остаться без поддержки своих ближайших соратников, что приведет к развалу правительственного аппарата и только ускорит конец. Поэтому за саботаж приказа «Нерон» от 19 марта никто так и не был наказан. Но и судьба германского народа в свете неизбежного скорого краха Третьего Рейха фюрера уже мало заботила. В эти последние недели борьбы он хотел нанести максимальные потери своим противникам, теперь уже не считаясь с жертвами среди немцев. Все равно, как полагал Гитлер, лучшие из немцев погибли в боях, и в живых остались в большинстве своем не самые достойные представители германской расы.

Рушились надежды и на последний из видов «чудо-оружия» — новейшие истребители. 22 марта 1945 года Геббельс записал в дневнике: «Сейчас фюрер возлагает огромные надежды на реактивные истребители. Он даже называет их «машинами германской судьбы». Он верит, что благодаря реактивным самолетам удастся — по крайней мере, оборонительными действиями — подорвать превосходство противника в воздухе. Но он добавляет, что они, надо надеяться, будут получены не слишком поздно. Стрелка часов приближается к двенадцати, если уже не перевалила за двенадцать... Счастливым обстоятельством при использовании реактивных самолетов является то, что им не нужен высококачественный бензин, что они могут летать чуть ли не на помоях. Так что с проблемой горючего мы справимся». Однако сравнительно немногочисленные и не вполне надежные в управлении Me-262 уже не могли справиться с армадами «летающих крепостей». В последние недели на вооружение германского флота поступили также новейшие подводные лодки, способные к длительному автономному подводному плаванию. Но они уже никак не смогли повлиять на исход войны. Если бы, как говорил Шпеер, все эти виды вооружений можно было произвести хотя бы годом раньше! Однако вряд ли основательны его утверждения, будто роковое опоздание произошло из-за организационных неурядиц.

В последние недели войны немцы собирались воспользоваться даже услугами пилотов-смертников, которые должны были таранить англо-американские «летающие крепости», но из-за полного господства в воздухе союзной авиации, отсутствия у люфтваффе как горючего, так и, самое главное, добровольцев-смертников была предпринята всего одна такая попытка. Геббельс отмечал в дневнике 15 марта 1945 года: «Фюрер согласился использовать примерно 300 смертников с 95-процентной гарантией самопожертвования против групп вражеских бомбардировщиков, с тем чтобы при любых обстоятельствах один истребитель сбивал один вражеский бомбардировщик. Этот план был предложен еще несколько месяцев назад, но его не поддержал Геринг». И кстати сказать, совершенно правильно сделал. Пилоты германских истребителей на Западе и так, по сути, были смертниками, поскольку имели очень мало шансов пробиться к цели сквозь огонь пулеметов «летающих крепостей» и сквозь пушечный огонь прикрывавших их тяжелых истребителей P-47 «Тандерболт». В этих условиях тем меньше шансов у них было совершить таран, если и на дистанцию прицельного выстрела выйти можно было лишь с огромным трудом. Единственная попытка применить массовые тараны люфтваффе была предпринята 7 апреля — в день прекращения массированных налетов союзной авиации на германские города. Геббельс вынужден был признать в записи от 8 апреля, что при применении истребителей «для таранного боя» «успехи не столь велики, как хотелось бы». А 9 апреля уточнил: «Первые операции наших истребителей таранного боя не привели к ожидаемому успеху. Это объясняют тем, что соединения вражеских бомбардировщиков шли небольшими группами, и

с ними пришлось вести борьбу поодиночке. Кроме того, из-за сильного заградительного огня вражеских истребителей нашим истребителям лишь в немногих случаях удалось осуществить таран». Союзники, похоже, вообще не заметили атаки «камикадзе фюрера» и никак не отразили их в своих отчетах о воздушной войне против Германии. Геббельс надеялся, что таранные атаки повторятся с гораздо большим успехом, но у люфтваффе уже не было ни самолетов, ни горючего, ни пилотов для этой цели. Me-262 расходовать таким варварским способом было бессмысленно, поскольку предполагалось, что каждый из них способен уничтожить гораздо больше чем одну машину противника. Немногочисленные же самолеты более старых типов уже не имели ни горючего, ни реальных шансов прорваться сквозь плотный заградительный огонь.

22 марта Гитлер сравнил моральное состояние вермахта на Востоке и на Западе отнюдь не в пользу Западного фронта. Геббельс записал в дневнике: «Наши войска на Западе уже не воюют как надо. Их моральный дух сильно упал, поэтому у них нет больше энергии, совершенно необходимой, чтобы оказывать сопротивление в этой критической ситуации. Моральный дух населения тоже, конечно, в огромной степени снизился, если не достиг нуля... Фюрер чрезвычайно доволен нашей антибольшевистской пропагандой. Ведь она оказала свое влияние, заставив наши войска на Востоке вновь обрести сравнительно хорошую форму».

На Западном фронте немецкие солдаты, зная, что Англия и США, в отличие от СССР, соблюдают Женевскую конвенцию об обращении с военнопленными, сдавались в плен гораздо охотнее, чем на Востоке. Гитлер в последние месяцы войны размышлял о том, не следует ли Германии заявить о выходе из Женевской конвенции и об отказе применять ее положения к английским и американским пленным. В качестве ответного шага Гитлер ожидал ужесточение отношения к немецким пленным в Англии и США, что должно было побудить немецкие войска на Западном фронте к большей стойкости. Однако эта мера так и не была осуществлена. Геббельс писал в дневнике 27 марта 1945 года: «Шлезина (сотрудник министерства пропаганды. — Б. С.) описывает беспорядочное бегство на саарском фронте, которое поистине было ужасно. Как известно, американцам удалось зайти в тыл нашим войскам, оборонявшимся на саарском фронте. Сражавшаяся на Западном валу армия была отведена слишком поздно, и значительная часть ее попала в плен. Все это определило и моральное состояние солдат. Но еще хуже обстояло дело с гражданским населением, которое в ряде случаев выступило против своих же войск и помешало им держать оборону. Даже большинство возведенных в тылу противотанковых заграждений захвачено противником без боя. Я упрекаю Шлезину в том, что на Западе не выкристаллизовалось ни единого символа сопротивления наподобие тех, какими на Востоке являются, например, Бреслау или Кенигсберг. Он объясняет это тем, что население западных областей в результате вражеских воздушных налетов, длившихся месяцами и годами, до такой степени измотано, что предпочитает ужасный конец ужасу без конца. Я полагаю, что это связано также и с тем, что население западных районов по своей природе не столь способно к сопротивлению, как население восточных. Оно ведь живет в соседстве с Францией, сверхцивилизованной страной Европы, в то время как восточное население находится ближе к Польше и России, более примитивным странам Европы... Развитие событий на Западе носит гораздо более неблагоприятный характер, нежели на Востоке. Теперь, уж конечно, никто не выдвинет мне наперекор — как это было еще несколько недель тому назад, — с позволения сказать, аргументы, согласно которым наш выход из Женевской конвенции вызвал бы крах морального духа наших войск на Западе. Я считаю, что если бы мы действовали более радикально в вопросах обращения с

военнопленными, то немецкие солдаты и офицеры не отправлялись бы в англо-американский плен в таких больших количествах, как это имеет место сейчас. В настоящий момент военные действия на Западе являются для противника не более чем детской забавой. Ни войска, ни гражданское население не оказывают ему организованного и мужественного сопротивления, так что американцы — они особенно — имеют возможность разъезжать повсюду».

Однако на выход из Женевской конвенции по обращению с военнопленными Гитлер так и не решился. Очевидно, он опасался, что в случае объявления о таком шаге может последовать немедленная массовая сдача германских войск на Западном фронте, пока Англия и США не успеют объявить о каких-либо ответных репрессивных мерах.

Так был ли Гитлер настоящим полководцем? Единственный военный министр в правительстве Гитлера Бломберг, несмотря на отставку в 1938 году из-за скандального прошлого своей молодой жены, до конца своей жизни сохранил уважение и хорошие отношения с фюрером и неоднократно повторял, что тот обладает «выдающимися полководческими способностями». Также начальник штаба оперативного руководства вермахта и один из ближайших сотрудников Гитлера генерал-полковник Альфред Йодль уже после войны на допросе заявил, что Гитлер обладал большими способностями к ведению стратегии. Йодль также утверждал во время Нюрнбергского процесса: «Гитлер был вождем и личностью невероятного масштаба. Его знания и ум, его ораторские способности и воля в конечном счете одерживали верх в любом споре». Йодль также выделял роль Гитлера в производстве современных видов вооружений: «Гитлер со своим поразительным тактико-техническим кругозором был создателем современного вооружения для армии. Его заслугой является то, что на смену 37- и 50-миллиметровым противотанковым пушкам пришла 75-миллиметровая, что танки перестали оснащать короткоствольными орудиями и поставили на них длинноствольные 75-и 88-миллиметровые. По инициативе Гитлера появились современные танки «пантера», «тигр» и «королевский тигр».

Настоящим военным гением, причем уже после всех поражений 1943—1945 годов, считали фюрера его преемник гросс-адмирал Карл Дениц и генерал-фельдмаршалы Понтер фон Клюге и Вильгельм Кейтель. Свидетельство Клюге дорого стоит, поскольку фельдмаршал сам участвовал в заговоре 20 июля и застрелился, чтобы не подвергнуться позорной казни. В ожидании неминуемой смертной казни в 1946 году оставил свое свидетельство и Кейтель, заявив, что Гитлер не только был гением в военных делах, но и «был настолько осведомлен в организации, вооружении, вопросах управления и снабжения всех армий и флотов мира, что невозможно было уличить его хотя бы в одной ошибке». Кейтель признался, что в отношениях с фюрером даже «по относительно простым, повседневным вопросам организации и снабжения вермахта», равно как и по многим другим военным проблемам, «я был учеником, а не учителем». Также военный гений Гитлера признавал и фельдмаршал Герд фон Рундштедт, но только применительно к первой фазе Второй мировой войны, до 1942 года. А генерал Вальтер Шерф, который в годы войны вел Военный дневник ОКВ (Верховное командование вермахта. — Б. С), полагал, что Гитлер был «величайшим полководцем и государственным деятелем всех времен», настоящим полководцем, стратегом и «человеком непобедимой веры».

Другие германские генералы и фельдмаршалы — свидетели краха Рейха в 1945 году — все победы вермахта склонны были приписывать себе, а все поражения относить на счет просчетов и дилетантизма фюрера. Благо мемуаров тот не оставил и оправдаться не мог.

При оценке полководческих способностей и стратегии Гитлера надо исходить из одного непреложного факта: у Германии не было шанса выиграть военную кампанию, каким бы искусством ни владел фюрер. Это признают как

сторонники, так и противники Гитлера. Например, бывший командир танкового корпуса на итальянском фронте генерал Фридо фон Зенгер-Эттерлин, никаких симпатий к фюреру не испытывавший, еще в начале 50-х годов утверждал: «Диктатура, столь бедно наделенная умением руководить (а именно такой была диктатура Гитлера), является антитезой той демократической структуре, которая необходима для координирования всех национальных ресурсов. Но не надо заблуждаться на этот счет. И без губительного гитлеровского руководства государством и военными действиями становится ясно, что даже при другом и свободном правительстве Германия все равно не выиграла бы мировую войну, если учесть ее исходное положение. Суммарные ресурсы ее противников, господствовавших на море, настолько превосходили ее собственные, что в долгосрочной перспективе германские военные кампании на суше не могли дать никакого результата, как бы искусно ими ни управляли...

Искусство стратега дается от рождения, и то очень редко. Оно требует хорошего понимания природы человеческой и знания истории. Не стоит задаваться вопросом, обладали ли такими качествами Гитлер и его советники. Его личные советники в ОКВ не пользовались уважением в армейских кругах. Уважаемые начальники штаба сухопутных войск, прошедшие великолепную школу старого Генштаба, ушли в небытие... Это не значит, что иной выбор армейских руководителей позволил бы выиграть войну. Многие сражения, конечно, закончились бы по-другому. Но наше военное поражение таилось в предшествовавшем ему поражении политическом, которое привело к созданию коалиции всех великих держав мира против гитлеровской Германии. Если бы даже произошло невозможное и Германия победила, все равно немыслимо, чтобы побежденные страны надолго подчинились такого рода системе. Конечный результат был бы таким же».

Замечу, что и в политическом плане шансов предотвратить создание враждебной себе коалиции у Гитлера не было никаких. Западным странам были одинаково несимпатичны и коммунизм, и национал-социализм. Однако объективно, с учетом уровня функционального образования населения и уровня боеспособности армии, военно-экономический потенциал Германии превосходил военно-экономический потенциал СССР. Поэтому Англия и США предпочли поддержать ту из диктатур, которая представляла меньшую угрозу. Однако то, что Гитлер пытался решить военно-политическую задачу, в принципе не имеющую решения, еще не означает, что он не обладал полководческими способностями.

Насчет же того, демократия или диктатура лучше мобилизует ресурсы для войны, вопрос остается дискуссионным. Тут надо учесть, что гитлеровская диктатура до начала Второй мировой войны существовала всего шесть лет, причем сам Гитлер стремился сохранить в неприкосновенности как кадровое офицерство, так и частную собственность в экономике, считая и то и другое эффективными факторами при ведении войны, разумеется под надлежащим государственным контролем со стороны фюрера и НСДАП. И то, что нацистской диктатуре удалось шесть лет продержаться против значительно превосходящих сил ее противников, говорит о том, что по части мобилизации и координации сил гитлеровский Рейх, как минимум, не уступал западным демократиям — США и Англии. Другое дело, что Гитлер умело использовал наследство кайзеровской Германии, которая если и не была столь полноценной демократией, как Англия, Франция или США, то уж, по крайней мере, точно не была диктатурой. В этом смысле Сталин находился в худшем положении, чем Гитлер. Во-первых, царская Россия не имела серьезных демократических традиций, которые могли бы повлиять на мораль населения в плане роста индивидуального сознания. К тому же национал-социализм провозглашал роль личности, тогда как коммунизм опирался на коллективизм.

Во-вторых, частнособственническая экономика в России накануне революции 1917 года была развита гораздо хуже, чем в Германии в 1933 году, и здесь у большевиков было меньше материала, который они могли наследовать. Еще важнее было то, что идеология коммунизма в качестве главной цели провозглашала полную ликвидацию частной собственности. Последовательно проводя этот постулат в жизнь, Сталин так и не осознал, что тем самым существенно ослабил обороноспособность страны, понизив качественный состав армии и эффективность военной экономики. Обедненные качества армии покрылись количеством жертв на поле боя и в тылу.

Сравнение Гитлера и Сталина как полководцев и политиков давно уже стало традицией в работах исследователей. Отметим, что Гитлер достаточно противоречиво высказывался по поводу СССР и его вождя, но в целом предпочитал не мазать его преимущественно черной краской. Так, в одной из бесед в ставке фюрер назвал Сталина «одной из самых необычных фигур в мировой истории». Он уже в 1942 году понял, что интернациональные лозунги для советского диктатора не более чем пропаганда, а в действительности он продолжает дореволюционную имперскую политику. Фюрер следующим образом характеризовал своего главного противника: «Сталин претендует на то, чтобы быть провозвестником большевистской революции. На самом же деле он отождествляет себя с Россией царей и просто-напросто возрождает традицию панславизма. Для него большевизм лишь средство, род ловушки, предназначенной для обмана германских и латинских народов».

А в середине июля 1942 года, когда вермахт находился на вершине своих успехов, Гитлер надеялся, что Сталин пойдет на примирение с ним, уступив Германии всю европейскую часть СССР. И фюрер готов был великодушно оставить во владении партнера по пакту 1939 года азиатскую часть Советского Союза.

Определенное сочувствие Гитлер выказывал к советскому государственному строю, о чем он прямо говорил в своей ставке 11 апреля 1942 года: «Идея человеческой солидарности была привита людям с помощью силы, и поддерживать ее можно лишь с помощью того же самого средства. Поэтому несправедливо осуждать Карла Великого за то, что он построил всю государственную организацию на основе принуждения, исходя из по-своему понятых интересов германского народа. Равным образом и Сталин в последние несколько лет применил к русскому народу меры, аналогичные тем, которыми пользовался Карл Великий, поскольку он также принял во внимание очень низкий культурный уровень русских. Он сознавал императивную необходимость объединения русского народа в рамках жесткой политической организации (такую организацию Гитлер считал идеалом и для германского народа. — Б. С.). Если бы он не сделал этого, то не смог бы, возможно, гарантировать выживание неоднородных масс, составивших СССР, не смог бы распространить на них такие блага цивилизации, вроде медицинской помощи, ценность которых невозможно измерить деньгами.

Чтобы сохранить наше господство над населением завоеванных на Востоке территорий, мы должны, насколько это в наших возможностях, пойти навстречу любым требованиям индивидуальной свободы, но лишить жителей государственной организации и сохранить население на возможно более низком культурном уровне.

При этом нашим руководящим принципом должно быть следующее: эти люди имеют единственное оправдание своего существования — быть использованными нами в экономическом отношении. Мы должны сосредоточиться на извлечении из этих территорий всего того, что из них можно извлечь».

Фюрер порой сильно идеализировал стахановскую систему. Например, 22 июля 1942 года он утверждал в своей винницкой ставке «Вервольф»: «Советский

рабочий научен посредством стахановской системы работать усерднее и дольше, чем его товарищи в Германии или в любой другой капиталистической стране... Было бы глупостью пренебрежительно относиться к стахановской системе. Вооружение и снаряжение русских армий является лучшим доказательством ее эффективности в использовании промышленной рабочей силы. Сталин также заслуживает нашего безусловного уважения. По-своему он чертовски хороший парень! Он знает свои образцы, Чингисхана и других, очень хорошо, а масштаб его индустриального планирования превзойден лишь нашим Четырехлетним планом. И нет сомнений, что он очень решительно выступает за то, чтобы в СССР не было безработных, обычного явления в капиталистических государствах вроде Соединенных Штатов Америки...» А пятью днями раньше, 17 июля, фюрер с похвалой отозвался об организации медицины в Советском Союзе: «Мы не смогли бы сделать ничего более умного, чем перенять советскую систему всеобщего огосударствления. Например, в СССР огосударствлено врачебное сословие... Больные ждут приема государственными врачами 8—12 часов... Жизненный уровень врачей, если сопоставить его со стоимостью одного костюма, мизерен; ведь они зарабатывали 550—700 рублей в месяц».

Но наряду с восхищением отдельными сталинскими достижениями у Гитлера все же преобладала настороженность по отношению к Сталину как одному из самых серьезных своих противников. 22 августа 1942 года фюрер прямо высказал опасение: «...если дать ему время, Сталин сделает из России сверхиндустриального монстра, который будет полностью противоречить интересам масс, но существование которого будет оправдываться демагогической фразеологией. В действительности этот монстр будет предназначен для подъема уровня жизни лишь узкого слоя его собственных приближенных. Его конечной целью было бы поглощение всей Европы в большевистском кольце. Он — карлик, но карлик, стоящий на большой скале. Он использовал евреев для ликвидации интеллигенции Украины, а затем отправил евреев по железной дороге в Сибирь (в действительности в 1937—1938 годах многие евреи из числа партийных работников и чекистов были просто расстреляны в ходе «великой чистки»; отправка же нескольких тысяч еврейских колонистов-добровольцев в Биробиджан, на что, вероятно, и намекал Гитлер, было отнюдь не депортацией, а пропагандистской акцией по созданию альтернативы «еврейскому очагу» в Палестине, за который боролись сионисты. — Б. С.). Я думаю, вполне возможно, он сбежит в Китай, если не увидит другого пути для бегства».

Также и бывший министр вооружений Альберт Шпеер свидетельствует, что Гитлер сочувственно отзывался о Сталине: «Он говорил, бывало, то ли в шутку, то ли всерьез, что правильной всего было бы после победы над Россией доверить управление страной, разумеется под германским верховенством, Сталину, так как он лучше кого бы то ни было знает, как надо обращаться с русскими. Вообще он, пожалуй, видел в Сталине своего коллегу».

А 23 марта 1942 года Гитлер заявил: «Сталина следует ценить уже за то, что он не пустил евреев в искусство». Хотя, конечно, с точки зрения фюрера советский вождь обходился с евреями недопустимо либерально, и до «окончательного решения» ему было далеко.

В целом Гитлер, как кажется, не питал к Сталину личной ненависти, а вот Сталин Гитлера ненавидел. И, узнав о его самоубийстве, «дядюшка Джо» с сожалением произнес: «Доигрался, мерзавец. Жаль, что не удалось взять его живым».

Характерно, что в последние месяцы войны руководители Рейха безуспешно пытались использовать опыт Сталина в отчаянной попытке избежать поражения. Так, 28 марта 1945 года Геббельс записал в дневнике разговор с

Гитлером, состоявшийся накануне: «Я сообщаю фюреру, что под влиянием исключительно тяжелого положения на фронтах моральный дух как в стране, так и в войсках очень сильно упал. Нам нужно добиться того, чтобы где-то снова задержать противника, иначе есть опасность развала всего Западного фронта. Я считаю, что сейчас самый удобный случай для фюрера выступить по радио с обращением к нации (не более чем на 10—15 минут), не только к населению, но и к войскам на фронте. Я напоминаю фюреру, что таким же образом поступали Черчилль в критические минуты для Англии и Сталин в кризисное время для Советского Союза. Они тогда тоже нашли верные слова, чтобы вновь взбодрить свои народы. И мы раньше в ходе партийной борьбы поступали подобным образом. Никогда наша партия не преодолевала тяжелые кризисы без того, чтобы фюрер лично не обращался к ней, стремясь выровнять партийные ряды. Вот и теперь настал час, когда фюрер должен дать сигнал своему народу... Народ должен услышать от него такое слово, за которое сможет прочно ухватиться».

Но тогда уже никакие, даже самые проникновенные речи, не могли спасти Рейх.

Показательно также следующее обстоятельство. Сталин, искренне считая себя выдающимся полководцем, позволил себе облачиться в маршальский мундир, а также разрешил присвоить себе звание генералиссимуса и Героя Советского Союза и наградить полководческими орденами Победы и Суворова. Следовательно, Иосифу Виссарионовичу необходимо было внешнее признание своих полководческих качеств, — видимо, в глубине души он таил сомнения по поводу собственных выдающихся заслуг. Вот Гитлер так и не присвоил себе никакого воинского звания, ни фельдмаршала, ни рейхсмаршала, да и без новых наград обошелся. Он так и остался ефрейтором с двумя Железными крестами, заслуженными на полях сражений Первой мировой, а в ставке вместо военного облачался в партийный мундир без знаков различия. Гитлеру совсем не нужны были внешние отличия власти в виде погон, позументов, лампасов и орденов. Он прекрасно знал, что его власть простирается и на рейхсмаршала Геринга, и на рейхсфюрера Гиммлера, и на других генералов и маршалов. И нисколько не сомневался, что является великим полководцем, отлично сознавая, что ни один фельдмаршал все равно не рискнет открыто утверждать обратное.

Был ли наделен полководческим талантом Сталин? На этот вопрос скорее придется дать отрицательный ответ. В отличие от Гитлера Иосиф Виссарионович не имел фронтового опыта и во многих тонкостях поддержания боеспособности войск не разбирался. Кроме того, Красная Армия по сравнению с вермахтом была гораздо менее совершенным военным инструментом, и использовать ее в соответствии с законами военного искусства вообще было весьма затруднительно. Жесткая сталинская система контроля над армией не допускала самостоятельных действий генералов и маршалов. Полководцем в этой системе мог быть только сам Сталин, который, как и Гитлер, принимал все важнейшие стратегические решения. Но Сталин, к его несчастью, полководческим даром не обладал, и это увеличило жертвы Красной Армии. К его принципиальным ошибкам следует отнести и нерациональную дислокацию Красной Армии в 1941 году, когда войска были сосредоточены в пограничных выступах и легко попадали в окружение, а также свойственную Сталину гигантоманию, когда масса боевой техники никак не соотносилась с количеством специалистов, способных этой техникой управлять. Сталинское стремление во что бы то ни стало наступать и следовать принципам стратегии сокрушения приводило только к неоправданным потерям, потому что состояние Красной Армии требовало более рационального использования преимущественно оборонительного способа действий и стратегии измора.

Сталин, безусловно, переиграл Гитлера как дипломат, став одним из создателей мощнейшей коалиции. Однако, повторю, к созданию этой коалиции были сильнейшие объективные основания, и прежде всего то, что Советский Союз был слабее Германии.

Если же подходить к военной деятельности фюрера объективно, то довольно трудно найти какие-либо очевидные принципиальные ошибки в его оперативно-стратегических решениях. Собственно, единственными бесспорными ошибками можно считать решение продолжать атаки на Сталинград силами далеко оторвавшейся от соседних войск 6-й армии, вместо того чтобы отвести ее от города на более безопасный рубеж, а также отказ от прорыва войск Паулюса в первые дни окружения, когда такое действие имело реальные шансы на успех. Вспоминая о Сталинграде, осенью 1944 года Гитлер говорил своему врачу-отоларингологу Э. Гизингу: «Нельзя сказать, что наша разведка ошиблась и мы не были информированы о большом скоплении русских войск на левом берегу Волги. Нельзя также сказать, что мы были застигнуты врасплох внезапным наступлением русских или капризами погоды. Я все учел и намерен был бороться той зимой и достичь решающего успеха. Но когда в декабре 1942 года ситуация под Сталинградом ухудшилась, меня подвела авиация, хотя Геринг обещал, что может гарантировать все снабжение 6-й армии в течение по меньшей мере 6—8 недель... Вдобавок в самое критическое время под Сталинградом, когда итальянцы сверху, а румыны снизу не смогли удержать фронт, меня не было на месте, так как я был в пути на своем спецпоезде. В течение примерно 24 часов я не мог руководить сам, а когда узнал о несчастье, было слишком поздно».

Катастрофу под Сталинградом, таким образом, Гитлер был склонен относить за счет несчастливого стечения обстоятельств. Аргумент насчет 24 часов, потерянных из-за его переезда, вряд ли основателен. Даже и в эти потерянные сутки он наверняка не отдал бы приказ о немедленном отводе 6-й армии, а это еще могло спасти положение. Слишком много значил для фюрера этот город, имевший огромное символическое и стратегическое значение. Именно с контролем над этим городом Гитлер связывал последние надежды на достижение решающего успеха в России. И в первый день советского наступления, когда еще не был до конца ясен масштаб катастрофы, он никогда бы не отдал приказ оставить Сталинград.

А вот насчет неожиданной нестойкости союзников Гитлер не лукавил. Конечно, он еще до начала русской кампании отдавал себе отчет, что итальянцы, румыны и венгры значительно уступают по боеспособности не только вермахту, но и Красной Армии. Но что они окажут столь слабое сопротивление натиску советских войск в ноябре — декабре 1942 года и буквально в одночасье сдадут свои позиции, не ожидали ни Гитлер, ни его генералы.

Также и реалистичность обещания Геринга бесперебойно снабжать 6-ю армию Паулюса всем необходимым в первые дни сталинградского окружения оценить было очень трудно. Ведь перед глазами Гитлера был успешный пример снабжения по воздуху в течение нескольких месяцев «котла» в Демянске, где было окружено лишь вдвое меньше немецких солдат, чем в Сталинграде. И при этом Гитлер все-таки не побоялся взять на себя ответственность за сталинградское поражение, не сваливая вину на генералов.

Что же касается тех ошибок, которые обычно приписывают Гитлеру германские генералы и союзные историки, то они при ближайшем рассмотрении не могут быть признаны таковыми. Например, решение Гитлера в августе 1941 года, перед тем как продолжить наступление на Москву, уничтожить группировку советских войск в районе Киева нельзя признать неправильным. Как отмечает В. Мазер, «было ли это августовское решение в действительности

ошибкой Гитлера, невозможно ни достоверно доказать, ни опровергнуть». Во всяком случае, в результате осуществления приказа Гитлера вермахту удалось окружить и уничтожить советские армии как под Киевом, так и в районе Вязьмы и Брянска (в каждом из «котлов» было захвачено более 660 тысяч пленных). Если бы было принято мнение руководства ОКХ (Верховное командование германских сухопутных сил. — Б. С.) и группы армий «Центр» и генеральное наступление на Москву началось еще в августе, то немцам наверняка удалось бы разбить советские войска на подступах к Москве. Зато группировка у Киева избежала бы разгрома и наверняка усилила бы в дальнейшем оборону московского направления. И в результате вермахту все равно бы не удалось взять Москву, а потери Красной Армии, скорее всего, были бы даже меньше, чем они оказались в действительности в сентябре — октябре 1941 года.

Отмечу, что Гитлер прекрасно знал о трагической судьбе советских военнопленных и ничего не сделал для облегчения их участи. На Нюрнбергском процессе А. Йодль дал показания о положении советских военнопленных в районе Вязьмы поздней осенью и зимой 1941 года: «На места посылались несколько адъютантов фюрера, которые докладывали фюреру по этому вопросу в моем присутствии. Во время этих докладов речь шла о массовой смертности военнопленных после последнего крупного сражения и окружения под Вязьмой. Причины массовой смертности, как полагали адъютанты фюрера, сводились к следующему. Окруженные русские армии оказывали фанатичное сопротивление и в течение последних 8—10 дней не имели никакого продовольствия. Они питались корой и корнями деревьев, так как зашли во время отступления в самые непроходимые лесные районы. Они попадали к нам в плен в таком обессиленном состоянии, что не способны были даже передвигаться. При напряженном положении со снабжением, которое было в то время в связи с разрушением железных дорог, вывезти их всех куда-либо было невозможно. Каких-либо мест для их расквартирования поблизости не имелось. Спасти большую часть их можно было только с помощью немедленного и тщательного лечения в госпитальных условиях. Вскоре начались дожди, а затем холода. Именно это и стало причиной того, что такая значительная часть этих пленных в районе Вязьмы умерла в плену. Таков был доклад адъютантов фюрера, посланных в район Вязьмы. Такие же сообщения поступили и от генерал-квартирмейстера сухопутных войск».

Еще в самом начале русской кампании, ожидая, что, согласно плану «Барбаросса», будут захвачены миллионы пленных, Гитлер не предусмотрел ни в этом плане, ни в каких-либо других известных сегодня документах никаких мер по медицинскому обеспечению пленных и их снабжению продовольствием, а также по их эвакуации из прифронтовой полосы в глубокий тыл. Тем самым пленные красноармейцы фактически обрекались на мучительную смерть от голода, холода и эпидемий.

Что же касается «стоп-приказа» от 19 декабря 1941 года, то многие генералы вермахта полагали, что именно этот приказ спас войска в России от катастрофы. Так, генерал Гюнтер Блюментрит, начальник штаба сражавшейся под Москвой 4-й армии, утверждал: «Гитлер инстинктивно понял, что любое отступление по снегам и льду через несколько дней приведет к распаду всего немецкого фронта... Дивизии не разрешалось отступать больше чем на 5—10 километров за одну ночь. Большого и нельзя было требовать от войск и гужевого транспорта в тех невероятно тяжелых условиях. Так как все дороги были занесены снегом, отступать приходилось по открытой местности». 11 января 1942 года Гитлер на совещании с руководством сухопутных войск, посвященном советскому контрнаступлению под Москвой, заявил: «Борьба за выигрыш каждого дня, каждого часа является выигрышем вообще, даже если

нервное напряжение будет слишком велико. Если удастся остановить войска, будет сделано большое дело».

И практически всю вторую половину войны, начиная со сталинградской катастрофы, Гитлер боролся уже не за победу, а только за выигрыш времени, в надежде на раскол среди своих противников да на «чудо-оружие». В свете этого ему часто приходилось требовать от войск удерживать территорию, отдаляя приближение неприятельских армий, не считаясь с риском для обороняющихся попасть в окружение. И вплоть до лета 1944 года, до высадки союзников в Нормандии, Гитлеру удавалось избегать крупных катастроф на Восточном фронте. Отразить же советское наступление в Белоруссии вермахт не имел никакой возможности, поскольку основные силы люфтваффе и танковые резервы были направлены во Францию. Но и отводить группу армий «Центр» из Белоруссии к Западному Бугу еще до начала советского наступления было бессмысленно. Тогда Красная Армия на два-три месяца раньше вышла бы к польской границе, а перспективы немецкой обороны на новом рубеже были весьма сомнительны. С точки зрения борьбы за выигрыш времени стратегия Гитлера была правильна, но несколько лишних месяцев сопротивления не могли спасти Рейх.

Заговор 20 июля

В сего на Гитлера было осуществлено два покушения, причем оба имели довольно большие шансы на успех, помешали которому случайности. Покушавшиеся не имели возможности их предусмотреть. Первое, менее известное, осуществил мюнхенский столяр Георг Эльснер. Он заложил бомбу в деревянную колонну пивной «Бюргербраукеллер» в 16-ю годовщину «пивного путча» 9 ноября 1939 года. От ее взрыва погибли 7 «старых камерадов» — участников путча. Еще 63 человека были ранены. Однако к тому моменту Гитлер успел закончить свое выступление и покинуть пивную. В этот раз, из-за начавшейся войны, Гитлер говорил гораздо короче, чем обычно на годовщинах событий 1923 года, и спешил на совещание. Он не стал задерживаться в «Бюргербраукеллер», чтобы пообщаться со старыми товарищами, — это и спасло ему жизнь. Эльснер был типичным террористом-одиночкой и убежденным антифашистом, симпатизировавшим социал-демократам. Нацистская пропаганда обвинила в организации покушения британскую разведку, и в Голландии людьми Шелленберга были похищены двое британских агентов и представлены как соучастники Эльснера. Сам же столяр был убит в Заксенхаузене 9 апреля 1945 года, причем официально было объявлено, будто он погиб при налете англо-американской авиации.

После покушения 9 ноября 1939 года в залах, где выступал Гитлер, охрана стала размещать микрофоны для прослушивания. Однако это никак не могло предотвратить нового покушения, происшедшего не в зале, а на секретном совещании в «Вольфшанце».

Второй раз, как хорошо известно, Гитлер чуть не погиб от взрыва бомбы, которую полковник граф Клаус фон Штауффенберг взорвал в ставке Гитлера в Восточной Пруссии 20 июля 1944 года. Видя, что Гитлер ведет Германию в пропасть тотального поражения и безоговорочной капитуляции, Штауффенберг и другие участники заговора рассчитывали убить фюрера, захватить власть в стране и добиться заключения мира со странами антигитлеровской коалиции на условиях сохранения Германии в качестве независимого государства в границах 1937 года. Даже если бы покушение удалось, реальных шансов на реализацию своего плана у заговорщиков практически не было. Вряд ли возглавляемые Гиммлером войска СС после смерти Гитлера сдались бы без боя, а основная часть вермахта поддержала бы Бека, Герделлера, Вицлебена, Гепнера и Штауффенберга.

Покушение могло, вероятно, состояться и парой недель раньше, но помешали какие-то непредвиденные обстоятельства. А. Шпеер 15 апреля 1952 года писал в дневнике, который вел в тюрьме Шпандау: «Отчетливо помню, как я стоял со Штауффенбергом в «Бергхофе» у подножия большой наружной лестницы после совещания, в котором кроме нас двоих принимали участие только Гитлер, Гиммлер, Геринг, Кейтель и Фромм (не исключено, что присутствие Фромма, одного из руководителей заговора, остановило Штауффенберга. — Б. С.), — до покушения оставалось 14 дней. У Штауффенберга в руках был тяжелый портфель, в котором, видимо, уже тогда были бомбы, и мне пришло в голову на следующий день после 20 июля, когда стали известны подробности покушения, что этот портфель во время всего обсуждения стоял у моего кресла. А теперь, после утомительного заседания, в ходе которого Геринг, Гиммлер и Кейтель утвердительно кивали в ответ на монологи Гитлера, Штауффенберг заявил, что здесь собрались сплошь оппортунисты и психопаты. И никто не осмелился вымолвить ни слова. «С вами я все еще охотно могу побеседовать, но с этими

идиотами уже не имеет никакого смысла», — сказал он мне. Он так и сказал «идиотами», и на мгновение меня охватил ужас. Ибо мы тоже иногда высказывали критические замечания, находили те или иные недостатки, но таких слов мы себе не позволяли. Штауффенберг не дождался от меня ответа, ибо как раз остатки моей лояльности по отношению к Гитлеру помешали мне что-либо сказать. Но я все-таки не выдал Штауффенберга, то же самое относится к Фромму и многим другим, которые с полным доверием ко мне критиковали слабость руководства».

Данная запись, между прочим, замечательна тем, что очень ярко характеризует самого Шпеера. После войны он всячески старался подчеркивать свою нарастающую оппозиционность Гитлеру и свое искреннее раскаяние в преступлениях Гитлера и нацистского режима, которому преданно служил. И в дневнике, где Шпеер пытался оправдаться перед победителями, историей и германским народом, он доходил до абсурда. Вот, мол, какой молодец — не донес на Штауффенберга! А что бы, интересно, он сказал Гитлеру? Что-нибудь вроде следующего: «Мой фюрер! Тут полковник Штауффенберг Геринга, Гиммлера и Кейтеля идиотами и оппортунистами обозвал!» (самого-то Гитлера Штауффенберг открыто не критиковал). И что бы ему на это ответил Гитлер? «Так они такие и есть»? Здесь Шпеер пытается выглядеть как Ленин в известном анекдоте: «Идет Ленин по Кремлю, увидел мальчика, дал ему яблоко. А мог бы запросто и бритвой полоснуть. Но ведь не полоснул!»

Показательно также, что офицеры и генералы сухопутных сил вынашивали планы устранения Гитлера еще с 1938 года и решились на покушение только в июле 1944 года. После высадки союзников в Нормандии и советского наступления в Белоруссии было понятно, что положение Германии безнадежно и война продлится уже не годы, а лишь месяцы.

Движущие силы антигитлеровской оппозиции военных хорошо охарактеризовал генерал Фридо фон Зенгер-Эттерлин. Сам выходец из Бадена и убежденный католик, он не питал ни малейшей симпатии к нацистскому режиму, но в то же время никак не был связан и с заговором 20 июля. Зенгер писал: «Гитлеровский режим не был следствием прусского милитаризма. Пруссачество на востоке от Эльбы — а только там оно и имело силу — всегда испытывало отвращение к этому режиму, если не сказать враждебность. Более того, многие другие офицеры поддерживали в этом тех, кто был воспитан в прусских традициях. Для них всех мерзко было оказаться под покровительством лидера с пролетарскими устремлениями, а они были достаточно проникательны, чтобы ясно осознавать опасность гитлеровского курса в международной политике. Среди многих его противников были Фрич, Бек, Хаммерштейн, Вицлебен, Гёппнер, Гальдер и Генрих Штюльпнагель. Никто не был в большей степени замешан в заговоре 20 июля 1933 года, чем юнкера с восточного берега Эльбы, с которыми был исторически тесно связан и прусский офицерский корпус.

Эти воспитанные в традиционном прусском духе офицеры оказались перед лицом трагедии, когда их призвали на войну, которую, по их убеждению, невозможно было выиграть. Они не хотели войны, но их воспитали и выучили для нее».

Интересное свидетельство о том, как развивались события в гитлеровской ставке в день покушения, оставил начальник личной охраны Гитлера группенфюрер СС Ганс Раттенхубер: «В четверг, 20 июля 1944 года, на 14 часов дня было назначено заседание военного совета, где между прочим должен был обсуждаться вопрос о вооружении дивизий «народных гренадеров» (ополченцев).

В связи с этим Гитлер пригласил принять участие в заседании непосредственно занимавшегося формированием упомянутых дивизий

полковника графа фон Штауффенберга (являвшегося начальником штаба армии резерва. — Б. С.). Геринг и Гиммлер должны были также присутствовать на совещании.

Штауффенберг вместе с обер-лейтенантом Хефтером и начальником связи германской армии генералом Фельгибелем вылетели из Берлина в ставку и доложили о своем прибытии фельдмаршалу Кейтелю.

По неизвестной мне причине в последний момент начало совещания было перенесено на 13 часов 30 минут, т. е. на полчаса раньше. Так что об этом изменении не успели даже оповестить Геринга и Гиммлера.

Незадолго до того как Кейтель со Штауффенбергом пришли на совещание, последний незаметно, посредством плоскогубцев, вытащил предохранитель из адской машины, действие которой было рассчитано максимально на 30 минут, а затем заказал телефонный разговор с Верховным командованием сухопутных сил.

Кейтель и Штауффенберг пошли на совещание, а Фельгибель и Хефтер остались у помещения офицера Зандера, руководившего узлом связи в ставке. Здесь же остановилась также автомашина, на которой Штауффенберг и Фельгибель приехали с аэродрома.

По пути к бараку, где проводилось совещание, адъютант Кейтеля — майор Ион — хотел было помочь Штауффенбергу нести портфель (так как у Штауффенберга были раньше тяжело ранены обе руки), но Штауффенберг это резко отклонил.

Они вошли в барак, где уже были офицеры и куда вскоре вошел сам Гитлер.

На столе были разложены карты: слева — Восточного фронта, справа — карта Южного фронта, а на середине стола — карты Центрального и Северного фронтов.

Штауффенберг после приветствия Гитлера поставил портфель на пол, прислонив его к правой ножке стола, немного поговорил с генералом Буле (начальником управления оснащения сухопутных сил) и вышел из помещения к узлу связи под предлогом необходимости разговора по телефону, где его ожидали Фельгибель и Хефтер.

За это время обсуждение вопроса о положении на Южном фронте закончилось, и Гитлер подошел к середине стола, где находилась карта Центрального фронта. В это же время генерал Буле вызвал Штауффенберга, так как хотел ему передать какие-то распоряжения.

Когда Гитлер наклонился над столом, а Буле также подошел к этому столу, — последовал взрыв. Правая ножка стола была совершенно уничтожена. Находившаяся над ней часть стола с картой Южного фронта была выбита, а висевшая над столом люстра упала на голову генерал-полковнику Йодлю.

Штурмбаннфюрер СС Гюнше и майор Ион, стоявшие у окон, были выброшены силой взрыва наружу вместе с оконными рамами. Стенографу Бергеру оторвало обе ноги. Тяжелые ожоги и ранения получили генералы Шмундт и Кортен, а также подполковник Брандт, капитан Ассман, подполковник Боркман и генерал Боденшац. Бергер, Шмундт, Кортен, Брандт впоследствии умерли от полученных ран. Лишь один фельдмаршал Кейтель случайно остался невредимым.

Гитлер получил незначительные повреждения правой руки и стал плохо слышать на одно ухо. Взрывной волной брюки Гитлера были разодраны в клочья. Получив нервный шок, он не смог сам идти, и два охранника с трудом помогли ему добраться до своего бункера.

Немедленно после взрыва Штауффенберг, Фельгибель и Хефтер выехали на автомашине на аэродром, не узнав подробности о результатах произведенного покушения.

Начальник 1-го отдела охраны штурмбаннфюрер СС Хегель был на пути к бараку, когда раздался взрыв. Он увидел столб дыма и пыли и немедленно приказал закрыть входы и выходы из ставки.

Штауффенберг, Фельгибель и Хефтер доехали до караульного поста, где были задержаны, но после телефонного разговора с адъютантом коменданта ставки были пропущены. Так они добрались до аэродрома и немедленно вылетели в Берлин.

Хегель направился в помещение, где было совершено покушение, и после осмотра установил, что взрыв последовал не из-под половиц, а что взорвался предмет, стоявший на полу.

Хегель спросил вахмистра Адама, кто выходил из помещения во время заседания. Адам ответил, что выходил Штауффенберг и что он его ищет, так как им заказан телефонный разговор с Берлином. Свои подозрения в отношении Штауффенберга Хегель доложил Кейтелю и приехавшему в это время Гиммлеру. Тотчас же было установлено, что Штауффенберг, Хефтер и Фельгибель с подозрительной поспешностью вылетели в Берлин.

С санкции Гиммлера Хегель позвонил в Берлин начальнику IV управления СД Мюллеру и сообщил ему о происшедшем и подозрениях на Штауффенберга для принятия соответствующих мер. Мюллер немедленно учредил наружное наблюдение за Штауффенбергом, Фельгибелем и Хефтером сразу же после их прибытия на аэродром для установления круга заговорщиков.

Наружное наблюдение сопровождало их до квартир отдельных участников заговора... а затем в штаб генерал-полковника Фромма (командующего армией резерва. — Б. С.).

Когда Штауффенберг и Хефтер (Фельгибель поехал в другое место) доложили Фромму об «удавшемся покушении», последний их застрелил. Вероятно, Фромм уже знал, что покушение не удалось.

По приказу Гиммлера в ставку была направлена «особая комиссия гестапо» для проведения тщательного расследования на месте. Из членов комиссии припоминаю специалиста по взрывчатым веществам — штурмбаннфюрера СС Видемана...

В самом бараке, где произошел взрыв, комиссия обнаружила остатки портфеля, плоскогубцев, капсюля, и к концу дня вся картина покушения была уже ясна.

Шофер, отвозивший трех офицеров на аэродром, показал на допросе, что во время поездки почувствовал толчок, как будто кто-то из пассажиров выбросил что-то из машины. При осмотре местности была найдена вторая адская машина, выброшенная из автомобиля.

Анализ взрывчатки, как говорил мне Видеман, показал, что взрывчатое вещество было английского происхождения, однако оно могло быть произведено и в химической лаборатории имперского управления криминальной полиции.

В последующие дни были арестованы фельдмаршал фон Вицлебен, генералы Гёпфнер и Штиф, обергруппенфюрер СА граф Гельдорф, а ряд офицеров, в том числе генерал Вагнер и полковник Фрейтаг фон Лорингофен покончили жизнь самоубийством.

В соучастии в покушении на Гитлера подозревался также начальник имперской криминальной полиции группенфюрер СС Небе, которому удалось бежать и некоторое время скрываться, пока он не был арестован в окрестностях Берлина...

Следует отметить, что, как показал генерал Штиф, покушение на Гитлера планировалось вначале в Берхтесгадене, однако не было осуществлено, так как заговорщики в силу особо тщательной охраны этого района не смогли бы оттуда выбраться.

Затем было намечено осуществить покушение в начале июля 1944 года около замка Клесхейм, где Гитлер должен был осматривать новые типы танков и военного обмундирования. Заговорщики хотели положить в ранцы трех солдат, демонстрировавших обмундирование, мины, которые должны были взорваться при малейшем натягивании одного из ремней на ранце. В этих целях взрывчатка была принесена в ставку командования сухопутными силами (лес Мауэрвальд), где ее хотели было зарыть, однако этому помешали сотрудники тайной полевой полиции, обнаружившие эту взрывчатку. По приказу заговорщика генерал-квартирмейстера Вагнера расследование по этому делу было прекращено.

Далее было установлено, что Штауффенбёрг приезжал с адской машинок также и в ставку Гимmlера, но имел ли он намерение совершить там покушение на Гимmlера — осталось невыясненным.

До осени 1944 года точное происхождение взрывчатого вещества, посредством которого заговорщики осуществляли покушение на Гитлера, не было установлено (взрывчатка оказалась трофейной английской и была предоставлена Штауффенбергу участвовавшими в заговоре офицерами абвера. — Б. С.). Возможно, что по этому поводу дал показания Небе, однако мне это неизвестно».

Опыт покушения 20 июля доказывает, что даже возможность пронести бомбу в помещение, где находился Гитлер, отнюдь не гарантировала успеха. Штауффенберг, потерявший в Тунисе правую руку и два пальца левой, не мог использовать для покушения пистолет, да и вытащить его и произвести прицельный выстрел во время совещания было очень мало шансов. Также не мог он взорвать бомбу или гранату, непосредственно метнув ее в фюрера. Оставалась только бомба со взрывателем замедленного действия. Но в этом случае покушающийся не знает, в каком положении по отношению к заложенному заряду будет находиться жертва в момент взрыва. Гитлера спас дубовый стол, над которым он склонился, рассматривая карту обстановки на фронте группы армий «Центр». Кроме того, полковник Брандт, которому мешал портфель Штауффенберга, передвинул его по другую сторону ножки стола, так что теперь массивная тумба заслонила фюрера от бомбы. Даже в столь благоприятных обстоятельствах для покушения, в которых оказался Штауффенберг, сумевший поставить портфель с бомбой у самых ног Гитлера, успех определялся только волей случая. Между прочим, если бы совещание не было перенесено в барак, а проводилось, как обычно, в бункере, где взрывная волна нанесла бы гораздо больший ущерб, то у Гитлера было бы существенно меньше шансов уцелеть. После того как фюрер остался жив, заговор был обречен на скорую ликвидацию. Ведь Штауффенберг и его соратники сразу после приземления в Берлине, по свидетельству Раттенхубера, оказались «под колпаком» у шефа гестапо Мюллера. У заговорщиков не было поддержки ни в народе, ни среди основной массы солдат и офицеров вермахта.

А. Шпеер справедливо отмечал в мемуарах, что «жизнь Гитлеру спасло то обстоятельство, что к 20 июля не успели закончить внутреннюю отделку его нового бункера и для проведения оперативного совещания выбрали предназначенное для меня легкое деревянное строение, в котором к тому же были распахнуты окна и двери. В замкнутом пространстве подземного помещения после такого мощного взрыва никто бы из присутствующих не уцелел».

Сразу после покушения, в ночь на 21 июля, Гитлер в качестве Верховного главнокомандующего издал приказ: «Небольшая кучка бессовестных предателей совершила покушение на меня и штаб вермахта, чтобы захватить власть в государстве. Провидение помогло предотвратить это преступление».

Гитлер, убежденный антихристианин, приписал свое спасение не Богу, а языческому Провидению. Через восемь часов после покушения он выступил с

радиообращением к германской нации. Этот замечательный во многих отношениях текст я процитирую почти полностью:

«Немецкие граждане и гражданки!

Я не знаю, в который уже раз на меня подготовлялось и производилось покушение. Если я к вам сегодня обращаюсь, то делаю это по двум причинам:

1. Для того чтобы вы слышали мой голос и знали бы, что я невредим и здоров.

2. Для того чтобы вы узнали подробности преступления, которое не имеет себе подобного в истории немецкого народа.

Совсем маленькая клика тщеславных, бессовестных и в то же время преступно глупых офицеров создала конспиративный заговор, с целью устранить меня и вместе со мной ликвидировать командный штаб германских вооруженных сил. Бомба, подложенная полковником графом фон Штауффенбергом, взорвалась в двух метрах справа от меня. Ею был очень тяжело ранен ряд ценных моих сотрудников — один из них скончался.

Я сам остался вполне невредим, если не считать легких накожных ссадин, ушибов и ожогов. Я это воспринимаю как подтверждение данного мне Провидением поручения стремиться и впредь к осуществлению моей жизненной цели так, как я это делал до сих пор.

Ибо я могу перед всей нацией торжественно объявить, что с того дня, как я пришел на Вильгельмштрассе, у меня была лишь одна мысль — добросовестно исполнять мой долг и что, с тех пор как я убедился в неизбежности и неотложности войны, я знал, собственно говоря, только заботу и труд, и в бесчисленные дни и в бессонные ночи я жил только для моего народа.

В час, когда германская армия ведет тяжелейшую борьбу, и в Германии, как ранее в Италии, наплась ничтожная, маленькая группа людей, которая полагала, что сможет нанести нации удар в спину, как в 1918 году. На этот раз они жестоко ошиблись.

Утверждение этих узурпаторов, что меня нет в живых, опровергается с момента, в который я, мои дорогие немецкие сограждане, обращаюсь к вам с этой речью. Круг, представляемый этими узурпаторами, исключительно мал (сразу вспоминаются знаменитые ленинские слова: «Узок круг этих революционеров, страшно далеки они от народа», вполне применимые к Штауффенбергу и его товарищам. Их не мог поддержать не только народ, но и основная масса офицеров вермахта. — Б. С.). С германскими вооруженными силами, и в частности с германскими сухопутными войсками, он не имеет ничего общего. Это маленькая шайка преступных элементов, которая теперь будет беспощадно уничтожена.

Чтобы окончательно водворить порядок, я назначил рейхсминистра Гимmlера командующим всеми тыловыми войсками. Чтобы заменить временно выбывшего по болезни начальника Генерального штаба, я призвал вместо него в Генеральный штаб генерал-полковника Гудериана и назначил его, одного из испытаннейших военачальников Восточного фронта.

Во всех других учреждениях Рейха все остается без перемен. Я убежден, что мы после ликвидации этой ничтожной клики предателей и заговорщиков создадим в тылу ту атмосферу, в которой нуждаются бойцы на фронте. Ибо совсем недопустимо, чтобы в то время, когда на передовых позициях тысячи и миллионы солдат жертвуют последним, в тылу ничтожная шайка честолюбивых и жалких тварей могла бы пытаться препятствовать этой жертвенности.

На этот раз мы рассчитаемся с ними так, как это принято у нас, национал-социалистов. Я убежден, что в этот час каждый порядочный офицер и каждый храбрый солдат поймут наши действия.

Какая участь постигла бы Германию в случае, если бы покушение удалось, это могут представить, наверное, только совсем немногие. Я лично благодарен Провидению и Создателю не за то, что Он сохранил мне жизнь — жизнь моя состоит в заботе и труде для моего народа, — но я Ему благодарен за то, что Он мне дал возможность и впредь заботиться о народе и продолжать мою работу так, чтобы я мог ответить за нее перед моей совестью.

Долг каждого немца, кем бы он ни был, оказывать беспощадный отпор этим элементам, либо немедленно арестовывать, либо, при малейшем сопротивлении, без колебания уничтожать. Приказы по всем воинским частям отданы. Они будут беспрекословно исполнены согласно тем традициям повиновения, что присущи германской армии.

Еще раз я особо приветствую вас, мои старые соратники, потому что мне опять удалось избежать участи, которая для меня самого не таила ничего ужасного, но которая принесла бы много ужасов немецкому народу. Я вижу в этом перст Провидения, указывающий на то, что я должен продолжать мое дело, и поэтому я его и буду продолжать».

Заговорщики все же оказались отнюдь не «ничтожно малой шайкой». По обвинению в причастности к событиям 20 июля было арестовано несколько тысяч человек, из них около двухсот казнено, а еще несколько десятков офицеров покончили жизнь самоубийством.

Гитлер, предавая арестованных беспощадному Народному трибуналу, заметил: «На этот раз я расправляюсь с ними безо всякого снисхождения. Эти преступники предстанут не перед военным судом, где сидят их пособники и где затягиваются процессы. Они будут вышвырнуты из вермахта и предстанут перед Народным судом. Они не получают честной пули, а будут повешены как подлые изменники! Суд чести вышвырнет их из вермахта, и тогда можно будет судить их как гражданских лиц, так что они не запятнают престижа вермахта. Судить их следует молниеносно, не позволять им произносить никаких речей. И приводить приговор в исполнение в течение двух часов после его вынесения! Их следует вешать тут же без всякой жалости. И самое главное — не давать им времени для длинных речей. Ну Фрейслер (председатель Народного суда. — Б. С.) уж об этом позаботится. Это — наш Вышинский». Фюреру явно импонировал опыт советской «скорострельной» юстиции 30-х годов.

Впрочем, что любопытно, полтора месяца спустя, после катастроф в Румынии и во Франции у Фалеза, Гитлер даже пожалел, что не погиб от бомбы Штауффенберга. 31 августа 1944 года фюрер заявил: «Если бы моя жизнь закончилась 20 июля, это стало бы для меня избавлением от забот, бессонных ночей и тяжких душевных страданий!» Действительно, в конечном поражении Гитлер тогда уже ничуть не сомневался. А гибель в результате покушения позволила бы ему войти в историю непобежденным, да еще жертвой подлых предателей!

Повторю, что даже в случае успеха покушения у заговорщиков практически не было шансов захватить власть. Об этом хорошо написал после войны Ф. Зенгер: «Что оставалось делать? От Гитлера, наверное, можно было бы избавиться, но это не устранило бы всей банды гангстеров, державших бразды правления и готовых к тому, что их будут судить как преступников. Многие из моих молодых друзей (участников заговора. — Б. С.) мечтали, что западные державы начнут переговоры с новым германским правительством, состоящим из мятежных генералов. Они не понимали, что даже иностранцы, хорошо знавшие Германию... считали «милитаризм» ответственным за приход Гитлера к власти, хотя ни один слой населения страны не дал столько его противников, сколько германская армия. Они надеялись прослыть противниками Гитлера за рубежом, потому что считались таковыми в самой Германии, и это заставляло их верить в возможность переговоров. Однако наши противники были заин-

тересованы только в безоговорочной капитуляции, и в немалой степени причиной тому было сложившееся общественное мнение за рубежом».

Фактически, когда Зенгер говорит, что в вермахте было больше противников Гитлера, чем в других слоях населения, он имеет в виду не весь народ, а лишь его элиту. Действительно, среди представителей военной элиты оказалось больше открытых противников Гитлера, чем среди экономической элиты или, например, деятелей науки и культуры, особенно если брать тех, кто не эмигрировал, а остался в Германии. Что же касается шансов на успех заговора, то их действительно не было, даже в случае если бы Гитлер погиб 20 июля 1944 года. Ведь заговорщики располагали хоть какой-то поддержкой лишь среди командования и военной администрации Западного фронта. На Восточном фронте и в Италии, равно как и на территории Рейха, никаких командиров боевых частей и соединений на их стороне не было, а караульный батальон Отто Эрнста Ремера они двинули на берлинские правительственные здания только с помощью обмана о смерти Гитлера и попытке СС захватить власть, который очень быстро был разоблачен. Именно отсутствие сил не позволило заговорщикам изолировать основные центры власти в Берлине и прервать их связь с «Вольфшанце». После гибели Гитлера власть бы наверняка перешла к Герингу, в тот момент числившемуся официальным преемником фюрера. И его поддержали бы не только люфтваффе и флот, где подавляющее большинство офицерского корпуса симпатизировало нацистам, воссоздавшим эти виды германских вооруженных сил, но и большинство генералов, офицеров и солдат сухопутных сил, не говоря уж о войсках СС. Страны антигитлеровской коалиции, которых страшила боевая мощь вермахта, а не только завоевательные стремления Гитлера, и после гибели фюрера не отказались бы от требования безоговорочной капитуляции. И чем участники заговора 20 июля собирались привлечь на свою сторону народ и армию? Призывом сдаваться на милость тех, против кого тотальная пропаганда пять лет побуждала бороться не на жизнь, а на смерть? Даже если бы командующий Западным фронтом Клюге попытался в случае гибели Гитлера заключить перемирие с союзниками, его приказ вряд ли был бы выполнен. И исход путча был бы таким же, каким он и оказался в действительности.

Нельзя не признать, что Штауффенбергом и большинством его товарищей двигали благородные цели. Но необходимо подчеркнуть, что, к несчастью, надежд на успех их предприятия практически не было. В то же время некоторым из заговорщиков, например имперскому руководителю криминальной полиции группенфюреру СС Артуру Небе, в случае победы союзников грозила верная виселица за активное участие в «окончательном решении». В самые страдные месяцы 1941-го он командовал эйнзатцгруппой «Б» на Восточном фронте, уничтожившей около 50 тысяч евреев. А повесили его, по иронии судьбы, за участие в июльском заговоре. И никто уже не ответит, на что рассчитывали Небе и те немногие заговорщики. Неужели на то, что союзники откажутся от требования безоговорочной капитуляции и закроют глаза на совершенные при нацистах преступления?

Расовая политика Гитлера

Вся деятельность Гитлера была подчинена расовой идее. Он считал германскую расу высшей на земле и боролся за ее господство. Другим народам он предлагал подчинение или гибель. Можно вполне согласиться с мнением эстонских историков А. Адамсона и С. Валдмаа: «Конечно, цели всех великих держав в войне были корыстны, но особенно это характерно для целей Германии: если большевики (интернационал-социалисты) боролись во имя того, что они считали счастьем для всего человечества, то германские национал-социалисты боролись во имя господства одной расы — светловолосых германцев, «арийцев» — и были готовы стереть с лица земли все расы, которые в их глазах представлялись «низшими» или «неполноценными». Большинство эстонцев воевало во Второй мировой войне в немецких мундирах, оказавшись таким образом на стороне тех, кто проиграл войну... и это определяет наши мнения и чувства. Нам пришлось много страдать под полувековой советской оккупацией. Однако победа Гитлера была бы для человечества более страшным несчастьем, чем победа Сталина».

Для реализации иррациональной по сути расовой доктрины использовались вполне рациональные средства в виде первоклассной армии и военно-промышленного комплекса. А для ее обоснования фюрер изрядно «подправил» культурную историю человечества.

В книге «Моя борьба» он утверждал «арийский приоритет» во всех основных сферах культуры: «Вся человеческая культура, все достижения искусства, науки и техники, свидетелями которых мы являемся сегодня, почти исключительно плоды творчества арийцев. Один лишь этот факт вполне обоснованно подтверждает вывод о том, что именно ариец — родоначальник высшего гуманизма, а следовательно, и прообраз всего того, что мы понимаем под словом «человек». Он — Прометей человечества, со светлого чела которого во все времена слетали искры гениальности, всегда заново разжигающие огонь знаний, освещающий мглу мрачного невежества, что позволило человеку возвыситься над всеми другими существами Земли... Именно он заложил основы и воздвиг стены всех великих сооружений человеческой культуры».

Уделяя внимание германской культуре, Гитлер с началом Второй мировой войны позаботился о том, чтобы людей искусства не призывали в армию. Разумеется, только тех, кто выражал в своем творчестве «истинно германский дух», а не «растлителей-декадентов». Многие из последних, впрочем, к тому времени уже успели покинуть территорию Рейха.

«Арийское превосходство», по мнению фюрера, особенно ярко проявилось в военной сфере. Но Гитлер считал, что в германской армии периода Первой мировой войны не все было ладно, иначе не разразилась бы катастрофа 1918 года. Ее он связывал с «предательством» социал-демократов, среди которых, как считал фюрер, ведущую роль играли евреи.

Главной целью внешней и внутренней политики национал-социалистического государства провозглашалось достижение мирового господства и получение «жизненного пространства» на Востоке — в Польше и России для избранного германского народа. Расовые мотивы пронизывали всю жизнь Третьего Рейха. Гитлер писал в книге «Моя борьба»: «Наше государство будет прежде всего стремиться установить здоровую, естественную жизненную пропорцию между количеством нашего населения и темпом его роста, с одной стороны, и количеством и качеством наших территорий — с другой. Только так наша

внешняя политика может должным образом обеспечить судьбы нашей расы, объединенной в нашем государстве.

Здоровой пропорцией мы можем считать лишь такое соотношение между указанными двумя величинами, которое целиком и полностью обеспечивает пропитание народа продуктами нашей собственной земли. Всякое иное положение вещей, если оно длится даже столетиями и тысячелетиями, является ненормальным и нездоровым. Раньше или позже такое положение принесет величайший вред народу и может привести к его полному уничтожению.

Чтобы народ мог обеспечить себе подлинную свободу существования, ему нужна достаточно большая территория».

«Расово неполноценные» элементы должны были беспощадно истребляться или изгоняться за пределы обитания германского народа. Среди собственно немцев истреблению подлежали неизлечимо больные и психически больные. 1 сентября 1939 года, в день начала Второй мировой войны, Гитлер отдал секретный приказ «расширить полномочия определенного круга врачей таким образом, чтобы они могли обеспечить милосердную смерть неизлечимо больным после критического изучения их здоровья». В рамках этой «милосердной акции» только в Германии было уничтожено более 50 тысяч человек. Неизлечимо больные и слабоумные также подлежали уничтожению и на оккупированных территориях.

Главным объектом будущей германской колонизации Гитлер назвал Россию: «Мы, национал-социалисты, совершенно сознательно ставим крест на всей немецкой внешней политике довоенного времени. Мы хотим вернуться к тому пункту, на котором прервалось наше старое развитие 600 лет назад. Мы хотим приостановить вечное германское стремление на юг и на запад Европы и обращаем взор в сторону территорий, расположенных на востоке. Мы окончательно рвем с колониальной и торговой политикой довоенного времени и сознательно переходим к политике завоевания новых земель в Европе.

Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены.

Сама судьба указывает нам перстом. Выдав Россию в руки большевизма, судьба лишила русский народ той интеллигенции, на которой до сих пор держалось ее государственное существование и которая одна только служила залогом известной прочности государства. Не государственные дарования славянства дали силу и крепость русскому государству. Всем этим Россия была обязана германским элементам — превосходнейший пример той громадной государственной роли, которую способны играть германские элементы, действуя внутри более низкой расы. Именно так были созданы многие могущественные государства на земле. Не раз в истории мы видели, как народы более низкой культуры, во главе которых в качестве организаторов стояли германцы, превращались в могущественные государства и затем держались прочно на ногах, пока сохранялось расовое ядро германцев. В течение столетий Россия жила именно за счет германского ядра в ее высших слоях населения. Теперь это ядро истреблено полностью и до конца. Место германцев заняли евреи. Но как русские не могут своими собственными силами скинуть ярмо евреев, так и одни евреи не в силах долго держать в своем подчинении это громадное государство. Сами евреи отнюдь не являются элементом организации, а скорее ферментом дезорганизации. Это гигантское восточное государство неизбежно обречено на гибель. К этому уже созрели все предпосылки. Конец еврейского господства в России будет также концом России как государства. Судьба предназначила нам быть свидетелями такой катастрофы, которая лучше, чем что бы то ни было, подтвердит безусловную правильность нашей расовой теории».

Гитлер искренне верил, что только германский расовый элемент в виде первой норманнской княжеской династии Рюриковичей и норманнской

дружины, позднее получивший прививку в виде остзейского немецкого дворянства, обеспечил тысячелетнее существование Русского государства. В ходе революции 1917 года и последующей Гражданской войны потомки Рюриковичей, а также иных дворян варяжского (норманнского) происхождения, равно как и остзейские бароны, были либо истреблены, либо вынуждены эмигрировать. Поэтому фюрер был убежден, что в моральном и организационном отношении Советская Россия стала значительно слабее прежней Российской империи и не может рассматриваться в качестве серьезного военного противника. Неудача Красной Армии в финской войне и «чистка» высшего командного состава 1937—1938 годов, казалось бы, подтверждали гитлеровскую теорию. К счастью, она оказалась ошибочной. А вот насчет того, что евреи не смогут надолго удержаться в советских властных структурах, Гитлер не ошибся. Уже к концу 20-х годов, после того как Сталин одолел внутривластную оппозицию, евреев в высшем партийном руководстве почти не осталось. На протяжении 30-х годов они утратили свои позиции в НКВД и в Красной Армии (равно как и прочие инородцы, имевшие связи с иностранными государствами, — поляки и выходцы из Прибалтики, а в 40-е годы, в ходе кампании борьбы с космополитизмом, евреи были вычищены и с номенклатурных постов среднего звена.

Широкая колонизация восточных земель немцами и «германскими народами», вроде голландцев или норвежцев, мыслилась нацистами только после победоносного окончания войны. В военное время было сделано несколько пробных акций такого рода, в частности в районе ставки Гитлера под Винницей, но все они закончились безрезультатно.

Гитлер не мыслил никакого иного устройства Велико-германского Рейха, кроме как на основе безусловного подчинения всех завоеванных или «добровольно присоединившихся» стран диктату из Берлина. Собственно германские земли, а тем более оккупированные территории не должны были обладать ни автономией, ни какими-либо элементами государственной самостоятельности. Если и говорилось о каком-то равноправии «германских народов» в составе Великогерманского Рейха, то только в пропагандистских целях.

Разрабатывались планы «германизации» арийских народов, а также славян, среди которых с помощью антропометрии стремились выявить лиц с повышенной долей «германской крови». Хотя в действительности, например, те же славяне и немцы, замечу, имеют не только языковое, но и физико-антропологическое родство и не могут быть в принципе разделены по этим признакам. Рейхсфюрер Гиммлер 5 апреля 1942 года в ставке Гитлера заявил, что «наилучший способ решить французскую проблему — это ежегодно проводить среди населения Франции отбор лиц германской крови. Нужно попробовать поместить их детей в самом раннем возрасте в немецкие интернаты, заставить там забыть о том, что волею случая они считались французами, внушая, что в них течет германская кровь, и подчеркивая их принадлежность к великому германскому народу». Гитлер, однако, весьма осторожно отнесся к идее онемечивания французов: «Все попытки онемечивания меня не особенно вдохновляют, если только они не подкреплены мировоззренчески. В случае с Францией следует помнить, что ее военная слава зиждется не на идейной позиции большинства населения, но на том, что французы пару раз умело использовали благоприятное для них соотношение военных сил на континенте (например, вступив в Тридцатилетнюю войну). Но там, где им противостояли немцы, наделенные национальным самосознанием, они всегда получали хорошую взбучку, например от Фридриха Великого в 1740 году и т. п. И не имеет никакого значения то, что корсиканец Наполеон, этот уникальный военный гений, вел ее к победам

всемирно-исторического значения. Большинство французов склонны к мещанству, и поэтому для Франции будет тяжелым ударом, если ее правящий слой лишит пополнения лицами германской крови».

Гитлер втолковывал Гиммлеру, одержимому идеями германизации не только французов, но даже поляков и чехов (последние даже считались «германским народом»): «Разве я с легким сердцем разделил свою родину Австрию на несколько маленьких гау с целью избавить ее от сепаратистских тенденций и облегчить ее присоединение к Германскому Рейху. У Австрии в конце концов своя полутысячелетняя история, в которой было много поистине великих событий».

Но при обсуждении этой проблемы с голландцами и норвежцами (согласно расовой теории национал-социалистов, относившихся к «германским народам». — Б. С.) следует быть очень осторожными. Нужно всегда помнить, что Бавария в 1871 году также ни разу не выразила намерения присоединиться к Пруссии; Бисмарк только уговорил ее войти в состав мощного, близкого ей по крови союза под названием Германия. Я в 1938 году тоже не говорил австрийцам, что хочу присоединить их к Германии; напротив, я всегда подчеркивал, что намерен объединить их с Германией и создать Великогерманский Рейх (т. е. якобы новое государство, где Австрия будет едва ли не равноправна с Германией. Разумеется, это был только пропагандистский лозунг. — Б. С.). Германцам Северо-Запада и Севера (т. е. голландцам, фламандцам и скандинавским народам. — Б. С.) нужно постоянно внушать, что речь идет всего лишь о Германском Рейхе, только о Рейхе, идеологической и военной опорой которого является Германия...

Я скептически отношусь к участию иностранных легионов в военных действиях на Восточном фронте. Никогда не следует забывать, что любой из этих легионеров, если только он не проникся сознанием своей кровной связи с Германской империей как основой нового европейского единства, будет чувствовать себя предателем своего народа.

Насколько это опасно, наглядно демонстрирует распад Австро-Венгерской империи. Здесь также полагали, что смогут привлечь на свою сторону другие народы, к примеру поляков, чехов и т. д., если предоставят им возможность пройти военное обучение в рядах австрийской армии. В решающий момент выяснилось, что именно эти люди подняли против нее знамя борьбы. Поэтому речь идет о том, чтобы попытаться воссоздать Германский Рейх под германским знаменем. Невозможно было в 1871 году заставить Баварию присоединиться к Германской империи под знаменами Пруссии, равно как и невозможно ныне объединить германские народы под черно-бело-красным (кайзеровским) знаменем прежнего Рейха. Поэтому я с самого начала ввел для НСДАП, являющейся носителем идеи объединения всех германцев, новый символ, который станет также символом всех германцев, — знамя со свастикой (повторяющее цвета кайзеровского флага. — Б. С.)».

Гитлер также предостерегал против слишком широкого онемечивания чехов и поляков. Он подчеркивал, что «всякое проявление терпимости по отношению к полякам неуместно. Иначе опять придется столкнуться с теми же явлениями, которые уже известны истории и которые всегда происходили после разделов Польши. Поляки потому и выжили, что не могли не воспринимать всерьез русских как своих повелителей, и еще потому, что им удалось, прибегая к всевозможным уловкам, добиться у немцев такого политического положения, которое при поддержке политического католицизма стало решающим фактором в германской внутренней политике».

Нужно прежде всего следить за тем, чтобы не было случаев совокупления между немцами и поляками, ибо в противном случае в вены польского правящего слоя постоянно будет вливаться свежая немецкая кровь...

Неменьшую осторожность следует проявлять и в отношении чехов, у которых есть пятисотлетний опыт, как лучше всего изображать из себя верноподданных, не возбуждая ни в ком недоверия. Сколько чехов во времена моей юности празднично шатались по Вене, очень быстро осваивая венский диалект, а затем ловко пробирались на высшие посты в государстве, занимали ведущие позиции в экономике и т. д.!»

Гитлер упрекал власти Второй империи за «половинчатость» в польском вопросе: «Поляков дразнили, а серьезного удара не нанесли ни разу. В результате мы не получили победы немцев и не достигли замирения поляков». Он отрицал возможность «германизации» поляков путем внедрения в польских землях немецкого языка: «Польский народ остался бы польским народом, только выражающим на чужом языке свои собственные чуждые нам идеи. Такой чуждый нашей расе народ своею более низкой ступенью развития только компрометировал бы достоинство и высоту развития нашего собственного народа». Расовая доктрина нацистов обрекала поляков или на уничтожение, или на депортацию. «Германизации» подлежали лишь те поляки, которых нацистские ученые-антропологи сочли бы близкими к германской расе.

Депортации начались в первые же дни оккупации вермахтом. Уже 20 октября 1939 года начальник 16-й оперативной команды СД штурмбаннфюрер СС Франц Редер докладывал в Главное управление имперской безопасности (РСХА): «По воле фюрера из населенной поляками Померании должна возникнуть в кратчайший срок немецкая Западная Пруссия. Для осуществления этих задач необходимы, по согласованному мнению всех компетентных органов, следующие меры:

1. Физическая ликвидация всех польских элементов, которые:

а) в прошлом играли ведущую роль на польской стороне или б) могут стать в будущем участниками польского сопротивления.

2. Выселение или переселение всех «коренных поляков» и «конгрессоров» (переселенцев из Царства Польского) из Западной Пруссии.

3. Переселение ценных в расовом и прочих отношениях поляков в центр старого Рейха, поскольку речь идет об угасающей немецкой родопреемственности, причем включение в немецкое народное тело должно происходить беспрепятственно. Указанные меры проводились с первого дня».

Также имперский протектор Богемии и Моравии Рейнгард Гейдрих, выступая перед чинами оккупационной администрации в феврале 1942 года, заявил, что от 40 до 60 процентов чехов должны слиться с немцами в единый народ, а не подлежащие германизации чехи должны отправиться осваивать «жизненное пространство» на Востоке. Для этой же цели предполагалось использовать не вполне полноценную в расовом отношении часть голландцев. И тех, и других представителей «германских народов» предполагалось сделать «надсмотрщиками» над местным восточнославянским населением.

Из «расово неполноценных» народов в будущем Гитлер собирался готовить слуг для немцев. В мае 1940 года рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер составил меморандум «Об обращении с инородцами на Востоке» (имелось в виду Польское генерал-губернаторство). Там, в частности, утверждалось: «Для негерманского населения Востока не должно быть образования свыше четырехлетней народной школы. Там должны учить лишь простому счету до пятисот, написанию своего имени и тому, что Господь Бог требует слушаться немцев и быть честными, прилежными и порядочными. Умение читать я считаю для них излишним. Никаких других школ на Востоке вообще не должно быть». Гитлер же в марте 1942 года утверждал в своей ставке: «Прежде всего мы не должны направлять немецких учителей на восточные территории (имелась в виду как Польша, так и оккупированные советские территории. — Б. С.). Иначе мы потеряем и детей, и родителей. Мы потеряем весь народ, так как вбитые в его головы знания впрок

не пойдут. Самое лучшее было бы, если эти люди освоили там для общения с немцами только язык жестов. По радио же было бы полезнее всего передавать музыку в неограниченном количестве. Только к умственной работе приучать их не следует. Не допускать никаких печатных изданий... Эти люди будут чувствовать себя самыми счастливыми, если их по возможности оставят в покое. Иначе мы вырастим там наших злейших врагов! Но конечно, если действовать в интересах наших учительшек, то первым делом следовало бы открыть в Киеве университет».

На практике подобные программы представляли собой несбыточные утопии, к осуществлению которых можно было бы теоретически приступить лишь после окончания войны и обретения Германией мирового господства. В реальной действительности и в Польше, и на оккупированных советских территориях газеты все же выходили, да и в школах учили отнюдь не только расписываться и считать до пятисот, хотя университетов, конечно, не открывали.

Гитлер и другие руководители Германии, начиная войну против СССР, смотрели на советскую территорию как на место создания новых немецких поселений и источник почти дарового сырья и энергии. Население же рассматривалось как дешевая рабочая сила, обслуживающая нужды Рейха и германских колонистов на Востоке. При этом евреи и цыгане подлежали уничтожению, а славянское и литовское население должно было быть существенно сокращено благодаря недоеданию и репрессиям за действия партизан. Бывший уполномоченный по борьбе с партизанами на Востоке обергруппенфюрер СС Эрих фон дем Бах-Зелевски, представ в качестве свидетеля перед Нюрнбергским трибуналом, показал, что Гиммлер в речи, произнесенной в 1941 году в Везельсбурге, накануне похода на Россию, призвал уменьшить общую численность славянского населения в Польше и на оккупированных территориях СССР на 30 миллионов человек. Этой цели, в частности, служили карательные операции против партизан и казни заложников, а также всех тех, кто подозревался в связях с партизанами. 16 декабря 1942 года Гитлер отдал бесчеловечный приказ о борьбе с партизанами («бандами») в России, Польше и на Балканах: «Враг использует в бандитской борьбе фанатичных и вышколенных борцов, которые не страшатся никакого насилия. Речь идет о том, быть или не быть. Эта борьба не имеет ничего общего с солдатским рыцарством и с положениями Женевской конвенции. Если борьба против банд будет вестись недостаточно жестокими методами, то в обозримом будущем у нас не хватит сил для сдерживания этой чумы.

Поэтому войска имеют право и обязаны применять в этой борьбе без каких-либо ограничений любые средства, ведущие к успеху, в том числе против женщин и детей. Поблажки всякого рода — преступления против солдат, подвергающихся бандитским нападениям. Не может быть никакого снисхождения к бандитам и их пособникам.

Ни один военнослужащий, участвующий в борьбе против банд и их пособников, не может привлекаться к судебной или дисциплинарной ответственности за свои действия».

Характерно, что жертвами этого приказа должны были стать прежде всего славяне, представлявшие собой, с точки зрения Гитлера, расово неполноценный элемент. В конце 1942 года фюреру уже было ясно, что войну Германии не выиграть. Но он стремился все равно истребить как можно больше евреев и славян, которых считал главными врагами германского народа.

Впрочем, иногда сам фюрер готов был пересмотреть свои взгляды на расовую неполноценность тех или иных народов. Так, 2 июня 1942 года, суммируя в ставке впечатления от поездки в Полтаву, в штаб группы армий «Юг», Гитлер признал, что посещение Украины «заставило меня несколько пересмотреть прежние расовые воззрения. В Полтаве я видел столько

голубоглазых и светловолосых женщин, что я даже подумал — вспомнив фотографии норвежек или даже голландок, представленные ему вместе с прошениями о женитьбе, — а не следует ли, вместо того чтобы говорить о проблеме «распространения северного типа», поднять вопрос о необходимости «распространить южный тип» в наших североевропейских государствах».

Гитлер мыслил себе решение национального вопроса в Великогерманском Рейхе только посредством германизации всех подходящих для этой цели немцев и уничтожения или высылки с территории Рейха всех «расово неполноценных» элементов. Но «окончательное решение» национальной проблемы он относил к далекому будущему, когда в Рейхе останется лишь однородная в национальном отношении масса германских народов, говорящих на немецком языке. Так, 22 января 1942 года фюрер заявил в своей ставке «Вольфшанце»: «Не исключено, что при последовательном руководстве мы через двести лет решим национальную проблему. В известной степени это уже было достигнуто Тридцатилетней войной».

В сороковые годы прошлого столетия любой чех стыдился говорить по-чешски. Он гордился, что говорит по-немецки, и был особенно горд, если его принимали за венца. Введение всеобщего, равного, тайного избирательного права нанесло в Австрии сокрушительный удар по немцам. Социал-демократия принципиально стала на сторону чехов, высшая знать тоже.

Для аристократии немцы вообще слишком культурный народ. Она предпочитает малые народы окраин. Чехи были лучше, чем венгры, румыны и поляки. У них уже образовался слой мелких буржуа, отличавшихся трудолюбием и знавших свое место. В наши дни они злобно, но и с безмерным восхищением взирают на нас: «Нам, богемцам, не дано властвовать!»

Только властвуя над другими народами, можно научиться управлять. Чехи давно бы избавились от своего комплекса неполноценности, если бы с течением времени осознали свое превосходство над остальными окраинными народами Австрии...

На протяжении нескольких веков мы замыкались исключительно на себе и теперь должны научиться активно наступать. Это продлится 50—100 лет. Мы умели властвовать над другими. Самый лучший пример этого — Австрия. Если бы Габсбурги не заключили союз с враждебными силами, то девять миллионов немцев справились бы с остальными пятьюдесятью миллионами!..

Нижняя Саксония, безусловно, родина властелинов. Английский господствующий слой родом оттуда! Именно там СС, используя свои методы, проводит набор руководящих кадров, с помощью которых через 100 лет можно будет управлять всеми территориями, не ломая себе голову над тем, кого куда назначить».

Идея рекрутирования «властелинов» на Нижнем Рейне так и не была, разумеется, реализована. И совсем уж фантастичными выглядят утверждения Гитлера о германцах Ближнего Востока: «Мы потеряли германцев, которых в Северной Африке называли берберами, а в Малой Азии — курдами. Одним из них был Кемаль Ататюрк, голубоглазый человек, не имевший ничего общего с турками».

Гитлер в книге «Моя борьба» отверг возможность солидарности нацистов с национально-освободительными движениями народов Британской империи, заявив: «Мы, немцы, кажется, могли сами достаточно убедиться, как нелегко справиться с Англией. А кроме всего прочего, скажу о себе, что я, как германец, все же всегда предпочту видеть Индию под владычеством Англии, чем под какой-либо другой властью».

Но здесь фюрер оказался плохим пророком. В годы Второй мировой войны Германии, Италии и Японии волей-неволей пришлось искать союза с национально-освободительными движениями в Индии, Бирме, арабских

странах. А надежды на компромисс с Англией на основе «германской расовой солидарности» рассыпались в прах уже через какое-нибудь десятилетие после публикации «Моей борьбы».

Расовая доктрина национал-социализма не оставляла на земле места «малым народам», лишенным родины-почвы, — евреям и цыганам, подлежащим поголовному уничтожению. Дальше в «шкале вредоносности» шли поляки — «наследственные враги» немцев, численность которых надо было максимально ограничить, а государственность ликвидировать, не допуская никаких форм самоуправления. Однако тотального истребления польской нации нацисты не предусматривали.

Следующими после поляков вверх по шкале расовых предпочтений шли русские и белорусы, такие же, как и поляки, «недочеловеки», Die Untermenschen, но, по крайней мере, пользовавшиеся преимуществом перед поляками при назначении на посты в местном самоуправлении на оккупированных территориях. После белорусов и русских более высокую ступеньку «расовой пирамиды» занимали литовцы и украинцы. Литовцы, как обладавшие еще совсем недавно собственным государством, имели преимущество в виде самоуправления, как и два других прибалтийских народа — латыши и эстонцы. Однако из-за длительного существования на одной территории и предполагаемого нацистами «расового смешения» с поляками ни литовцы, ни украинцы не считались «арийскими народами».

Следующими по шкале шли уже собственно «арийские народы». Этой чести из населения СССР удостоились только эстонцы, латыши, казаки, татары Крыма и Поволжья, калмыки, осетины, ингуши, чеченцы и ряд других народов Северного Кавказа и Закавказья. Они в перспективе подлежали германизации и должны были составить единую общность с германским народом.

За пределами СССР к «арийским народам» относили французов, итальянцев, испанцев, португальцев, венгров, греков, румын, словаков, болгар, сербов, словенцев, турок и некоторых других. При этом итальянцы, венгры, румыны, словаки, хорваты и болгары считались особыми, «союзными народами», что повышало их статус и с точки зрения расовой теории.

Далее, ближе к вершине расовой пирамиды, следовали «германские народы»: датчане, норвежцы, голландцы, фламандцы, валлоны, чехи, англичане, ирландцы, шведы, финны. Их предполагалось в первую очередь использовать для колонизации «восточных территорий».

В 1943 году, когда для стран антигитлеровской коалиции уже стало очевидно поражение Германии, расовая политика национал-социалистов претерпела вынужденные изменения. Термин «недочеловек» был изъят из употребления, и украинцы, белорусы, литовцы, русские и даже поляки официально признавались теперь «арийскими народами» и принимались на службу в вермахт и СС. Геббельс официально заявил по поводу этих «восточных народов»: «Нельзя изображать этих людей, надеющихся завоевать освобождение нашими руками, животными, варварами и тому подобным и одновременно рассчитывать на то, что они будут страстно желать победы немцев».

К тому времени расовая теория уже утратила всякий смысл как с точки зрения пропаганды, так и с точки зрения практической политики. Германия терпела поражение на всех фронтах, причем не только от «германских народов», англичан и американцев, что вроде бы было не так обидно, но и от русских, которых еще вчера называли «недочеловеками». Теперь речь уже шла не о завоевании новых земель на Востоке и на Западе, а о самом существовании Рейха. В этой борьбе нацисты искали любых союзников среди жителей оккупированных территорий, поэтому всякое тиражирование понятия «недочеловек» было прекращено. Теперь врагов — американцев, англичан и русских «опускали» только за счет пропагандистских тезисов об их будто бы

самых тесных отношениях с евреями, и при этом тех же русских пытались разделить на «хороших» и «плохих», в зависимости от их связи: с германскими властями или с большевиками. Самим же немцам уже не напоминали о том, что они «сверхчеловеки», а призывали защитить свою родину, дом и семью от нашествия врагов. Разумеется, при этом деликатно обходился вопрос: кто же начал войну и успел завоевать полмира, прежде чем был остановлен?

Гитлер и еврейский вопрос

Одним из главных врагов и одновременно пропагандистских мишеней национал-социалистов стали «мировые плутократы» — воротилы международного финансового капитала. Многие из них были еврейского происхождения, что нацисты старательно подчеркивали.

Вместе с тем основную массу германских евреев составляли мелкие торговцы, адвокаты, врачи, ремесленники, журналисты. Они никак не могли быть причислены к крупным бизнесменам, но были удобным объектом расовой ненависти. Чужаки по вере, почти не занятые физическим трудом, они сделались объектом нападков со стороны разорявшихся крестьян, безработных рабочих, а немецкие торговцы и ремесленники, видя в еврейских коллегах своих конкурентов, особенно неприятных в период кризиса и падения спроса, также не питали теплых чувств к сынам Израиля.

Еще в книге «Моя борьба» Гитлер открыто выразил сожаление, что накануне и в ходе Первой мировой войны «не удалось отравить газом 12— 15 тысяч этих еврейских предателей народа». Именно евреев он считал виновниками «удара кинжалом в спину» сражающейся германской армии в 1918 году.

С 1933 года государственной политикой Германии стал антисемитизм, что означало вытеснение евреев из общественной жизни, культуры и всех более или менее престижных профессий, а с началом Второй мировой войны — полное физическое уничтожение еврейского народа в рамках «окончательного решения еврейского вопроса». Такая политика коренилась в патологическом антисемитизме Гитлера, развившемся еще в Вене кануна Первой мировой войны. В книге «Моя борьба» он вспоминал: «Окончательно оттолкнуло меня от евреев, когда я познакомился не только с физической неопрятностью, но и с моральной грязью этого избранного народа...

Разве есть на свете хоть одно нечистое дело, хоть одно бесстыдство какого бы то ни было сорта, и прежде всего в области культурной жизни народов, в которой не был бы замешан по крайней мере один еврей? Как в любом гнойнике найдешь червя или личинку его, так в любой грязной истории непременно натолкнешься на еврейчика.

Когда я познакомился с деятельностью еврейства в прессе, в искусстве, в литературе, в театре, это неизбежно должно было усилить мое отрицательное отношение к евреям...

Это чума, чума, настоящая духовная чума, хуже той черной смерти, которой когда-то пугали народ. А в каких несметных количествах производился и распространялся этот яд!..

Одобрительные театральные рецензии всегда относились только к еврейским авторам. Резкая критика никогда не обрушивалась ни на кого другого, кроме как на немцев. Уколы против Вильгельма II становились системой, так же как специальное подчеркивание французской культуры и цивилизации. Пикантность литературной новеллы возводили до степени простого неприличия. Даже в их немецком языке было что-то чужое...

Отношение евреев к проституции и еще больше к торговле девушками можно наблюдать в Вене лучше, чем где бы то ни было в Западной Европе, за исключением, быть может, некоторых портов на юге Франции. Стоило выйти ночью на улицу, чтобы натолкнуться в некоторых кварталах Вены на каждом шагу на отвратительные сцены, которые большинству немецкого народа были совершенно неизвестны вплоть до самой мировой войны, когда часть наших

германских солдат на Восточном фронте имела возможность или, точнее сказать, вынуждена была познакомиться с таким зрелищем...

Что было совершенно непонятно, так это та безграничная ненависть, с которой они относятся к собственной народности, к величию своего народа, та ненависть, с которой они бесчестят историю собственной страны и вываливают в грязи имена ее великих деятелей.

Это борьба против собственной страны, собственного гнезда, собственного очага бессмысленна и непонятна. Это просто противоестественно.

От этого порока их можно было излечить иногда на несколько дней, максимум на несколько недель. В скором времени при встрече у тех, кто казался тебе излеченным, приходилось убеждаться, что он остался прежним, что он опять во власти противоестественного».

Гитлер провозглашал: «Никакое примирение с евреями невозможно. С ними возможен только разговор по принципу: либо — либо! либо они — либо мы!»

Раз нельзя излечить, надо уничтожить. И уничтожили почти 6 миллионов человек, приведя их, так сказать, в «естественное состояние».

Геббельс, по части антисемитизма занимавший в нацистской верхушке почетное второе место после Гитлера, в 1937 году на партийном съезде в Нюрнберге заявил: «Взгляните, вот еврей — враг человечества, разрушитель цивилизации, паразит рода людского, воплощение зла, гниlostная бактерия, демон, приносящий вырождение человечества».

А Гитлер, вслед за другими антисемитами, утверждал: «Еврейский народ — при всем том, что внешне он кажется очень развитым, — на самом деле никакой истинной культуры не имеет, а в особенности не имеет никакой своей собственной культуры. Внешняя культура современного еврея на деле есть только извращенная им культура других народов». При этом «евреи живут, как паразиты, на теле других наций и государств. Это и вырабатывает в них то свойство, о котором Шопенгауэр должен был сказать, что «евреи являются величайшими виртуозами лжи»».

Фюрер прямо связывал еврейство с марксизмом и социал-демократией. Порой слова «еврей», «марксист», «коммунист» и «социал-демократ» выступали для него как синонимы. И всех их Гитлер считал злейшими врагами германской нации, объединяя в своем сознании политические и расовые категории. Он заявлял: «Когда я стал глубже изучать всю роль еврейского народа во всемирной истории, у меня внезапно мелькнула мысль, что, может быть, неисповедимые судьбы по причинам, которые нам, бедным людям, остаются еще неизвестными, все-таки предначертали окончательную победу именно этому маленькому народу. Может быть, этому народу, который испокон веков живет на этой земле, все же в награду достанется вся земля?»

Имеем ли мы объективное право бороться за самосохранение или это право имеет только субъективное обоснование?

Когда я окончательно углубился в изучение марксизма и со спокойной ясностью подвел итог деятельности еврейского народа, судьба сама дала мне свой ответ.

Еврейское учение марксизма отвергает аристократический принцип рождения и на место извечного превосходства силы и индивидуальности ставит численность массы и ее мертвый вес. Марксизм отрицает в человеке ценность личности, он оспаривает значение народности и расы и отнимает таким образом у человечества предпосылки его существования и его культуры. Если бы марксизм стал основой всего мира, это означало бы конец всякой системы, какую до сих пор представлял себе ум человеческий. Для обитателей нашей планеты это означало бы конец их существования.

Если бы еврею с помощью его марксистского символа веры удалось одержать победу над народами мира, его корона стала бы венцом на могиле

всего человечества. Тогда наша планета, как было с ней миллионы лет назад, носилась бы в эфире, опять безлюдная и пустая.

Вечная природа безжалостно мстит за нарушение ее законов.

Ныне я уверен, что действую вполне в духе Творца всемогущего, борясь за уничтожение еврейства, я борюсь за дело Божие».

Уничтожение евреев стало одной из главных целей внешней и внутренней политики Третьего Рейха. Гитлера не остановило то, что четверть всех германских нобелевских лауреатов были людьми еврейского происхождения. Кроме того, еврейская тема стала мощным оружием нацистской пропаганды. Все антифашисты в Германии объявлялись евреями или пособниками евреев. А насчет правительств стран антигитлеровской коалиции утверждалось, что они находятся под мощным еврейским влиянием.

Строго говоря, в истреблении евреев был значительный элемент иррациональности. «Окончательное решение» демонстрирует тот вред, который несла расовая доктрина Гитлера с прагматической точки зрения. Одно дело, когда евреев лишали гражданских прав и вытесняли из экономической жизни. Это только приветствовалось основной массой германского народа и было мощным пропагандистским средством повышения популярности национал-социалистов. Но совсем иное — поголовное уничтожение евреев. Это никак не могло встретить одобрения не только подавляющего большинства немцев, но и многих отъявленных антисемитов. Основная часть немцев, даже если и испытывала негативные чувства по отношению к евреям и приветствовала накладывавшие на евреев жесткие ограничения Нюрнбергские законы, совсем не была готова принять их физическое уничтожение. Как орудие пропаганды факт уничтожения евреев использовать не было никакой возможности. Поэтому «окончательное решение еврейского вопроса» приходилось проводить в глубокой тайне и от германского народа, и от мировой общественности. Если бы об этом преступлении стало известно, данное обстоятельство принесло бы нацистской Германии громадный вред, а шансов надежно скрыть организованное убийство миллионов евреев не было, учитывая общее число людей, вовлеченных в акцию.

Уничтожая миллионы евреев, нацисты в условиях военного времени лишали германскую экономику миллионов рабочих рук, которые вполне можно было использовать, пусть даже на подневольной основе. «Окончательное решение» порой затрудняло снабжение армии, так как еврейских ремесленников не всегда можно было быстро заменить. Не случайно по просьбе военного командования и оккупационной администрации зондеркоманды до поры до времени щадили евреев-ремесленников, работавших для нужд армии. Казалось бы, с рациональной точки зрения для национал-социалистов выгоднее было бы согнать евреев Европы в трудовые лагеря, где они могли бы работать для увеличения военно-экономического потенциала Рейха. Гитлер прекрасно понимал все невыгоды «окончательного решения» как в экономическом, так и пропагандистском отношении. Однако он питал просто мистическую, звериную, необоримую ненависть к евреям и предпочел пойти по пути их полного уничтожения, несмотря на все очевидные риски и невыгоды подобного образа действий. Уничтожение евреев в его сознании неразрывно связывалось с торжеством германской расы. Фюрер проповедовал лозунг: «Евреи должны погибнуть, чтобы жили немцы, чтобы жила Германия». Трагедия мирового еврейства и всего человечества заключалась в том, что бессмысленное с точки зрения здравого рассудка и бесчеловечное «окончательное решение» осуществлялось вполне рациональными и даже оптимальными методами в плане уничтожения в кратчайшие сроки максимального числа людей.

Следует признать, что антиеврейские лозунги нацистов падали на благодатную почву традиционного антисемитизма. Евреев винили и в поражении 1918 года, и в последовавшей за ним революции, и в тяготах

репарационных выплат, особенно из-за связей с «еврейской плутократией» Англии, Франции и США. При этом в Германии к евреям все же относились менее жестоко, чем в родной Гитлеру Австрии. Принятые в 1935 году так называемые Нюрнбергские законы предоставляли всю полноту политических и юридических прав только гражданам Рейха, которые обязаны были документально доказать, что в их жилах течет немецкая кровь. Евреи же лишались политических и большинства имущественных прав и объявлялись только «подданными Рейха». Один из законов, «об охране немецкой крови и немецкой чести», запрещал браки и сексуальные связи между евреями и неевреями. Однако в Рейхе вплоть до «хрустальной ночи» ноября 1938 года, спровоцированной убийством советника германского посольства в Париже еврейским юношей — эмигрантом из Германии, прямому преследованию, связанному с неприкрытым насилием, евреев еще не подвергали. В Австрии же сразу после аншлюса в марте 1938 года жители Вены выгнали евреев на улицы и, издеваясь, заставили их мыть с мылом тротуары. С началом же Второй мировой войны, как мы помним, был осуществлен переход к политике «окончательного решения еврейского вопроса», имевшей своей конечной целью полное физическое истребление евреев Европы. Задачу удалось выполнить наполовину, истребив 6 из 12 миллионов евреев.

Жупел «еврейской угрозы» должен был послужить оправданием для германского народа в развязывании Гитлером Второй мировой войны. Еще 30 января 1939 года Гитлер сделал зловещее предупреждение: «Если международным еврейским финансовым кругам в Европе и за ее пределами удастся снова втянуть народы в мировую войну, то ее результатом станет не большевизация мира и, следовательно, триумф еврейства, а уничтожение еврейской расы в Европе». А 21 марта 1943 года, уже после Сталинграда и Эль-Аламейна, фюрер демагогически утверждал: «Вечное еврейство навязало нам эту жестокую и беспощадную войну».

Если до начала Второй мировой войны нацисты всерьез обсуждали проекты депортации германских евреев на Мадагаскар или в какую-либо другую азиатскую или африканскую страну, то условия военного времени были сочтены как весьма благоприятные для более радикальных действий. Особенно удобной была обстановка на Восточном театре военных действий, где не действовали никакие международные конвенции об обращении с военнопленными и жителями оккупированных территорий и не было никаких наблюдателей и корреспондентов из нейтральных стран. Шедшие сразу же вслед за наступающими частями вермахта эйнзатцгруппы и зондеркоманды СД (службы безопасности) сразу же выявляли всех евреев на занятой территории, в чем им активно помогала значительная часть местных жителей, и расстреливали их. Глава Германского трудового фронта Роберт Лей заявил еще в мае 1942 года в Карлсруэ: «Необходимо не просто изолировать человечество от еврейского недуга — евреи должны быть истреблены».

2 апреля 1941 года, накануне похода против России, Гитлер вызвал будущего рейхсминистра оккупированных восточных территорий Альфреда Розенберга и информировал его о планах «окончательного решения» еврейского вопроса путем полного истребления евреев Европы. Оккупированным территориям СССР в этом деле отводилась особая роль. Сюда, подальше от глаз общественности, собирались депортировать евреев Западной Европы, чтобы всех уничтожить. После двухчасовой беседы ужаснувшийся планам Гитлера Розенберг только и смог записать в дневнике: «Сегодня я не могу писать об этом, но я этого никогда не забуду». А 20 мая 1941 года в отделе IV В4 СД Адольф Эйхман получил указания, что «в скором времени предстоит окончательное решение еврейского вопроса», в связи с чем всем полицейским подразделениям предписывалось не допустить эмиграции евреев из Рейха и

оккупированных территорий Западной Европы. Впоследствии на оккупированную советскую территорию депортировали для уничтожения евреев из Германии, Польши и стран Западной Европы. Всего здесь погибли почти 2 миллиона примерно из 6 миллионов истребленных нацистами евреев.

На оккупированных территориях политика нацистов по отношению к евреям встречала поддержку среди значительной части местного населения, которому в подавляющем большинстве была свойственная та или иная степень антисемитизма. Например, руководитель советского подполья Могилева Казимир Мэттэ признавал: «В первые месяцы оккупации немцы физически уничтожили всех евреев. Этот факт вызвал много различных рассуждений. Самая реакционная часть населения, сравнительно небольшая, полностью оправдывала это зверство и содействовала им в этом. Основная обывательская часть не соглашалась с такой жестокой расправой, но утверждала, что евреи сами виноваты в том, что их все ненавидят, однако было бы достаточно их ограничить экономически и политически, а расстрелять только некоторых, занимавших ответственные должности. Остальная часть населения — советски настроенная — сочувствовала и помогала евреям во многом, но очень возмущалась пассивностью евреев, так как они отдавали себя на убой, ни сделав ни одной, хотя бы стихийной попытки выступления против немцев в городе или массового ухода в партизаны. Кроме того, и просоветски настроенные люди отмечали, что очень многие евреи до войны старались устроиться на более доходные и хорошие служебные места, установили круговую поруку между собой, часто позволяли нетактичное отношение к русским, запугивая привлечением к ответственности за малейшее выступление против еврея и т. д. «И вот теперь евреи тоже ожидают помощи от русских Иванов, а сами ничего не делают», — говорили они. Общий же вывод у населения получился таков: как бы немец не рассчитался со всеми так, как с евреями. Это заставило многих призадуматься, внесло недоверие к немцам». Подобные антиеврейские настроения преобладали среди значительной части населения Польши, Украины, Белоруссии и Прибалтики, входивших прежде в пресловутую «черту оседлости» в Российской империи, восточнее которой евреям селиться было запрещено. Это облегчало проведение «окончательного решения».

Сначала уничтожение евреев осуществлялось в глубокой тайне даже от ряда высших чиновников Рейха. Но 6 октября 1943 года Гиммлер, выступая перед гаулейтерами и рейхслейтерами в Познани, несомненно, по поручению Гитлера, решил, что пришла пора ввести их в курс программы уничтожения еврейства, чтобы сделать их безусловными соучастниками геноцида. Рейхсфюрер говорил проникновенным, душевным голосом, но от услышанного у собравшихся мороз пробежал по коже: «Я хочу откровенно поговорить с вами об очень серьезном деле. Сейчас, между собой, мы можем говорить о нем вполне открыто, но никогда не стану говорить об этом публично. Точно так же, как, повинувшись приказу, мы, выполняя свой долг, 30 июня 1934 года ставили к стенке заблудших товарищей (имеется в виду убийство Рема и его сторонников. — Б. С.), — но никогда не говорили и не станем говорить об этом. Наш природный такт побуждал нас никогда не касаться этой темы. Каждый из нас ужасался, но в то же время понимал, что в следующий раз, если это будет необходимо, он поступит так же.

Сейчас речь идет о депортации и об истреблении еврейской нации. Звучит это просто: «Евреи будут уничтожены». И все члены нашей партии, безусловно, скажут так: «Искоренение евреев, истребление их — это один из пунктов нашей программы, и он будет выполнен».

А потом приходят к нам все 80 миллионов достойных немцев, и каждый просит за своего порядочного еврея. Все остальные, конечно, свиньи, но вот

именно этот — хороший еврей. Ни один из тех, кто говорит так, не видел своими глазами, как это происходит... Большинство присутствующих здесь знает, что это такое — видеть 100, или 500, или 1000 уложенных в ряд трупов. Суметь выдержать это — за исключением отдельных случаев человеческой слабости — и сохранить в себе порядочность — вот испытание, которое закалило нас. Это славная неписаная страница нашей истории, ибо мы знаем, как трудно было бы нам сегодня — в условиях бомбежки, тягот и лишений военного времени, если бы в каждом нашем городе еще жили евреи: скрытые саботажники, агитаторы и смутьяны...

Богатство, которым они владели, мы у них забрали. Я дал строгий приказ, выполненный обергруппенфюрером СС Полем (начальником хозяйственного управления СС. — Б. С.), передать все это Рейху. Мы ничего не оставили себе. Совершившие ошибки понесут наказание в соответствии с приказом, отданным мной в самом начале, который гласил: каждый, кто присвоит себе хотя бы одну марку из этих, подлежит казни. Несколько сотрудников СС — их немного — нарушили этот приказ, и их казнят. Пощады не будет. У нас есть моральное право, у нас есть обязательство перед немецким народом уничтожить эту нацию, которая хотела уничтожить нас. Но у нас нет права обогащаться, даже если речь идет только об одной шубе, об одних часах, об одной марке или одной сигарете. Наконец, мы не хотим, уничтожая бациллу, дать ей заразить себя и умереть самим. Я никогда не позволю себе остаться в стороне и наблюдать за тем, как появляется пусть даже маленькая червоточина и как она начинает расти. Где бы она ни появилась, мы вместе выжжем ее. Однако в целом мы можем сказать, что, вдохновленные любовью к нашему народу, мы справились с этой труднейшей задачей. При этом мы не нанесли никакого вреда нашему внутреннему миру, нашей душе, нашему характеру...»

Осознав всю меру ответственности в случае приближающегося и все более неотвратимого военного поражения, чиновники с горя перепились. Рейхслейтеров и гаулейтеров уложили как бревна в вагоны поезда, увозившего их из Познани. После этого инцидента Геббельс пообещал в будущем не позволять гаулейтерам выпивать больше двух рюмок коньяка в день. И ведь кое-кого из гаулейтеров действительно повесили. Но лишь меньшинство. Избежали петли и такие активные участники «окончательного решения», как рейхскомиссар Украины и гаулейтер Восточной Пруссии Эрих Кох и рейхскомиссар Остланда, куда входили Прибалтика и Белоруссия, Генрих Лозе. Первый получил пожизненное заключение, а второй отделался 10 годами тюрьмы.

Во время войны, особенно начиная с 1943 года, крылатой стала фраза Геббельса: «Во всем виноваты евреи». Им приписывали вину как за войну в целом, так и за поражения, которые начал терпеть вермахт.

И в своем предсмертном политическом завещании Гитлер излил всю свою ненависть, прибегнув к откровенным фальсификациям: «Это неверно, будто я или кто-то другой в Германии желал в 1939 году войны. Ее желали и развязали исключительно интернациональные государственные деятели либо еврейского происхождения, либо работавшие на еврейские интересы. Я вносил множество предложений по сокращению и ограничению вооружений, которые грядущие поколения не смогут вечно отрицать, чтобы возложить ответственность за возникновение этой войны на меня. Я никогда не хотел, чтобы после первой злосчастной мировой войны возникла еще одна мировая война против Англии или, тем более, против Америки. Пройдут века, но из руин наших городов и памятников искусства будет постоянно вырастать обновляющаяся ненависть к тому народу, которому мы обязаны всем этим: к интернациональному еврейству и его пособникам.

Еще за несколько дней до того, как разразилась германо-польская война, я предложил британскому послу в Берлине решение германо-польской проблемы — как и в случае с Саарской областью — под международным контролем. Это предложение тоже нельзя отрицать. Но оно было отвергнуто, потому что влиятельные круги английской политики желали войны, а отчасти подгонялись к ней организованной интернациональным еврейством пропагандой.

Но я не оставлял также сомнения и на этот счет, что, если народы Европы рассматриваются как пакеты акций для интернациональных финансовых и промышленных заговорщиков, будет привлечен к ответственности и тот народ, который является единственным виновником этой смертоубийственной войны: еврейство! Я также не оставлял никакой неясности насчет того, что на сей раз настоящий виновник, пусть и гуманными средствами (даже перед лицом смерти фюрер называл полное истребление евреев Европы «гуманным средством»! — Б. С.), но поплатится за то, что миллионы детей европейцев арийской расы умрут от голода, что свою смерть найдут миллионы взрослых мужчин, а сотни тысяч женщин и детей сгорят в наших городах или погибнут от бомбежек». О бомбардировках люфтваффе британских, голландских, французских, польских, югославских, советских городов фюрер не вспоминал.

Правда, с 1943 года, когда успехи вермахта сменились поражениями, «окончательное решение» претерпело некоторые метаморфозы. Уцелевшие к середине 1943 года еврей-специалисты, занятые на работах, больше не подвергались поголовному истреблению. Их отправили в концлагеря или в гетто, и они получили, пусть небольшой, шанс уцелеть. Правда, в случае восстания евреи истреблялись практически полностью, как это случилось, например, при подавлении восстания в Варшавском гетто. Но в тех странах, где «окончательное решение» только начиналось (например, как в Венгрии после ее оккупации германскими войсками в марте 1944 года), евреи истреблялись почти полностью.

Верил ли Гитлер в Бога?

Гражданская религия национал-социализма с ее Ветхим и Новым Заветом — книгой «Моя борьба», с ее символом веры — «одна страна, один народ, один фюрер», с ее пантеоном мучеников после прихода Гитлера к власти довольно быстро оттеснила все традиционные религии на второй план.

Сам Гитлер не был атеистом, но его веру никак нельзя назвать христианской. Фюрер скорее тяготел к языческому мистицизму и ветхозаветным жестоким заповедям, хотя к собственно иудейской религии питал патологическую ненависть. Он утверждал в книге «Моя борьба»: «Протестантизм лучше выражает нужды немецкого самосознания. Но он непригоден там, где защита национальных интересов осуществляется в сфере, которая либо отсутствует в его системе понятий, либо отрицается им по каким-либо причинам... Протестантизм всегда выступал за развитие германского самосознания... поскольку дело касалось внутренней чистоты, углубления национального духа и немецкой свободы... но он встречает в штыки любую попытку вырвать нацию из удушающих объятий ее смертельного врага, так как его позиция по отношению к еврейству более или менее определена его догмами. А между тем речь здесь идет о вопросе, без решения которого любые попытки немецкого возрождения были и останутся абсолютно бессмысленными и невозможными».

Гитлер, однако, совсем не восхищался протестантизмом, хотя как национальную немецкую религию ставил гораздо выше более космополитического католицизма. При нацистах была даже попытка основать «немецкую национальную церковь». Под давлением национал-социалистов и при активном участии симпатизировавшей им фракции «немецких христиан» синод евангелической церкви в Германии избрал 27 сентября 1933 года пастора Кенигсбергского военного округа Людвиг Мюллера «епископом Рейха». Гитлер потребовал от него создать евангелическую автокефальную «церковь Рейха», но эта затея провалилась, встретив противодействие большинства германских лютеран.

Уже в 1941 году фюрер сожалел: «Нам не повезло, что наша религия убивает радость красоты. Протестантское ханжество еще хуже, чем католическая церковь». Но тут же добавил: «Я не занимаюсь догматами веры, но и не потерплю, чтобы священник занимался земными делами. Надо так сломать организованную ложь (так Гитлер именовал церковное христианство. — Б. С.), чтобы государство стало абсолютным властелином». А 13 декабря 1941 года, выразив неосновательную надежду, что «война идет к концу», Гитлер с гордостью добавил: «У меня шесть дивизий СС, ни один из этих солдат не ходит в церковь, и тем не менее они со спокойной душой идут на смерть». Поэтому-то на ременных пряжках эсэсовцев было выгравировано, не: «С нами Бог», как у солдат вермахта, а: «Моя честь — верность». Гитлер возмущался германскими министрами и генералами, которые убеждены, что «нам не победить без благословения церкви». Между тем эсэсовцы умирали с именем Гитлера на устах, а не с именем Бога.

Объективно национал-социалистической партии и государству никакая церковь не была нужна. Католическую церковь, более склонную к вмешательству в земные дела и следованию принципам гуманизма независимо от позиции светских властей, нацисты всячески принижали, к протестантским, как в большей мере «национально мыслящим», относились более терпимо. Впрочем, и католики под гнетом диктатуры и в условиях победоносного шествия вермахта довольно быстро присмирели. Так, Ватикан даже не рискнул

публично осудить истребление евреев. В будущем же, в случае победы Германии в войне, и протестантам, и католикам была уготована не слишком завидная участь: слиться в полностью огосударственной единой церкви. Как говорил Гитлер в узком кругу соратников, «война когда-нибудь кончится. Последней великой задачей нашего времени станет тогда решение проблемы церкви. Лишь тогда немецкая нация может считать свое будущее обеспеченным».

24 октября 1941 года, когда германские танковые колонны рвались к Москве, фюрер утверждал: «Большевики полагают, будто могут одержать триумф над Всевышним... Но мы, откуда бы мы ни черпали свои силы, будь то из катехизиса или философии, имеем возможность сделать шаг назад, в то время как они со своим материалистическим мировоззрением в конце концов съедят друг друга». В действительности Гитлер и его соратники верили, что творят волю Бога, и хотели продиктовать судьбу всему человечеству, для большинства — страшную. Но настоящим ужасом она обернулась для самих немцев.

В книге «Моя борьба» Гитлер провозглашал себя философом, чья вера в Бога носит внецерковный характер. В то же время он признавал для масс необходимость церковных догматов. Фюрер писал: «В нашем мире религиозные люди не могут обойтись без догматических обрядностей. Широкие слои народа состоят не из философов: для массы людей вера зачастую является единственной основой морально-нравственного мирозерцания... Если мы хотим, чтобы религиозные учения и вера действительно господствовали над умами широких масс народа, мы должны добиваться того, чтобы религия пользовалась безусловным авторитетом... Сотни тысяч более высоко развитых в умственном отношении людей отлично проживут и без этих условностей. Для миллионов же людей эти условности совершенно необходимы... Только благодаря догмату религиозная идея, вообще говоря, поддающаяся самым различным истолкованиям, приобретает определенную форму, без которой нет веры... Политику приходится прежде всего думать не о том, что данная религия имеет тот или другой недостаток, а о том, есть ли чем заменить существующую, пусть и не вполне совершенную, религию. И пока у нас нет лучшей замены, только дурак и преступник станет разрушать старую веру». После прихода нацистов к власти в качестве религиозной альтернативы стала все больше выступать расовая доктрина НСДАП, пропагандирующая борьбу за «жизненное пространство для наиболее полноценной германской расы».

Гитлер демагогически призывал к объединению всех сторонников христианских конфессий для борьбы с «еврейской опасностью»: «Сотни тысяч членов нашего народа гибнут в результате отравления крови, а мы проходим мимо всего этого, будто совершенно слепые. Эту свою гнусную работу евреи проводят совершенно планомерно. Эти черноволосые паразиты совершенно сознательно губят наших неопытных молодых светловолосых девушек, в результате чего мы теряем невозстановимые ценности. И что же?.. И католический, и протестантский лагеря относятся совершенно равнодушно к этим преступлениям евреев и не замечают, как эти паразиты народов преступно уничтожают самые ценные, самые благородные дары Божий на земле. Судьбы мира решаются не тем, победят ли католики протестантов или протестанты католиков, а тем, сохранится ли арийское человечество на нашей земле или оно вымрет.

И при таком положении вещей католические и протестантские лагеря не умеют соединиться против врагов человечества, а вместо этого подумывают, как бы уничтожить друг друга! Мы считаем, что обязанность подлинных патриотов — позаботиться о том, чтобы верующие обоих лагерей перестали все поминать имя Божие, а стали бы на деле выполнять волю Божию и сумели бы помешать евреям позорить дело Божие. Разве не Божья воля создала человека

по образу и подобию Творца Всевышнего. Кто разрушает дело Божие, тот ополчается против воли Божией...

Национальное единство нельзя укрепить тем, чтобы разжечь войну между католиками и протестантами. Только при взаимной уступчивости, только при одинаковой терпимости с обеих сторон можно изменить нынешнее положение вещей и добиться того, чтобы в будущем нация действительно стала единой и великой».

В этом была трагедия германского народа. Национальное единство и взаимную терпимость немцев разных христианских вероисповеданий Гитлер цементировал неприкрытой расовой ненавистью.

Христианские церкви Гитлер до поры до времени готов был терпеть как необходимый массам институт. Но он не намерен был вступать в какие-либо устойчивые отношения с ними. И не скрывал своего презрения к людям, глубоко и искренне верующим в христианского Бога. В «застольных разговорах» в ставке фюрер настаивал, что «партия хорошо делает, что не вступает ни в какие отношения с церковью. У нас никогда не устраивались молебны в войсках. Пусть уж лучше — сказал я себе — меня на какое-то время отлучат от церкви или предадут проклятию. Дружба с церковью может обойтись очень дорого. Ибо, если я достиг чего-либо, мне придется во всеуслышание объявить: я добился этого только с благословения церкви. Так я лучше сделаю это без ее благословения, и мне никто не предъявит счет...

Если бы не националисты-добровольцы, то в 1918— 1920 годах священники у нас стали бы жертвой большевизма. Попы опасны, когда рушится государство. Тогда они собирают вокруг себя темные силы и вносят смуту: какие только трудности не создавали римские папы германским императорам! Я бы с удовольствием выстроил всех попов в одну шеренгу и заставил побеспокоиться о том, чтобы в небе не появились английские или русские самолеты. В данный момент (осенью 1941 года. — Б. С.) больше пользы государству приносит тот, кто изготавливает противотанковые орудия, чем тот, кто машет кропилом...»

Тогда же Гитлер высказал сомнения в христианских Догматах с рационалистической точки зрения и подчеркнул значение языческих элементов культуры, которые ничуть не ниже христианских, хотя и не имеют уже сегодня прежнего религиозного значения: «В наши дни человек, знакомый с открытиями в области естествознания, уже не сможет всерьез воспринимать учение церкви: то, что противоречит законам природы, не может быть Божественного происхождения, и Господь, если пожелает, поразит молнией также и церковь. Целиком основывающаяся на взглядах античных мыслителей, религиозная философия отстает от современного уровня развития науки. В Италии и Испании это закончилось резней (Гитлер имел в виду процессы инквизиции. — Б. С.).

Я не хочу, чтобы у нас случилось то же самое. Мы счастливы, что сохранились Парфенон, Пантеон и другие святыни, хотя с религиозной стороной этих сооружений мы уже давно не имеем ничего общего. Будь их у нас еще больше, это было бы просто великолепно. Мы ведь все равно не будем поклоняться в них Зевсу...

Я ничего не знаю о загробном мире и достаточно честен, чтобы открыто признаться в этом. Другие же утверждают, что кое-что знают о нем, а я не могу представить доказательства, что это не так.

Крестьянке я бы не хотел навязывать свою философию. Учение церкви тоже своего рода философия, пусть даже и не стремящаяся отыскать истину. Но поскольку людям крупномасштабные материи недоступны, это не страшно. В итоге все в общем-то сводится к признанию беспомощности человека перед вечным законом природы. Не повредит также, если мы придем только лишь к

выводу, что спасение человека — в его стремлении постичь волю Божественного провидения, а не в вере в свою способность восстать против закона. Это же просто замечательно, когда человек безропотно чтит законы.

Поскольку любые потрясения суть зло, лучше всего будет, если нам удастся, просвещая умы, постепенно и безболезненно преодолеть такой институт, как церковь. Самыми последними на очереди были бы, видимо, женские монастыри».

Сам Гитлер христианство и церковь отвергал, в существование загробного мира не верил, а верил только в существование Бога в виде Божественного провидения, чью волю, как полагал, и должен исполнять истинный фюрер. Он ощущал себя сверхчеловеком, которому позволено вершить законы Божеские и человеческие. Но масса — это другое дело. Массе необходима церковь, хотя бы для того, чтобы удержать людей от нарушения государственных законов. И церковная организация должна сохраниться до того времени, когда возникнет идеальное национал-социалистическое государство, основанное на расовых законах и состоящее только из расово и социально полноценных членов. А такое возможно лишь после установления мирового господства Германской империи. До этого времени придется терпеть противоестественное сосуществование антихристианского государства и церкви, которая необходима для сохранения стабильности государственных институтов, а также институтов семьи и собственности. Но никакая непосредственная связь ни с одной из церквей не должна осквернять национал-социалистической партии.

Гитлер вопрошал: «Сделали ли научные открытия людей счастливыми? Не знаю. Но они счастливы, имея возможность придерживаться самых различных вероисповеданий. Значит, нужно быть терпимее в этом вопросе». Но при этом он считал, что «человек, придерживающийся ложной веры, выше того, кто вообще ни во что не верит. Так, профессор-большевик воображает, что одержал победу над Божьим промыслом. Этим людям с нами не совладать. Неважно, черпаем ли мы свои идеи из катехизиса или из философских трактатов, у нас всегда есть возможности для отступления, они же с их сугубо материалистическими взглядами в конце концов просто сожрут друг друга». Но в войне победили как раз большевики-материалисты.

Гитлер прямо провозгласил отказ от принципов христианского гуманизма и утверждал, что человеческая жизнь не имеет абсолютной ценности: «Не следует так уж высоко ценить жизнь каждого живого существа. Если эта жизнь необходима, она не погибнет».

Таким образом, фюрер допускал существование вечной жизни, которая лишь меняет форму своего бытия. Вот только загробного мира, как считал Гитлер, не существует, поскольку душа, покинув бренное тело, тотчас находит для своего воплощения другую оболочку. Он утверждал: «Наша религиозность — это вообще наш позор... Христианский тезис о загробном мире я ничем не могу заменить, поскольку он совершенно несостоятелен. Но вера в вечную жизнь имеет под собой определенные основания. Ум и душа возвращаются в общее хранилище, как, впрочем, и тело. Мы ляжем удобряем в почву, на которой появится новая жизнь. Я не хочу ломать голову в поисках ответов на вопросы «почему?» и «отчего?». Все равно нам не дано проникнуть в глубину души.

Если и есть Бог, он дает не только жизнь, но и способность познания. И если я с помощью данного мне Богом разума регулирую свою жизнь, то могу ошибаться, но не солгу.

Переселение тел в загробный мир невозможно хотя бы уже потому, что каждый, кто был бы вынужден взирать сверху на нас, испытывал бы страшные муки: он просто бы бесился от ярости, видя те ошибки, которые непрерывно совершают люди...

Я стремлюсь к такому порядку вещей, когда каждый твердо бы знал о себе: он живет и умирает во имя сохранения своей расы (по всей видимости, фюрер был убежден, что «истинный ариец», ставящий интересы германской расы превыше всего, и после смерти найдет себе новое воплощение только в представителях своей расы, а не в каких-нибудь евреях, и тем более — не в свиньях, коровах или лягушках. — Б. С.). Задача состоит в том, чтобы воспитать в людях высочайшее уважение к тем, кто особенно отличился в борьбе за выживание расы. Очень хорошо, что я не пустил попов в партию. 21 марта 1933 года—в Потсдаме — встал вопрос: идти или не идти в церковь? Я завоевал государство, не испугавшись проклятий обеих конфессий. Если бы я тогда в самом начале прибег к услугам церкви — мы пошли к могилам королей, а государственные деятели отправились в церковь, — то меня постигла бы судьба дуче» (Муссолини заключил конкордат с Ватиканом).

Когда в осажденном Берлине фюрер пустил в себя пулю, он, быть может, верил, что все равно не умрет, а его душа перейдет в бездну космоса, чтобы потом воскреснуть в новой реинкарнации. Как и всякому мистика, ему был близок этот пункт буддизма и ряда других восточных религий, в том числе «арийских» (информация о перевоплощении душ содержится в древней «Книге Коляды» и других дохристианских источниках славянской культуры. — *Ред.*).

Конец Гитлера

В начале апреля 1945 года, когда англо-американские войска двигались к Эльбе, а советские войска, ворвавшись в Вену и Кенигсберг, готовились к походу на Берлин, Гитлеру было ясно, что конец неотвратимо приближается и жить ему осталось считанные недели, хотя его окружение еще поддерживало в себе иллюзии, что фюрер каким-то чудом в последний момент сумеет спасти положение. Геббельс записал в дневнике: «Фюрер должен напрягать все свои духовные силы, чтобы в этой сверхкритической ситуации сохранить самообладание. Но я надеюсь, что он справится с этой ситуацией. Он всегда умел с величественным спокойствием дожидаться своего момента. Стоит наступить этому моменту, как он начнет действовать со всей решительностью». Но для фюрера оставался теперь только один решающий момент — самоубийство. Хотя он и старался создать у окружающих впечатление, что какие-то шансы в борьбе еще сохраняются, чтобы избежать преждевременной капитуляции, до тех пор пока он сам не окажется в безнадежном положении. Поэтому Гитлер распорядился об эвакуации ряда правительственных учреждений в «Альпийскую крепость», хотя отлично знал, что там нет ни сил, ни средств для длительного сопротивления. У людей из своего окружения он поддерживал убеждение, что фюрер тоже отправится в Берхтесгаден, хотя, очевидно, уже принял решение навсегда остаться в Берлине, обреченном на захват Красной Армией. Гитлер не хотел, чтобы, узнав об этом, они начали преждевременно сдавать свои войска западным союзникам.

По признанию Шпеера, уже само прибытие в рейхсканцелярию Евы Браун было сразу же сочтено ее обитателями предвестием близкого конца: «В первой половине апреля в Берлин неожиданно и без всякого приглашения приехала Ева Браун и заявила, что желает теперь быть всегда рядом с Гитлером. Он, в свою очередь, настаивал на ее возвращении в Мюнхен, а я даже предложил ей место в нашем самолете службы фельдъегерской связи. Но она твердо настаивала на своем, и теперь все, кто вместе с Гитлером поселился в бункерах под рейхсканцелярией, знали, зачем она приехала сюда. Ева Браун не только олицетворяла, но и в действительности была провозвестницей неминуемой гибели».

К тому времени генералы вермахта больше думали не о том, как оборонять Берлин, а о том, как спасти побольше своих войск от страшного, как им казалось, русского плена, сдавшись западным союзникам. 15 апреля, за день до начала советского наступления на Берлин, командующий группой армий «Висла», обороняющейся на Одере, генерал-полковник Готтгарт Хейнрици заявил Шпееру: «Я распорядился, чтобы в Берлине не был взорван ни один мост, так как вокруг города вообще не будет боев. Если русские прорвутся к Берлину, сосредоточенные на флангах наши войска отойдут на север и юг. А севернее Берлина мы упрямся в разветвленную систему каналов». Шпеер сразу же догадался: «Выходит, Берлин долго не продержится?» — «Во всяком случае, его гарнизон не сможет оказать сколько-нибудь сильного сопротивления», — заверил генерал министра. Хейнрици понимал, что советские войска будут штурмовать Берлин особенно упорно. И еще он догадывался, что Гитлер не покинет Берлин и прикажет оборонять столицу Рейха до последнего, чтобы умереть вместе со своими солдатами. А значит, Берлин превратится в грандиозную мышеловку, из которой не будет выхода. Поэтому лучше не направлять туда основную часть войск группы армий. Пусть они лучше сдадутся англичанам и американцам к северу и к югу от столицы.

28 апреля по приказу Гитлера за нежелание сражаться Хейнрици был отстранен от командования, но это уже никак не повлияло на ход событий. Большинство дивизий группы армий «Висла» успели сдать западным союзникам.

20 апреля 1945 года, в последний день рождения Гитлера, многие генералы и чиновники просили его покинуть Берлин и отправиться в Берхтесгаден. Кейтель вспоминал: «Я сказал ему только: то, что Провидение столь милостиво пощадило его при покушении 20 июля и то, что сегодня, в день своего рождения, в эти самые серьезные дни, когда существованию созданного им Третьего Рейха грозит величайшая опасность, он все еще держит руководство в своих руках, дает нам уверенность, что он примет необходимые решения. Мое мнение: он должен действовать, не дожидаясь, пока столица Рейха станет полем битвы. Я хотел продолжать, но он перебил меня: «Кейтель, я знаю, что я хочу, я буду сражаться перед Берлином, в нем самом или позади него!»

Также и секретарша Гитлера Тройдель Юнге описала день 56-летия фюрера: «Самые важные сановники Рейха пришли поздравить его; они просили, чтобы Гитлер покинул Берлин и прибыл в группу армий «Юг» в Баварии. Он категорически отказался.

Я в это время находилась вместе с другими секретарями в маленьком кабинете. Лицо фюрера было мертвенно-бледным. Он молчал. Он был похож на покойника. Мы осмелились переспросить его, действительно ли он хочет остаться в Берлине. «Конечно, я не уеду! — сказал он. — Я должен ускорить развязку или погибнуть». В последнее время он часто вспоминал о битве при Кунерсдорфе (в которой в 1759 году Фридрих Великий был разбит русскими и австрийскими войсками, но был спасен от краха смертью императрицы Елизаветы и переменой курса российской политики при Петре III. - Б. С.).

Мы онемели от удивления. Впервые он говорил безапелляционным тоном, вслух сказав ту правду, о которой мы давно догадывались: он больше не верил в победу. Он потерял веру...

В последние дни я часто встречала фюрера, бродившего как привидение по темным лабиринтам бункера, молча пересекавшего коридоры, входящего в комнаты. В какие-то мгновения я спрашивала себя, почему он не положит конец всему этому. Теперь было ясно, что ничего уже не спасти. Но в то же время мысль о самоубийстве отталкивала. Первый солдат Рейха кончает с собой, в то время как дети сражаются у стен столицы. Я решила задать ему вопрос: «Мой фюрер, не кажется ли вам, что немецкий народ ждет, чтобы вы стали во главе войск и пали в бою?» — «У меня дрожат руки, я едва могу держать пистолет. Если меня ранят, никто из солдат не прикончит меня. А я не хочу попасть в руки русских». Он говорил правду. Его рука дрожала, когда он подносил ложку ко рту; он с трудом поднимался со стула; когда шел, его ноги тяжело волочились по полу.

Я до сих пор поражаюсь, с каким спокойным фатализмом мы обсуждали за едой самые удобные и наименее мучительные способы самоубийства.

«Самый верный способ, — говорил Гитлер, — вставить ствол пистолета в рот и нажать спусковой крючок. Череп разлетается в куски, и смерть наступает мгновенно». Ева Браун ужаснулась. «Я хочу, чтобы мое тело было красивым, — запротестовала она, — я лучше отравлюсь». Она вынула из кармана своего элегантного платья маленькую капсулу из желтой меди. В ней был цианид. «Это больно? — спросила она. — Я так боюсь долгой и мучительной агонии. Я приняла решение умереть, но хочу, чтобы это было, по крайней мере, без мучений». Гитлер объяснил ей, что смерть от цианида безболезненна «Она наступает через несколько минут. Нервная и дыхательная система сразу парализуется». Это объяснение побудило фрау Кристиан и меня просить у фюрера одну из таких капсул. Генрих Гиммлер, министр внутренних дел и

глава гестапо, как раз только что принес несколько дюжин. «Вот капсула для вас, фрау Юнге, — сказал мне Гитлер. — К сожалению, я ничего лучшего не могу предложить вам в качестве прощального подарка».

21 апреля 1945 года на совещании в рейхсканцелярии Гитлер окончательно объявил о своем бесповоротном решении остаться в осажденном Берлине. Вот как описывает это совещание Э. Кемпка: «На совещании, обсуждавшем положение на фронтах, ближайшие сотрудники Гитлера во главе с Кейтелем, Йодлем и Борманом снова настаивали на том, чтобы Гитлер использовал подготовленные самолеты и отправился вместе со своим штабом в Оберзальцберг. Там он будет в безопасности, и оттуда можно будет руководить военными действиями в этой последней битве лучше, чем из Берлина, окруженного русскими».

Адольф Гитлер отклонил эти предложения. Он заявил, что независимо от развития событий он не покинет столицу Рейха. Он твердо стоял на своем все время с тех пор, как находился в Берлине. По его приказу все имевшиеся в нашем распоряжении самолеты должны были быть подготовлены к эвакуации из Берлина женщин и детей. Он предложил всем своим сотрудникам право покинуть Берлин, если они этого пожелают».

На самом деле Оберзальцберг через несколько дней все равно перестал бы быть «безопасным местом». Советские войска уже взяли Вену, а американцы вторглись в Баварию. Гитлер это хорошо сознавал и предпочел погибнуть в Берлине, что казалось куда более символическим актом, чем смерть в каком-нибудь безвестном австрийском или баварском городке или деревне.

Самолеты улетели из Берлина на юг, несмотря на сильный огонь советской зенитной артиллерии. В них покинули город прислуга, секретарши, стенографы и сотрудники личного штаба Гитлера. Как свидетельствует Кемпка, «профессор доктор Морель... также улетел из окруженной столицы. Впечатлительный доктор не смог вынести обстановки осажденного города и дрожал от страха, Гитлер лично распорядился об отправке его из Берлина».

Распрощавшись с доктором Морелем, Гитлер заявил, что никакого другого врача он больше не возьмет, так как не доверяет ни одному человеку (преемником Мореля был назначен хирург доктор Штумпфеггер, но Гитлер так и не воспользовался его услугами. — Б. С.). У него появилось подозрение, что какой-нибудь врач может впрыснуть ему морфий в такой дозе, которая позволит в бессознательном состоянии вывезти его против его воли из Берлина. Так как пилоты Ганс Бауэр и Георг Бетц остались в главной ставке, то Гитлер понимал, что оба самолета стоят на аэродроме в Гатове в полной готовности для того, чтобы вывезти его».

Гитлер уже не сомневался, что конец близок и что ему придется совершить самоубийство, чтобы не попасть в плен к русским. Почему же он до самых последних часов приказывал войскам с севера, юга и запада прорываться к Берлину, чтобы разорвать кольцо окружения? Неужели верил, что остатки германских армий, каждая из которых по силе редко превосходила корпус, смогут справиться с целым советским фронтом? Нет, конечно. Гитлер был достаточно опытным в военном деле человеком, чтобы понять: подобных чудес на свете не бывает. Но фюреру хотелось погибнуть во главе сопротивляющихся, а не капитулирующих войск, причем в тот момент, когда противник вплотную подступит к его последнему убежищу и можно будет сказать, что он, Гитлер, сражался до последней возможности. Для ободрения защитников Берлина и отдавались последние приказы войскам за пределами кольца, по которым предпринимались ставшие уже бессмысленными атаки, и множилось число жертв с обеих сторон.

По утверждению Шпеера, «генерал СС Бергер рассказал мне, что Гитлер уже 22 апреля намеревался покончить с собой. Об этом же мне сообщила Ева Браун».

Однако потом он передумал и заменил Хейнрици командующим воздушно-десантными войсками Штудентом; Гитлер считал его одним из самых энергичных военачальников. Он полагал, что в столь отчаянной ситуации может положиться на Штудента...». Версия, будто Гитлер собирался покончить с собой еще 22 апреля, выглядит правдоподобной. Не случайно именно в этот день он распорядился уничтожить свои личные бумаги. Но вот утверждение Шпеера, будто он передумал потому, что с помощью энергичного Штудента решил попытаться еще раз переломить судьбу, никакого доверия не вызывает. Хейнрици был заменен на своем посту только 28 апреля, причем сначала генералом Куртом Типпельскирхом, и, только когда тот отказался принять командование, возникла кандидатура Курта Штудента. Более реальными причинами, заставившими Гитлера 22 апреля повременить с самоубийством несколько дней, стала телеграмма Геринга о его намерении принять на себя всю полноту власти и начать переговоры с западными союзниками. Фюрер обвинил рейхсмаршала в измене. Теперь самоубийство выглядело бы как капитуляция перед требованиями Геринга. Гитлеру требовалось время, чтобы арестовать Геринга, подыскать себе нового преемника и соответствующим образом изменить политическое завещание. Кроме того, фюрер принял решение перед смертью узаконить свои отношения с Евой Браун, а на это тоже требовалось время.

23 апреля Кейтель еще раз попытался уговорить Гитлера покинуть Берлин. Он вспоминал: «После доклада об обстановке я попросил фюрера о беседе в присутствии Йодля. Должно же быть принято наконец какое-то решение: или предложение о капитуляции, прежде чем Берлин станет полем боя за каждый дом, или же вылет ночью в Берхтесгаден, чтобы оттуда немедленно начать переговоры!.. Я остался наедине с фюрером, так как Йодля вызвали к телефону. Как это часто бывало, Гитлер не дал мне произнести и двух слов. Он сказал примерно следующее: «Заранее знаю, что вы хотите сказать: сейчас должно быть принято окончательное решение! Это решение я уже принял: из Берлина я не уйду; я буду защищать город до последнего. Или я прикажу вести эту битву за столицу Рейха — пусть только Венк снимет с моей глотки американцев и прогонит их за Эльбу! — или же вместе с моими солдатами погибну в Берлине, паду в бою за символ Рейха».

Я возразил: «Это безумие! В такой ситуации я должен потребовать вашего вылета сегодня же ночью в Берхтесгаден, чтобы обеспечить руководство Рейхом и вермахтом; в Берлине, если связь будет оборвана, что может произойти с минуты на минуту, сделать это невозможно».

Фюрер заявил: «Ничто не мешает вам немедленно вылететь в Берхтесгаден. Я даже приказываю вам сделать это! Но сам я останусь в Берлине! Час назад я по радио сообщил об этом немецкому народу и столице Рейха. Отступить от этого я не могу».

И еще Гитлер убеждал Кейтеля: «Именно мое присутствие в Берлине побудит войска сражаться до последнего и удержит население от паники. К сожалению, это необходимая предпосылка удачи уже начатых операций по деблокаде Берлина и успешных боев за город. Только одно доверие ко мне дает вообще какой-то шанс на еще возможный успех, а потому эту борьбу за Берлин я доведу до конца лично! Восточную Пруссию удерживали только до тех пор, пока моя ставка все еще находилась в Растенбурге, а когда я больше не смог поддерживать боевой дух войск своим личным присутствием, фронт там был прорван. Так получится и с Берлином, а потому я своего решения не изменю и своего обещания армии и населению не нарушу!»

К тому времени Гитлер уже несколько не сомневался, что никакой удачи для вермахта больше не будет и что Берлин падет в течение одной-двух недель. По свидетельству начальника Генштаба люфтваффе генерала Карла Колера, находившегося в рейхсканцелярии, фюрер еще 22 апреля приказал сжечь все

свои личные бумаги и явно готовился к смерти. Так что слова об «успешных» боях и «шансах на все еще возможный успех» предназначались лишь для ободрения генералитета, чтобы не допустить преждевременной капитуляции. Гитлер хотел умереть во главе еще сражающегося Берлина и вермахта.

В последние дни фюреру пришлось пережить измену ближайших соратников по партии. Вспоминает Э. Кемпка: «Из Оберзальцберга была получена телеграмма Геринга. Ее содержание вызвало у нас огромное возмущение. Вот ее текст:

«После того как Вы, мой фюрер, назначили меня своим преемником на случай, если смерть или иные обстоятельства не позволят Вам вести дальше дела правительства, я считаю, что для меня настало время вступить в должность Вашего преемника. Если я не получу никакого ответа до 24 часов 26 апреля 1945 г., я буду считать, что Вы согласны с моими предложениями. *Геринг*».

Среди узкого круга людей, познакомившихся с телеграммой, она произвела эффект разорвавшейся бомбы... Рейхсмаршал предъявил шефу почти диктаторские требования. Мы, рядовые люди, восприняли этот шаг Геринга как открытую государственную измену.

События развивались все быстрее. Вскоре после получения этой телеграммы личный адъютант Гитлера группенфюрер СС Шауб улетел в Мюнхен на одном из двух еще оставшихся у нас самолетов. Я узнал, что шеф приказал ему уничтожить все его личные бумаги в Мюнхене и в Оберзальцберге. В Берлине это уже было сделано.

Подавленное настроение в бункере все более усугублялось. Войну считали проигранной. Никто не сомневался, что Германии уже нет спасения...

После отлета Шауба состоялся разговор шефа с Борманом. Объявив, что он действует по поручению Гитлера, Борман дал радиограмму Герингу:

«Ваше намерение взять на себя руководство государством является государственной изменой. Совершивший ее карается смертью. Учитывая Ваши заслуги за время долголетней деятельности в партии и государстве, фюрер намерен воздержаться от смертной казни. Но он требует Вашей немедленной отставки с мотивировкой, гласящей, что Вы вследствие болезни не в состоянии больше исполнять порученную Вам работу. *Борман*».

Одновременно Борман отправил оберштурмбаннфюреру СС доктору Франку, командиру подразделения войск СС в Оберзальцберге, радиограмму следующего содержания:

«Геринг намеревается совершить государственную измену. Приказываю Вам немедленно арестовать Геринга, чтобы пресечь всякую возможность этого. Об исполнении доложить мне. *Борман*».

Вскоре Борман отправил в Оберзальцберг еще одну телеграмму:

«Если Берлин падет, участники измены 22 апреля (день получения злополучной телеграммы Геринга. — Б. С.) должны быть расстреляны. *Борман*».

29 апреля в своем политическом завещании Гитлер исключил Геринга из партии, который к тому времени был уже арестован Франком. Однако расстреливать Геринга после падения Берлина никто не собирался. 5 мая эсэсовцы передали его охрану отряду люфтваффе, и Геринг был немедленно освобожден, а 8 мая он сдался в плен американцам. Геринг покончил с собой в камере Нюрнбергской тюрьмы за несколько часов до приведения в исполнение смертного приговора.

Такая выходка объяснялась иллюзорными надеждами «толстого Германа», что ему удастся договориться о мире с западными союзниками и избежать безоговорочной капитуляции. Рейхсмаршал был жизнелюбом, привык ни в чем себе не отказывать. Он не мог смириться с мыслью о неизбежной смерти, тем более насильственной и скорой. Гитлер же свикся с мыслью о самоубийстве и

теперь готов был удалить из своего окружения, да и из жизни, любого, кто не проявил твердости в такой момент, когда обреченность Рейха не вызывала сомнения.

Это подтвердила печальная судьба Германа Фегелейна, группенфюрера СС, представителя Гиммлера при ставке и мужа сестры Евы Браун — Гретль, т. е. фактически — гитлеровского свояка. 26 апреля 1945 года он покинул рейхсканцелярию и пытался бежать из Берлина. В тот же день пришло сообщение, что Гиммлер через шведского графа Фольке Бернадотта пытался вступить в переговоры с англичанами и американцами. Вот что вспоминает об этом Кемпка: «Радисты лихорадочно работали у своих приемников, и мы напряженно ожидали объявленного сообщения:

«Агентство Рейтер сообщает, ссылаясь на Германское информационное бюро, что Гиммлер связался с графом Бернадоттом, чтобы вести переговоры с западными державами о сепаратном мире. Гиммлер сообщил, что он взял на себя инициативу переговоров, ввиду того что Гитлер окружен и у него произошло кровоизлияние в мозг. Он полностью лишен способности соображать, и ему осталось жить не более 48 часов».

Мы были потрясены. Это сообщение подействовало еще более ошеломляюще, чем телеграмма рейхсмаршала Геринга...

Секретарши и посол Гевель просили шефа дать им яду. Стало известно, что Гитлер некоторое время назад получил от Гиммлера ампулы с ядом.

Где был Фегелейн?..

Если кто-либо мог быть осведомлен о задуманной Гиммлером измене, так это именно Фегелейн!

Между тем в рейхсканцелярию возвратился адъютант Фегелейна. Он был тут же допрошен начальником службы государственной безопасности при фюрере крими-наль-директором Хеглем. Адъютант сообщил, что Фегелейн решил отослать автомашины обратно и продолжать путь пешком. Они вместе пришли в берлинскую квартиру Фегелейна. Там генерал переоделся в штатское платье и предложил адъютанту сделать то же самое.

Адъютант был изумлен странным поведением своего генерала и счел своим долгом вернуться в рейхсканцелярию. Фегелейн собирался дожидаться, пока пройдут русские, чтобы затем пробраться к Гиммлеру. Это была открытая измена. Борман приказал всем учреждениям, с которыми еще поддерживалась связь, задержать Фегелейна, где бы его ни обнаружили, и немедленно доставить в бункер фюрера...

В полночь телефонный узел связал Фегелейна, говорившего из Берлина, с Евой Браун. Он возбужденным голосом потребовал от сестры своей жены, чтобы она вместе с Гитлером покинула Берлин. Он считал бегство возможным и брался за его организацию. Ева Браун отклонила это предложение и заявила, что отказывается от его помощи. Она предупредила о последствиях его поступка и просила вернуться к своим обязанностям. Фегелейн отказался. Он заявил, что не вернется и не откажется от своего решения пробраться к Гиммлеру...

Вскоре после полуночи в угольном бункере, переполненном беженцами, был замечен подозрительный человек в штатском, который, появившись, видимо, из задних подземных помещений, направлялся к выходу... Когда часовой попытался его арестовать, он заявил, что является генералом Фегелейном, и приказал пропустить его. Но часовому было известно о розысках генерала Фегелейна. Он не дал себя запугать, арестовал его и доставил к коменданту обороны правительственного квартала бри-гадефюреру СС Монке.

В домашних туфлях, в кожаном пальто, в спортивной фуражке и с шарфом, Фегелейн, когда мы увидели его у Монке, произвел странное впечатление. Он

признался, что приходил за портфелем, который лежал в его комнате позади угольного бункера.

Монке немедленно передал Фегелейна криминаль-директору Хеглю для допроса. В портфеле были найдены бумаги, подтвердившие факт государственной измены Гимmlера и Фегелейна, на основании которых агентство Рейтер и передало свое сообщение. На допросе Фегелейн признался, что, захватив портфель, он намеревался вновь покинуть рейхсканцелярию.

Тотчас же был произведен обыск в комнате Фегелейна. В ней был найден дорожный чемодан, на дне которого находились два ролика с английскими золотыми монетами, каждый свыше полметра длиной, а также пакеты банкнот в фунтах стерлингов и долларах. Даже беглая оценка показала, что припрятаны миллионные ценности в валюте неприятеля (этот чемодан с ценностями господ Гимmlера и Фегелейна почти наверняка попал в руки неприятеля во время разграбления рейхсканцелярии)».

Гитлер распорядился арестовать Гимmlера, а Фегелейна — расстрелять, что было исполнено в саду рейхсканцелярии 28 апреля, за день до бракосочетания Адольфа Гитлера и Евы Браун. По свидетельству Кемпки, наскоро созданный трибунал вынес приговор Фегелейну, который встретил смерть не моргнув глазом. Когда приговор поступил на утверждение Гитлеру, то, по словам Кемпки, «фюрер колебался. Речь шла о человеке, который показал себя с лучшей стороны — был на фронте и, кроме того, был женат на сестре женщины, которую Гитлер любил. Он рассматривал возможность замены казни отправкой на фронт, чтобы Фегелейн мог реабилитировать себя. Но Ева Браун напомнила ему о своем ночном разговоре с Фегелейном. Она обратила внимание на то, что Гимmlер и Фегелейн, возможно, замышляли передать его живым в руки врага. Она не хотела щадить себя и свою семью, поскольку закон есть закон». Гитлер подписал приговор, и Фегелейна расстреляли эсесовцы в саду рейхсканцелярии.

Гимmlера же пришлось арестовывать англичанам. Рейхсфюрер СС «косил» под простого ефрейтора-эсэсовца, но после ареста британским патрулем (в его составе были бывшие советские военнопленные, принятые на службу в британскую армию) предпочел раскусить ампулу с цианистым калием.

25 апреля 1945 года в Берлине приземлился последний самолет. Прилетевшие на нем фельдмаршал люфтваффе риттер Роберт фон Грейм и летчица Ханна Рейч предложили Гитлеру бежать в «Альпийскую крепость». Но фюрер предпочел умереть в столице Рейха. Он лишь назначил Грейма главкомом люфтваффе вместо Геринга.

Почему Гитлер предпочел остаться в Берлине? Он мог покинуть столицу Рейха до ее окружения или с последним самолетом фельдмаршала люфтваффе, улетевшим из полностью блокированного Берлина 29 апреля, за день до самоубийства фюрера. Гитлер так объяснил это в своем политическом завещании: «После шестилетней борьбы, которая, несмотря на все неудачи, войдет в историю как самое славное и отважное выражение жизненной силы немецкого народа, я не могу оторвать себя от того города, который является столицей Рейха. Поскольку силы наши слишком слабы, чтобы и дальше выдерживать натиск врага именно здесь, а собственное сопротивление постепенно обесценивается столь же ослепленными, сколь и бесхарактерными субъектами, я хотел бы, оставшись в этом городе, разделить судьбу с теми миллионами, кого уже постигла смерть. Кроме того, я не хочу попасть в руки врагов, которым, на потеху ими науськанным массам, нужен новый, поставленный евреями спектакль.

А потому я решил остаться в Берлине и здесь по собственной воле избрать смерть в тот момент, когда увижу, что резиденция фюрера и рейхсканцлера удержана больше быть не может. Я умираю с радостным сердцем, зная о неизмеримых деяниях и свершениях наших солдат на фронте, наших женщин

в тылу, наших крестьян и рабочих, а также о беспримерном участии во всем этом молодежи, носящей мое имя.

То, что всем им я выражаю идущую от всего сердца благодарность, столь же само собой разумеется, как и мое желание, чтобы они ни в коем случае не прекращали борьбы, а всюду продолжали вести ее против врагов отчизны, оставаясь верными заветам великого Клаузевица. Из этих жертв наших солдат и из моей собственной связи с ними до самой моей смерти в германской истории так или иначе, но взойдет однажды посев сияющего возрождения национал-социалистического движения, а тем самым и осуществления подлинно народного сообщества».

И еще Гитлер продиктовал в завещании: «На пороге смерти я изгоняю из партии бывшего рейхсмаршала Германа Геринга и лишаю его всех прав, которые предоставлялись ему декретом от 20 июня 1941 года... Вместо него я назначаю гросс-адмирала Деница президентом Рейха и верховным главнокомандующим вооруженными силами.

Перед смертью я исключаю бывшего рейхсфюрера СС и министра внутренних дел Генриха Гиммлера из партии и лишаю его всех государственных постов... Геринг и Гиммлер своими тайными переговорами с врагом, проводимыми без моего ведома и против моей воли, а также противозаконными попытками захвата власти в государстве причинили неисчислимый ущерб стране и всему народу, не говоря уже о том, что они предали лично меня».

Сегодня, в начале XXI века, фюрер, возможно, радуется на небесах тому, что растет и крепнет неонацистское движение в Германии, особенно на землях бывшей ГДР, и даже в России в немалом количестве появились его поклонники, в стране, когда-то беспощадно боровшейся с национал-социализмом.

Еще 23 апреля 1945 года Гитлер заявил: «Было бы... в тысячу раз трусливее покончить с собой в Оберзальцберге, чем погибнуть здесь». Днем ранее он заявил: «Мне следовало бы принять это самое важное в моей жизни решение еще в ноябре 1944 года (когда войска союзников с запада и востока вышли к границам Германии. — Б. С.) и не покидать ставки в Восточной Пруссии (оказавшейся под угрозой со стороны Красной Армии. — Б. С.)».

Что ж, решение было бы очень символичным: волк умирает в своем логове. Ставка в Восточной Пруссии называлась «Вольфшанце» («Волчье логово»), а псевдоним Гитлера во времена нацистского подполья был Вольф (Волк). И как раз в ноябре 1944 года союзники вышли к границам Германии, и никаких сомнений в скором крахе немецкого сопротивления уже не было. Покончи Гитлер с собой в этот момент, историки будущего могли бы утверждать, что при жизни Гитлера нога неприятельского солдата еще не ступила на территорию Рейха. Но с другой стороны, тогда бы потомки из числа приверженцев национал-социалистической идеологии могли бы упрекнуть фюрера, что он слишком рано покинул своих соратников, не исчерпав всех возможностей борьбы.

Согласно показаниям коменданта Берлина Вейдлинга, данным в советском плену, 28 апреля Гитлер отверг план прорыва из окружения и более прозаически объяснял свое желание остаться в Берлине: «Фюрер долго размышлял. Он расценивал общую обстановку как безнадежную. Это было ясно из его длинных рассуждений, содержание которых вкратце можно свести к следующему: если прорыв даже и будет успешным, то мы просто попадем из одного «котла» в другой. Он, фюрер, тогда должен будет ютиться под открытым небом или в крестьянском доме и ожидать конца. Лучше уж он останется в имперской канцелярии».

Командующему обороной правительственного квартала Монке Гитлер приказал заготовить бензин, объяснив: «Я должен заблаговременно уйти из

жизни, чтобы успели сжечь мой труп...» (до того как советские солдаты войдут в рейхсканцелярию).

Зарисовку этой сцены в рейхсканцелярии оставил Г. Больдт: «Вечером комендант Берлина получил разрешение явиться к Гитлеру с докладом... Ведлинг сказал примерно следующее: «Армия Венка, как по людскому составу, так и по технике, слишком слаба даже для того, чтобы удержать отбитый ею участок южнее Потсдама, а тем более для того, чтобы пробиться в центр Берлина. Сейчас гарнизон Берлина еще в состоянии прорваться на юго-запад, на соединение с армией Венка. Фюрер, головой ручаюсь вам, что вы целым и невредимым выберетесь из Берлина. И столица не будет обречена на полное уничтожение».

Но Гитлер отказался.

На другой день, когда Аксман предложил то же самое и жизнью каждого члена Гитлерюгенда ручался за то, что у фюрера будет надежное сопровождение, Гитлер опять отказался.

После разговоров о том, что от Венка больше нечего ждать помощи и что Гитлер не хочет прорваться из Берлина, в бомбоубежище воцарилась атмосфера конца света. Каждый старался заглушить отчаяние алкоголем. Были извлечены на свет самые лучшие вина, ликеры и деликатесы. Раненым, лежавшим в подвалах, на станциях метро, нечем было утолить ни голод, ни жажду, хотя некоторые находились в нескольких метрах от нас, на подземных станциях Потсдамской площади. Зато здесь вино лилось рекой...»

После этой последней попойки произошел примечательный разговор между шеф-адъютантом Гитлера и по совместительству начальником управления личного состава ОКХ генералом Вильгельмом Бургдорфом и Мартином Борманом (оба покончили с собой 1 мая, правда, тело Бургдорфа так и не нашли). Генерал под воздействием винных паров обличал рейхслейтера: «Надо же хоть раз все высказать. Может быть, через два дня уже будет поздно. Наши молодые офицеры шли на фронт, исполненные такой веры и такого идеализма, каких не знает история мира. Сотни тысяч их умирали с гордой улыбкой на устах (49 лет спустя эти слова повторил, возможно не зная о первоисточнике, российский министр обороны генерал Павел Грачев применительно к российским солдатам, гибнущим в Чечне. — Б. С.). Но ради чего? Ради любимого отечества, нашего величия, нашего будущего? За достоинство и честь Германии? Нет! За вас умирали они, за ваше благополучие, за вашу жажду власти. Веря в великое дело, молодежь 80-миллионного народа истекала кровью на фронтах Европы, миллионы невинных людей гибли, а вы, партийные руководители, вы наживались на народном добре. Вы весело жили, копили огромные богатства, хапали имения, воздвигали дворцы, утопали в изобилии, обманывая и угнетая народ. Наши идеалы, нравственность, нашу веру и душу вы втоптали в грязь. Человек был для вас только орудием вашего ненасытного честолюбия. Нашу многовековую культуру и германский народ вы уничтожили. И в этом ваша чудовищная вина!»

Борман, который был ничуть не трезвее Бургдорфа, вяло оправдывался: «Зачем же ты переходишь на личности, мой дорогой? Если другие и обогатились, то я здесь ни при чем. Клянусь тебе всем, что для меня свято... За твое здоровье, дорогой!» Но в данном случае рейхслейтер поскромничал. За время правления Гитлера он приобрел два имения, в Мекленбурге и Верхней Баварии, и роскошную виллу на берегу озера Химзее.

Гитлер предпочел безвестной гибели в какой-нибудь глухой альпийской деревушке смерть «на миру» — в рейхсканцелярии, в центре Берлина, в сердце Третьего Рейха. Это была гибель-символ, впечатанная в историю, а не тихое самоубийство где-то в горах, о котором мир, возможно, так никогда бы и не узнал.

По этой же причине Гитлер никак не мог бежать из Германии — ни в Швейцарию, ни в Испанию, ни в Южную Америку. Это означало бы годы и десятилетия жизни под чужим именем и неизвестную смерть. Познавший вкус власти и политического успеха Гитлер мог существовать только как историческая личность. Возвращение к существованию простого немецкого, швейцарского или латиноамериканского обывателя было для него хуже смерти.

И в предсмертном политическом завещании, когда все уже было кончено, Гитлер основным сделал жертвенный мотив: «Я хотел бы, оставшись в этом городе (Берлине. — Б. С.), разделить судьбу с теми миллионами других людей, которых уже настигла смерть... Из этих жертв наших солдат и из моей собственной связи с ними до самой моей смерти в германской истории так или иначе, но взойдет однажды посев сияющего возрождения национал-социалистического движения, а тем самым и осуществления подлинно народного сообщества... Командующих армией, военно-морским флотом и люфтваффе я прошу самыми крайними мерами укрепить у солдат дух сопротивления в национал-социалистическом смысле этого слова, указав на то, что я, как основатель и создатель этого движения, предпочел смерть трусливому бегству, а тем более — капитуляции. Пусть это станет однажды частью понятия чести германского офицера, как то уже имеет место в нашем военно-морском флоте: сдача какой-либо территории или города — невозможна, а командиры должны быть впереди и служить ярким примером самого верного исполнения своего долга вплоть до собственной гибели». Свое самоубийство Гитлер рассматривал как подвиг, призванный вдохновить вермахт и германский народ на борьбу до последнего человека. Своих Матросовых и Клочковых нацистская пропаганда просто не успела придумать, хотя уже находилась на пути к созданию подобных героических мифов.

Еще фюрер писал в политическом завещании: «С того дня, когда я отправился добровольцем на Первую мировую войну, я посвятил все мои мысли, все мои деяния и всю мою жизнь любви к моему народу...» И перед смертью повторил свой любимый тезис насчет того, что во всем виноваты евреи. Поскольку Вторую мировую войну, по утверждению Гитлера, «хотели и развязали международные государственные деятели еврейского происхождения или действовавшие в еврейских интересах... Пройдут века, но из руин наших городов, из наших исторических памятников возродится заново ненависть к этому народу, который наконец сам за нее отвечает: к международному еврейству и к их приспешникам».

Гитлер приказал обеспечить достаточное количество бензина, чтобы сжечь трупы — его и Евы. Своему адъютанту Гюнше Гитлер объяснил: «Я не хочу, чтобы после моей смерти русские выставили меня в своем паноптикуме». Кемпке с большим трудом удалось достать для погребального костра несколько сот литров бензина из баков разбитых автомобилей. Сожжение продолжалось от 14.30 до 19 часов. Обуглившиеся трупы были похоронены в воронке у стены квартиры Кемпки. Сбылось пророчество, которое Гитлер изрек своему шоферу еще в 1933 году, когда тот вез его в рейхсканцелярию: «Живым я отсюда не выйду!»

Перед смертью фюрер объявил обитателям рейхсканцелярии: «В этом городе у меня было право отдавать приказы. Теперь я должен повиноваться приказу судьбы. Даже если бы у меня была возможность спастись, я бы не сделал этого. Капитан тонет вместе со своим кораблем».

Когда Гитлер прощался с обитателями бункера, Ева обняла Т. Юнге и сказала: «Прошу вас, попытайтесь выбраться отсюда. Передайте привет от меня Мюнхену и моей любимой Баварии!» И улыбнулась, подавляя рыдания...

Не исключено, что для Гитлера непосредственным толчком к тому, чтобы избрать именно 30 апреля в качестве дня самоубийства, послужило известие о

капитуляции германских войск в Италии, последовавшей 29 апреля. Фюрер понял, что процесс сдачи вермахта противнику начался и если он промедлит с последним выстрелом, то ему придется либо попасть в плен, либо кончать с собой в положении полководца без армии, поскольку она уже склонилась перед неприятелем. Кроме того, Гитлер узнал, что 28 апреля Муссолини был расстрелян итальянскими партизанами вместе со своей любовницей Кларой Петаччи и их тела были повешены вверх ногами на центральной площади Милана. Это укрепило решимость Гитлера ни при каких обстоятельствах не даваться в руки своих врагов живым и позаботиться о том, чтобы победители не смогли опознать его тело и надругаться над ним. Он вообще хотел, чтобы от него остался только пепел, но в полуразрушенной рейхсканцелярии не нашлось достаточно бензина, чтобы как следует выполнить его последнюю волю.

Проиграв войну, Гитлер не хотел позора: выступать на суде, оправдываться или брать ответственность за свои преступления он не собирался. Страшными делами он пытался убедить мир в непреходящем величии германской расы и потерпел поражение, а теперь доказывать кому-либо свою правоту на словах было бессмысленно. Он боялся не смерти — унижения.

Перед самоубийством в последние минуты жизни Гитлер разрешил оставшимся в рейхсканцелярии прорыв из Берлина. Он сказал своему камердинеру Линге, когда тот попросил разрешения проститься с ним: «Я отдаю приказ пойти на прорыв». Удивленный Линге спросил: «Мой фюрер, а для кого нам теперь прорываться?» Гитлер объяснил: «Для грядущего человечества!» Ему очень хотелось, чтобы кто-то из очевидцев вырвался из кольца и поведал миру об обстоятельствах его смерти. Тогда это удалось сделать только двоим — Кемпке и Аксману, которые охотно рассказали западным союзникам, как и когда застрелился Гитлер, а затем отразили это в собственных мемуарах. Другим повезло меньше: они оказались в советском плену и до возвращения на родину в 1955 году могли делиться известными им подробностями только с советскими следователями. Сталин старался показать, что труп Гитлера так и не был обнаружен, и побудить мировую общественность искать будто бы сбежавшего из Берлина фюрера. Но показания Кемпки и Аксмана быстро разрушили эту легенду.

Составленный 8—11 мая 1945 года советскими патологоанатомами акт обследования останков Гитлера содержит ряд очевидных ошибок, которые, скорее всего, вызваны политическими причинами — стремлением всячески унижить Гитлера даже после его смерти. Эти ошибки следующие: рост Гитлера в акте определен 165 см, тогда как в действительности фюрер имел рост 175 см; в акте утверждалось, будто у Гитлера отсутствовало левое яичко, тогда как все прижизненные медицинские осмотры констатировали, что у Гитлера нормальные половые органы, без каких-либо отклонений; во рту трупа были обнаружены осколки стеклянной ампулы, что позволяло говорить, будто Гитлер отравился; но, как резонно указывали западные критики, в условиях, когда труп обуглился, осколки стекла не могли уцелеть и неизбежно расплавились бы. Что еще важнее, анализ проб внутренних органов и крови, взятый у трупов Гитлера и Евы Браун, не выявил там каких-либо следов цианистых соединений. Между тем такие соединения были выявлены при анализе проб трупов Геббельса, его жены, детей, генерала Кребса и овчарки Блонди. Линге так описал обстановку в кабинете Гитлера сразу после самоубийства: «Я сразу почувствовал запах пороха, как это бывает после выстрела... Вместе с Борманом мы вошли в комнату... На диване слева сидел Гитлер. Он был мертв. Рядом с ним — мертвая Ева Браун. На правом виске Гитлера зияла огнестрельная рана величиной с монету, на щеке — следы скатившейся двумя струйками крови. На ковре около дивана была лужица крови величиной с тарелку. На стене и на диване виднелись брызги крови. Правая рука Гитлера

лежала на его коленке ладонью вверх. Левая — висела вдоль тела. У правой ноги Гитлера лежал револьвер системы «Вальтер» калибра 7,65 мм, а у левой ноги — револьвер той же системы, калибра 6,35 мм. Гитлер был одет в свой серый военный китель, на котором были золотой партийный значок, Железный крест 1-й степени и значок за ранение в Первую мировую войну, который он носил все последние дни. На нем были белая рубашка с черным галстуком, черные брюки навыпуск, черные носки и черные кожаные полуботинки. Ева Браун сидела на диване, подобрав ноги. Ее светлые туфли на высоких каблуках стояли на полу. Губы ее были крепко сжаты. Она отравилась цианистым калием...

С помощью Бормана... я уложил еще не остывшее тело Гитлера на пол и завернул его в одеяло... Тело Гитлера я и эсэсовцы из личной охраны Линдлофф и Рейсер... понесли через приемную к запасному выходу в парк. Стоявшие в приемной Геббельс, Бургдорф, Кребс, Аксман, Науман, Гюнше и Раттенхубер подняли для приветствия руки. Затем из кабинета Гитлера вышел Борман и вслед за ним Кемпка с телом Евы Браун на руках. Геббельс, Аксман, Науман, Раттенхубер, Кребс и Бургдорф направились за телом Гитлера к запасному выходу».

Что происходило дальше, описал адъютант Гитлера Гюнше: «Я подбежал к Кемпке, взял у него тело Евы Браун, которое не было завернуто в одеяло, и понес его к выходу. От Евы Браун исходил характерный острый запах цианистого калия... Завернутое тело Гитлера лежало на земле в двух метрах от запасного выхода. Рядом с ним, с правой стороны, я положил тело Евы Браун. В этот момент Борман нагнулся над телом Гитлера, отвернул одеяло с его лица, посмотрел на него несколько секунд и вновь прикрыл одеялом. В парк рейхсканцелярии и на бомбоубежище с воем и свистом падали снаряды. Густые облака дыма неслись над растерзанными деревьями парка. Рейхсканцелярия и прилегающие здания были объаты сплошным пожаром. Борман, я, Линге, Линдлофф, Кемпка, Шедле и Рейсер взяли приготовленные бидоны с бензином и вылили на трупы Гитлера и Евы Браун все 200 литров. Зажечь бензин долго не удавалось. От сильного ветра, вызванного бушующим пожаром, гасли спички. Я схватил лежащую у двери ручную гранату, чтобы с ее помощью поджечь бензин. Но я не успел вытащить запал, как Линге поджег бензин, бросив на трупы сожженную бумагу. Трупы Гитлера и Евы Браун были моментально охвачены пламенем. Дверь бомбоубежища плотно прикрыли, так как языки пламени пробивались через оставшуюся щель. Борман, Геббельс, Аксман, Науман, Кребс, Бургдорф, Гюнше, Линге, Шедле, Кемпка, Рейсер и Линдлофф стояли еще несколько секунд на верхней площадке лестницы, и затем все молча спустились в бомбоубежище. Я пошел в кабинет Гитлера. Там все оставалось по-прежнему. На полу, около лужи крови, все еще лежали оба револьвера Гитлера. Я поднял и разрядил их. При этом я увидел, что выстрел был произведен из револьвера калибра 7,65 мм. Второй револьвер, калибра 6,35 мм, тоже был заряжен и снят с предохранителя. Я спрятал оба револьвера в карман и передал их потом адъютанту Аксмана лейтенанту Хаману. Я также передал ему собачью плетку Гитлера. Хаман хотел сохранить револьверы и плетку Гитлера в качестве реликвий для Гитлерюгенда».

Замечу, что Кемпка в своих воспоминаниях ничего не говорит, что от Евы Браун исходил характерный запах цианистого калия (запах горького миндаля), хотя именно он нес ее тело. Не исключено, что запах цианистого калия в кабинете Гитлера остался от тех ампул, которыми травил его любимую овчарку Блонди и других собак. По свидетельству Кемпки, после измены Гимmlера фюрер засомневался, не подсунул ли тот вместо ампул с цианистым калием пустышки, и распорядился опробовать яд на собаках. Цианистый калий подействовал безотказно, отправив на тот свет любимую овчарку Гитлера, чтобы она не попала русским в качестве трофея. Как отмечал Кемпка, «ему тяжело

было передавать для этой цели доктору Газе свою любимую собаку Блонди. Эта овчарка сопровождала его во многих поездках и в минуты одиночества была его самым верным другом». И что характерно, согласно советскому акту судебно-медицинской экспертизы трупа, который идентифицировали как труп Евы Браун, были зафиксированы огнестрельные ранения (одно или несколько) в районе груди. Поэтому нельзя исключить, что на самом деле Ева не отравилась, а все-таки застрелилась из пистолета калибра 6,35 мм, который валялся как раз рядом с ее правой рукой. Точно так же нельзя исключить, что тело, опознанное как тело жены Гитлера, в действительности принадлежало другой женщине. Добавлю, что гильза (или гильзы) от пули, которой было совершено самоубийство, так и не была найдена. И что любопытно, за 17 дней до самоубийства Ева интересовалась у генерала Герхарда Энгеля, как можно надежнее всего застрелиться. То, что пистолет калибра 6,35 мм в момент смерти был в руках Евы Браун, однозначно подтверждает в своих мемуарах Кемпка со ссылкой на Гюнше: «Ева Гитлер сидела, прислонившись к спинке дивана, рядом с мужем. Она отравилась. Однако и у нее в руке был наготове револьвер. Правая рука ее повисла, револьвер лежал на полу рядом».

Строго говоря, акт экспертизы останков Гитлера составлен с рядом очевидных ошибок, что не дает однозначного утверждения, что это — труп фюрера. В частности, описание его зубных мостов не полностью совпадает с рентгеновским снимком его зубов и с описанием, имеющимся в его медицинской карте. Однако сам по себе зубной протез Гитлера был достаточно сложен, чтобы допустить наличие идентичной конструкции у трупа, который был найден в саду рейхсканцелярии, но якобы не принадлежал Гитлеру. Ведь вся разница между гитлеровским протезом и протезом, который описан в акте советской экспертизы, заключается в следующем. У фюрера мост верхней челюсти состоял из 9 золотых и фарфоровых зубов, был закреплен стальными штифтами на втором правом и втором левом резцах. Из акта же советской экспертизы и фотоснимков челюсти предполагаемого трупа Гитлера следует, что в верхней челюсти трупа искусственные зубы были закреплены на первом правом и втором левом резцах. Однако у найденных останков и в медицинских документах Гитлера количество и расположение искусственных зубов совпадали, так что скорее можно предположить, что эти различия проистекают либо из ошибок в акте советской экспертизы, либо из рисунка, который по памяти сделал зубной техник фюрера. Поэтому, скорее всего, в саду рейхсканцелярии действительно был найден труп Гитлера.

Не исключено, что при проведении экспертизы трупа Гитлера эксперты сознательно стремились в политических целях любой ценой обосновать версию об отравлении и поэтому подтасовывали факты. Сталин не хотел, чтобы Гитлер вошел в историю как погибший достойной солдатской смертью. Его гораздо больше устраивал образ трусливого преступника, у которого не хватает ни сил, ни решимости застрелиться и который предпочитает с помощью яда уйти от ответственности. Поэтому во рту трупа, как утверждали советские эксперты, якобы были найдены осколки стеклянной ампулы, хотя они никак не могли уцелеть в том костре, на котором сжигали трупы, особенно если учесть, что заботились прежде всего об уничтожении лиц, чтобы затруднить опознание. В частности, отсутствие левого яичка могло быть внесено в акт экспертизы с целью подкрепить слухи о сексуальной неполноценности фюрера. Подобным обстоятельством можно объяснить и то, что фрагменты черепа Гитлера, на которых явно было видно выходное отверстие от пули, не были извлечены из ямы при первой эксгумации. Их обнаружила лишь год спустя новая комиссия, разбиравшаяся с останками фюрера. Но даже эта находка так и не позволила дать окончательный ответ на вопрос, как именно застрелился Гитлер:

в висок или в рот. Но тот факт, что он именно застрелился, а не отравился, сегодня уже не вызывает сомнения.

И еще. Сталин пытался скрыть факт смерти Гитлера от своих союзников и мировой общественности, хотя об этом однозначно свидетельствовали как показания многих пленных, так и обнаруженные останки фюрера. Вероятно, Иосиф Виссарионович рассчитывал нажить политический капитал, время от времени провоцируя слухи о якобы воскресшем Гитлере, и каким-то образом использовать их в переговорах с Западом. Но он не учел, что ряд свидетелей самоубийства Гитлера оказался в английском и американском плену, и уже к открытию Нюрнбергского процесса осенью 1945 года ни в Лондоне, ни в Вашингтоне, ни в Париже не осталось ни малейших сомнений, что Гитлер мертв и, следовательно, земному суду недоступен. А в приговоре небесного суда можно было не сомневаться.

Эпилог

Гитлер ушел в небытие, но страшная память о нем осталась навеки. Но отнюдь не все, особенно в Германии, поминали его недобрым словом. Национал-социализм заразил миллионы людей, но даже те, кто не полностью разделял расовую теорию, «окончательное решение еврейского вопроса» и прочие догматы нацистского режима, считали, что раз Гитлер был вождем германского народа, то втоптывать его в грязь — это втоптывать в грязь народ. И так думали люди весьма умные. Например, гросс-адмирал Карл Дениц, из всех фигурантов Нюрнбергского процесса имевший наивысший коэффициент интеллекта IQ. Его товарищ по тюрьме Шпандау Альберт Шпеер, искренне раскаявшийся (или демонстрировавший раскаяние, чтобы избежать виселицы), записал в дневнике 10 декабря 1947 года: «И сегодня, после всего, что произошло, некогда такое знакомое лицо Гитлера кажется мне искаженным. И в этом вся разница с мнением Деница. Он тоже делает оговорки, видит ошибки, но для него Гитлер по-прежнему остается представителем государства, легальным и законным главой Рейха. Безоговорочное проклятие по адресу Гитлера представляется Деницу предательством отечества. И в этом плане, мне кажется, на его стороне большая часть генералитета и, может быть, вообще немцев. Но его понятие об авторитете кажется мне бессодержательным. Дениц не спрашивает, что стоит за авторитетом, что этот авторитет приказывает и что защищает. Такие люди никогда не поймут, что же, собственно говоря, произошло. Рейх погибает, государство терпит одно крушение за другим, а они соблюдают верность абстрактной идее и никогда не спрашивают о причинах... Все, что нас связывало раньше и теперь, было магнетизмом со стороны человека, которому мы поддались оба, не будучи сами политиками».

Сегодня, несомненно, большинство немцев уже не видят в Гитлере выдающегося деятеля, повинного в ошибках, но не в преступлениях против человечности. Гитлер был человеком твердых убеждений, за реализацию которых боролся до самой смерти. Комплекс идей, сложившихся у него вскоре после окончания Первой мировой войны, он пронес практически в неизменном виде до своего конца в берлинском бункере. Но можно ли выразить восхищение тем, что фюрер никогда не отступал от принципов? Было бы меньше жертв, если бы Гитлер оказался беспринципным авантюристом?..

Библиография

- Безыменский Л. А. Операция «Миф», или Сколько раз хоронили Гитлера. М.: Международные отношения, 1995.
- Большт Г. Последние дни Гитлера. Минск: Пейто, 1993.
- Война Германии, против Советского Союза 1941 — 1945. Документальная экспозиция города Берлина к 50-летию со дня нападения Германии на Советский Союз / Под ред. Рейнгарда Рюрупа. Берлин: Argon-Verlag GmbH, 1992.
- Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 1-3. М.: Воениздат, 1968—1971.
- Геббельс Й. Последние записи. Смоленск: Русич, 1993.
- Герцштейн Р. Э. Война, которую выиграл Гитлер. Смоленск: Русич, 1996.
- Гитлер А. Моя борьба. М.: Т-Око, 1992.
- Грюнберг К. Адольф Гитлер: Биография фюрера. СС — черная гвардия Гитлера. М.: Республика, 1995.
- Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 1,2. М.: Наука, 1973.
- Занесений К. А. Вожди и военачальники Третьего Рейха. М.: Вече, 2000.
- Зенгер Ф. фон. Ни страха, ни надежды. М.: Центрполиграф, 2003.
- Кейтель В. Размышления перед казнью. М.: Терра, 1998.
- Кемпка Э. Я сжег Адольфа Гитлера. М.: Раритет, 1991.
- Любовь диктаторов: Муссолини. Гитлер. Франко. М.: АСТ-Пресс, 2001.
- Мазер В. Адольф Гитлер: Легенда. Миф. Действительность. Минск: Попурри, 2002.
- Мержанов М. И. Так это было: Последние дни фашистского Берлина. М.: Политиздат, 1971.
- Откровения и признания: Нацистская верхушка о войне «Третьего Рейха» против СССР: Секретные речи. Дневники. Воспоминания. М.: Терра, 1996.
- Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск: Русич, 1993.
- Расплата. Третий Рейх: падение в пропасть. М.: Республика, 1994.
- Раушнинг Г. Говорит Гитлер: Зверь из бездны. М.: Миф, 1993.
- Риббентрон И. фон. Между Лондоном и Москвой: Воспоминания и последние мысли. М.: Мысль, 1996.
- Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941—1944). Сборник документов и материалов. Иерусалим: Яд ВаШем, 1992.
- Фест И. Адольф Гитлер. Т. 1—3. Пермь: Алетейа, 1993.
- Ширер У. Взлет и падение Третьего Рейха. Т. 1—2. М.: Воениздат, 1991.
- Шпеер А. Воспоминания. М.: Прогресс; Смоленск: Русич, 1997.
- Энциклопедия Третьего Рейха. М.: Локид; Миф, 1996.
- Якобсен Г.-А. 1939—1945: Вторая мировая война: Хроника и документы // Вторая мировая война: Два взгляда. М.: Мысль, 1995.
- Hitler's Secret Conversations. N. Y., 1953.

Оглавление

Пролог	35
Детство волка.....	38
Венские годы	45
Гитлер в первой мировой войне	54
На заре политической карьеры.....	66
«Пивной путч»	75
Новое евангелие — «Моя борьба»	79
Путь к власти. 1925—1933	94
Гитлер — рейхсканцлер.....	97
«Ночь длинных ножей».....	100
Гитлер и женщины	110
Болезни Гитлера.....	122
Гитлер готовится к войне.....	136
Гитлер — провокатор Второй мировой войны.....	153
Гитлер-полководец.....	157
Заговор 20 июля.....	192
Расовая политика Гитлера	200
Гитлер и еврейский вопрос.....	209
Верил ли Гитлер в бога?	216
Конец Гитлера.....	221
Эпилог	235
Библиография.....	236